НАПОЛЕОН

В ВОСПОМИНАНИЯХ

Годы величия

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Первое издание на русском языке воспоминаний секретаря Наполеона Клода-Франсуа де Меневаля (Cloude-Francois de Meneval (1778–1850)) и камердинера Констана Вери (Constant Wairy (1778–1845)). Контаминацию текстов подготовил американский историк П. П. Джоунз, член Наполеоновского общества.

- Наполеон. Годы величия 1800–1814
  - Предисловие секретаря Наполеона
  - Биография Клода-Франсуа Меневаля
  - Предисловие камердинера Наполеона
  - События, предшествовавшие годам верховной власти Наполеона
  - I. Консулат
    - Констан
    - Меневаль
  - II. Подготовка к Империи
    - Меневаль
    - Констан
    - Меневаль
    - Констан
    - Меневаль
    - Констан
    - Меневаль
    - Констан
    - Меневаль
    - Констан
    - Меневаль
  - III. Империя. Начало
    - Констан
    - Меневаль
    - Констан
    - Меневаль
    - Констан
    - Меневаль
    - Констан
    - Меневаль
    - Констан
    - Меневаль
    - Констан
    - Меневаль
    - Констан
    - Меневаль

- IV. Интерлюдия
  - Констан
  - Меневаль
  - Констан
- V. Поля сражений (1805–1807)
  - Меневаль
  - Констан
  - Меневаль
  - Констан
  - Меневаль
  - Констан
  - Меневаль
  - Констан
  - Меневаль
  - Констан
  - Меневаль
  - Констан
  - Меневаль
  - Констан
  - Меневаль
  - Констан
- VI. Гражданские вопросы
  - Меневаль
  - Констан
  - Меневаль
- VII. Испанские проблемы (1807–1809)
  - Меневаль
  - Констан
  - Меневаль
  - Констан
- VIII. Угроза возобновляется
  - Меневаль
  - Констан
  - Меневаль
  - Констан
  - Меневаль
  - Констан
  - Меневаль
  - Кометам
  - Меневаль
  - Констан
  - Меневаль
  - Констан
- IX. Развод, вторая императрица и король Рима

- Констан
- Меневаль
- Констан
- Меневаль
- Констан
- Меневаль
- Констан
- Меневаль
- Констан
- Меневаль
- Констан
- Меневаль
- Констан
- Меневаль
- Констан
- Меневаль
- Констан
- Меневаль
- Констан
- Меневаль
- Констан
- Меневаль
- Констан
- Меневаль
- Констан
- Меневаль
- X. Затишье перед бурей
  - Меневаль
  - Констан
  - Меневаль
  - Констан
  - Меневаль
  - Констан
  - Меневаль
  - Констан
  - Меневаль
- XI. Кольцо начинает сжиматься
  - Меневаль
- XII. Русская кампания
  - Констан
  - Меневаль
  - Констан
  - Меневаль
  - Констан
  - Меневаль
  - Констан

- Меневаль
- Констан
- Меневаль
- Констан
- Меневаль
- Констан
- Меневаль
- Констан
- Меневаль
- Констан
- Меневаль
- Констан
- Меневаль
- Констан
- Меневаль
- Констан
- Меневаль
- Констан
- Меневаль
- Кометам

○ XIII. «Лук натянут до предела»
- Меневаль
- Констан
- Меневаль
- Констан
- Меневаль

○ XIV. Последняя остановка в Дрездене и Лейпциге
- Меневаль
- Констан
- Меневаль
- Констан
- Меневаль
- Констан
- Меневаль
- Констан
- Меневаль
- Констан
- Меневаль
- Констан

○ XV. Военная кампания во Франции
- Меневаль
- Констан
- Меневаль
- Констан

        - Меневаль
        - Констан
        - Меневаль
    - XVI. Измена и отречение от престола
        - Констан
        - Меневаль
        - Констан
- notes
    - 1

Наполеон. Годы величия 1800–1814 В воспоминаниях секретаря Меневаля и камердинера Констана

In memoriam Proctor Patterson Jones.

Мне хотелось быть справедливым и объективным.

Я не претендую на то, чтобы раскрывать только секреты: в правлении Наполеона было гораздо тайн, чем принято считать.

Однако о некоторых вещах, которых я рассказываю, известно или вообще ничего не известно…

Клод-Франсуа де Меневаль, личный секретарь Наполеона.

Насколько это возможно, я старался быть в курсе всего, что написано о моем бывшем хозяине, его семье и его дворе.

Когда в этих книгах, многие из которых, по правде говоря, являют собой жалкий набор сумбурных фраз, я находил искаженные, ошибочные или клеветнические утверждения, мне доставляло истинное удовольствие восстанавливать истину.

Констан Вери, личный камердинер Наполеона.

Предисловие секретаря Наполеона

В последние дни жизни на острове Святой Елены Наполеон в своем завещании выразил пожелание, чтобы некоторые лица, в список которых он соблаговолил включить и мое имя, принимали участие в жизни и воспитании его сына. Они также должны были довести до его сведения информацию, которая могла бы представить для него особый интерес. Преждевременная кончина прямого наследника этого великого человека не помешала мне выполнить завещанную миссию в части, касающейся лично меня.

Прежде чем я приступил к выполнению поставленной передо мною задачи, меня довольно долго одолевали сомнения, поскольку вполне обоснованное отсутствие уверенности в собственных возможностях заставляло опасаться, что мне не под силу взяться за порученное дело; но возрастной фактор заставил меня поторопиться и восстановить в памяти все то, что было связано непосредственно с личностью императора.

И каким бы неискусным ни оказалось мое перо, я все же попытаюсь набросать портрет — пусть далекий от совершенства, но правдивый по существу — этого великого человека.

Я попытаюсь показать Наполеона таким, каким он был на самом деле и, поскольку по мере узнавания он будет подвергаться все большему осуждению, я не стану придавать особого значения упрекам в слепом обожании этого великого человека, которые будут адресованы мне неисправимо предубежденными личностями.

Мне хотелось быть справедливым и объективным.

Я не претендую на то, чтобы раскрывать только секреты: в правлении Наполеона было гораздо меньше тайн, чем принято считать. Однако о некоторых вещах, о которых я рассказываю, известно мало или вообще ничего не известно. Существует ряд вопросов, обсуждение которых зашло в тупик. Я старался на них дать ответ. Среди событий, о которых я поведал, есть такие, которые представляют исключительный интерес, поскольку их последствия привели к необычным решениям. Некоторые события приобретают ценность хотя бы потому, что непосредственно связаны с личностью Наполеона. Основная цель, которую я ставил перед собой, воскрешая в памяти воспоминания, — в том, что они, повторяю, возможно, окажутся полезными будущему историку Наполеона.

Клод-Франсуа де Меневаль
Жиф-сюр-Иветт, 1843

Биография Клода-Франсуа Меневаля

Клод-Франсуа де Меневаль родился в 1778 году, в год смерти Вольтера. Его отец, умерший рано, работал таможенным агентом, отвечая за тоннажный сбор за вина и спиртные напитки. Юный Меневаль учился в школе Мазарини. Позднее он познакомился с Луи Бонапартом, будущим королем Нидерландов, который был одного возраста с Меневалем. Луи порекомендовал его своему брату Жозефу, и тот сделал Меневаля своим секретарем и доверенным лицом. Меневаль получил прекрасное литературное образование под руководством таких хорошо известных профессоров, как ученик Вольтера философ Палиссо и филолог Домерг. В сотрудничестве с Жозефом Бонапартом он написал несколько литературных произведений, одно из которых, а именно «Мойна, она же пейзанка из Мон-Сени», было поставлено в театре.

Поскольку Меневаль бегло говорил на английском языке, что было довольно нетипично для француза того времени, он принимал активное участие в переговорах о заключении договора с Соединенными Штатами в Мортефонтене по поводу морских торговых связей между Францией и Соединенными Штатами, в переговорах о мирном соглашении с Австрией, проводимых в Люневиле, и в мирных переговорах с Англией в Амьене. После увольнения Наполеоном Бурьенна в 1802 году на Меневаля возложили обязанности личного секретаря первого консула. Он оставался в правительственном кабинете Наполеона вплоть до 1813 года, а потом стал секретарем императрицы Марии Луизы.

В правительственном кабинете Наполеона Меневаль управлял делами императорского казначейства, а также под руководством императора готовил отчеты и вел деловую переписку. В его ведении находились секретные архивы, и ему поручалась работа по уточнению и хранению государственных географических карт. Не обладая официально должностью, он практически был во главе кабинета министров монарха.

Служебные обязанности Меневаля требовали от него постоянного присутствия при Наполеоне не только в мирное время, когда Наполеон был занят управлением государства, но и во время военных кампаний, когда император присутствовал на полях сражений.

Так как Наполеон диктовал очень быстро, то Меневаль разработал свой собственный метод скорописи, тем самым став одним из изобретателей современной стенографии.

Он был постоянным участником переговоров конференций в

Тильзите и Эрфурте и сопровождал императора во время русской кампании. После отступления из Москвы Меневаль, будучи больным, обратился к императору с просьбой освободить его от обязанностей. Именно тогда он стал секретарем императрицы Марии Луизы. В этой должности он последовал за ней в Вену в 1814 году, затем в период «Ста дней» он вновь был прикомандирован к императору. Наполеон предложил ему титул графа и герцога, а также ранг министра, но Меневаль все эти предложения отклонил. Он хотел последовать за императором на остров Святой Елены, но в последнюю минуту по распоряжению временного правительства были закрыты парижские заставы, и Меневаля не пустили в Мальмезон.

Он настойчиво требовал от официальных лиц английского правительства разрешения присоединиться к Наполеону в ссылке, но его усилия не увенчались успехом. Он больше не увидел Наполеона.

После крушения империи Меневаль и его семья обосновались в Жиф-сюр-Иветт в долине Шеврез, и именно там он написал свои мемуары. Он состоял в переписке с братьями Наполеона, особенно с Жозефом, который эмигрировал в Соединенные Штаты.

В годы отставки его ждала трудная работа. Он согласился стать одним из репетиторов беспокойного по характеру графа Леона — внебрачного сына Наполеона, рожденного в 1806 году Элеонорой Денюэль де ла Плень.

В 1808 году Меневаль женился на шестнадцатилетней Виргинии Жозефине Конт де Монверно, двоюродной сестре философа Огюста Конта. У них родились три сына и три дочери. Один из сыновей стал полковником-ординарцем Наполеона III и позднее был назначен префектом императорского дворца. Второй сын получил пост чрезвычайного посланника и полномочного министра Франции в Баварии, после смерти жены он был посвящен в сан епископа. Третий сын Меневаля скончался, не оставив после себя потомства.

Из трех дочерей Меневаля одна вышла замуж за графа Мюрата, племянника Неаполитанского короля Иоахима Мюрата. Две другие дочери вышли замуж за офицеров императорской армии.

Меневаль скончался в 1850 году и оставил о себе память как добросовестный, добрый и скромный человек. Он был неутомимым тружеником и искусным советником. Свои мемуары он заканчивает такими словами: «Судьба благоволила мне, хотя я ничего не просил».

Барон Клод-Наполеон де Меневаль
Версаль

Предисловие камердинера Наполеона

Прикомандированный к персоне императора Наполеона в качестве его камердинера, я по долгу службы занял положение, которое позволило мне стать свидетелем тех событий, центром которых был император. Это было также такое положение, когда в поле моего зрения оказывались все окружавшие его люди. Я видел даже больше: ибо перед моими глазами прошли все обстоятельства жизни императора, самые незначительные ее события и самые важные. Я был причастен к сокровенным секретам и к тому, что стало достоянием истории.

На протяжении пятнадцати лет я следовал за ним повсюду — и в дальних странствованиях и в военных кампаниях. Всегда был при его дворе и видел его, когда он уединялся со своей семьей. Какой бы шаг он ни делал, какой бы приказ ни отдавал, император всегда делился со мной, хотя бы невольно, своим доверием.

Какие замечательные веши случались в течение тех пятнадцати лет! Те, кто находился при императоре, жили словно в эпицентре урагана; и столь скорой была смена событий, что тот или иной приближенный к двору императора чувствовал себя просто ошеломленным. И если ему хотелось передохнуть и на мгновение ослабить внимание, то туг же, подобно новому шквалу, наступали новые события, которые увлекали беднягу за собой, не давая ему возможности опомниться и собраться с мыслями.

Насколько это возможно, я старался быть в курсе, что написано о моем бывшем хозяине, его семье и его дворе; и когда, устроившись подле камина, я слушал все эти рассказы, которые мне читали жена и сестра, долгие вечера пролетали как мгновение! Когда в этих книгах, многие из которых, по правде говоря, являют собой лишь жалкий набор сумбурных фраз, я находил искаженные, ошибочные или клеветнические утверждения, мне доставляло истинное удовольствие восстанавливать истину.

Все, что я знаю о делах личного характера, и все, что я могу раскрыть, являлось секретом или было неизвестно.

Начиная со дня отъезда первого консула на поле битвы в Маренго, куда я направился вместе с ним, и до отъезда императора из Фонтенбло, когда меня заставили расстаться с ним, я не был вместе с императором только дважды, один раз в

течение трех дней и другой — в течение семи или восьми дней. За исключением этих кратких отлучек все остальное время я был неотступной тенью императора.

Я родился 2 декабря 1778 года в Перуэльце, в городке, ставшем французским в результате его аннексии от Бельгии в годы республики. Вскоре после моего рождения в водолечебнице Сент-Амана мой отец возглавил небольшой пансионат «Маленький замок», в котором останавливались посетители местного курорта минеральных вод. Процветание пансионата превзошло надежды моего отца, поскольку услугами пансионата пользовалось большое число высокопоставленных больных. Когда я достиг одиннадцати лет, случилось так, что граф де Люр, старейшина одной из самых богатых и знатных семей в Валансьене, стал одним из жильцов «Маленького замка»; и так как этот замечательный человек проникся ко мне большой симпатией, то он попросил разрешения у моего отца отпустить меня с ним, чтобы стать компаньоном его сына, который был примерно моего возраста. Граф привез меня в одно из своих поместий вблизи Тура, где меня с необычайной сердечностью и теплотой приняли графиня и ее дети.

К сожалению, мне не удалось достаточно долго пользоваться добротой графа и теми уроками, которые мне преподали в его доме, ибо едва прошел год моей жизни в замке графа, как мы узнали об аресте короля в Варение.

Однажды утром я проснулся от страшного шума и тут же был окружен большой группой абсолютно незнакомых мне людей. Они задавали бесчисленное количество вопросов, на которые я не мог ответить. Затем я узнал, что граф и его семья эмигрировали. Я был доставлен в городскую мэрию, где мне вновь учинили допрос с теми же вопросами и с теми же результатами, ибо мне ничего не было известно о намерениях моих бывших покровителей.

Это кажется неправдоподобным, но в создавшейся ситуации на меня смотрели, как на «подозрительную личность», и от меня требовали, чтобы каждый день я представал перед очами городских властей во имя большей безопасности республики. В конце концов власти города Тура пришли к выводу, что ребенок двенадцати лет не в состоянии свергнуть республику, и они выдали мне паспорт с предписанием покинуть город в течение двадцати четырех часов.

Наконец я добрался до окрестностей Сент-Амана, который, как я выяснил, был в руках австрийцев. Пройти в город я не мог, так как он был окружен французами. В отчаянии я присел на край канавы и принялся громко реветь, пока меня не заметил Мишо,

командир эскадрона. Мишо с большим интересом стал расспрашивать меня и заставил рассказать о всех моих печальных злоключениях. Он не стал скрывать, что не может отправить меня обратно в город к моей семье: он только что получил отпуск, который собирался провести вместе со своей семьей в Шиноне, и предложил присоединиться к нему.

У меня нет слов, чтобы рассказать о доброте и внимании, оказанных мне в его доме в течение трех или четырех месяцев, которые я провел с его семьей. В конце этого срока он забрал меня в Париж, где меня вскоре устроили в доме богатого купца господина Гобера.

По прошествии нескольких лет я познакомился с неким человеком по имени Карра, который находился на службе у госпожи Бонапарт.

Карра рассказал мне, что сын госпожи Бонапарт Евгений де Богарне подыскивает молодого человека, который смог бы заменить его слугу. Карра рекомендовал меня на это место. Я был представлен Евгению Богарне, который выразил удовлетворение по поводу моей кандидатуры.

Констан Вери, более известный просто как Констан Бретей-сюр-Итон

События, предшествовавшие годам верховной власти Наполеона

За штурмом Бастилии 14 июля 1789 года и падением этой цитадели в самом сердце Парижа, символизировавшей многовековую феодальную систему, сначала последовал отказ короля Людовика XVI от своего священного права быть владыкой Франции, а затем принятие им конституции (14 сентября 1790 г.) — Не все граждане нации, как впредь стали называться бывшие подданные его величества, согласились с реформами, принятыми депутатами. Многие представители дворянского сословия, расставшись со своими привилегиями, потеряв состояния и опасаясь за собственную жизнь, эмигрировали и уже за границей сформировали армию, чтобы с ее помощью восстановить ушедшие в прошлое порядки.

В июне 1791 года король, королева и их дети, надеясь соединиться с эмигрантами, бежали из Парижа, но были перехвачены и насильно отправлены обратно в Тюильри, свою резиденцию в Париже. Эта бесплодная попытка бегства явилась ключевым моментом революции. Немецкий император, брат французской королевы, и король Пруссии заявили о своем намерении вмешаться и фактически направили свои войска через французскую границу. Людовик XVI, будучи не в состоянии противостоять давлению внутри страны, был вынужден объявить войну тем, кто хотел ему помочь (20 апреля 1792 г.).

Несколько месяцев спустя король Франции и его семья были брошены в тюрьму, а всю страну охватила волна насилий. Французские вооруженные силы, поддерживаемые бесчисленными добровольцами, полными энтузиазма, одержали убедительную победу в сражении близ Вальми (20 сентября 1792 г.), вызвав отступление пруссаков. Преследуя их, французская армия вторглась на территорию Бельгии, Люксембурга и Нидерландов, распространяя вне границ Франции пламенные лозунги, призывающие к свободе и равенству.

Король Людовик XVI был приговорен к смертной казни и 21 января 1793 года обезглавлен. Вскоре после этого Франция объявила войну Англии и Нидерландам и аннексировала Бельгию. На западе страны восстание роялистов переросло в гражданскую войну, которой суждено было продолжаться несколько лет и вызвать смерть тысяч людей. Вся нация оказалась в тисках террора. Много невинных людей было брошено под нож гильотины даже безо всякой видимости суда. Среди них была и

королева Мария Антуанетта.

Франция одна противостояла всей Европе — Испания и Италия примкнули к рядам ее врагов. Англичане захватили важнейший порт на Средиземном море — Тулон. Однако успешный маневр французов заставил англичан сдать Тулон (13 декабря 1793 г.). Заслуга в этом подвиге принадлежала капитану Наполеоне Буонапарте, молодому артиллерийскому офицеру, который за это получил повышение, став майором.

Как ясно указывает его имя, он был корсиканского происхождения, родившись на этом острове в 1769 году. Вскоре после рождения Наполеона остров стал частью королевства Франции. Отец Наполеона, адвокат по профессии, отпрыск благородного дворянского рода, вывез Наполеона на материк вместе с его старшим на год братом Жозефом, желая дать детям хорошее французское образование. Жозефу предстояло пойти по стопам своего отца; Наполеоне был определен в военную школу. Со скудным знанием французского языка, почти полностью оторванный от своей семьи, этот смышленый и энергичный девятилетний мальчик часто чувствовал себя несчастным и одиноким. Но он умел справляться с трудностями, а его исключительные способности к математике способствовали тому, что он закончил школу в возрасте шестнадцати лет, став одним из самых молодых офицеров.

Тем временем Корсика была разделена между теми, кто хотел добиться независимости для острова, и теми, кто, подобно Буонапарте, признавал власть Франции. Вспыхнувшая Французская революция вызвала на Корсике новый взрыв страстей.

Наполеон, честолюбивый молодой человек, следуя примеру своего брата Жозефа, взял отпуск, отправился на Корсику и там проявил себя пылким сторонником идеи независимости острова. Но это увлечение продолжалось недолго, и, вернувшись во Францию, он 5 февраля 1792 года восстановился в рядах французской армии в чине капитана. Однако дальнейшее развитие событий в стране заставило его в июне 1793 года вернуться на Корсику и забрать оттуда свою семью. Хотя осада Тулона принесла Наполеоне известность, его семья, для которой он был главным кормильцем, продолжала бедствовать.

Тем временем террор не переставал взимать свою страшную дань в Париже и во всей Франции. Политическая власть принадлежала группе жестоких и напористых деятелей во главе с не менее жестоким и неуравновешенным Максимилианом де Робеспьером. Когда в июле 1974 года он был свергнут и обезглавлен, Франция словно очнулась от кошмарного сна.

Смятение в обществе, последовавшее за смертью тирана, породило Первую Республику (27 сентября 1795 г.) — странный политический феномен с пятью главами государства, именовавшимися директорами, с верхней и нижней палатами, а также с неким подобием кабинета министров.

Война, начавшаяся в 1792 году, все еще продолжалась, хотя некоторые страны вышли из антифранцузской коалиции. Был подписан мирный договор с Испанией, но Англия продолжала сражаться, и сопротивление роялистов на западе Франции давало о себе знать подобно кровоточащей язве. Роялисты попытались совершить в Париже переворот. Баррас — один из пяти директоров, руководивший вооруженными силами страны, поставил во главу войск малоизвестного генерала, который обивал пороги домов вершителей власти в Париже, чтобы получить назначение. Генерал Буонапарте совершил то, что от него и ждали, а именно — самым энергичным образом поставил заслон попытке роялистов захватить власть.

Благодаря этому Буонапарте завоевал доверие Барраса, который ввел его в узкий круг своих ближайших друзей, среди которых была Роза Богарне, миловидная вдова, родившаяся на острове Мартиника, чей муж завершил свою жизнь на гильотине. Неотесанного корсиканского генерала буквально ошеломили очарование этой леди, ее изысканные манеры и очевидное богатство. Однако она была любовницей Барраса. К счастью для них двоих, к этому моменту она стала уже надоедать директору. В то время как Баррас искал другие приключения на стороне, Наполеоне не преминул воспользоваться представившейся возможностью.

Когда он и Роза приняли решение стать супругами, Наполеоне заявил своей будущей жене: «Мне не нравится твое имя, отныне я буду называть тебя Жозефиной».

Баррас сделал им великолепный свадебный подарок. Он назначил Буонапарте командующим армией в Италии.

Генерал Буонапарте покинул Париж через три дня после свадьбы, прибыв в свой штаб в Ницце 26 марта 17 % года.

Город был завоеван в 1792 году у герцога Савойи, он же принц Пьемонта и король Сардинии, бывшего одним из самых ревностных членов антифранцузской коалиции. Его дочери были замужем за двумя братьями Людовика XVI, а сын женат на сестре французского короля. Его войскам, противостоящим французским захватчикам, помогали несколько австрийских дивизий.

Итальянская армия Буонапарте насчитывала немногим более тридцати тысяч плохо экипированных солдат, которые к тому же уже давно не получали жалованье. Но они были молоды и

жаждали активных действий. Буонапарте, хорошо знавший местный регион, поскольку ранее служил там, принял решение атаковать немедля. Он занял немного денег, вручил каждому из подчиненных ему генералов по четыре луидора, а солдатам распорядился выдать аванс. После этого он повел свою плохо экипированную армию далее на восток.

Генералы Массена, Ожеро, Серюрье и Лагарп возглавляли четыре дивизии. Генерал Стенгель командовал кавалерией, а генерал Бертье был компетентным начальником штаба армии. Им противостояли двадцать тысяч сардинцев, пользовавшихся поддержкой сорока тысяч австрийцев. Сардинцы защищали гористую местность к северу от побережья, австрийские войска растянулись вдоль самого морского побережья.

Буонапарте временами проявлял безрассудную храбрость, а временами действовал осторожно, подобно хитроумному лису. После воодушевляющего провозглашения о начале кампании он приступил к ее реализации, направив свою армию в восточном направлении вдоль побережья. Австрийцы, опасаясь за судьбу Генуи, всю мощь своей военной группировки бросили на защиту этого города. Но французы неожиданно изменили направление движения: они повернули на север, тем самым застав врасплох сардинцев, которые оказались отрезанными от своих союзников. Менее чем через неделю армия сардинцев была разгромлена, и перед взором французов, сумевших пересечь Апеннины, открылась панорама великой долины реки По. Король Сардинии 23 апреля 1796 года обратился с просьбой о перемирии, которое было подписано через четыре дня в Кераско, после чего графство Ницца и герцогство Савойя были отданы во владение Франции.

Австрийские войска надеялись обрести убежище за рекой По, но французы, следуя за ними по пятам, смогли переправиться через широкую реку в самом неожиданном месте и нанести австрийцам сокрушительное поражение у городка Лоди, открыв себе дорогу на Милан, где Буонапарте был встречен как освободитель.

Ломбардия, отвергнув австрийское правление, провозгласила независимость и стала Цизальпийской республикой. Колоссальные трофеи дали возможность французской армии улучшить свое снаряжение, а солдаты получили новые мундиры вместо прежних лохмотьев. Выгодные мирные договоры, подписанные с второстепенными членами коалиции, такими, как герцоги Пармы и Модены, а также с Ватиканом, позволили Буонапарте выслать в Париж миллионы деньгами и множеством драгоценных произведений искусства.

Буонапарте попросил жену, чтобы она присоединилась к нему

в Италии. Когда она прибыла туда в июле, с ней стали обращаться как с принцессой. За генералом и Жозефиной во дворце Сербеллони в Милане ухаживали тридцать слуг, а персонал, насчитывавший сотню человек, трудился в кухнях дворца. Так, Наполеон стал познавать роскошь, красивые дворцы, картины великих мастеров, начал слушать оперы с участием самых лучших певцов того времени. Будучи способным учеником, на лету все схватывая, Наполеон вошел во вкус нового образа жизни, которым он теперь наслаждался, особенно в присутствии Жозефины.

Между тем потерпевшие поражение австрийцы сумели создать новую армию и направить шестьдесят тысяч человек в Италию под командованием опытного маршала Вурмзера. Буонапарте, подготовившийся к этому удару, дважды нанес Вурмзеру поражение под Кастильоне и Бассано, собрав огромные трофеи. Вурмзер укрылся в Мантуе, где был блокирован французскими войсками.

Австрийская армия во главе с маршалом Альвинци вышла на помощь Мантуи, заставив французов отойти от города. Но решительная победа французов при Риволи 14 января 1797 года привела к полной капитуляции засевших в Мантуе австрийцев. Буонапарте теперь нацелился на Вену, надеясь на помощь Гоша и Моро, командующих французскими армиями на севере.

Эрцгерцог Карл, брат австрийского императора, пытался остановить Буонапарте, но безуспешно. Через две недели французская армия, усиленная двумя свежими дивизиями, взяла в плен двадцать тысяч австрийцев и оказалась в непосредственной близости от австрийской столицы. Поскольку ни Моро, ни Гош уже ничем не могли ни помочь, ни помешать Буонапарте, он сам принял условия перемирия, результатом которых стал мирный договор, подписанный 17 октября 1797 года в небольшом селении Кампо-Формио. В соответствии с договором Австрия передала Франции весь левый берег Рейна и признала Цизальпийскую республику.

Буонапарте вернулся в Париж 5 декабря 1797 года. Он стал кумиром парижской толпы, но весьма холодно был встречен директорами. Они поручили ему провести инспекцию армии, дислоцированной на побережье страны и предназначенной для вторжения на территорию Англии. Объезд западного побережья страны убедил Буонапарте в том, что состояние морских сил Франции исключает возможность подобного вторжения.

Чья же это была идея, которая предусматривала нанесение удара по Англии не с помощью вторжения сухопутных войск на территорию острова, а за счет перекрытия жизненно важного

морского пути, проложенного по Средиземному морю и обеспечивавшего важнейшие торговые операции Англии с Дальним Востоком, со сказочной Индией и ее огромными богатствами? Со всей определенностью об этом никому не известно, но изначальные стратегические планы, вероятно, обдумывались еще во время правления короля Людовика XV. Бонапарту (как теперь его называли) и Талейрану, министру иностранных дел, эта идея понравилась, и они ее поддержали. Когда о ней доложили директорам, они с энтузиазмом одобрили ее и, тщательно засекретив проект, не пожалели затрат, чтобы обеспечить Бонапарта мощными средствами, необходимыми ему для победоносной реализации идеи.

Никто, за исключением самого ограниченного круга лиц, не знал о конечном порте назначения огромного флота. Бонапарт пригласил сотню художников, ученых и лингвистов — некоторые из них были весьма знаменитыми, — чтобы они сопровождали его. Только когда они были уже далеко в море, выйдя из Тулона 19 мая 1798 года, им сообщили о месте назначения: Александрия, громадная гавань в устье Нила. На своем пути флот ненадолго остановился у острова Мальта, чтобы обеспечить его безопасность. Но на самом деле французский флот в первую очередь был озабочен тем, чтобы избежать встречи с кораблями адмирала Нельсона.

Французы высадились, как и планировалось, под Александрией, сражались и одержали победу во время великого сражения вблизи пирамид 21 июля 1798 года, захватили Каир и оккупировали весь Египет, который в то время был провинцией Турецкой империи. Но адмирал Нельсон обнаружил французскую эскадру в Абукире, в устье Нила, напал на нее и уничтожил полностью, тем самым обрекая на провал французские мечты о колонизации Египта. Вследствие этого Бонапарт решил двинуть свою армию на восток и атаковать турок в самом сердце их империи. Он дошел до самой крепости Акр, но попытка овладеть этой крепостью завершилась неудачей. Потеряв три тысячи человек, французская армия, к тому же ослабленная вспышкой чумы, повернула обратно в Египет. Наполеон прибыл в Александрию именно в тот момент, когда рядом в Абукире высадилась турецкая армия. Наполеон напал на турок и нанес им сокрушительное поражение. Передав верховное командование армией генералу Клеберу, Наполеон на двух фрегатах вместе с ближайшими друзьями отбыл обратно во Францию, куда он благополучно прибыл 9 апреля 1799 года.

В отсутствие Бонапарта Франция переживала трудные времена. Антифранцузская коалиция, усиленная русской армией,

чуть было не достигла успеха в попытке вторгнуться на территорию страны, но генерал Массена смог противостоять натиску Суворова и Корсакова, заставив русских поспешно отступить. Страна оказалась в ужасном финансовом положении, и ее директора, полностью потерявшие доверие в глазах своего народа, понимали, что близок конец их обанкротившегося правления. Когда 16 октября 1799 года Бонапарт прибыл в Париж, все почувствовали, что прибыл спаситель Франции.

Вопрос состоял не в том, будет ли он действовать и брать власть в свои руки, а в том, когда и как он это сделает.

Шарль-Отто Зиесенисс
Вице-президент, Наполеоновский фонд, Париж

I. Консулат

Констан

18 брюмера/9 ноября 1799 года

За несколько дней до 18 брюмера Евгений Богарне распорядился, чтобы я сделал все необходимые приготовления для завтрака, на который он в этот день хотел пригласить своих друзей-военных.

Когда завтрак закончился, Евгений отправился на службу к генералу Бонапарту, чьим адъютантом он был, а его друзья отбыли в различные военные подразделения, к которым они принадлежали.

Я покинул дом немедленно вслед за ними; ибо из-за отдельных слов, произнесенных в кабинете моего молодого хозяина, у меня возникло подозрение, что должно случиться что-то очень важное и интересное. Г-н Евгений назначил свидание своим товарищам у моста Турнан; я тоже направился к этому месту, где обнаружил большое число собравшихся там офицеров в мундирах и на лошадях, готовых эскортировать генерала Бонапарта в Сен-Клу.

Генерал Бонапарт попросил командиров всех подразделений армии дать завтрак для своих офицеров, что они и сделали, подобно моему молодому хозяину.

Я был в Сен-Клу в течение двух дней, 18 и 19 брюмера (9 и 10 ноября). Я видел генерала Бонапарта, беседующего с солдатами и читающего им декрет о его назначении главнокомандующим всех войск в Париже и всей семнадцатой военной дивизии. Я видел, как он в сильном возбуждении выходил на улицу после встречи с представителями Совета старейшин, а потом после беседы с представителями Совета пятисот. Я видел Люсьена Бонапарта, брата Наполеона, выходящего из зала, в котором заседал Совет пятисот. Люсьен Бонапарт выходил в сопровождении нескольких гренадеров, специально посланных к нему, чтобы защитить его от ярости его же коллег по Совету пятисот. С побледневшим лицом, разъяренный до предела, он стремительно вскочил на коня и галопом помчался в расположение войск, чтобы выступить перед солдатами. Когда он кончиком шпаги коснулся груди своего брата, воскликнув, что он будет первым, кто убьет Бонапарта, если тот посмеет посягнуть на свободу, то со всех сторон прогремел шквал криков: «Да здравствует Бонапарт! Долой законников!» — и солдаты, ведомые генералом Мюратом, ворвались в зал заседаний Совета пятисот.

Генерал, теперь уже первый консул, расположился в Люксембургском дворце, хотя в это же время он также часто бывал в Мальмезоне. Но ему и Жозефине приходилось разрываться между двумя резиденциями, ибо их поездки в Париж были очень частыми не только из-за государственных дел, требовавших чуть ли не постоянного присутствия первого консула, но и из-за увлечения генерала Бонапарта театром и итальянской оперой.

Мальмезон. Семья Бонапарта и Жозефина

Я провел месяц очень приятной жизни в услужении у Евгения, когда Лефевр, его камердинер, которого он оставил больным в Каире, вернулся с восстановившимся здоровьем и попросился на свое прежнее место службы. Евгений предложил ему пойти в услужение к его матери, пояснив, что на новом месте у него будет более легкая работа, но Лефевр, который был чрезвычайно привязан к своему молодому хозяину, обратился к госпоже Бонапарт и откровенно поведал ей, что он очень огорчен подобным решением.

Жозефина утешила его, заверив, что предложит своему сыну, чтобы Лефевр вернулся на свое прежнее место работы, а меня возьмет к себе. Как она пообещала, так все и было сделано: в одно прекрасное утро Евгений объявил мне, причем в очень лестной для меня форме, об изменении места моей службы.

Можно не сомневаться, что я тут же поспешил, не теряя ни минуты, представиться госпоже Бонапарт. Зная, что она находится в Мальмезоне, я сразу же поехал туда. Она приняла меня с такой теплотой, что чувство благодарности буквально переполнило меня. Тогда я еще не знал, что она демонстрировала подобную любезность ко всем людям — это было в ее характере. Вообще же обворожительность и изящество были неотделимы от нее. Обязанности, возложенные на меня, были очень простыми. У меня оставалось много свободного времени, и я часто посещал Париж. Жизнь, которую я вел в то время, очень нравилась мне. Я не мог предвидеть, что скоро окажусь в состоянии полнейшего рабства.

Мальмезон в тот период, о котором я рассказываю, был приятным местом, и все, кто приезжал туда, выражали чувство искреннего удовлетворения по поводу положения дел во дворце; повсюду я слышал одни лишь слова благодарности и пожелания благополучия и счастья в адрес первого консула и госпожи

Бонапарт. В Мальмезоне не было даже тени того строгого этикета, следовать которому позднее было так необходимо в Сен-Клу, в Тюильри и во всех дворцах, в которых император держал свой двор. Консульский двор тогда еще отличался простой элегантностью, равно отдаленный от республиканской грубости и от роскошного образа жизни периода империи.

В то время г-н Талейран очень часто навещал Мальмезон. Иногда он обедал там, но обычно прибывал в Мальмезон вечером между восемью и девятью часами, а уезжал в час, два, а иногда и в три утра. Госпожа Бонапарт принимала всех на основе полного равенства, что было весьма приятно. Во дворец безо всяких церемоний приезжали Мюрат, Дюрок, Бертье и все те, кто впоследствии занял самое высокое положение, а некоторые стали даже монархами.

Семья генерала Бонапарта усердно выказывала свое внимание госпоже Бонапарт; но мы, лица обслуживающего персонала, знали, что семья генерала не любит госпожу Бонапарт, и у меня было много доказательств, что это именно так.

Мадемуазель Гортензия никогда не покидала свою мать, и они до самозабвения были преданы друг другу. Они часто совершали конные прогулки в окрестностях дворца. Однажды, когда конная кавалькада возвращалась во внутренний двор замка Мальмезон, лошадь, на которой восседала Гортензия, неожиданно чего-то испугалась и понеслась. Гортензия была искусной и очень энергичной наездницей, поэтому в создавшейся ситуации она попыталась спрыгнуть с лошади на придорожную траву; но тесьма, которая скрепляла под ее ногой низ юбки для верховой езды, помешала ей быстро освободиться от лошади. В результате лошадь сбросила ее и протащила несколько метров. К счастью, мужчины, участники кавалькады, увидели, как Гортензия свалилась, и спрыгнули со своих коней как раз вовремя, чтобы спасти ее; благодаря исключительно счастливому случаю она не получила даже царапин и первой стала смеяться по поводу случившегося.

В самом начале моей службы в Мальмезоне первый консул всегда спал вместе со своей женой, как обычный парижанин среднего класса, и в замке я не слышал сплетен по поводу каких-либо интриг. Люди, представлявшие это общество, в большинстве своем были молодыми, и они постоянно затевали спортивные игры, которые напоминали им дни, проведенные в колледже. Но все же самым любимым развлечением обитателей Мальмезона была игра в так называемый «лагерь для пленных». Обычно после обеда гости замка и семья Бонапарта разбивались на два лагеря, в которые надо было брать пленных, а потом обмениваться ими.

Эта игра, видимо, напоминала первому консулу ту великую игру, к которой он в своей жизни был так привязан. Наибольшую прыть в этой игре проявляли Евгений, Изабель и Гортензия. Что касается генерала Бонапарта, то во время бега он часто падал, но тут же с громким хохотом вставал.

Генерал Бонапарт и его семья, казалось, испытывали беспримерное счастье особенно тогда, когда находились в Мальмезоне. Поместье замка и само здание сильно отличались от того, чем они стали позднее. Все поместье включало сам замок, состояние которого Бонапарт по возвращении из Египта нашел очень плохим, парк, уже более или менее приведенный в порядок, и, наконец, ферму, доход от которой не превышал двенадцати тысяч франков в год. Жозефина лично руководила всеми работами по улучшению поместья, и, надо признаться, мало кто из женщин мог проявить при этом лучший вкус.

С самого начала пребывания в замке Мельмезон семья Бонапарта устраивала любительские театральные представления, которые служили для первого консула хорошим отдыхом и от которых он получал большое удовольствие, хотя и выступал в них только в роли зрителя. Эти представления посещали все, кто проживал в замке. И я должен признаться, что мы, слуги, получали от них удовольствие более, чем кто-либо иной, поскольку видели на сцене пародии на тех лиц, в услужении которых находились.

Труппа замка Мальмезон, если мне позволительно обозначить так группу актеров, занимавших в обществе столь высокое положение, состояла в основном из Евгения, Жерома, Лористона, де Бурьенна, Изабель, де Лерой, Дидло, мадемуазель Гортензии, госпожи Каролин Мюрат и двух мадемуазель Огюе, одна из которых впоследствии вышла замуж за маршала Нея, а другая за г-на де Брока. Все четверо были очень молодыми и очаровательными, и немногие театры в Париже могли похвастаться такими привлекательными актрисами. Они были столь же естественны на сцене, как и в светском салоне, в котором держались с исключительным изяществом и изысканностью. Поначалу репертуар труппы состоял из небольших концертных водевилей, хотя следует отметить, что сами водевили обычно тщательно отбирались. Во время представления, на котором я присутствовал, был сыгран «Севильский цирюльник», в котором Изабель изображала мадам Блан, Гортензия была хороша, как никогда, в роли пожилой женщины, Евгений играл Нуара, а Лористон — шарлатана. Первый консул, как я уже говорил, ограничился ролью зрителя, но, судя по всему, он получал огромное удовольствие от пьесы,

сыгранной в домашних условиях, часто смеялся и аплодировал от всей души, хотя иногда и не отказывался от критики в адрес исполнителей.

Госпожу Бонапарт также очень развлекали подобные домашние представления; и даже если она не всегда могла похвастаться удачной игрой своих детей, «ведущих актеров труппы», то удовлетворялась тем, что эти представления дают ее мужу возможность приятно отдохнуть; для нее это было важно, поскольку ее постоянная забота заключалась в том, чтобы составить счастье великому человеку, который соединил ее судьбу со своей собственной.

Если на определенный день назначалось представление пьесы, то оно никогда не переносилось, хотя состав актеров менялся, но не в связи с недомоганием или хандрой актрисы (как это часто бывало в театрах Парижа), а вследствие более серьезных причин. Иногда случалось так, что г-н Етьелетт получал приказ явиться в расположение своего полка, или графу Альмавиве поручалась важная миссия, хотя Фигаро и Розина всегда оставались на своих местах. Желание угодить первому консулу было настолько великим и всеобщим, что вновь назначенные исполнители буквально лезли из кожи, чтобы поддержать спектакль на должном уровне, и поэтому постановка пьесы никогда не терпела неудачу из-за отсутствия того или иного актера.

Ко всему можно добавить, что известные личности, занимавшие высокие посты в правительстве или в армии, приводили с собой в замок также и других людей, не менее известных, благодаря их персональным достоинствам или высокому положению. Это была истинно блистательная панорама, когда перед нашими глазами проходили такие люди.

Как только я оказался в услужении у госпожи Бонапарт, я познакомился с Шарве, консьержем замка Мальмезон. День ото дня знакомство с этим почтенным господином принимало более интимный характер, пока, наконец, он не согласился выдать замуж за меня одну из своих дочерей. Я с большим интересом слушал его рассказы о госпоже Бонапарт и первом консуле того времени, когда я еще не служил в замке Мальмезон.

Генерал Бонапарт по возвращении из Египта как-то заметил своей жене, что ему бы хотелось иметь загородное поместье, и он обязал своего брата заняться этим делом, которое Жозеф, однако, полностью провалил. Госпожа Бонапарт, напротив, всегда была в поисках того, что могло понравиться ее мужу, и она поручила нескольким людям провести разведку в окрестностях Парижа,

чтобы выяснить, можно ли купить там удобное поместье. Поколебавшись довольно долго в выборе между поместьем Ри и замком Мельмезон, она решила в пользу последнего, купив замок у г-на Лекульте-Дюмолей за, как я думаю, четыреста тысяч франков. Таковы были детали, о которых Шарве любезно сообщил мне, когда я стал служить у госпожи Бонапарт. Все в замке любили говорить о ней и, конечно, говорили не со злом, ибо ни одну женщину так не любили все те, кто окружал ее, и никто не заслуживал этого больше, чем она.

Вопросы безопасности

После возвращения первого консула из Египта на его жизнь было совершено несколько покушений; полиция неоднократно предупреждала его о том, чтобы он был настороже и не подвергал себя риску, прогуливаясь в одиночку в Мальмезоне. До последнего времени первый консул вел себя весьма беззаботно в этом отношении; но западни, подстерегавшие его даже в уединенной обстановке семейного круга, вынудили его принять меры предосторожности и стать более благоразумным. Теперь утверждается, что все эти заговоры были всего лишь сфабрикованы полицией, которая хотела казаться более необходимой, или что сам первый консул организовывал все это, чтобы усилить интерес к собственной персоне. Абсурдность всех попыток покушения на его жизнь якобы только подтверждает подобные догадки.

Пусть будет, что будет, но я поведаю о том, чему я был сам свидетель во время первого месяца моего пребывания в Мальмезоне. Ни один человек там, во всяком случае в моем присутствии, не выказывал сомнений в отношении реальности всех этих попыток.

Для того чтобы избавиться от первого консула, его враги считали, что все средства хороши; они просчитывали все до мелочей, не забывали даже его рассеянность. Следующее происшествие является доказательством этого.

В комнатах первого консула в Мальмезоне проводились ремонт и работа по украшению каминов. Подрядчик, ответственный за эту работу, прислал в замок резчиков по мрамору, в число которых, судя по всему, втерлось несколько жалких негодяев, нанятых конспираторами. Охрана первого консула была постоянно начеку и проявляла высочайшую наблюдательность: среди рабочих были замечены люди, которые только делали вид, что работают, но их внешность, манера

поведения, профессионализм резко отличались от других рабочих. Эти подозрения, к сожалению, остались всего лишь подозрениями, но когда апартаменты были уже готовы для приема первого консула и он вот-вот должен был занять их, кто-то, проводя окончательный осмотр помещений, нашел на письменном столе табакерку с нюхательным табаком, во всех отношениях похожую на те, которыми пользовался Бонапарт. Сначала было решено, что эта табакерка действительно принадлежит ему и что она была положена и забыта на столе его камердинером; но сомнения, вызванные подозрительным поведением некоторых резчиков по мрамору, привели к дальнейшему расследованию. Состав табака был изучен и качество его подвергнуто тщательному анализу. Выяснилось, что табак был отравлен.

Авторы этого вероломного поступка, как утверждалось, находились в контакте с другими заговорщиками, которые готовились отделаться от первого консула. Они обещали организовать нападение на охрану замка Мальмезон и силой похитить из замка первого консула. Для этого они обзавелись точно такими мундирами, которыми пользовалась консульская охрана, день и ночь стоявшая на страже замка и следовавшая за Бонапартом в конном строю во время его поездок. В этих мундирах, используя специальные сигналы, они вместе со своими сообщниками (мнимыми резчиками по мрамору), находившимися внутри замка, могли легко смешаться в толпе настоящих охранников, которые столовались в замке и были там расквартированы. Они даже могли вплотную подойти к первому консулу и похитить его. Однако весь этот первоначальный план покушения был забракован ввиду сомнительности его исполнения, и заговорщики льстили себя надеждой, что добьются успеха в своем предприятии более верным путем и с меньшим риском для себя. Зная о частых поездках первого консула в Париж и используя маскировочные мундиры, они планировали равномерно рассредоточиться вдоль дороги среди регулировщиков эскорта первого консула и затем зверски убить их. Сборным пунктом заговорщики определили карьер у Нантерра, но их заговор провалился и во второй раз. В парке в Мальмезоне был один глубокий карьер; существовали опасения, что карьер можно использовать для того, чтобы скрыться там и потом напасть на первого консула во время его прогулок в одиночку. В связи с этим было решено перекрыть вход в карьер железной дверью.

Консьерж Мальмезона, пользовавшийся полнейшим доверием, специально натренировал для охраны замка несколько

больших собак, среди которых были два громадных ньюфаундленда. Работа по усовершенствованию поместья Мальмезон шла постоянно, и большое число рабочих оставались там на ночь. Их предупредили, чтобы они не выходили по ночам в одиночку; но однажды ночью, когда смотрители с собаками были в гостях у рабочих и позволили им поласкать собак, очевидное послушание и покорность последних подтолкнула одного из рабочих к опрометчивому шагу — выйти погулять наружу. Считая, что верный путь избежать снаружи опасности — заручиться покровительством одного из этих сильных животных, он взял одну из собак с собой, и оба с самым дружеским настроем вышли из дома; но лишь только они оказались вне дома, как собака прыгнула на своего незадачливого друга и повалила его на землю. Крики несчастного рабочего привлекли внимание охранника, который тут же прибежал на помощь. И как раз вовремя: собака, прижав рабочего к земле, вцепилась ему в горло. Рабочий был спасен, но сильно поранен. Госпожа Бонапарт, узнав о происшествии, дала указание вылечить рабочего до полного выздоровления и, передав ему солидное денежное вознаграждение, порекомендовала быть более осторожным в будущем.

Каждый раз, когда первому консулу удавалось урвать минуту от государственных дел, он спешил в Мальмезон. Вечер каждого последнего дня десятидневной недели был временем надежд и радости в замке. Госпожа Бонапарт посылала домашних в конном порядке и пешком, чтобы те встретили ее мужа. Очень часто на встречу с ним она отправлялась сама, в сопровождении дочери и друзей. Когда я был свободен от своих обязанностей, то выходил в одиночку, чтобы встретить его; ибо у всех нас было к первому консулу одно и то же чувство большой привязанности и мы тревожились и беспокоились за него. И столь велики были неприязнь и дерзость его врагов, что дорога, хотя и короткая, между Парижем и Мальмезоном просто кишела опасностями и ловушками. Мы знали, что много раз его враги планировали похитить его на этой дороге и что подобные попытки могли быть возобновлены. Наиболее опасным местом был карьер у Нантерра, о котором я уже рассказывал; поэтому то место было тщательно изучено и охранялось каждый раз, когда первому консулу приходилось проезжать мимо него. Наконец, впадины у карьера были засыпаны землей и дорога исправлена.

Первый консул был благодарен нам за нашу привязанность, хотя он сам, казалось, никогда не испытывал чувства страха или тревоги. Очень часто он в мягкой форме подсмеивался над нашим беспокойством и с серьезным видом рассказывал Жозефине о том,

как ему с большим трудом удалось спастись по дороге домой, как зловещие личности множество раз попадались ему на пути, а один был столь дерзок, что даже стал целиться в него и т. д. И когда он видел Жозефину действительно испуганной, то разражался смехом, ласково трепал ее по щеке или целовал в щеку и шею, говоря при этом: «Не бойся, маленький гусенок, они не посмеют мне что-либо сделать».

В эти дни «отпуска», по его выражению, он больше занимался личными делами, чем государственными; но он никогда не оставался бездеятельным — он был просто не в состоянии ничего не делать. Он всех держал в напряжении, заставлял что-то воздвигать, строить, увеличивать, расставлять, подрезать изгородь, в общем, постоянно что-то делать в замке и в парке, а сам при этом изучал статьи расходов, счета, давал указания по ведению хозяйства. За всеми этими занятиями время проходило быстро, и вскоре наступал момент, когда необходимо было возвращаться и, по его выражению, вновь «впрягаться в ярмо мучений».

Тюильри

19 февраля 1800 года в час дня первый консул в возбужденном состоянии, но торжественно, направился в Тюильри, который тогда назывался правительственным дворцом, чтобы обосноваться там со своей семьей. С ним были его двое коллег, один из которых, третий консул, должен был занять ту же резиденцию, но разместиться в павильоне Флора. Примечательным знаком в этой формальной смене резиденций было то обстоятельство, что приветственные возгласы и энтузиазм толпы и высокопоставленных лиц, собравшихся у окон на улице Тионвиль и на набережной Вольтера, были адресованы только первому консулу и молодым воинам, лица которых еще были покрыты бронзовым загаром от солнечных лучей в стране пирамид и в Италии. Во главе их гарцевали генералы Ланн и Мюрат; первого можно было легко узнать по уверенной манере держаться и по солдатской выправке, второго, обладавшего теми же качествами, отличала также удивительная элегантность мундира и снаряжения.

Персонал двора первого консула

По прибытии в Тюильри первый консул сразу же занял

апартаменты, которые ранее были частью королевских. Они состояли из спальной комнаты, ванной, кабинета, салона, в котором он давал аудиенции в предполуденное время, второго салона, в котором помещались его дежурные адъютанты и который он использовал в качестве столовой комнаты, а также очень большой прихожей. У госпожи Бонапарт были собственные отдельные апартаменты в цокольном этаже, те же самые, которые она позднее занимала, став императрицей. Под комнатами, занятыми первым консулом, находилась комната Бурьенна, его личного секретаря, которая сообщалась с апартаментами первого консула потайной лестницей.

Хотя в этот период уже были придворные, однако двора как такового еще не было и этикет был чрезвычайно прост.

Обслуживающий персонал первого консула состоял только из г-на Пфистера, дворецкого, Венара, главного повара, Гальо и Доже, главных слуг, Колина, буфетчика. Рипо был библиотекарем; Вигонь, пожилой человек, заведовал конюшнями. В личном услужении у первого консула находились Гамбар, главный камердинер, Эбер, просто камердинер, и Рустам, мамелюк первого консула. Помимо всех перечисленных, было также еще пятнадцать человек, нанятых для выполнения обычных обязанностей в резиденции. Г-н де Бурьенн руководил всеми и регулировал расходы.

Первый дипломатический прием

Через несколько дней после обустройства во дворце был дан прием для дипломатического корпуса. Судя по деталям, о которых я расскажу, можно представить, каким простым в то время был этикет того, что уже называлось «двором».

В восемь часов вечера апартаменты госпожи Бонапарт, занимавшие цокольный этаж, примыкавший к саду, переполнились народом. Бросалось в глаза потрясающее богатство плюмажей, блеск бриллиантов и ослепительные наряды официальной одежды. Гостей было так много, что пришлось распахнуть двери спальни госпожи Бонапарт, так как в двух салонах, предназначенных для приема, невозможно было двигаться.

Когда после грандиозного замешательства и неудобств с размещением в салонах все кое-как обрели свои места, была объявлена госпожа Бонапарт, которая вошла, облокотись на руку Талейрана. На ней было платье из белого муслина с короткими рукавами и жемчужное ожерелье. Она вышла к гостям с

непокрытой головой; прекрасные косы, приведенные в порядок с очаровательной небрежностью, держались на голове с помощью черепахового гребешка. Приглушенный шум голосов, встретивший с нескрываемым одобрением ее появление в зале, самым ободряющим образом подействовал на госпожу Бонапарт, и никогда, думается мне, она не излучала всей фигурой подобного изящества и такого величия.

Талейран, протянув руку госпоже Бонапарт, имел честь представить ее одному за другим членам дипломатического корпуса. Затем он прошел с ней по двум залам, и когда пара уже заканчивала обход второго зала, без всякого объявления на приеме появился первый консул. На нем был самый простой мундир с трехцветным шелковым шарфом вокруг пояса. Панталоны из белого кашемира тесно облегали его фигуру, а высокие сапоги и шляпа в руке дополняли портрет. Эта простая одежда среди украшенных вышивкой и перенасыщенных орденскими лентами и орденами мундиров, которые были на послах и иностранных сановниках, представляла такой же резкий контраст, как и вид госпожи Бонапарт по сравнению с присутствовавшими на приеме дамами.

Прежде чем начать рассказывать о том, как я перешел от службы госпоже Бонапарт к службе главе государства во время второй военной кампании в Италии, думаю, я должен напомнить об инциденте, случившемся в то время, когда я еще был в услужении у госпожи Бонапарт. Она любила засиживаться поздно и, когда уже почти все в доме укладывались спать, имела привычку играть в бильярд или, еще чаше, в триктрак. Однажды случилось так, что, отправив всех спать и мучаясь бессонницей, она спросила меня, умею ли я играть в бильярд, и, получив утвердительный ответ, с очаровательным изяществом попросила сыграть с ней; и уже в другие вечера я имел честь играть с ней в эту игру. Хотя у меня имелся некоторый опыт в этом занятии и я был достаточно искусен в бильярде, но мне всегда удавалось дать ей возможность обыграть меня, что страшно ей нравилось. Если с моей стороны это была лесть, то я должен в этом признаться, но я бы повел себя так же с любой другой женщиной, независимо от ее ранга или отношений со мной, если бы она была хотя бы наполовину такой же очаровательной, какой была госпожа Бонапарт.

Наполеон отправляется в Италию

В конце марта 1800 года, пять или шесть месяцев спустя после начала моей службы у госпожи Бонапарт, во время обеда первый консул стал внимательно меня рассматривать и, тщательно изучив мою внешность и обмерив взглядом с головы до ног, спросил: «Молодой человек, не хотели бы вы отправиться со мной в военную кампанию?» Я, весьма возбужденный, ответил, что ничего лучшего и не желал бы. «Очень хорошо, тогда вы отправитесь со мной!» Встав из-за стола, он дал указание Пфистеру, дворецкому, включить мое имя в список лиц из домашней обслуги, которые будут его сопровождать. Моя подготовка не потребовала много времени, поскольку я был вне себя от радости при мысли, что буду прикомандирован к личной службе такого великого человека. В своем воображении я уже видел себя где-то там, за Альпами.

Но первый консул отправился в кампанию без меня. Пфистер по забывчивости, а может быть специально, не включил мое имя в список. Я был в отчаянии и отправился рассказать о своих злоключениях моей очаровательной хозяйке, которая была столь добра, что старалась утешить меня. «Ладно, Констан, ничего не потеряно; ты останешься со мной. Ты можешь поохотиться в парке, чтобы убить время; и, возможно, первый консул может еще послать за тобой». Однако госпожа Бонапарт на самом деле не верила в это, поскольку она думала, так же, как и я, что первый консул изменил свое решение и, не нуждаясь более в моих услугах во время кампании, отдал об этом соответствующий приказ.

Однако вскоре я получил доказательство противоположного рода. Проезжая через Дижон на пути к горе Сен-Бернар, первый консул спросил обо мне и, узнав, что про меня забыли, выразил свое неудовольствие и поручил Бурьенну немедленно написать госпоже Бонапарт.

Госпожа Бонапарт послала за мной и сказала, держа в руке письмо Бурьенна: «Первый консул послал за тобой. Ступай в офис г-на Маре и выясни, не направил ли он еще курьера. Ты будешь сопровождать его». Без промедления я поспешил к г-ну Маре.

«Готовься немедленно, — посоветовал мне тот. — Курьер отправится сегодня вечером или завтра утром». Я поспешил вернуться в Мальмезон, где объявил госпоже Бонапарт о моем немедленном отъезде. Она сразу же дала указание, чтобы для меня снарядили хороший дилижанс, а Тибо (так звали курьера, которого я должен был сопровождать) было приказано, чтобы он обеспечивал нас лошадьми на всем протяжении маршрута. Г-н Маре вручил мне восемь тысяч франков на расходы на все время моей поездки. Такая большая сумма вызвала у меня восторг,

поскольку никогда ранее я не был так богат. Я надеялся догнать первого консула в Мартиньи; но он продвигался с армией так быстро, что я смог достичь его только в монастыре на горе Сен-Бернар.

Путь в Маренго

Было восемь утра, когда я прибыл в штаб армии первого консула. Пфистер объявил о моем прибытии; я обнаружил главнокомандующего в большом зале подвального этажа монастырской гостиницы. Он стоя завтракал вместе со своим штабом. Как только он увидел меня, то воскликнул: «А, вот и ты, странный парень! Почему ты не поехал со мной?» Я принес извинения, объяснив, что, к моему большому сожалению, я получил приказ, который противоречил прежним указаниям. Или, по крайней мере, они просто, забыв обо мне, оставили меня в момент общего отъезда. С этой минуты я был прикомандирован к группе личного обслуживания первого консула в качестве обычного камердинера; другими словами, я стал очередным дежурным камердинером. Мои обязанности не были обременительными; Гамбар, главный камердинер первого консула, обычно сам одевал его с головы до ног.

Сразу же после завтрака мы приступили к спуску с горы, многие просто скользили по снегу вниз, словно на русских горках, и я последовал их примеру. Этот способ передвижения они называли «спуском на салазках». **С** почти перпендикулярного ледника главнокомандующий спускался также подобным образом. Лошади, пушки, кессоны и громадное количество армейских запасов самого различного рода практически перетаскивались по ледникам, которые казались недоступными, и Ко тропам, явно не приспособленным даже для одинокого путника.

2 июня первый консул вступил в Милан, не встретив особого сопротивления. Чуть ли не все население города вышло, чтобы устроить ему самую восторженную встречу. Доверие миланцев к первому консулу удвоилось, когда они узнали, что он обещал высшим служителям духовенства сохранить католическое вероисповедание, а также не препятствовать религиям, уже утвердившимся в городе. Первый консул оставался несколько дней в столице; и в это время у меня была возможность поближе познакомиться с моими коллегами, которыми, как я уже говорил, были Гамбар, Рустам и Эбер. Исполняя служебные обязанности, мы сменяли друг друга через каждые двадцать четыре часа, ровно

в полдень.

Битва при Маренго

Знаменитая битва при Маренго началась 14 июня рано утром и продолжалась весь день. Я оставался с остальными придворными в штабе — почти в пределах досягаемости огня пушек австрийцев. В штаб постоянно приходили самые противоречивые новости, в одном сообщении докладывалось, что битва полностью проиграна, в следующем — об одержанной победе. В какой-то момент резкое увеличение числа наших раненых солдат и усиление вдвое огня австрийских пушек заставило нас поверить, что все проиграно, затем неожиданно пришла новость, что это очевидное отступление наших войск было лишь смелым маневром первого консула и атака генерала Дезе помогла выиграть битву. Но победа была достигнута очень дорогой ценой и для Франции, и для первого консула. Дезе, пораженный пулей, умер на поле битвы.

Первый консул спал прямо там и, несмотря на решительную победу, выглядел очень печальным, и многое из того, о чем он говорил в тот вечер, выдавало глубокую скорбь, которую он испытывал по поводу смерти генерала Дезе. Рапп и Савари, адъютанты Дезе, оставались подле тела своего командира, ввергнутые в глубокую печаль. В знак уважения к памяти своего друга главнокомандующий французской армии включил этих двух молодых офицеров в свой штаб в должности адъютантов, хотя по штатному расписанию штаб первого консула был уже заполнен.

Милан

Создание республики было осуществлено в соответствии с пожеланиями большого числа миланцев. Они называли первого консула своим спасителем, поскольку он освободил их от ярма австрийцев. Однако в Милане, ставшем столицей Цизальпийской республики, существовала группировка, которая резко отрицательно относилась к переменам. В этой группировке состоял знаменитый артист, певец Маркези.

Во время нашего первого визита в Милан первый консул послал за певцом; музыкант же ожидал, что его будут умолять прийти, и делал вид, что очень занят. Но в конце концов он все же явился к первому консулу, изображая важного человека, с

оскорбленным достоинством. Очень простая одежда первого консула, его небольшой рост, худощавое лицо, далекая от совершенства фигура — все это не произвело особого впечатления на театральную звезду; и когда главнокомандующий французской армии сердечно поприветствовал певца и очень вежливо попросил его спеть арию, то певец ответил на просьбу первого консула, прибегнув к плохой игре слов [на французском языке слова «ария» и «воздух» произносятся примерно одинаково], причем ответил достаточно наглым тоном, грубость которого усиливалась его итальянским акцентом: «Синьор генерал, если вам нужен хороший воздух, то вам следует немного прогуляться в саду». Синьор Маркези за эту прекрасную речь был немедленно выставлен за дверь, и в тот же вечер последовал приказ о заключении певца в тюрьму. Во время нашего второго визита в Милан первый консул, чье возмущение поведением Маркези было, несомненно, смягчено победной пушечной канонадой, посчитал, что наказание певцу за неудачную шутку длилось достаточно долго, и вновь послал за ним, еще раз попросив Маркези спеть ему. На этот раз Маркези вел себя скромно и вежливо, замечательно спев арию. После концерта первый консул подошел к певцу, тепло пожал ему руку и высказал комплименты в самой любезной форме. С этого момента мир между двумя державами был заключен, а Маркези отныне пел в адрес первого консула только хвалебные песни.

На этом же концерте первый консул был поражен красотой знаменитой певицы госпожи Грассини. Она оказалась далеко не бессердечной, и в конце нескольких проведенных вместе часов покоритель Италии мог внести в свой актив еще одну победу. На следующий день она завтракала с первым консулом и генералом Бертье в апартаментах первого консула. Генералу Бертье было приказано Обеспечить поездку госпожи Грассини в Париж, где она выступала в концертном зале Люксембургского дворца.

Победа при Маренго, несомненно, обеспечила завоевание Италии. Поэтому первый консул, считая, что его Присутствие в Париже более необходимо, передал командование французскими войсками в Италии генералу Массена, а сам подготовился к повторному пересечению гор.

Между Вильнев-ле-Руа и Сен, при спуске к мосту Монтеро, в тот момент, когда экипаж, запряженный восемью лошадями (первый консул уже путешествовал По-королевски), быстро мчался вниз, а лошади рванулись в галоп, неожиданно втулка в одном из передних колес выскочила из обоймы. Местные жители, стоявшие вдоль дороги и все видевшие, наверняка, сделали все возможное, чтобы остановить форейторов, но у них ничего не

получилось. Экипаж с грохотом опрокинулся. Первый консул совершенно не пострадал. Он был вытащен наружу через одну из дверей. Это происшествие не помешало первому консулу, он немедленно пересел в другую карету и добрался до Парижа без каких-либо других приключений. Ночью 2 июля он вышел из кареты у входа в Тюильри.

Смерть генерала Клебера

Как только весть о возвращении первого консула разнеслась по Парижу, все население города вышло на улицы, заполонив дворы и сады. Некоторые скопились вокруг окон павильона «Флора» Люксембургского дворца в надежде хотя бы мельком увидеть спасителя Франции и освободителя Италии.

В тот вечер не было ни одного человека, ни богатого, ни бедного, кто бы отказал себе в удовольствии разукрасить и иллюминировать свой дом или свою мансарду. Сразу же по прибытии в Париж первый консул узнал о смерти генерала Клебера. Кривой кинжал араба нанес смертельный удар этому великому военачальнику в тот самый день, когда под обстрелом пушек в Маренго пал другой герой египетской кампании. Это вероломное убийство было для первого консула большим горем, чему стали свидетелями мои собственные глаза. И тем не менее клеветники посмели утверждать, что он радовался этому печальному событию, которое, даже если рассматривать его вне политического резонанса, стало причиной потери завоеваний, обошедшихся ему столь дорого, а Франции стоивших массы пролитой крови и громадных расходов. Другие жалкие негодяи, еще более глупые и пакостные, дошли до того, что сфабриковали и распространили за границей фальшивку о том, что первый консул самолично организовал убийство своего товарища по оружию, которого он оставил вместо себя во главе армии в Египте. Для этих негодяев у меня есть только один ответ (если вообще нужно им отвечать), а именно: они никогда не знали императора.

Жером Бонапарт направляется на морскую службу

Однажды я был в спальне первого консула в тот обычный для него час, когда он занимался утренним туалетом. Я осуществлял обязанности главного камердинера вместо Гамбара, который временно отсутствовал в замке или чувствовал недомогание. В

этот момент первому Консулу доложили о приходе Жерома Бонапарта, которому тогда едва исполнилось семнадцать лет. На этого Молодого человека часто поступали жалобы. Жером никого не боялся, за исключением своего брата Наполеона, который всегда делал ему замечания, воспитывал его и журил, словно тот был его собственным сыном. Время от времени в семье возникал вопрос о направлении Жерома на морскую службу — не для того, чтобы Обеспечить ему карьеру моряка, а скорее для того, чтобы оградить от соблазнов и искушений, которые постоянно Появлялись на его пути благодаря высокому положению его брата и которым он был не в силах противостоять. Можно было себе представить, чего стоило Жерому отказаться от удовольствий, столь доступных и столь восхитительных для молодого человека. Он не упускал случая демонстрировать свою негодность для морской службы и, как говорят, зашел так далеко, что был отвергнут за некомпетентность экзаменационной комиссией морс-:ого флота, хотя мог легко подготовиться к экзаменам. Однако воле первого консула следовало подчиниться, и Жером был вынужден ступить на борт корабля.

В то утро, после нескольких минут беседы по поводу морской службы, во время которой первый консул не переставал журить младшего брата, тот заявил: «Вместо того, чтобы отсылать меня в море, чтобы я погиб там от скуки, ты должен был сделать меня своим адъютантом». — «Ну что ж, малыш, — с теплотой в голосе ответил первый консул, — подожди, когда пушечные ядра испещрят морщинами твое лицо, вот тогда я подумаю о твоем предложении».

Адская машина

На 24 декабря 1800 года была назначена премьера оратории Гайдна «Сотворение мира», и первый консул объявил, что он вместе со своими домашними будет присутствовать на премьере этой великолепной оратории. В этот день он обедал с госпожой Бонапарт, ее дочерью и генералами Раппом, Лористоном, Ланном и Бертье. В это время я был дежурным камердинером; но поскольку первый консул собирался в оперу, то я знал, что мое пребывание в замке не потребуется, и решил в свою очередь пойти в театр «Фейдо», в котором госпожа Бонапарт разрешила нам занимать ложу, находившуюся под ее ложей. После обеда, во время которого первый консул, как обычно, не жуя проглотил еду, он поднялся из-за стола, а вслед за ним его офицеры, за исключением генерала Раппа, оставшегося с госпожой Жозефиной

и Гортензией.

Около семи часов вечера первый консул уселся в свою карету вместе с Ланном, Бертье и Лористоном, чтобы следовать в оперу. Когда они доехали до середины улицы Никез, охрана, ехавшая впереди кареты первого консула, обнаружила, что дорогу преграждает кем-то оставленная повозка, к которой веревками крепко привязана бочка. Начальник охраны приказал оттащить повозку к обочине дороги; кучер первого консула, которого эта задержка вывела из терпения, резко стеганул лошадей, и они рванулись вперед подобно молнии. Не прошло и трех секунд, как бочка, находившаяся на повозке, взорвалась со страшной силой. Никто из охраны или из лиц, сопровождавших первого консула, не был убит, но несколько человек получили ранения; зато потери среди жителей близлежащих домов и среди прохожих были значительными. Более двадцати человек были убиты и более шестидесяти серьезно ранены. Все оконные стекла в Тюильри были разбиты, и многие соседние дома разрушены. Сильно пострадали все дома на улице Никез и даже дома на улицах, примыкавших к ней. Оконные стекла кареты первого консула были разбиты вдребезги.

По счастливой случайности, кареты со свитой, которые должны были следовать сразу же за каретой первого консула, оказались позади на некотором расстоянии. Причиной этого было следующее обстоятельство: госпожа Бонапарт после обеда приказала принести ей шаль, которую она хотела набросить на себя в опере; и когда ей принесли шаль, генерал Рапп в шутку забраковал цвет и попросил госпожу Бонапарт взять другую. Госпожа Бонапарт защищала свой выбор и заявила генералу, что он так же понимает в подобных вещах, как она разбирается в том, каким способом следует атаковать форт. Это дружеское подшучивание друг над другом продолжалось некоторое время, и первый консул, не дождавшись его окончания, вышел и раньше всех уселся в карету, а жалкие убийцы уже подожгли шнур, ведущий к адской машине. Если бы кучер кареты первого консула гнал лошадей помедленнее, тем самым отстав на две секунды, то с его главным пассажиром было бы покончено; с другой стороны, если бы госпожа Бонапарт сразу же поспешила к своей карете за каретой первого консула, то она и ее свита несомненно бы погибли. Небольшая задержка спасла ей жизнь, так же, как и жизни ее дочери, ее невестки, госпожи Мюрат и всех тех, кто сопровождал их. Окна кареты были разбиты; и хотя госпожа Бонапарт физически совсем не пострадала, но она испытала сильнейший испуг. Гортензия была легко ранена в лицо осколком оконного стекла, а госпожа Каролина Мюрат, бывшая на

последних месяцах беременности, так напугана, что пришлось ее везти обратно в Тюильри. Первый консул отправился в оперу, где был встречен бурной овацией. Его самообладание и спокойствие, подчеркнутые застывшим выражением лица, сильно контрастировали со смертельной бледностью щек и возбужденностью госпожи Бонапарт, которая беспокоилась не столько о себе, сколько о своем муже.

В то время, когда осуществлялся адский заговорщицкий план, стоивший многим невинным гражданам жизни, я находился, как уже сказал ранее, в театре «Фейдо». Едва только я уселся поудобнее в кресле, как в ложу вошел капельдинер и возбужденно крикнул мне: «Господин Констан, говорят, что первый консул только что был взорван в карете». Эти ужасные слова прозвучали для меня подобно удару грома. Не понимая, что делаю, я стремительно бросился вниз по лестнице и, забыв о шляпе, помчался как сумасшедший в замок. У входного турникета я бросился к калитке, но двое часовых сразу же скрестили штыки у моей груди. Было совершенно бесполезно протестовать и заявлять, что я являюсь камердинером первого консула.

Тогда я попросил их вызвать привратника, как только он прибыл, меня пропустили и я ринулся в замок, где узнал обо всем, что случилось. Через некоторое время в замок прибыл первый консул, который немедленно был окружен офицерами и домашними. Все присутствовавшие находились в состоянии крайнего возбуждения. Когда первый консул вышел из кареты, он выглядел спокойным и улыбался, даже казался веселым. Войдя в вестибюль замка, он, потирая руки, обратился к офицерам: «Ну что ж, господа, мы едва спаслись!» Офицеры буквально содрогнулись при этих словах от возмущения и гнева. Первый консул затем вошел в большой салон на первом этаже, где уже собрались государственные советники и высокопоставленные лица; но едва они начали поздравлять его, как он прервал их в такой страстной манере, что его услышали и вне салона. Нам рассказали, что после этого совещания у него произошла довольно нелицеприятная перебранка с г-ном Фуше, министром полиции.

В тот вечер, укладываясь спать, первый консул, смеясь, спросил меня, был ли я напуган. «Больше, чем вы, мой генерал», — ответил я и подробно рассказал ему, как я узнал о роковой новости, находясь в театре «Фейдо», и как побежал, забыв про шляпу, к самым воротам замка, где часовые пытались помешать мне войти. Первого консула развлек мой рассказ о богохульственных словах и бранных эпитетах, которыми меня наградили часовые, защищая вход на территорию замка, и он

сказал мне: «В конце концов, мой дорогой Констан, ты не должен сердиться на них; они всего лишь точно выполняли приказ. Они храбрые ребята, на которых я могу положиться». Правда заключается в том, что консульская охрана в тот период была не менее предана ему, чем тогда, когда стала императорской охраной. При первом же слухе о том большом риске, которому был подвергнут первый консул, все солдаты этого преданного ему отряда немедленно собрались во дворе Тюильри.

После этой грустной истории, чуть было не окончившейся катастрофой, принесшей горе почти всей Франции и поселившей печаль в душах многих семей, все полицейские силы активно занялись поиском зачинщиков заговора. Резиденция первого консула была сразу же взята под плотное наблюдение, и за нами беспрерывно наблюдали шпионы, о существовании которых мы и не подозревали. Все наши прогулки, все наши визиты, все наши выходы из замка и возвращения тщательно контролировались, и особенное внимание уделялось нашим друзьям и даже нашим связям. Но настолько сильна была преданность каждого из нас первому консулу, что никто из обслуживающего персонала не дал и малейшего повода для подозрений в участии в этой гнусной попытке покушения. Ни в этом случае, ни в других делах подобного рода его обслуживающий персонал никогда не был скомпрометирован, и никогда имя даже самого последнего из слуг не упоминалось в связи с преступными заговорами против жизни, столь ценной и столь прекрасной.

Министр полиции подозревал роялистов в совершении этой акции; но первый консул приписывал ее организацию якобинцам, поскольку они уже были виновными, заявлял он, в совершении таких же гнусных преступлений. Сто тридцать наиболее известных членов этой партии были сосланы на каторгу безо всякого суда. В настоящее время известно, что раскрытие истинных преступников, Сен-Режана и Карбона, суд над ними и последовавшая смертная казнь доказали, что догадки министра были более правильными, чем предположения первого консула.

Днем 25 декабря первый консул провел грандиозный парад на площади Карусель, где неисчислимая толпа граждан собралась для того, чтобы посмотреть парад и продемонстрировать свою любовь к первому консулу. Едва он повернул свою лошадь к передней линии гренадеров из консульской охраны, как со всех сторон раздались крики одобрения в его адрес. Он ехал вдоль рядов войск, почти шагом, очень медленно, не скрывая удовлетворения оказанным ему приемом, отвечая короткими прочувственными фразами; и возгласы «Да здравствует Бонапарт! Да здравствует первый консул!» не утихали до тех пор, пока он не

вернулся в свои апартаменты.

Заговорщики, которые упорствовали в своих попытках покушения на жизнь первого консула, не могли выбрать более неподходящего периода в истории, чем 1800 и 1801 годы: ибо именно тогда первый консул получил всенародное признание и любовь не только за свои военные подвиги, но более всего за то, что дал Франции надежду на мир. Как только за границей распространились первые слухи о том, что с Австрией заключен мир, большая часть жителей Парижа собралась под окнами павильона «Флора». Слова благословения и возгласы благодарности слышались со всех сторон; затем собрались музыканты, чтобы исполнить серенаду в честь главы государства, после чего они составили собственный оркестр, под музыку которого толпа танцевала всю ночь напролет. Я никогда не видел более потрясающего и более радостного зрелища, чем тот импровизированный юбилей, который я наблюдал с верхних этажей замка.

Король и королева Этрурии; госпожа де Монтессон

В мае 1801 года в Париж прибыл по пути в свое новое королевство принц Тоскании дон Луи I, которого первый консул только что сделал королем Этрурии. Он путешествовал под именем графа Легорна вместе со своей женой, испанской инфантой Марией Луизой, третьей дочерью Карла IV; несмотря на свое инкогнито, которое он, казалось, искренне хотел сохранить, и жалкий вид своего маленького двора, он, тем не менее, был принят в Тюильри как король, и с ним обращались подобающим образом. Этот принц был слабого здоровья, говорили, что он страдает эпилепсией. Его поселили в резиденции посольства Испании, ранее бывшего отелем Монтессон. Король Этрурии попросил госпожу де Монтессон, которая проживала в соседнем доме, восстановить частный переход между двумя зданиями, который уже давно был закрыт. Он, так же, как и королева Этрурии, с большим удовольствием поддерживал общение с этой дамой, вдовой герцога Орлеанского, и каждый день проводил с ней немало часов. Происходя из династии Бурбонов, он, несомненно, с удовольствием слушал все подробности, связанные с жизнью французских Бурбонов, о которых так хорошо могла рассказать дама, жившая при королевском дворе и находившаяся в близких отношениях с королевской семьей.

Госпожа де Монтессон принимала в своем доме всех, кто

занимал высокое положение в парижском обществе.

Она вновь объединила остатки избранных представителей высшего общества прошедших лет, которых разогнала революция. Будучи подругой госпожи Бонапарт, она также пользовалась симпатией и уважением со стороны первого консула, который жаждал, чтобы о нем хорошо говорили в самом благородном и элегантном салоне столицы. Кроме того, он полагался на опыт и утонченную изысканность этой дамы, чтобы собрать в собственном дворце соответствующее общество, из которого он мечтал создать двор, обычаи и этикет которого были бы привычными для дворов монархов.

Король Этрурии не любил работать и в этом отношении не мог понравиться первому консулу, не переносившему лень. Однажды я слышал, как он в разговоре с коллегой Камбасересом сурово отчитывал своего королевского протеже (в отсутствие последнего, конечно).

— Вот таков этот принц, — говорил он, — особенно не обременяющий себя заботами о своих дорогих и горячо любимых подданных, но проводящий время в болтовне со старой женщиной, во весь голос пространно рассуждающий о достоинствах моего характера и в то же время жалующийся шепотом на то, что обязан своим повышением главе этой проклятой Французской республики. Он не занимается никакими делами, а лишь совершает прогулки, ездит на охоту, посещает балы и театры.

— Кое-кто утверждает, — заметил Камбасерес, — что вы желаете вызвать у французского народа отвращение к королям, демонстрируя ему этакий экземпляр, подобно тому, как спартанцы вызывали у своих детей отвращение к пьянству, выставляя перед ними пьяного раба.

— Не совсем так, не совсем так, мой дорогой, — возразил первый консул. — У меня нет желания вызвать у французов отвращение к королевской власти; но временное пребывание у нас короля Этрурии будет раздражать некоторых милых людей, которые только и занимаются тем, что пытаются создать благоприятное мнение о Бурбонах.

Закон об общественном богослужении

В тот день, когда первый консул провозгласил закон об общественном богослужении (июль 1801 г.), он встал рано и вышел в гардеробную. Пока он одевался, я увидел Жозефа Бонапарта, входящего в комнату вместе с г-ном Камбасересом.

— Итак, — заявил первый консул последнему, — мы собираемся на мессу. Что они там, в Париже, думают об этом?

— Многие, — ответил г-н Камбасерес, — отправятся на представление, чтобы освистать его, если оно не покажется им забавным.

— Если кто-то задумает освистать представление, то я прикажу гренадерам консульской охраны выдворить этого человека за дверь.

— А если гренадеры начнут освистывать, следуя примеру других?

— Я этого не боюсь. Мои старые солдаты отправятся в собор Парижской Богоматери, причем точно так же, как они ходили в мечеть в Каире. Они будут следить за мной и, увидев, что их генерал остается спокойным и почтительным, станут делать то же самое, что и он.

— Боюсь, — вступил в разговор Жозеф Бонапарт, — что генералы так легко не смирятся с этим. Я только что покинул Ожеро, который буквально изрыгал брань и был в ярости от того, что он называет твоим капризным решением. Есть и другие генералы, которых будет трудно вернуть обратно за черту оседлости нашей святой матери церкви.

— Это похоже на Ожеро. Он — горлопан и много шумит, и все же, если бы у него был маленький глупый двоюродный братишка, то он ради меня отправил бы его учиться в духовную семинарию, чтобы сделать из него капеллана.

— Это напомнило мне о твоем брате, — продолжал первый консул, обращаясь к Камбасересу, — когда же он все-таки намерен взять в свои руки епархию в Руане? Знаешь ли ты о том, что в Руане находится самый красивый архиепископский дворец во всей Франции? Не пройдет и года, как он станет кардиналом. Этот вопрос уже решен.

Второй консул поклонился. С этого момента его поведение по отношению к первому консулу было скорее поведением придворного, а не коллеги.

В этот день первый консул надел на себя костюм консулов, который состоял из ярко-красного мундира без оторочек на всех швах и перчаток с широкими обшлагами, вышитых золотом. Его шпага, которую он носил еще в Египте, висела сбоку и была прикреплена к роскошно вышитому поясу. На нем был черный шарф, который он предпочитал шелковому галстуку. Как и его коллеги, он носил бриджи и туфли; этот богатый костюм дополняла французская шляпа с трехцветным плюмажем.

Празднование Конкордата

Празднование этого религиозного торжества в соборе Парижской Богоматери было непривычным зрелищем для парижан, и многие из них присутствовали на нем как на театральном представлении. Простой народ, слушая во время благодарственного молебна исполнение «Тедеума», который пели в тот день во имя мира и Конкордата, посчитал это религиозное музыкальное произведение всего лишь дополнительным вознаграждением за свое любопытство; но среди представителей среднего класса было большое число набожных людей, глубоко сожалевших о подавлении всяческих форм религиозности, в которой они были воспитаны. И теперь они были счастливы, что традиции религиозных обрядов возвращаются.

Духовенство вело себя чрезвычайно осторожно: оно ничего не требовало, никого не осуждало; и кардинал, посол его святейшества Римского Папы, угодил всем, за исключением, возможно, немногих старых священников, недовольных его терпимостью, светскими манерами и непринужденным поведением. Папский посол обнаружил полное единство мнений с первым консулом, с которым он с большим удовольствием беседовал.

Конец десятидневной недели

Ясно, что не только религиозные чувства заставили народ с радостью вернуться к празднованию дня Воскресения, гарантировавшего дополнительный отдых. По правде говоря, интервал от одной десятидневной недели до другой оказался слишком продолжительным для трудового люда. Я не знаю, было ли это следствием так глубоко укоренившейся привычки, но народ, приученный работать шесть дней без перерыва, а затем отдыхать на седьмой, считал срок девять дней беспрерывного труда слишком долгим, и, соответственно, упразднение десятидневной недели было одобрено единодушно.

Луи Бонапарт и Гортензия де Богарне вступают в брак

4 января 1802 года мадемуазель Гортензия де Богарне вышла замуж за Луи Бонапарта, брата первого консула. Что касается возраста молодой пары, то он был наиболее подходящий: Луи было двадцать четыре года, а мадемуазель Богарне не более восемнадцати. Тем не менее для обеих сторон этот брак положил начало бесконечным мукам.

До выхода замуж Гортензия испытывала чувство привязанности к генералу Дюроку, которому едва исполнилось тридцать лет. Генерал Дюрок обладал прекрасной фигурой и был фаворитом главы государства, который, зная его как человека разумного и осмотрительного, доверял ему важные дипломатические миссии. Являясь адъютантом первого консула, генералом, командовавшим дивизией, и комендантом Тюильри, он долго жил в узком семейном кругу обитателей Мальмезона и принимал участие в домашней жизни императора. Во время отлучек по делам службы он переписывался с мадемуазель Гортензией; и все же безразличие, с которым он позволил Гортензии выйти замуж за Луи, доказывает, что он слабо отвечал на чувство, которое сам же вызвал. Совершенно очевидно, что он мог жениться на мадемуазель де Богарне, если бы пожелал принять условия, на которых первый консул предлагал руку своей падчерицы, он же пребывал в ожидании чего-то лучшего. Его обычная рассудительность подвела его в тот самый момент, когда должна была подсказать ему будущее, которое было легко предвидеть. Вместо этого он поддался расчетам и стал пленником амбиций, превосходивших его возможности. Поэтому настойчивые мольбы госпожи Бонапарт, которая пользовалась влиянием на мужа, завершились полнейшим успехом.

Госпожа Бонапарт, испытывая неприязнь со стороны братьев первого консула, стремилась использовать семью мужа в качестве зашиты от бесконечных заговоров против нее. Именно поэтому она делала все возможное, чтобы добиться замужества своей дочери с одним из ее шуринов. Несомненно, генерал Дюрок немедленно раскаялся в своем опрометчивом отказе, когда королевские короны начали, словно дождь, осыпать головы членов августейшей семьи, к которой он мог присоединиться без особого труда, и когда он увидел, как Неаполь, Испания, Вестфалия, Верхняя Италия, герцогства Парма, Лукка и другие стали придатками новой императорской династии, а прекрасная и изящная Гортензия, которая так преданно любила его, взошла на трон, который она с такой радостью разделила бы с объектом своей юной любви.

Религиозная церемония свадьбы Луи и Гортензии была проведена в доме на улице де ла Виктуар; и в тот же день была освящена свадьба генерала Мюрата с Каролиной Бонапарт, ранее зарегистрированная гражданскими властями. И Луи, и его невеста выглядели очень печальными. Гортензия горько плакала и в течение всей церемонии оставалась с заплаканным лицом. Она не делала никаких попыток, чтобы вызвать к себе нежное отношение со стороны мужа; а тот, в свою очередь, был слишком

горд и в душе чувствовал себя оскорбленным, чтобы домогаться Гортензии своим ухаживанием. Жозефина делала все, чтобы примирить их, поскольку она понимала, что этот брачный союз, начавшийся так неудачно, — дело ее рук. Но ее попытки, так же, как советы и молитвы, оказались бесполезными; и я много раз замечал, как Гортензия спешила уединиться в собственной комнате, чтобы там вволю выплакаться или предаться слезам на груди близкой подруги, понимавшей ее сердце. Иногда слезы текли по ее щекам даже в самый разгар приема первого консула. С печалью мы смотрели на эту молодую женщину, в прошлом такую блестящую и веселую, так часто украшавшую светские мероприятия и следовавшую всем правилам этикета. А теперь она старалась забиться в угол зала или спрятаться в амбразуре окна с одной из самых близких подруг, чтобы с горечью высказаться обо всем, что у нее наболело на душе. После таких бесед она выходила в зал с покрасневшими и опухшими от слез глазами, а ее муж в это время в задумчивости хранил полное молчание в противоположном углу зала.

Лион

На следующий день после свадьбы мадемуазель Гортензии первый консул отправился в Лион, где его ждали депутаты Цизальпийской республики, собравшиеся для выбора президента. По прибытии в город он принял представителей местной власти. Госпожа Бонапарт, сопровождавшая его в этой поездке, присутствовала вместе с ним на всех общественных мероприятиях, в том числе и на великолепном празднике, устроенном в его честь городом Лионом. В тот день, когда городской совет избрал и затем провозгласил первого консула президентом Итальянской республики, он устроил на площади де Бротто смотр войск или войск местного гарнизона, в чьих рядах он узнал многих солдат французской армии, воевавших в Египте, и уделил время для беседы с ними. На все эти мероприятия первый консул надевал тот же самый костюм, что и в Мальмезоне. Он вставал рано, садился верхом на лошадь и отправлялся осматривать общественные предприятия и стройки, среди прочего он посетил площадь Белькур, краеугольный камень которой был заложен им самим по возвращении из Италии. Неутомимый труженик, он, не дожидаясь возвращения в Тюильри, не переставал работать над проблемами, поджидавшими его в Париже.

Прием лорда Корнуоллиса в Париже

В день приема лорда Корнуоллиса, посла Англии, первый консул распорядился, чтобы взору англичанина была представлена великолепнейшая вещь. «Необходимо, — заявил он накануне вечером, — показать этим гордым британцам, что мы не доведены до нищеты». Дело в том, что англичане в своем воображении представляли Францию как страну, находившуюся в самых бедственных условиях. Англичане думали, что им предстояло высадиться в самой настоящей варварской стране. Их удивление было безграничным, когда они увидели, как много недостатков было ликвидировано первым консулом в самое короткое время и как много он собирается сделать, чтобы улучшить положение страны. Англичане распространили по своей стране новости о том, что они сами назвали чудесами первого консула. И эти рассказы о Франции повлияли на то, что тысячи англичан сами пожелали приехать во Францию и судить обо всем, полагаясь только на свои глаза. В тот момент, когда лорд Корнуоллис со свитой вступил в великолепный зал для послов, глаза всех англичан были ослеплены видом первого консула в окружении двух его коллег, всего дипломатического корпуса и группы военных в блестящих мундирах.

В самом центре этого парада роскошной одежды и мундиров простотой своего одеяния выделялся первый консул; но на эфесе его шпаги ослепительно сверкал изумительный бриллиант, всемирно известный «Регент», который в период Директории был отдан под залог, и всего лишь несколько дней назад выкуплен первым консулом.

Меневаль

Литературный кружок Палиссо

Я еще не завершил до конца свое образование в колледже Мазарини, когда события революции прямым образом, наконец, повлияли на состояние образования в общественных школах. Я покинул колледж Мазарини. В то время у меня не было определенных планов. Мною двигало желание использовать знания, полученные в колледже, чтобы попробовать себя одновременно в самых разных видах литературы. Чисто мальчишеские попытки попробовать себя в литературе привели меня к человеку, который в то время являлся старейшиной французских писателей. Это был уважаемый Палиссо — пожизненный куратор библиотек Мазарини. Он принял меня с большой теплотой, которая распространялась на тех молодых людей, которых чистота его стиля приводила к нему за добрым советом.

В его доме я познакомился с одним из братьев генерала Бонапарта, недавно вернувшегося из Египта, куда он был направлен Директорией с военной миссией.

В Париже Луи Бонапарт использовал свое свободное время для посещения лекций. Он искал общения с друзьями литературы, с художниками и профессорами.

Служба в армии

В этот период я был призван на военную службу. Луи Бонапарта назначили на должность полковника пятого драгунского полка, который был направлен в Вандею. Он пригласил меня встретиться в Верно, в округе Перш, где он был расквартирован со своим полком. Я отправился туда в самом конце июня 1801 года.

После шести месяцев, проведенных в драгунском полку, в списке которого я числился только формально, я смог покинуть эту пародию на военную службу, не привлекая особого внимания. Полковник Луи Бонапарт представил меня своему брату Жозефу, который недавно прибыл из посольства в Риме. Когда его уполномочили вести мирные переговоры с американскими посланниками, он проявил любезность по отношению ко мне, назначив меня своим секретарем. Эти мирные переговоры

благополучно завершились договором, который был подписан 30 сентября 1800 года государственными советниками Жозефом Бонапартом, Редерером и Флерье от имени Франции и господами Эллсворсом, Дейви и Маррей от имени Соединенных Штатов. В соответствии с этим соглашением, заключенным на восемь лет, были торжественно провозглашены права нейтралитета.

Жозеф Бонапарт — Мортефонтен — Люневилль

Договор с Соединенными Штатами был отмечен празднованием, проведенным в Мортефонтене через два дня. На праздновании присутствовал первый консул со своей семьей. Был приглашен и дипломатический корпус. По случаю празднования в Мортефонтене встретились различные лица, которые раньше служили в Америке на самых разнообразных должностях. Г-н Лафайет и г-н де ла Рошфуко-Лианкур присутствовали на праздновании и были столь любезны, что пригласили находившихся в Париже американцев, которые выступали в качестве переводчиков.

Именно в Мортефонтене я увидел Наполеона в первый раз. Наблюдая за этим человеком, отмеченным особым знаком величия, который невольно вызывал уважение к нему со стороны всех присутствующих, я и не подозревал, что в один прекрасный день стану для него очень близким человеком.

Менее чем через месяц после описанных выше событий Жозеф Бонапарт был назначен полномочным министром на конференцию в Люневилле. Ему пришлось совершать частые поездки из Мортефонтена в Мальмезон, во время которых я имел честь сопровождать его.

Обед в Мальмезоне сервировался только за одним столом, за которым часто можно было наблюдать всю семью в сборе. Первый консул сидел с одной стороны стола, рядом с ним сидела госпожа Луи Бонапарт, а госпожа Бонапарт сидела напротив. К столу допускался адъютант первого консула и обычно один из консулов, а также кто-либо из министров и одна или две дамы. Малознакомые люди приглашались очень редко.

Я вернулся в Париж вместе с Жозефом Бонапартом в конце марта 1802 года. Как-то он отвел меня в сторону и сообщил, что первый консул хотел бы видеть меня и примет меня в Тюильри на следующий день. По секрету он сообщил, что глава государства решил привлечь меня к работе в кабинете и что он разочаровался в Бурьенне и, как только я войду в курс своих служебных дел, он уволит Бурьенна, а я займу место уволенного. Я попросил Жозефа

Бонапарта отговорить первого консула от осуществления этого плана, полагая, что не вполне способен занять должность, которую он намерен предложить мне, а также сознался, что опасаюсь потери собственной независимости.

Интервью с Наполеоном

Утром 2 апреля 1802 года Жозеф Бонапарт передал мне письмо от генерала Дюрока, который написал, что первый консул сможет принять меня в пять часов вечера того же дня. Генерал Дюрок провел меня к госпоже Бонапарт, которая приняла меня исключительно тактично и вежливо. Она проявила любезность, сама заговорив о том деле, которое привело меня в Тюильри. Воодушевленный ее добротой, я поделился с ней мыслями по поводу сделанного мне предложения и причин, в силу которых я хотел отказаться от него. Ей удалось уговорить меня согласиться на то, чтобы оставаться с первым консулом только три года. Я буду свободен в своем желании подать в отставку по истечении этого срока, и она заверила меня, что первый консул отблагодарит меня за мою работу в виде будущей почетной должности. В дальнейшем она добилась согласия мужа на подобную сделку. Я упоминаю о данном обстоятельстве, чтобы показать, с каким умением она могла понять чувства других и помочь им поверить в свою мечту.

Госпожа Бонапарт оказала мне честь, заявив, что я должен быть ее гостем на обеде в тот же вечер. Примерно в семь часов вечера шум торопливых шагов по лестнице, ведущей в комнату, в которой мы сидели, известил нас о прибытии первого консула. Госпожа Бонапарт представила меня ему. Он принял меня так любезно, что сразу же рассеял благоговейный трепет, в котором я пребывал. Быстрым шагом он направился в столовую, куда пошел и я, последовав за госпожой Бонапарт и ее дочерью. Госпожа Бонапарт предложила мне занять место рядом с ней. Первый консул несколько раз обращался ко мне во время обеда, продолжавшегося только двадцать минут. Он расспросил меня об учебных занятиях, о Паписсо с таким добрым отношением ко мне и с такой простотой в обращении, что я сразу же почувствовал себя непринужденно. Во время обеда я увидел, каким мягким в обращении и каким простым был в семейной обстановке этот человек с мощным лбом и пронзительным взглядом, лицо которого было отмечено знаком впечатляющего превосходства.

Когда я вернулся в гостиную, увидел там генерала Даву; первый консул прошелся с ним по комнате несколько раз, о чем-

то беседуя, и через пятнадцать минут исчез, воспользовавшись той же лестницей, по которой он ранее поднялся к нам, при этом он ни слова не сказал по поводу того дела, ради которого он и приказал мне прийти.

Я оставался с госпожой Бонапарт до одиннадцати часов. Затем спросил ее, не будет ли она так любезна сообщить мне, когда я должен удалиться, полагая, что обо мне просто забыли. Она попросила меня остаться и заверила, что первый консул пришлет за мной. И действительно, пришел посыльный, который повел меня за собой. Я последовал за ним вдоль длинного коридора к лестнице, ведущей к небольшой двери. Посыльный постучал в эту дверь. В ней было небольшое оконце, которое я с любопытством осмотрел.

Привратник, выглянувший в оконце, перебросился несколькими фразами с посыльным, открыл дверь, и я был приглашен в слабо освещенную маленькую гостиную. Пока я ждал, когда обо мне объявят, быстрым взглядом оглядел комнату, с тревогой знакомясь с тем, чему предстояло стать моей тюрьмой. Мебель состояла из нескольких кресел, обитых зеленым сафьяном, и весьма роскошного бюро с откидной крышкой, служившего письменным столом, которое было перегружено позолоченными бронзовыми украшениями. Оно было инкрустировано мозаичной работой из розового дерева, выполненной в виде различных музыкальных инструментов. Позднее я узнал, что вся эта мебель принадлежала Людовику XVI. Впоследствии она была перенесена в хранилище для мебели как абсолютно бесполезная. Низкий книжный шкаф протянулся вдоль одной стены комнаты. На шкафу сверху в беспорядке были разбросаны какие-то бумаги.

Меня позвали и тут же провели в комнату, в которой я увидел первого консула, сидевшего за письменным столом. Канделябр с тремя подсвечниками под абажуром ярко освещал стол. Остальная комната оставалась в тени, которую нарушал только отблеск зажженного камина.

Первый консул сидел спиной ко мне, занятый чтением документа, и не замечал моего присутствия до тех пор, пока не закончил чтение. Затем он повернулся на кресле лицом ко мне. Я оставался стоять у дверей его кабинета, но когда он повернулся, я подошел к нему. После того как ровно минуту он пристально меня рассматривал своим проницательным взглядом, который мог бы устрашающе подействовать на меня, если бы я видел такой взгляд в первый раз, он заявил, что хотел бы взять меня к себе на службу, и спросил, чувствую ли я себя достаточно сильным и уверенным, чтобы справиться с заданием, которое он

предполагает поручить мне.

Не без замешательства я ответил ему, что не совсем уверен в своих возможностях, но сделаю все, что в моих силах, чтобы оправдать его доверие. Свои возражения по поводу предстоящей службы я оставил при себе, поскольку знал, что они ему не понравятся, и, кроме того, его поведение во время обеда в значительной степени их ослабило.

Казалось, он не был разочарован моим ответом, поскольку поднялся из-за стола и подошел ко мне с улыбкой, надо сказать, несколько сардонической, и потрепал меня за ухо, что было, насколько мне известно, определенным знаком его расположения к человеку. Затем он сказал мне: «Очень хорошо, возвращайтесь завтра в семь утра и приходите прямо сюда».

После этой короткой аудиенции и этого лаконичного диалога первый консул подал рукой знак, который я принял за приказ удалиться, и покинул меня, выйдя в соседнюю гостиную, где, несомненно, его поджидали другие дела. Немного успокоенный простотой начала моей служебной деятельности, я вернулся тем же путем, который и привел меня сюда, шествуя за своим гидом, поджидающим меня за дверями кабинета. Ничто, кроме уединения и тишины, не царило в тускло освещенных коридорах, по которым я проходил. На своем пути я никого не встретил, за исключением часового, поставленного у ворот внутреннего двора.

Я вернулся в квартиру, которую занимал, и находился в страшно возбужденном состоянии; мне было не до сна. Я стоял, мечтая лишь о покое ночи, чтобы в уме воспроизвести все то, что случилось со мной в этот день. Мне было тогда 24 года.

Первый день

Я встал с постели еще до рассвета и направился в Тюильри, прибыв туда ранее назначенного часа. Я несколько опасался, что не смогу найти дорогу в лабиринте комнат и коридоров дворца, а также считал, что у меня возникнут трудности с часовыми, когда буду объяснять, кто я такой, и был очень удивлен той легкости, с какой я нашел дорогу к двери, через которую проходил накануне вечером и которую узнал благодаря оконцу в ней. Как только привратник увидел меня, он сразу же провел меня в кабинет, пустовавший в тот момент.

Первый консул находился в своей гостиной вместе с министром финансов г-ном Годеном. Я уселся за стол, который стоял в амбразуре окна, и ждал почти два часа возвращения первого консула. Наконец он появился, держа в руке какую-то

бумагу. Не проявляя никакого внимания к моему присутствию в его кабинете, словно я всегда находился там и всегда занимал место в амбразуре окна, он продиктовал мне записку министру финансов, но с таким многословием, что я едва мог понять его и записать хотя бы половину того, что он мне продиктовал. Не спросив меня, хорошо ли я слышал его диктовку, а также не поинтересовавшись, кончил ли я писать, он взял у меня листок бумаги и не дал мне возможности перечитать написанное. Когда я заметил, что моя записка представляет собой неразборчивые каракули, то он заявил, что она касается вопроса, хорошо знакомого министру, который легко разберется в написанном. Сказав это, он вышел в гостиную. Я так никогда и не узнал, смог ли г-н Годен расшифровать мою писанину.

Первый консул вернулся в кабинет без промедления. Он послал за генералом Дюроком и приказал ему приготовить комнаты для меня во дворце, а затем пригласить меня к столу для обслуживающего персонала и для адъютантов, которыми командовал генерал Дюрок.

Бурьенн

Именно в этот момент в комнату вошел Бурьенн, который, казалось, был удивлен, обнаружив меня в кабинете. Первый консул заявил ему, чтобы он позаботился о столе для себя в соседней комнате, а стол у окна, на котором я написал записку под его диктовку, передал мне. Бурьенн был в полном неведении относительно моего допуска на службу в кабинет первого консула. Поначалу он с любопытством осмотрел меня с ног до головы, холодно поздоровался со мной, но вскоре его манеры стали более дружескими. Генерал Дюрок забрал меня с собой на ланч, после чего мы расстались с Бурьенном.

Первые впечатления о Наполеоне

Прежде чем продолжать мой рассказ, я набросаю портрет Наполеона таким, каким я запомнил его в то время.

Тогда он отличался бодростью и энергией. Незадолго перед этим он избавился от внутреннего заболевания, которое изрядно мучило его во время второго года Консулата. Это мучение вызывалось застарелой кожной инфекцией, попавшей в его организм из-за лекарства, которое он принимал. От болезни совсем недавно его излечил опытный доктор Корвисар.

Я слышал, что во время осады Тулона был убит один из артиллеристов батареи, рядом с которой находился Наполеон. Было важно, чтобы стрельба из пушек не ослабевала. Наполеон схватил досылатель снарядов и несколько раз зарядил пушку. Через несколько дней он почувствовал болезненный зуд по всему кожному покрову. Он пытался вспомнить, когда и где он мог подхватить это заболевание. И тогда выяснилось, что артиллерист, из пылающей от зуда руки которого Наполеон выхватил досылатель снарядов, страдал от этой болезни. Под влиянием беззаботной юности, да к тому же отдавая полностью все свое время работе, Наполеон пренебрег возможностью пройти курс лечения. Он лишь ограничился приемом некоторых лекарственных средств, которые способствовали исчезновению только наружных признаков болезни, но ее ядовитый источник проник в его организм и нанес большой ущерб здоровью. Это обстоятельство и явилось причиной чрезвычайной худобы Наполеона и его плохого внешнего вида во время кампаний в Италии и Египте.

В период второго года Консулата, по мере того как здоровье Наполеона становилось все хуже и хуже, генерал Ланн настоял, чтобы он проконсультировался с доктором Корвисаром. Наполеон доверил этому доктору лечение своей болезни. Корвисар предписал диету и режим, которые дали прекрасный результат. Чем больше Наполеон узнавал Корвисара, тем выше его ценил, а когда он стал императором, то прикомандировал его к своей персоне в качестве первого и единственного медицинского советника. К тому времени Наполеон стал сравнительно тучным. Его тучность позднее усилилась за счет частого приема ванны, которой он пользовался, чтобы снять усталость. К слову сказать, у него вошло в привычку принимать ванну почти ежедневно, причем в неурочное время. Эту практику он значительно изменил после того, как его доктором было указано, что частый прием ванны, причем очень длительный по времени, ослабляет его организм и предрасполагает к ожирению.

Наполеон был небольшого роста, примерно 167 сантиметров, но крепкого телосложения, хотя верхняя часть тела была несколько удлиненной. У него была крупная голова, короткая шея и широкие плечи. Его ноги были стройными, а ступни маленькими и хорошей формы. Немного пухлые руки, которыми он явно гордился, имели изящный вид благодаря длинным и тонким пальцам. Лоб у него был высоким и широким, серые глаза с пронизывающим взглядом были удивительно подвижными; нос был прямым и хорошей, четкой формы. Зубы у него были довольно хорошими, рог прекрасно очерчен, верхняя губа слегка

опушена к уголкам рта, а челюсть немного выдвинута вперед. Кожа была гладкой, цвет лица бледным, но то была бледность, которая указывает на хорошую циркуляцию крови. Его прекрасные каштановые волосы, которые он во времена экспедиции в Египет носил длинными, сейчас подверглись короткой стрижке. Верхнюю часть его головы прикрывали жидкие волосы, оставлявшие весь лоб обнаженным.

Овал его лица и все черты были удивительно правильными. Когда он возбуждался, лицо принимало суровое и даже грозное выражение, внушавшее страх. В этот момент лоб и пространство между бровями приходили в яростное движение, напоминавшее волну бушующего моря; глаза извергали огонь; ноздри раздувались под влиянием разгоревшегося в душе гнева. Он, казалось, был вполне способен по желанию контролировать все эти взрывы страсти, которые, между прочим, с годами становились все менее и менее частыми. Он оставался хладнокровным, не теряя головы в экстремальных ситуациях. В обычное время его лицо излучало спокойствие, сдержанность и учтивую серьезность. Когда он находился в хорошем настроении или когда желал доставить кому-то удовольствие, то выражение его лица становилось нежным и ласковым, а все лицо светилось необычайно красивой улыбкой. В кругу домашних он смеялся громко, особенно когда подшучивал.

Полнота, которую он набрал в последние годы правления, отразилась больше на верхней части туловища, чем на нижней.

Мой портрет Наполеона был бы неполным, если бы я не упомянул о его шляпе без отделок и кружев, которую он украсил небольшой трехцветной кокардой, прикрепленной черным шелковым шнуром, а также о сером сюртуке, надетом на простой мундир полковника охраны. Эти шляпа и сюртук вошли в мировую историю вместе с ним. Они особенно выделялись среди мундиров, отделанных золотой и серебряной вышивкой, которые были на его генералах, а также на гражданских и военных офицерах из числа обслуживающего персонала.

Противоречивые мнения, высказанные школьными учителями Наполеона и его школьными инспекторами, доказывают, что, когда он был мальчиком, никто не подозревал, кем ему предстояло стать в один прекрасный день. На самом деле только после окончания военной школы он отдался учебе со всем рвением. Он часто говорил мне, что именно после этой даты постоянно работал по шестнадцать часов в день. Доминирующими качествами его характера были гордость и чувство собственного достоинства, особый воинственный инстинкт, склонность к форме, любовь к порядку и дисциплине.

Поступив в парижскую военную школу в возрасте шестнадцати лет, он обнаружил, что там привыкли к расточительству и расхлябанности. Это сильно потрясло его не по летам развитой ум. По этому поводу он направил меморандум помощнику начальника школы, в котором изложил коротко и ясно план реформ, позднее примененный им в школах Фонтенбло, Сен-Сир и Сен-Жермен.

Как правило, первый консул никогда не садился за свой письменный стол, за исключением того случая, когда нужно было подписать документ. Обычным местом, где он сидел, было небольшое канапе, покрытое зеленой тафтой. К канапе был приставлен маленький стол, на котором лежала ежедневная почта. Каждое утро письма предыдущего дня перекладывались с этого маленького стола на письменный, чтобы освободить место для самой свежей почты. Ширма заслоняла его от жара каминного огня. Мой письменный стол был поставлен в непосредственной близости от его стола. Такая расстановка сохранялась во всех местах и резиденциях, которые занимал Наполеон. Когда место позволяло, то географические карты, которыми он постоянно пользовался, раскладывались в соседней комнате. В эту комнату начальник топографического бюро входил только тогда, когда его вызывали. Когда Наполеону необходимо было использовать карту для решения вопроса, над которым он работал, мне приходилось выходить в ту комнату. В углах ее стояли два больших книжных шкафа, а между ними находились одни из тех больших настенных часов, которые назывались выверенными. К одной из стен был приставлен длинный застекленный буфет, мраморный верх которого находился на высоте груди. В буфете были расставлены картонные коробки. В кабинете стояли также несколько кресел и бронзовая статуэтка всадника, изображавшая прусского короля Фридриха Великого. Таков был простой набор мебели рабочего кабинета первого консула. Единственной роскошной вещью в кабинете был письменный стол, купленный на промышленной выставке и являвшийся шедевром мастера Бьеннэ. Простота вкусов Наполеона демонстрировалась в этом кабинете так же ясно, как и во всем, что касалось его личности.

Товарищи и друзья юности

Наполеон был окружен людьми, служившими живым напоминанием его юности. Вместе с ним, помимо Бурьенна, был полковник Лористон, который учился с ним в школе в Бриенне.

Священник Дюпюи, бывший шкальным наставником в его городе, проживал в Мальмезоне в качестве простого пенсионера. Швейцаром в Мальмезоне был человек по имени Горе, который ранее служил швейцаром в школе в Бриенне. Те, кто знал Наполеона в юности, сходятся во мнении, что он по своему характеру был добрым, сдержанным и задумчивым, что его не привлекали шумные удовольствия и что он был более склонен к занятиям науками, чем к личному совершенствованию. Он, однако, как говорят, отдал дань изящным искусствам. Как нас уверяли, существуют несколько его поэтических произведений, но они представляют собой лишь пробу пера. Я никогда не слыхал, чтобы он признавался в их авторстве.

Кабинет Наполеона

Мне никогда не надоедало осматривать комнату, в которую я попал после того, как меня допустили в Тюильри, и я не переставал смотреть на бумаги, разложенные на бюро Наполеона, но не решался дотронуться до них. Комната, которую он сделал своим кабинетом, была сравнительно большой, освещенной единственным окном с видом на сад. Основным предметом мебели в кабинете являлся великолепный письменный стол, поставленный в центре комнаты. Он был инкрустирован позолоченной бронзой, а его ножки были выполнены в форме грифонов. Общий вид стола представлял собой что-то вроде квадратного ящика со сдвигающейся крышкой, поэтому стол можно было закрыть, не потревожив лежавшие наверху бумаги. Кресло было античным по форме, его спинка задрапирована зеленым кашемиром, плиссированным и обтянутым шелковыми шнурами. Подлокотники кресла оканчивались головами грифонов.

Протокольные мероприятия в Тюильри

По прибытии в Тюильри в 1802 году я столкнулся со следующим действующим порядком протокольных мероприятий. Первый консул более не держал общего стола. Он обедал с госпожой Бонапарт и членами своей семьи. По средам, которые являлись днями сбора совета, он приглашал на обед консулов и министров. Второй завтрак он ел в одиночку, ограничиваясь самыми простыми блюдами. В качестве питья он употреблял вино Шамбертен, разбавленное водой, и единственную чашку кофе.

Генерал Дюрок был комендантом дворца. В число его обязанностей входили контроль над расходами, поддержание порядка во дворце и надзор за ним. Он главенствовал за столом, за которым обедали придворные дамы, дежурные офицеры и адъютанты первого консула.

Префектам дворца поручалось обслуживание внутреннего помещения, регулирование правил этикета и инспекция театров. Придворным дамам поручалось сопровождать госпожу Бонапарт, и именно они следили за порядком представления во дворце жен иностранных послов и высокопоставленных лиц.

Проблемы безопасности и жизнь семьи

В течение первого года Консулата было устроено несколько заговоров с целью покушения на жизнь первого консула. Все они инспирировались людьми, принадлежавшими к партии, побежденной 18 брюмера. Некоторые из этих заговоров были раскрыты еще до того, как их задействовали. Когда я стал работать во дворце первого консула, я не заметил каких-либо мер предосторожности, которые бы указывали на существование во дворце чувства подозрительности или страха. В Мальмезоне первый консул жил в обстановке очень спокойного домашнего очага. Он привык проводить с Жозефиной часы, которые не были заняты работой, различными торжествами или охотой. Он обедал вместе с семьей и после обеда заглядывал в свой кабинет и, если не задерживался там в связи с работой, возвращался в гостиную и играл в шахматы. Как правило, он любил беседовать в семейном кругу. Он обожал вступать в дискуссии, но никогда не навязывал своего мнения и не претендовал на собственное превосходство, как умственное, так и должностное. Когда приходило время для сна, госпожа Бонапарт следовала за ним в его комнату. Наполеон не тратил много времени на подготовку ко сну и не раз говорил, что всегда с удовольствием предается сну. Он говорил, что следовало бы воздвигнуть памятник в честь тех людей, которые изобрели постели и кареты. Однако ту постель, в которую он с наслаждением ложился, совершенно обессиленный от усталости, он очень часто покидал в течение ночи. Он привык вставать с постели после часа сна и был таким бодрым и с такой ясной головой, словно спокойно спал всю ночь. Как только он ложился, его жена устраивалась в ногах постели и начинала читать вслух. Поскольку она читала очень хорошо, он с удовольствием слушал ее.

Жозефина сама распоряжалась своим временем. В течение

дня она принимала многочисленных посетителей. Она привыкла есть второй завтрак со своими друзьями, как с новыми, так и со старыми. Она не рисовала и не музицировала. В ее комнате стояла арфа, на которой она играла, если не было занятия получше, и обычно она наигрывала одну и ту же мелодию. Ей нравилось ткать гобелены, и она привлекала к этой работе прислуживавших ей женщин или гостей, чтобы они помогали. Подобным образом ей удалось обеспечить покрывалами всю мебель в гостиной Мальмезона.

Восстановление мира с Англией позволило Жозефине вести переписку с некоторыми английскими ботаниками и с людьми, возглавлявшими основные лондонские питомники, от которых она получила редкие саженцы и кустарники, пополнившие ее коллекцию. Она имела обыкновение давать мне эти письма из Англии, чтобы я переводил их на французский. В Мальмезоне у Жозефины вошло в привычку регулярно навещать теплицы, к которым она проявляла особый интерес. Вечерами она часто проводила время у столика, за которым шла игра в триктрак. Эту игру она очень любила и играла в нее хорошо и быстро. В Мальмезоне, в помещении маленького театра с залом на двести зрителей, силами членов семьи давались спектакли. По воскресеньям устраивались балы, во время которых, бывало, танцевал и Наполеон. В подобной патриархальной жизни он находил особое очарование.

Наполеон не всегда придерживался низкого мнения о поэзии; или, пожалуй, я должен сказать, что он смотрел на известных поэтов в тот период его жизни, о котором я веду речь, как на глашатаев его славы. Войдя в Консулат, он часто заигрывал не только с учеными, но также и с поэтами и писателями.

Я не мог отделаться от чувства изумления, когда обнаружил такую простоту привычек у такого человека, как Наполеон, который на расстоянии казался столь величественным. Я ожидал, что он окажется грубияном, с капризным и вспыльчивым характером. Вместо этого я увидел терпеливого, снисходительного человека, которому можно легко угодить, совсем не трудного в общении, оживленного, готового к шумному веселью с подшучиванием, а иногда даже просто очаровательного друга. Но фамильярность с его стороны, однако, вовсе не означала, что он готов дать какие-либо основания для взаимности в этом плане. Наполеон с самого начала пожелал, чтобы я чувствовал себя с ним совершенно свободно, и как следствие этого — с первого же дня службы я не испытывал никакого смущения в его присутствии. Я не ощущал перед ним никакого страха, и это мое состояние еще более укрепилось, когда мне

удалось увидеть его нежные отношения с Жозефиной, усердную преданность ему офицеров, добросердечность его отношений с консулами и министрами, дружеское, почти фамильярное поведение с солдатами.

Проблемы Бурьенна

Г-н Бурьенн, которого я фактически заменил, хотя и не номинально, был однокашником Наполеона в военной школе. Они начали свои военные карьеры вместе, и Бурьенн последовал за Наполеоном в Италию и Египет. Их близость, общие привычки и идеально тактичное поведение Бурьенна по отношению к первому консулу создали отношения, основанные на полном доверии, которым, казалось, суждено продолжаться вечно. Первый консул назначил Бурьенна государственным советником по особым поручениям и предоставил ему права и прерогативы, которые сделали его важной персоной в государстве. Он вел непосредственную переписку с министрами. Наполеон обращался с Бурьенном как с другом и часто отправлялся с ним в парк Сен-Клу пешком или в легком двухместном кабриолете. Г-жа Бурьенн вела почти независимый образ жизни. Она не питалась и не спала во дворце. Ее муж купил очаровательный дом в Сен-Клу, с роскошью обставил его, и у него стало обычаем давать там обеды, на которые приглашались министры, особенно Фуше, сенаторы, государственные советники и тому подобные личности. Его расходы и покупки далеко выходили за рамки его личного состояния, размер которого был известен первому консулу. Хотя их личные взаимоотношения, казалось, не изменились, но раздражение Наполеона, которое он все еще скрывал от Бурьенна, иногда прорывалось в замечаниях, оброненных в моем присутствии. У меня создалось впечатление, что, судя по всему, в распоряжении первого консула появились какие-то жалобы на Бурьенна, которые он недостаточно полно расследовал. Неудачное дело братьев Кулонов положило конец колебаниям первого консула и стало последней каплей, переполнившей чашу. Однажды в среду, которая была днем совещания совета кабинета министров, я был, как обычно, занят в кабинете первого консула, когда вдруг увидел, как он стремительно вошел в кабинет. Он спросил меня, находится ли Бурьенн в своем кабинете, и, получив утвердительный ответ, вызвал его. Бурьенн подошел, несколько встревоженный побужденным видом первого консула. Первый консул заявил ему суровым тоном: «Отдайте все бумаги и все мои ключи, находящиеся у вас, Меневалю и уходите. И никогда

больше не попадайтесь мне на глаза». После этих слов первый консул пошел обратно на совещание совета, с силой захлопнув за собой дверь.

Г-н Бурьенн, поначалу ошеломленный этой жестокой тирадой, затем предался чувству крайнего отчаяния. Я сделал все, что мог, чтобы успокоить его. Я пытался утешить его надеждами на лучшее, которые, как я знал, окажутся иллюзорными, ибо на что можно было надеяться после решения, столь лаконично и резко сформулированного? А вот что вызвало взрыв негодования у Наполеона. Примерно в то же самое время, когда я был призван на службу к Наполеону, Бурьенн благодаря своему положению и связям с военным министерством получил контракт на поставку военного снаряжения и инвентаря. Поскольку его имя нельзя было упоминать в этой сделке, контракт был составлен от имени братьев Кулон. Банковская фирма выдала сумму для осуществления предприятия в размере 800 000 франков под закладную, предоставленную Кулонами, но потребовала, чтобы Бурьенн был поручителем займа. Вскоре после этого братья Кулон обанкротились, а банк возбудил судебное дело против Бурьенна как поручителя. Бурьенн отрицал всякую ответственность за долги Кулонов. Последовал судебный процесс, который он проиграл.

Это спекулятивное дело, в котором, как было сказано, участвовал Бурьенн, вызвало сильное раздражение у Наполеона, у которого было чувство непреодолимого отвращения ко всему, что он называл «деланием бизнеса».

Для меня было бы неприятным занятием перечислять все те жалобы, которые накопились у Наполеона в адрес Бурьенна.

Я не думаю, что Бурьенн был автором мемуаров, опубликованных под его именем. В 1825 году в Париже он рассказал мне, что его попросили написать книгу против императора. «Несмотря на все то зло, которое он мне причинил, — добавил он, — я бы никогда не решился пойти на это».

Тяжелое финансовое положение, в которое он попал, да к тому же еще и омраченное глубоким чувством обиды за перенесенный им незабываемый позор, способствовало тому, что его не стали смущать финансовые предложения, последовавшие в его адрес. Установлено, что издатель мемуаров Бурьенна предложил ему в то время, когда он сбежал в Гольдштейн от своих кредиторов, сумму, как утверждалось, в размере тридцати тысяч франков за его подпись в качестве автора. Г-н Бурьенн, уже пораженный болезнью, которая свела его в могилу через несколько лет в Каене, дал согласие на публикацию этих

мемуаров под своим именем.

Коллеги Наполеона

Прежде чем рассказывать о том, как трудился первый консул в то время, когда я поступил к нему на службу, я должен хотя бы немного рассказать о людях, которых он призвал к себе, чтобы они помогали ему управлять государством.

Как всем известно, его двумя коллегами по Консулату были Камбасерес и Лебрен. Первый, знающий юрист, благополучно избежал невзгод самых бурных лет революции благодаря своей врожденной осторожности и опыту. Революция 18 брюмера застала его в должности министра юстиции в правительстве Директории.

Третьим консулом был Лебрен. Работая ранее у канцлера Mono, он писал речи и документы этого магистрата, которые во время реформы парламентской системы во Франции сделали их автора знаменитым.

Он привлек к себе внимание участием в различных ассамблеях, часть из которых, начиная с Генеральных Штатов и кончая Советом Старейших, он сформировал сам благодаря своим исключительным знаниям финансовых дел и рвению при осуществлении реформ.

Выбор этих двух лиц показал осмотрительность Бонапарта, и этот триумвират создал наилучшие условия для работы ассоциации, которые только можно было желать.

Государственный совет

Государственный совет, разделенный на пять секций — законодательную, по внутренним делам, финансовую, по военным и морским делам, — готовил проекты законов, которые члены того же совета были обязаны защищать в дискуссиях с законодательным корпусом. Устав общественной администрации, общественные дела в судебных процессах, конфликты между судами и администрацией, внутренние конфликты между различными общественными организациями, все вопросы деятельности правительства, а иногда и вопросы внешней политики — все это обдумывалось на Государственном совете и на нем же принимались решения.

Государственный совет был той точкой опоры нового правительства и той творческой мастерской, в которой тщательно

разрабатывались создаваемые там же важные акты. Различные секции действовали под руководством государственных советников. Объединенные секции заседали несколько раз в неделю под председательством первого консула. Дискуссии проходили в совершенно свободной обстановке; каждый государственный советник имел право выразить свою точку зрения, какой бы она ни была. Первый консул даже вызывал столкновение противоречивых мнений, возражая против того, чтобы заранее сообщалось о том, чего бы он хотел сам. Иногда случалось так, что он уступал мнению большинства, хотя при этом заявлял, что убедить его все же не удалось. Он вызывал на заседания Государственного совета самых различных, но способных людей, включая революционеров и роялистов, вне зависимости от их приверженности к тому или иному мнению, требуя от них только добросовестности, честности и желания помочь ему в решении задачи, которую он поставил перед собой. Соответственно, совет являлся редким соединением выдающихся и разнообразных талантов.

Число государственных советников не было ограничено. Иногда их набиралось до двадцати пяти. Примерно двенадцать советников существовало для выполнения чрезвычайных поручений.

Амнистия и другие вопросы государственной политики

Наиболее важными вопросами, решением которых был занят первый консул в то время, когда я стал служить у него, были проблемы амнистии эмигрантов, учреждения общественных школ — прелюдия к широкой университетской реорганизации, модификация положения конституции, которое ограничивало срок пребывания первого консула у власти до десяти лет, и, наконец, учреждение ордена Почетного легиона.

Фактически не прошло и двух недель, как был опубликован декрет об отзыве эмигрантов. Амнистия была им пожалована указом Сената. Исключение было сделано только в отношении тех эмигрантов, которые командовали войсками, сражавшимися против республики, тех, кто служил в иностранных армиях, тех, кто оставался на службе у принцев семьи Бурбонов, тех генералов и представителей группировок, которые участвовали в заговорах с врагом, и, наконец, тех прелатов, которые отказались покинуть свои епархии. Было отдано распоряжение, что число людей, не подлежавших амнистии, не должно превышать тысячу и что должно быть сокращено до пятисот человек в течение года.

Девять десятых из ста пятидесяти тысяч французов, которые эмигрировали и сформировали антинациональное население за границей, в свое время выехали из страны просто из чувства страха, в результате принуждения или в силу несбыточных надежд, которые вскоре были развеяны. Их возвращение домой не представляло какой-либо опасности для страны. Более важной была проблема возвращения поместий, которые не были проданы, поскольку этот вопрос главным образом касался наиболее влиятельных и наиболее враждебных семей. Сохранение их поместий в руках правительства привело бы к тому, что они влились бы в ряды жестокой оппозиции. А выдача им их владений означала бы ликвидацию всякого чувства благодарности за амнистию. Лесные угодья составляли колоссальное богатство в руках главных эмигрантов. Было принято половинчатое решение, в соответствии с которым поместья с лесными угодьями, превышающими триста акров, не возвращались их бывшим владельцам. Этим решением правительство отдалило от себя семьи, чьи владения в основном состояли из лесных угодий. Но индивидуальная реституция, проведенная императором, вернула ему поддержку этих семей.

Закон, последовавший вслед за декретом об амнистии эмигрантов, имел отношение к организации общественного просвещения и являлся проектом учреждения университетов. В каждом округе были созданы лицеи, находившиеся в юрисдикции апелляционных судов. Эти общественные школы руководились профессорами, назначаемыми государством, и передавались на содержание общественной казны. Для того чтобы обеспечить успех всех этих нововведений, было установлено шесть тысяч четыреста стипендий, из которых две тысячи четыреста стипендий были предоставлены на основе конкурсных экзаменов ученикам средних школ. Этим же декретом были учреждены специальные школы для изучения законодательства, естественных наук, физики, математики и рисования, в также военные школы.

Политическая борьба в связи с учреждением ордена Почетного легиона

15 августа 1802 года Наполеон учредил орден Почетного легиона. Когда соответствующий законопроект был представлен Государственному совету, он подвергся резкой критике. Первый консул весьма успешно защитил законопроект, опираясь лишь на силу логики. Трибунат и законодательный корпус в конце концов

проголосовали за этот закон, но с очень небольшим преимуществом — не с тем, на которое рассчитывало правительство. Красноречие первого консула, широкий размах его вдохновенных суждений, аргументы, взятые на вооружение толкователем и учредителем законопроекта, — все это не смогло убедить отдельных противников законопроекта. Тех самых, кто еще вдохновлялся идеями равенства, взлелеянными революцией, и упорно стоял на своем при обсуждении вопроса об учреждении знака отличия подобного рода, хотя и не дающего каких-либо привилегий. Для них это был удар, направленный против духа и принципов революции. Великая идея об учреждении уникального знака отличия, не предоставляющего никаких исключительных прав и тем самым являющегося неким символом равенства — поскольку солдат наравне с фельдмаршалом, простой гражданин наравне с принцем — все имеют возможность получить этот знак отличия, знак, который сам по себе оказался способен творить чудеса, — не нуждается в каком-либо оправдании, с моей точки зрения. Эта великая идея защищает себя сама.

II. Подготовка к Империи

Меневаль

Конституция

Проект изменения статьи конституции, ограничивающей срок пребывания первого консула в его должности до десяти лет, дал повод для многочисленных дискуссий. Посовещавшись, сенаторы пошли на то, что прибавили главе государства вторые десять лет власти. Эта прибавка принципиальным образом не решила вопроса о незыблемости положения первого консула. Государственный совет дал понять в своей нотификации, что это предложение о временной отсрочке должно быть заменено решением о пожизненной должности главы государства. Первый консул в своем письме Сенату выразил пожелание, чтобы этот вопрос был решен в соответствии с мнением и санкцией народа. В результате декрет консулов предписал, что с французской нацией следует посоветоваться по вопросу: «Должен ли Наполеон Бонапарт стать пожизненным консулом?» Более трех с половиной миллионов человек, принявших участие во всенародном плебисците, ответили на этот вопрос утвердительно.

В течение первых шести месяцев, последовавших за Амьенским миром, первый консул вел почти праздную жизнь в Мальмезоне, размышляя о тех усовершенствованиях, которые он мог бы ввести в различных департаментах государства, о поддержке, которую он мог бы оказать сельскому хозяйству и отраслям промышленности, о различных работах, которые можно было бы выполнить для улучшения дел в Париже и придания ему более красивого вида, о тех департаментах, которые он предполагал посетить по очереди, и, наконец, о гуманитарных науках.

Академии

Внимание Наполеона было также занято программой реорганизации академий. Термин «академия» был запрещен. Институт академии был разделен на четыре секции. Первая секция получила название «Класса физических и математических наук». Вторая секция стала называться «Классом французского языка и литературы». Третьей секцией был «Класс древней истории и литературы», а четвертой — «Изящные искусства». «Класс моральных и политических наук» был ликвидирован и

слился с классом «Литературы». Он показался ненужным первому консулу. Основным мотивом, подтолкнувшим его к принятию подобного решения, не являлась, как говорилось, его неприязнь к философии: тогда он был уверен в том, что обсуждение политических вопросов — не совсем правильное и своевременное занятие.

Констан

Переезд в Сен-Клу

Мальмезон становился все менее подходящим местом для первого консула, чей обслуживающий персонал, так же, как и персонал госпожи Бонапарт, увеличивался не по дням, а по часам. Понадобилось гораздо большее здание, и первый консул остановил свой выбор на Сен-Клу.

Жители Сен-Клу направили петицию в законодательный корпус, умоляя, чтобы первый консул превратил их замок в свою летнюю резиденцию.

В течение первых дней своего пребывания в Сен-Клу первый консул спал в одной постели с женой; впоследствии это стало противоречить правилам этикета, и, как результат, супружеская привязанность несколько охладела и, в конце концов, первый консул занял комнату в некотором отдалении от апартаментов госпожи Бонапарт. Для того чтобы попасть в ее спальню, ему надо было пройти по длинному коридору, по обеим сторонам которого располагались комнаты фрейлин, служанок и т. д.

Когда ему хотелось провести ночь с женой, он раздевался в своей спальне и отправлялся к ней в халате и ночном колпаке. Я шел впереди него со свечой в руке.

Меневаль

Семейная жизнь в Сен-Клу

После Амьенского мира восемь или девять месяцев прошли поровну в поездках между Мальмезоном и Сен-Клу, куда первый консул въехал, определив его своей новой резиденцией весной того же года. Дворец в Сен-Клу, хотя и не очень большой, оказался прекрасным и комфортабельным местом, вполне отвечавшим вкусам и привычкам Наполеона. Его рабочий кабинет занимал большую площадь, а вдоль стен кабинета стояли книжные шкафы до самого потолка, до отказа заполненные книгами. Наполеон сам набросал чертеж своего письменного стола, который был выполнен в форме виолончели. На крыльях стола раскладывалась масса бумаг. Для себя Наполеон облюбовал канапе, покрытое зеленой тафтой, стоявшее около каминной полки, которую украшали два прекрасных бронзовых бюста — Сципиона и Ганнибала. Позади канапе, в углу, стоял мой письменный стол. В кабинет можно было пройти через спальную комнату, которую он не занимал. Его апартаменты находились этажом выше и сообщались со спальной комнатой потайной лестницей. Апартаменты состояли из трех комнат с простой мебелью. Единственным украшением спальной комнаты на первом этаже с видом на сад был античный бюст Цезаря, стоявший на каминной полке. За кабинетом первого консула была маленькая гостиная, в которой он обычно принимал министра иностранных дел.

Когда Наполеон стал императором, он каждое воскресенье во время обеда принимал всех членов своей семьи, оказавшихся в Париже, и проводил с ними вечер в этой гостиной. Большой балкон, на который можно было попасть прямо из гостиной, сообщался и с личными апартаментами Наполеона, и с апартаментами Жозефины, которые позднее заняла Мария Луиза.

Примерно в это же самое время в Сен-Клу был вызван Канова. Он прибыл туда, чтобы сделать бюст Наполеона, и с энтузиазмом отдавался этой работе в течение нескольких дней, проявив невероятное рвение. Первому консулу второй завтрак обычно подавался в большой гостиной, которая вела в его апартаменты, поэтому знаменитый скульптор мог свободно заниматься своей работой во время этой трапезы. Завершив работу над бюстом, Канова потом создал колоссальную статую Наполеона, отправленную им в Париж в 1811 году. Именно эта статуя была

куплена герцогом Веллингтонским или отдана ему правительством в 1815 году. Статуя была переправлена в Англию в качестве трофея.

Театр в Сен-Клу

В Сен-Клу, для того чтобы добраться до театрального зала, надо было пройти всю оранжерею; и мало что могло быть более элегантным, чем оранжерея, специально украшенная в связи с театральными представлениями. Ряды редких растений располагались ярусами и подсвечивались лампами; а зимой ящики в оранжерее были не видны из-за густо покрывавших их цветов и мхов. Освещаемые лампами, они создавали удивительно очаровательную картину.

Партер театра был обычно заполнен генералами, сенаторами и государственными советниками; первые ложи были забронированы для принцев и принцесс императорской семьи, иностранных принцев, маршалов, их жен и для почетных гостей с женами. Второй ярус занимали придворные. В антрактах подавались мороженое и легкие закуски; но в одном случае было восстановлено старинное правило этикета, которое пришлось актерам сильно не по нраву: во время спектакля запрещались аплодисменты, и Тальма часто говорил мне, что подобная холодность со стороны зрителей в определенные моменты пагубно сказывалась на игре актеров, поскольку они нуждаются в реакции на свою игру. Тем не менее иногда случалось так, что император, выражая удовлетворение игрой, слегка похлопывал рукой по ладони, тем самым давая видимый знак; и тогда, а также во время кульминационных моментов спектакля, мы слышали если не аплодисменты, то по крайней мере приглушенный звук голосов, который зрители были не в состоянии сдержать.

Основная привлекательность собраний блестящего общества в театре заключалась в присутствии самого императора; и, соответственно, приглашение в театр в Сен-Клу было честью весьма желанной. При императрице Жозефине представлений во дворце не давалось, если отсутствовал император; но когда Мария Луиза оставалась во время дрезденской кампании одна в Сен-Клу, то в течение недели игрались два спектакля, и перед ее величеством был проигран последовательно весь репертуар Гретри. В конце каждого спектакля всегда показывался небольшой балет.

Театр в Сен-Клу во многих случаях был театром для

премьерных показов. В то время этому не придавалось особого значения; но непогрешимый вкус императора при выборе пьес и актеров был поистине удивительным. Он обычно отдавал г-ну Сорвисару предпочтение в решении подобных вопросов.

Посещение канала на реке Урк

Наполеон отправился в поездку осмотреть работы на реке Урк, где недавно началось сооружение канала. С этой целью он выехал в конце января в шесть часов прекрасного утра в сопровождении нескольких генералов и трех адъютантов. Он проехал верхом более восемнадцати лье (почти восемьдесят семь километров), составлявших протяжение канала, за пять часов. Ночь он провел в Лизи. На следующий день на рассвете первый консул верхом добрался до Марей, откуда должна была браться вода для канала. В этой поездке я сопровождал его верхом.

Поездка в северные департаменты

Примерно в это же время монотонность кабинетного образа жизни Наполеона была нарушена двухнедельной поездкой, которую он совершил в департаменты Нижней Сены и Уазы. В этой короткой поездке Наполеона сопровождала госпожа Бонапарт. Первый консул посетил военную школу Сен-Сир, где внимательно проверил каждую мелочь. В Иври он посетил поле, ставшее знаменитым благодаря победе Анри IV, и, сопровождаемый мэром и большой делегацией граждан города, осмотрел позиции, которые занимали две армии. Он изучил, полагаясь на свою воинскую интуицию, знаки прошедшего сражения, которые ему демонстрировали, и, окидывая взглядом поле битвы, давал оценку ошибкам или искусству тактики как побежденных, так и победителей.

Внимание первого консула привлекли суконные фабрики в Лувьере и в Элбефе, а также цехи по литью меди в Рамилли, состояние этих дел вызвало у него озабоченность. Через два дня после отъезда из Парижа первый консул прибыл в Руан. Три дня он посвятил рекогносцировке высот, окружавших город, — этим он всегда занимался в первую очередь, посещая любой большой город, — после чего побывал на фабриках. Осматривая промышленные предприятия, он вникал в проблемы, докапывался до самой сути — эта черта всегда была для него характерной, так же, как и желание способствовать процветанию нации.

Из Руана первый консул направился в Гавр. Он останавливался в Кодебеке, в Больбеке и в Иветоте. Он поднимался на борт люгера в пять утра, чтобы посетить Гонфлер, сопровождаемый г-ном Монкабрие, капитаном судна. На обратном пути он побывал в Дьеппе, Трепорте, Форже и Бове. Во всех этих промышленных городах, через которые он проезжал, для него устраивались выставки предметов местной промышленности.

Отставка Фуше

1802 год ознаменовался отставкой Фуше и ликвидацией министерств полиции и юстиции, объединенных в единый департамент.

У Наполеона вызывало раздражение, когда он видел, как Фуше, несмотря на совершенно ясные приказания первого консула, вмешивается в дела его дома, в его семейные отношения, и все это под предлогом осуществления необходимого полицейского надзора. Он был счастлив, когда отделался от опеки подобного человека.

Однако уже через два года после отставки Фуше вновь появился в коридорах министерства. Наполеон вновь отстранил его от должности в 1810 году, но опять призвал на службу в 1815 году.

Жозеф Бонапарт сформулировал мотивы, которые побудили первого консула сначала ликвидировать министерство полиции, а потом вновь восстановить его.

Министерство полиции является органом, учрежденным Директорией, а не Конвентом. Оно ведет начало с 1796 года. У Революции был комитет общественной безопасности. Наполеон учредил министерство полиции. Он сохранял министерство до тех пор, пока не понял, что может обойтись без него. Он объединил его с министерством юстиции в 1802 году после подписания общего мирного соглашения, с тем чтобы заменить ревностную, проворную и своевольную деятельность специальной организации на медленную и методичную процедуру магистратов генеральных прокуроров. Но возникали заговоры. Нерасторопные действия департамента юстиции не могли удовлетворять в создавшихся условиях. Необходим был возврат к полицейским мерам.

Военные власти в провинциях имели право перехватывать письма, вскрывать их, использовать в своих целях их содержание, посылать копии или даже оригиналы в Париж, где они читались

членами Директории, министрами и их друзьями. Первый консул, назначая своего бывшего адъютанта Лавалетта министром почт, запретил перехватывать любые письма и сообщать их содержание каким-либо властям, а также он возложил на некоторых почтмейстеров ответственность за невыполнение поручения по пресечению подобных нарушений.

Констан

Поездки и привычки

В начале 1803 года первый консул совершил поездку в Булонь и посетил Пикардию, Фландрию и Бельгию, чтобы организовать экспедицию, которую он замышлял против Англии, и организовать защиту северного побережья Франции. В августе он вернулся в Париж, но в ноябре осуществил вторую поездку в Булонь.

Эти постоянные поездки оказались слишком затруднительными для Гамбара, первого камердинера, который уже продолжительное время жаловался на слабое здоровье; и когда первый консул готовился отправиться в свое первое турне не север, Гамбар попросил не брать его с собой. «Если ты покинешь меня, то кто тогда будет меня брить?» — «Генерал, — ответил Гамбар, — Констан знает не хуже меня, как брить». Я присутствовал при разговоре и в этот момент как раз занимался тем, что одевал первого консула. Тот взглянул на меня и сказал: «Хорошо, плутишка, если ты действительно искусен в этом деле, то докажи это прямо сейчас. А мы посмотрим, как ты справишься».

Некоторое время я практиковался в искусстве бритья. Я платил парикмахеру за то, чтобы он обучил меня своему ремеслу, и даже в свободное от работы время проходил обучение в его салоне, где брил клиентов. Щеки этих людей слегка страдали, прежде чем я стал достаточно ловок для того, чтобы прикоснуться бритвой к щеке первого консула; но благодаря моим постоянным опытам над бородами представителей парижской общины я достиг такой степени совершенства, что почувствовал в себе необыкновенную уверенность. Итак, подчиняясь приказу первого консула, я налил в миску теплой воды, храбро раскрыл бритву и приступил к операции. Но только я собрался приложить бритву к лицу первого консула, как он резко встал на ноги, повернулся ко мне и в упор уставился на меня жестким взглядом, в котором угадывались явная суровость и внимательный вопрос. Видя, что я нимало не смущен, он снова уселся и уже мягким гоном произнес: «Приступай». Что я и сделал с достаточной ловкостью. И когда я закончил, он заявил мне: «Отныне брить меня будешь ты». И действительно, после этого он не позволял никому, кроме меня, брить его. С этого времени мои обязанности стали намного более обременительными, ибо каждый день я должен был брить

первого консула; и признаюсь, что это было нелегким делом: поскольку, пока я брил его, он часто разговаривал, а я был обязан принимать величайшие меры предосторожности, чтобы не порезать его. К счастью, этого никогда не случалось. Если случайно он не говорил, то оставался совершенно неподвижным и застывал, словно статуя. В такой момент его голову нельзя было ни опустить, ни приподнять, ни склонить в сторону, что было необходимо для того, чтобы без затруднений закончить работу. У него была странная привычка выжидать, когда ему намылят пеной одну сторону лица, затем побреют ее, не приступая к бритью другой стороны. Он никогда не разрешал мне переходить к работе над другой стороной лица, пока я окончательно не завершил бритье первой.

Я брал на себя смелость убеждать его в том, чтобы он брился сам, поскольку, как я только что говорил, он, не желая, чтобы его брил кто-либо иной, кроме меня, должен был ждать той минуты, когда меня могли бы уведомить о его готовности бриться. Это было особенно неудобно в армейских условиях, ибо час его подъема с постели никогда не был одним и тем же. Довольно долгое время он отказывался воспользоваться моим советом: «А, ха-ха! Господин бездельник! — бывало, говорил он мне, посмеиваясь. — Тебе очень хочется, чтобы я выполнял половину твоей работы»; но в конце концов мне удалось добиться, чтобы он согласился с разумностью моего совета.

Поначалу, когда он пытался на практике использовать мои уроки, то создававшаяся ситуация оказывалась больше тревожной, чем забавной. Император (тогда он уже был им), несмотря на преподанные ему уроки, которые я постоянно сопровождал необходимыми иллюстрациями, все-таки не понимал, каким образом следует держать бритву. Он, бывало, хватал ее за ручку и подносил перпендикулярно к щеке, вместо того чтобы плоско положить лезвие; иногда он неожиданно резко проводил бритвой по щеке, при этом обязательно делая себе порез, и тогда быстро отстранял руку, крича: «Теперь ты видишь, негодяй, ты заставил меня порезать себе щеку». После этого я обычно отбирал у него бритву и сам заканчивал операцию. На следующий день та же самая сцена повторялась вновь, только с меньшим количеством крови из пореза; и с каждым днем искусство императора росло, пока, наконец, благодаря моим бесчисленным урокам он не стал таким экспертом в мастерстве бритья, что смог обходиться без меня.

Меневаль

Покупка Луизианы

Луизиану, которая прежде принадлежала Франции, уступили Испании на основании секретной статьи договора 1763 года, к большому разочарованию и недовольству ее обитателей, а также к немалому сожалению версальского кабинета. Англия никогда не переставала домогаться этой провинции, которая примыкала к ее американским владениям. Наши приморские торговые города в интересах мореходства на Антильские острова надеялись на возможность возвращения этой колонии. Первый консул, ознакомленный с этим положением и имея в виду будущее, приступил к переговорам с мадридским двором, касающимся возвращения этой территории. В соответствии с договором между Францией и Испанией в конце 1800 года мы снова вступили во владение Луизианой. Когда разрыв Амьенского мира стал неизбежен, Наполеон посчитал, причем совершенно правильно, что наши морские силы не будут в состоянии защитить все наши колонии превосходящих сил английского флота и что захват Луизианы, в первую очередь, не представит трудности для Англии.

Наполеон хотел оградить Луизиану от посягательств Англии и в то же время положить конец всем ее надеждам на возможность когда-либо овладеть этой территорией. С этой целью Наполеон был готов уступить Луизиану в полной сохранности Соединенным Штатам. Он добивался, чтобы американцам была предложена Луизиана в обмен на денежную компенсацию.

Правительство Соединенных Штатов и не мечтало приобрести всю колонию, ограничиваясь надеждами заполучить только Новый Орлеан, и американский посол поэтому выслушивал предложения французов с определенной долей недоверия.

Тем временем в Париж прибыл новый посол, г-н Монро, облеченный всеми полномочиями. Г-н Барбе-Марбуа, представитель Франции в переговорах, немедленно связался с ним. Г-н Ливингстоун, первый посол, предлагал тридцать миллионов в качестве цены за Луизиану. Г-н Марбуа потребовал восемьдесят миллионов. В конце концов американские послы согласились. Наполеон опасался, как бы разрыв с Англией не произошел до того, как состоится передача Луизианы, в этом случае он мог предложить американцам только документ,

подтверждавший право собственности. Две конвенции были подписаны 13 апреля 1803 года.

Английское правительство было чрезвычайно раздражено, узнав, что владельцами Луизианы стали американцы.

Инцидент с каретой

В начале 1803 года первый консул, находившийся тогда в Сен-Клу, захотел сам править каретой, запряженной четырьмя молодыми лошадьми. В карете сидели госпожа Бонапарт и ее дочь Гортензия. Наполеон забрался на козлы кареты, стоявшей перед ступеньками парка Сен-Клу. Подъехав к ограде, отделявшей этот парк от частного владения, Наполеон потерял контроль над очень молодыми и горячими лошадями. Они ринулись на ограду с таким неистовством, что Наполеон был сброшен со своего сиденья на гравий дорожки. Я наблюдал за его отъездом с некоторым беспокойством, но когда увидел, как он плавно и тихо отъехал, успокоился. Внезапный крик и вид остановившейся кареты заставили меня со страхом подумать, что случилось нечто весьма неприятное. Я бросился к месту происшествия и прибежал в тот момент, когда первый консул все еще сидел на земле, пытаясь собраться с мыслями. К счастью, его падение с козел кареты осталось без последствий, все кости оказались целыми и даже не было сильных растяжений, и не было причин волноваться, что Наполеон мог получить внутренние повреждения. Он отделался всего лишь легким растяжением руки и несколькими царапинами, в результате чего был вынужден ходить с повязкой на правой руке, что мешало ему подписывать бумаги в течение нескольких дней.

Разрыв Амьенского мира

Разрыв Амьенского мира в 1803 году вывел Наполеона из состояния покоя в самый разгар мирной жизни, которая, к сожалению, не была предопределена ему судьбой. Если бы его неутомимая энергия не была направлена к другой цели, какие чудеса мог он совершить во время мира благодаря творческой силе его гения и власти, которой он был обязан своей славе! Его украшали и оливковая ветка мира, и лавры победителя. Была умиротворена вся Европа. Какой славы ему еще недоставало? Поддержать развитие сельского хозяйства, промышленности, наук и искусств, а также сделать Францию такой же счастливой в

состоянии мира, как он сделал ее могущественной благодаря военным победам. Но всем этим мечтам о мире и процветании, которым он любил предаваться, было предназначено угаснуть перед лицом его судьбы. И если когда-либо иллюзия относительно его будущего и возникала в его сильном и проницательном уме, то с этого дня и навеки она была изгнана.

Поведение Англии произвело глубокое впечатление на этот восприимчивый ум, столь впечатлительный и столь же способный ответить на подобное поведение со всей прямотой и решительностью. Провокационные действия, направленные против власти и жизни первого консула и оплачиваемые золотом английским кабинетом министров, высадка шестидесяти убийц на наши берега для совершения преступной попытки убийства, скрытые интриги, целью которых был подкуп французских генералов, отличившихся своими громкими победами, ложь и коррупция, стучавшиеся в каждую дверь, — все это наполнило его душу сильнейшим негодованием.

Он был вынужден признать, что нет места надежде ни на перемирие, ни на мир с этим коварным врагом. Теперь он мог только полагаться на превосходство своей мощи и на необычные средства борьбы, поскольку это была война не на жизнь, а на смерть.

С этого момента и впредь для него стало единственной целью жизни вернуть сполна Англии все то зло, которое она пыталась причинить нам. Его привычки изменились; его гений, который, казалось, погрузился в дремоту, разом проснулся, полный мужества и дерзаний. Он достиг высот в весьма трудное время, причиной которого были наши внешние враги, он стал выше их. Его активность стала просто удивительной, он не требовал ни от кого помощи. С этого момента и далее для него началась новая жизнь, жизнь, полная действия и беспрерывной борьбы, жизнь, отданная тяжелейшему труду, опасностям всякого рода, наиболее плодотворным и наиболее отчаянным замыслам, жизнь, не позволявшая ему делать никаких отклонений от намеченного пути.

Разработка планов вторжения

Наполеон принял решение высадить десант в Англии, а затем продиктовать условия мира в самом Лондоне. Он сосредоточился на идее объединения всех лучших плавательных средств, с помощью которых армия в сто пятьдесят тысяч человек могла быть переправлена через Ла-Манш на берег Англии. Он считал,

что именно такая численность армии необходима для осуществления экспедиции. Он решил использовать небольшие суда, удобные для мореходства, снабженные всем необходимым и приемлемые для портов, выбранных для высадки. Эти суда разделялись на канонерские лодки, шлюпы с пушками и баржи. Корабли больших размеров требовались для транспортировки лошадей, артиллерии и запасов провизии. Было закуплено несколько больших одномачтовых рыболовных судов, размешенных вдоль побережья. Все порты и даже бассейны рек использовались в качестве доков для постройки флота, необходимого для вторжения.

Первый консул сформировал на побережье шесть лагерей, которые предназначались для снабжения войск.

Желая атаковать Англию с различных точек, но в одно и то же время, Наполеон отдал приказ о проведении экспедиции в Ирландию. Для этой цели он выделил восемнадцать тысяч человек, сформировавших лагерь в Бресте.

Распорядившись о принятии всех необходимых мер в целях гарантии зашиты и безопасности Франции, учитывая новую ситуацию, в которой мы оказались по вине несправедливой агрессии со стороны Англии, первый консул, сопровождаемый госпожой Бонапарт, отправился в северные департаменты ровно через месяц после объявления военных действий. Он посетил все порты на побережье Ла-Манша и Северного моря, промышленные города Пикардии, Бельгии и района Льежа, остановился на несколько дней в Брюсселе и в Антверпене, а затем 10 августа вернулся домой в Сен-Клу через Реймс и Суассон. Это шестинедельное путешествие понадобилось для подготовки флотилии и для сбора армии в Булони. Людской состав и материально-техническая часть этой экспедиции находились под пристальным вниманием Наполеона. Более двух тысяч судов самого разнообразного рода были собраны вместе в гавани Булони, в запасных портах и речных бассейнах. Сосредоточение в одном месте такого количества кораблей, вооруженных для ведения войны, давало основание полагать, что попытка вторжения на территорию Англии будет осуществлена с помощью только одной этой флотилии. Для того чтобы обмануть врага, в отдаленных точках побережья Наполеон решил сосредоточить для совместных операций французские и испанские эскадры Тулона, Рошфора, Кадиса, Феррола и Бреста — числом в шестьдесят кораблей — с тем, чтобы они вернулись неожиданно и в нужное время в Булонь и держались в море близ берега в течение четырнадцати дней. Благодаря присутствию этих эскадр флотилия смогла бы пересечь Ла-Манш и осуществить высадку на

побережье Англии армии в составе ста пятидесяти тысяч человек.

В то время как планировалась эта грандиозная экспедиция, первый консул с морским министром организовал серию других операций, чтобы отвлечь внимание врага, подкрепить силы наших колоний и пополнить их запасы продовольствия, а также воспользоваться возможностями положения отдаленных островов, где могли бы построить порты для наших кораблей и нанести любой возможный ущерб английской торговле. Организация этих морских кампаний была предметом почти ежедневной переписки между Наполеоном и морским министром.

Все эти экспедиции были проведены с самыми различными результатами; но, признаться, ни одна из них не достигла цели, которую преследовал Наполеон.

Констан

Морская битва при Булони

Первый консул вернулся в Булонь, чтобы провести смотр войск, готовящихся к десанту в Англии. Я сохранил заметки и массу воспоминаний о временном проживании в Булони. Никогда еще император не осуществлял столь великолепной демонстрации военной силы; никогда еще в одном месте не собирались войска столь хорошо обученные и дисциплинированные или более готовые к военному походу по малейшему сигналу их командующего; и неудивительно, что я сохранил в памяти подробности о тех днях, которые, я думаю, никто еще и не подумал предать гласности. И никто, если я не ошибаюсь, не мог быть в лучшем положении, чем я, чтобы знать обо всех деталях этой операции. Однако теперь пусть сам читатель судит о сказанном.

Во время различных смотров войск, которые проводил первый консул, он старался вызвать энтузиазм солдат и усилить их преданность, усердно пользуясь каждой возможностью, чтобы возбудить их самолюбие.

Однажды, специально отметив строевую подготовку тридцать шестого и пятьдесят седьмого полков и десятого полка легкой пехоты, он приказал всем офицерам, от капрала до полковника, выйти вперед и, оказавшись в самой их середине, высказал им свое удовлетворение виденным, напомнив при этом, что в прошлом он уже отмечал выдержку этих трех храбрых полков. Он поздравил младших офицеров с хорошей строевой подготовкой солдат, а капитанов и начальников батальонов с гармоничностью и точностью их построений и маневров. Каждому досталась доля похвалы.

Именно во время этого визита произошел жестокий бой на рейде Булони, вызванный необходимостью срочно обезопасить вход в порт флотилии, состоявшей из двадцати или тридцати кораблей, которые направлялись в Булонь из Остенде, Дюнкерка и Ньюпорта, груженные оружием для национального флота.

Мощный фрегат, несущий тридцать шесть пушек, и бриг были отряжены английским флотом, чтобы преградить путь голландской флотилии; но им была устроена такая встреча, что они потеряли всякое желание вернуться обратно.

Порт Булонь защищался пятью фортами: форт де ла Креш, форт ан Буа, форт Мюсуар, замок Круа и замок Дордр, все

укрепленные большим числом пушек и гаубиц. Линия кораблей, которая перекрывала вход в порт, состояла из двухсот пятидесяти сторожевых судов и других кораблей; дивизион императорских канонерок формировал часть этой преграды.

Каждый сторожевой корабль имел на борту три пушки с двадцатью четырьмя снарядами — две пушки для преследования врага, а одну для зашиты при отходе корабля; и на врага были направлены пятьсот открытых орудийных дул, каждая пушка давала залп трижды в минуту.

Бой начался в час дня. Погода была прекрасная. При первом же сообщении о канонаде первый консул покинул ставку в Понде-Брик и примчался на лошади впереди своего штаба, чтобы отдать приказания адмиралу Бюри; но вскоре, желая лично ознакомиться с проводимой операцией обороны и принять участие в ее руководстве, он прыгнул в катер, управляемый моряками из его охраны. Вслед за первым консулом в катер успели прыгнуть адмирал и несколько офицеров. Таким образом, первый консул находился в самом центре кораблей, которые формировали линию обороны, под угрозой тысячи опасностей, среди разрывов бомб и снарядов. Намереваясь высадиться в Вимере после того, как проплывет вдоль всей линии обороны, он приказал проследовать на катере к замку Круа, заявив, что мы должны обогнуть его.

Адмирал Бюри, напуганный той опасностью, которой первый консул подвергал себя, тщетно доказывал безрассудство подобного поступка. «Чего мы можем достичь, — вопрошал он, — огибая этот форт? Ничего, кроме того, что подставим свои головы под пушечные ядра. Генерал, обойдя стороной форт, мы скорее прибудем на место». Первый консул не согласился с мнением адмирала и продолжал настаивать на том, чтобы обогнуть форт. Адмирал, рискуя получить выговор, отдал противоположные приказания матросам; и первый консул вынужден был обойти форт сзади, хотя при этом был страшно раздражен и отчитал адмирала.

Этот спор вскоре прекратился, ибо едва катер прошел за фортом, как транспортное судно, огибавшее замок Круа, было поражено снарядом и затонуло после трех или четырех следующих попаданий.

Первый консул замолк, поняв, насколько суждение адмирала было правильным; и вся остальная часть поездки, пока катер не пристал к маленькому порту Вимере, прошла без каких-либо помех и подсказок адмиралу со стороны Наполеона.

Бой начался в час дня, и примерно в десять часов вечера голландская флотилия вошла в порт Булонь, сопровождаемая

таким ужасным огнем морских орудий, какого мне никогда больше не приходилось видеть. В темноте бомбы, летевшие в самых различных направлениях, образовали над портом и городом огненный свод, в то время как постоянные залпы артиллерийских орудий и вторившее им эхо ужасающе грохотали; но, самое интересное, никто в городе не был испуган. Население Булони уже привыкло к опасностям и ежедневно ждало чего-то страшного. Они постоянно готовились или к атаке, или к обороне и стали, более или менее, сами солдатами. В тот день грохот пушек слышался в обеденное время, и, тем не менее, все продолжали обедать. Время ужина тоже не было сдвинуто или отменено. Люди занимались своими делами, женщины хозяйничали дома, юные девушки играли на пианино, и все с безразличием смотрели на пушечные ядра, пролетавшие над их головами. Любопытные, чье желание посмотреть на морской бой привело их на утесы в окрестностях города, едва ли выказывали большие эмоции, чем на обычном просмотре военной пьесы, идущей в театре.

Я все еще спрашиваю себя, каким образом три корабля могли выдержать такой жестокий бой в течение девяти часов, ибо, когда, наконец, флотилия вошла в воды гавани форта, английский катер уже успел затонуть, бриг сгорел, сожженный раскаленными пушечными ядрами, и лишь один фрегат с разбитыми мачтами и порванными парусами все еще продолжал оставаться на плаву, такой же неподвижный, как скала, и в такой близости от нашей линии обороны, что можно было видеть и даже сосчитать матросов с обеих враждовавших сторон. Позади фрегата на небольшом расстоянии виднелось более сотни английских кораблей.

После десяти часов английский адмирал подал сигнал, и фрегат отплыл, а огонь пушек прекратился. Наша линия кораблей особенно не пострадала в этом долгом и жестоком морском бою, так как бортовые залпы фрегата просто попадали в наш такелаж и не проникали внутрь кораблей.

Меневаль

Полина Бонапарт выходит замуж за принца Боргезе

Сестра первого консула Полина, вдова генерала Леклерка, который умер в Сан-Доминго в 1802 году, 31 августа 1803 года вышла замуж за принца Камилла Боргезе, члена одной из наиболее знаменитых и богатых семей Рима. Этот принц, который в очень раннем возрасте воспринял принципы Французской революции, служил в рядах нашей армии в Италии во время военных кампаний генерала Бонапарта. Он был очень привязан к нашему главнокомандующему, который в свою очередь оказывал ему свое расположение. Союз Полины Бонапарт с принцем Боргезе, соответственно, был полностью в интересах Наполеона. Свадьба была отпразднована в Мортефонтене, в доме Жозефа Бонапарта. Полина последовала за своим новым мужем в Рим. После восшествия Наполеона на престол императора Сенат своим указом пожаловал принцу Боргезе права французского гражданина и принца.

Осень в Сен-Клу и Булони

Сентябрь и октябрь Наполеон провел в Сен-Клу, занимаясь, с привычным для него рвением, разбором деталей экспедиции в Булонь, делами внутреннего положения страны и решением проблем, связанных с различными переговорами, начатыми с рядом европейских кабинетов министров, в результате возобновления военных действий с Англией.

В первых днях ноября 1803 года первый консул совершил повторную поездку в Булонь. Целью этой поездки явилось посещение портов Булонь и Вимере. День и ночь он проводил в гавани на борту канонерской лодки и участвовал, всегда на передовой линии, в стычке между английскими фрегатами крейсерского класса под командованием адмирала Кейта и дивизионом французской флотилии. Огонь с борта наших сторожевых кораблей и мортир наших береговых батарей вынудил врага ретироваться.

Австрия направляет свои войска в Баварию и Италию

Пока Наполеон был занят подготовкой к решительному столкновению с Англией, Австрия, используя надуманные предлоги, стала направлять свои войска в Баварию, Швабию и Швейцарию, одновременно укрепляя свою армию в Италии. Русские, со своей стороны, сконцентрировали войска в Подолии, позади Вислы, и в Литве; в Ливонии были сформированы военные лагеря, откуда войска были готовы напасть на Померанию, действуя сообща со шведами и англичанами. И наконец, в Англии крупные подразделения войск были собраны в кулак в районе известковых холмов на юге и юго-востоке страны, подготовлены для переброски на кораблях в Куксхавен, чтобы потом соединиться с русскими и шведскими войсками. Двор Неаполитанского королевства также готовился собрать свою армию.

Наполеон не спускал глаз со всех этих воинских передвижений. Он принял меры предосторожности для защиты Италии и приложил все усилия, чтобы поставить в известность Австрию о мирном характере своих намерений в отношении ее, указав, где находятся ее истинные интересы.

Заговор Кадудаля

В тот самый день, когда первый консул вернулся из десятидневной поездки в Булонь, был созван законодательный корпус. Помимо новых законов, которые должны были быть представлены в парламент, необходимо было также подготовить обе палаты к любым чрезвычайным обстоятельствам. Возникли подозрения о существовании крупного заговора. По непроверенной информации стало известно, что Жорж Кадудаль и его шайка уже появились или только собираются появиться во Франции и что часть заговорщиков проникла в Париж. Расследование полиции поначалу не дало положительных результатов, и в связи с этим город был охвачен всеобщим беспокойством.

Трудно представить тревожное состояние, овладевшее первым консулом в течение января 1804 года, которое выразилось в бессонных ночах, чему я лично был свидетелем. Это было время, когда против него постоянно плелись заговоры, о которых он ничего определенного не знал и против которых боролся в полной темноте; когда он чувствовал, что почва буквально уходит из-под ног, а каждый глоток воздуха, казалось, несет с собой угрозу некой скрытой опасности.

Постоянное умственное напряжение вывело из равновесия

спокойное и безмятежное состояние духа Наполеона, не изменив, однако, добросердечности его натуры. Дело было не в том, что он боялся за свою личную безопасность. В этом отношении он обладал таким оптимизмом, который ничто не могло потрясти, и каждая явная или скрытая предосторожность была несовместима с его характером, поскольку он верил в свою звезду и вручал себя своей судьбе с полнейшим доверием. Но у меня были возможности замечать, что раздражение и гнев он испытывал не в кругу своей семьи, а к тем, кто этого заслуживал. Его неудовольствие всегда проявлялось на публике, обычно в виде выговоров, которые часто были строгими, но всегда ограничивались словами. Он считал, что подобные сцены были необходимы для того, чтобы поддерживать на должной высоте бдительность и стимулировать энтузиазм, который должен усиливаться по мере усложнения обстановки.

Роялистские вероломные убийцы

Раскрытие существовавшего роялистского заговора и признания некоторых наемных убийц, арестованных в Париже, позволили Наполеону прийти к выводу, что Эттенхейм, место проживания герцога Энгиенского, — центр заговора.

Эффект, произведенный на Англию подготовками к вторжению

Английское правительство, поначалу с явным презрением реагировавшее на возможное вторжение французов в Англию, затем совершенно справедливо встревожилось и кончило тем, что, придав огромное значение подготовке французской экспедиции, со своей стороны приняло поистине чрезвычайные меры по подготовке к отражению вторжения. На южном берегу Англии число редутов и траншей во много раз увеличилось, были проведены работы по затоплению части сельской местности, сами министры и представители высших слоев аристократии облачились в военные мундиры и фигурировали в ранге добровольцев, а каждого мужчину, способного держать оружие в руках, призвали в армию для прохождения строевой подготовки. Состояние тревоги охватило всю страну и поддерживалось следовавшими один за другим призывами к бдительности и возникавшими паническими настроениями, приводившими в смятение уже сам Лондон.

Правительство делало все возможное, чтобы избежать военной катастрофы одновременно старалось воспрепятствовать ее осуществлению прежде всего на британской территории. Повсюду за границей раздавалось золото, чтобы склонить державы к активным действиям и побудить врага, угрожавшего Англии, сражаться на территории европейского континента.

Не считая эти средства достаточными, английское правительство прибегнуло к помощи заговоров. Французские принцы, нашедшие приют в Лондоне, планировали серьезное покушение на жизнь главы консульского правительства, и это было благосклонно воспринято английскими министрами. Приказ тайного совета английского короля предписал французским эмигрантам отправиться на берега Рейна.

Некоторые решительно настроенные роялисты, которые сбежали в Лондон после умиротворения Вандеи, секретно высадились на берег около Дьеппа и направились в Париж окольными путями, находя временное прибежище на уединенных фермах и в загородных домах, в которых их принимали крестьяне, перешедшие на их сторону.

Герцог Энгиенский ранее получил разрешение от курфюрста Бадена на проживание в Эттенхейме, маленьком городке, расположенном на правом берегу Рейна и находившемся на расстоянии девяти километров от реки. Эмигранты, действовавшие по приказу тайного совета — Жорж Кадудаль, Ривьер, адъютант графа Д'Артуа, братья Полиньяк, Пишегрю и пятьдесят других заговорщиков, — тайно прибыли в Париж, где они скрывались в местах, неизвестных полиции.

Агенты французской полиции в Лондоне сообщили, что против Франции готовится крупнейший заговор. Информация о том, что консульское правительство близится к концу, дни его главы сочтены, а прежняя правящая королевская семья готова вновь овладеть троном, была повсеместно распространена в Англии и Европе; более того, она даже достигла наших колоний.

Арест Кадудаля

Полиция, руководимая государственным советником Реалем, провела активное расследование, в результате которого ей удалось напасть на след людей, прятавшихся в Париже в укромных местах. Арест Жоржа Кадудаля и его сообщников, пойманных вскоре после него, дал возможность выяснить, какие роли играли в заговоре Пишегрю и Моро. Жорж Кадудаль во время одного из допросов сообщил, что для начала активных

действий он поджидал прибытия в Париж французского принца.

Интриги английских дипломатических агентов, которые организовывали заговоры на наших границах и даже в самом Париже, доказали активное участие в них Англии, чье правительство было душой антифранцузской коалиции. Присутствие в Париже Жоржа Кадудаля подтвердило тот факт, что готовилось покушение; Моро поручалось возглавить вооруженное восстание в армии; а принцу из дома Бурбонов предстояло стать во главе заговора и дать сигнал о начале его реализации.

Констан

Арест генерала Моро

В день ареста генерала Моро первый консул находился в состоянии сильнейшего возбуждения. Утро прошло в совещаниях с его лазутчиками, агентами полиции; были приняты меры, чтобы арест состоялся в точно определенный час в Гросбуа или в доме генерала на улице Фобур Сен-Оноре. Первый консул в волнении беспрерывно ходил из угла в угол в своем кабинете, потом послал за мной и приказал мне выбрать место напротив парижского дома генерала Моро и следить за тем, состоялся ли арест, и, если там возникнут какие-либо беспорядки, немедленно вернуться и обо всем ему доложить. Я помчался выполнять его приказание, но ничего чрезвычайного не произошло.

Полагая, что мое присутствие у дома Моро может быть замечено, я прекратил наблюдение, и, как я узнал, возвращаясь в замок, генерал Моро был арестован по пути из своего поместья Гросбуа. Я ускорил шаг и поспешил объявить первому консулу новость об аресте. Он это уже знал и промолчал в ответ на мое сообщение.

Меневаль

Заговорщики в Эттенхейме

Среди полученной информации проскользнуло сообщение, которое привлекло внимание на самом высоком уровне. Одна личность, не известная шайке Жоржа Кадудаля, провела с последним ряд бесед. Этот человек был принят г-нами Полиньяком и Ривьером с особым почтением. Это сообщение, естественно, наводило на мысль, что столь серьезный заговор должен обязательно возглавляться высокопоставленной личностью, пребывавшей здесь, в Париже, или где-то неподалеку. Этот человек, наделенный чрезвычайными правами и властью, даст знать о себе сам, как только цель заговора будет достигнута. Из всего этого был сделан вывод, что личность, которую принимал Жорж Кадудаль, как раз и должна быть во главе заговора, а также входить в число принцев бывшей королевской семьи. Сначала проверили местопребывание различных членов королевской семьи. Стало известно, где можно было найти графа Лилльского, он же Людовик XVIII, графа д'Артуа, герцогов Ангулем и Берри, принца Конде, герцога Бурбона и принца Орлеанского — последний придерживался мирного образа жизни и старался быть подальше от всех центров интриг. Оставался только герцог Энгиенский, о самом существовании которого Наполеон не имел никакого представления. Возникло мнение, что именно этот принц мог прекрасным образом оказаться той самой загадочной личностью, о которой мы уже говорили. Присутствие герцога Энгиенского на берегах Рейна, его связь с эмигрантами, которые там собрались, участие английского правительства в заговоре, все это укрепило предположения, уже существовавшие, что именно он был тем самым руководителем, чье имя и положение ставили его во главу заговора. Информация о том, что Дюмурье, зачинщик гражданских войн и наиболее активный и опытный заговорщик, находился в Эттенхейме в качестве советника принца, способствовала тому, что подозрение переросло в уверенность. Соответствующие инструкции были направлены г-ну Шее, префекту департамента Нижнего Рейна. Доклад, который он выслал в ответ, окончательно превратил существовавшее подозрение в несомненный факт.

Первый консул больше полагался на собственные предчувствия и собственный дар предвидения, чем на суждения полиции. В один прекрасный день, поднявшись с постели, он

приказал генералу Монкею, первому офицеру жандармерии, совершенно конфиденциально направить в Эттенхейм переодетого офицера разведки с указанием выяснить все, что творится в Эттенхейме, и составить список людей, которые состоят в каких-либо отношениях с герцогом Энгиенским. Среди имен друзей герцога, упомянутых в отчете офицера разведки, были имена Дюмурье и английского полковника Смита. Этот отчет подкрепил мнение первого консула о том, что именно герцог Энгиенский возглавлял заговор. Присутствие Дюмурье в Эттенхейме, судя по всему, стало решающим доказательством. Этот генерал, как считал Наполеон, был точкой опоры всего заговора. В то время Наполеону не было известно, в каких именно отношениях мог состоять Дюмурье с различными принцами бывшей королевской династии; его присутствие в Эттенхейме считалось достаточным. Наполеон был уверен в том, что арест этого человека и захват его бумаг предоставят точную информацию об организации заговора и о средствах, находившихся в распоряжении заговорщиков.

Чтобы избежать поспешных действий, Наполеон принял решение посоветоваться со своими мудрыми советниками. Как только он прочитал доклад генерала Монсея, сразу же было созвано совещание, что-то вроде тайного совета, для обсуждения идей Наполеона. В состав этого тайного совета вошли два консула, верховный судья, министр иностранных дел, государственный советник, Реаль и г-н Фуше, хотя последний и не был министром.

Поскольку не был подготовлен официальный доклад о дискуссии на этом тайном совете, то мнение различных лиц, участвовавших в ней, осталось предметом догадок. Однако представляется несомненным, и этот факт будет установлен или отмечен в мемуарах, которые рано или поздно все же будут опубликованы, что два консула не проявили энтузиазма по поводу немедленных суровых мер и что Фуше, с другой стороны, не скрывал своего мнения о том, что следует немедленно преподать урок в назидание другим, чтобы сразу покончить с заговорщиками.

Наполеон довольно долго колебался по поводу того, как ему действовать в таком серьезном деле. Первоначально он склонялся к тому, чтобы одновременно судить и герцога Энгиенского, и Жоржа Кадудаля, предъявив им одно и то же обвинение. Но он не хотел приравнивать принца к человеку, которого считал обыкновенным убийцей. Затем он стал думать о том, чтобы придать суду над принцем особую важность, передав его дело в верховный суд. В запасе у него всегда оставалось право на акт

милосердия.

План ареста герцога Энгиенского

Таково было положение дел на 10 марта 1804 года. В этот день я не обедал в Тюильри. Меня вызвали по приказу первого консула в десять часов вечера. Когда я появился в Тюильри, то нашел его в комнате, примыкавшей к кабинету. У его ног валялась кипа географических карт, которые он бросил на пол — он искал карту с рекой Рейн. После того как я помог ему развернуть эту карту на большом столе из красного дерева, который стоял в середине комнаты, я стал писать под его диктовку письмо военному министру Бертье с указанием направить этой же ночью адъютанта первого консула генерала Коленкура в Страсбург, а генерала Орденера, командира конных гренадеров его охраны, в Шелестадт для ареста герцога Энгиенского. Пока первый консул диктовал это письмо, в комнате появился вызванный генерал Бертье и вслед за ним генерал Коленкур. Первый консул продиктовал остальную часть инструкций относительно экспедиции Орденера непосредственно генералу Бертье, отмечая на карте маршрут, по которому должен был следовать генерал Орденер. Затем он продиктовал письмо министру Талейрану с распоряжением о принятии необходимых дипломатических мер.

Арест герцога Энгиенского

Инструкции, содержащиеся в письме, адресованном первым консулом военному министру, предписывали генералу Коленкуру отправиться в Страсбург и оттуда в Оффенбург с двумя сотнями драгунов, чтобы арестовать эмигрантов и агентов английского правительства, а генералу Орденеру отправиться в Шелестадт, где взять три тысячи драгунов и с ними переправиться через Рейн в Рейнау, окружить замок Эттенхейм и арестовать герцога Энгиенского и Дюмурье вместе со всеми людьми, которые там с ними окажутся.

И вот такая предстает перед глазами картина. Первый консул, Бертье, военный министр, генерал Коленкур и я собрались в большой комнате дворца Тюильри, которая раньше была спальней Людовика XVI и которая позже использовалась с этой же целью императором. Эта комната освещалась только двумя канделябрами с тремя подсвечниками, прикрытыми

абажурами с таким расчетом, чтобы свечи освещали только небольшое пространство в форме круга в несколько футов. Министр и я писали на углу большого стола из красного дерева при свете одного из этих канделябров. Первый консул, освещенный другими подсвечниками, склонившись над картой, подозвал к себе генерала Коленкура и с компасом в руке стал показывать ему маршрут из Страсбурга в Рейнауссен, указывая месторасположение деревни Эттенхейм и дороги, ведущей к ней.

Через два дня Фуше, покидая дворцовый прием, сказал мне: «Генерал Бонапарт очень неосторожен, он кончит тем, что проговорится». Он подразумевал ордер на арест герцога Энгиенского. На приеме первый консул говорил о проблемах, полностью занимавших его мысли: о провокациях эмигрантов, чье соседство он выдерживал с чрезмерным терпением. Он упоминал имена герцога Энгиенского и Дюмурье. Однако никто из придворных первого консула, включая госпожу Бонапарт, не знал о приказах, которые он отдал. Первый консул оставался несколько дней в Париже, а затем выехал из Тюильри в Мальмезон. Хотя моя карета следовала за его каретой, он предоставил в мое распоряжение нескольких солдат, чтобы они составили мой эскорт ради большей безопасности его бумаг.

Все население Парижа проявило живой интерес к различным инцидентам этой драмы, которую едва ли можно понять в наши дни. Арест Жоржа Кадудаля, который был осуществлен почти одновременно с выдачей распоряжения о захвате герцога Энгиенского, рассеял всякую неопределенность в отношении существования заговора.

Во время пребывания в Мальме зоне первый консул имел вид человека, совершенно измученного заботами и неспособного к любой деятельности. Он только принимал господ Маре, Талейрана, Фуше, Реал я, верховного судью Ренье и Камбасереса. 16 марта по телеграфу сообщили, что ночью в замке Эттенхейма был арестован герцог Энгиенский. Немедленно были даны указания о том, чтобы его доставили в Париж, куда он и прибыл 20 марта.

Первый консул был полностью информирован о деталях заговора. Откровения, которые содержались в письмах, захваченных у эмигрантов в Эттенхейме, Оффенбурге и других местах на правом берегу Рейна, письма, которые направлялись первому консулу специальными курьерами, доклады, которые он заставлял перехватывать, и информация, которую он собрал со всех сторон, рассеяли его последние сомнения.

Эти документы доказали план враждебных действий против французского правительства, подтвердили роль, отведенную

герцогу Энгиенскому, и его отношения с эмигрантами, нашедшими себе прибежище на правом берегу Рейна.

20 марта, около трех часов дня, герцог Энгиенский прибыл к парижской заставе Вилетт. Там он содержался под стражей, пока не пришел приказ о его переводе в Венсенский форт. В пять часов вечера он был помешен в Венсенскую тюрьму.

Трибунал

В тот же день был издан декрет с приказом, из которого следовало, что герцог Энгиенский обвиняется в том, что восстал с оружием в руках против республики, что содержался и все еще находится на денежном содержании Англии, что участвовал в заговорах, инициируемых этой державой против безопасности республики на ее территории и за границей. В соответствии с этими обвинениями он должен предстать перед военным трибуналом, состоящим из семи членов, назначаемых военным губернатором Парижа. Вышеуказанному военному трибуналу предписано проводить свои заседания в Венсене. В соответствии с условиями этого декрета пять полковников пехотных и кавалерийских полков гарнизона города Парижа, майор элитного жандармского полка, выступавший в качестве докладчика, и генерал Юлен, городской комендант Парижа, были включены в состав военного трибунала губернатором Парижа. Все эти офицеры прибыли в Венсен каждый в отдельности. Им не сообщили имени узника, которого они собирались судить, и, только прибыв в Венсен, они узнали, что это герцог Энгиенский.

Дотанкур, главный докладчик, приступил к первому допросу принца. Герцог, пожаловавшись на жестокое обращение с ним и на свое отчаянное положение, выразил пожелание, чтобы его заслушал сам первый консул. Дотанкур посоветовал ему изложить просьбу об аудиенции в самом конце отчета о его допросе. Обращение принца было следующим:

«Прежде, чем подписать официальный отчет о моем допросе, я искренне прошу разрешения на личную беседу с первым консулом. Мое имя, мой ранг, мои взгляды и ужас моего положения заставляют меня надеяться, что он не откажет в моей просьбе.

Л.А.Г. де Бурбон».

Этот трогательный призыв к великодушному врагу проявить милосердие так и не передали человеку, к которому он был обращен.

Этот документ был представлен членам военного суда.

Только один из судей, а именно генерал Барруа, выразил мнение, что просьба об аудиенции должна быть отправлена первому консулу. Но ответы герцога Энгиенского на допросе, обстоятельства, при которых он был арестован, убежденность членов суда в том, что принц был соучастником и даже главой заговора, подготовленного в Париже, — все это представлялось офицерам, судившим по всей строгости военного криминального кодекса, вполне веской причиной для осуждения принца. Его право на апелляцию первому консулу было зарезервировано, но только после оглашения приговора. Благородные господа, а именно такими были члены военного суда, не могли унизиться до того, чтобы позволить своей совести проявить нерешительность перед лицом жесткого приказа.

Приказ Наполеона Реалю

Первый консул не сомневался в том, что принц должен быть осужден; но несомненно и то, что он ожидал: если возникнет такая необходимость, к нему обратятся до того, как приговор будет приведен в исполнение. Доказательством подобного хода мыслей Наполеона служит тот факт, что в это же время он отдал распоряжение Маре, своему государственному секретарю, находившемуся в тот момент в Мальмезоне, отбыть в Париж с письмом государственному советнику Реалю с указанием выехать в Венсен и лично допросить герцога Энгиенского. После этого Реаль должен был вернуться и сообщить результаты допроса Наполеону. Г-н Маре, если я помню точно, выехал из Мальмезона в Париж в семь часов вечера и примерно в десять часов оставил письмо в доме г-на Реаля. В силу той фатальности, которая, казалось, предопределила весь ход событий в этом деле, Реаль, не имевший за последние восемь дней ни минуты отдыха и проведший несколько бессонных ночей, именно в этот день почувствовал себя окончательно разбитым. Он запретил своему камердинеру будить его до пяти часов утра. Письмо, отправленное из офиса государственного секретаря, показалось недостаточно важным для того, чтобы разбудить г-на Реаля. Среди писем, которые ему вручили, когда он пробудился ото сна, было и письмо государственного секретаря. Он оделся с быстротой, на которую только был способен, и помчался в Венсен, но на пути туда встретил полковника Савари, который сказал ему, что приговор в отношении герцога Энгиенского уже приведен в исполнение. Савари, восседавший на лошади, продолжил свой путь в Мальмезон, куда прибыл в восемь часов

утра. Его немедленно проводили в кабинет первого консула, где присутствовал и я. Савари вкратце доложил о приговоре и об его исполнении. Услыхав, что герцог Энгиенский просил о встрече с ним, первый консул, не расспрашивая более ни о каких деталях, к которым он всегда был очень пристрастен, перебил Савари, чтобы спросить: что же произошло с Реалем и прибыл ли тот в Венсен. Услышав, что Реаль не добрался до Венсена, Наполеон замолчал и, в задумчивости скрестив за спиной руки, стал ходить взад и вперед, пока не доложили о прибытии г-на Реаля. Выслушав объяснения последнего и перекинувшись с ним парой слов, он вновь погрузился в задумчивость и затем, не выразив ни слова одобрения или порицания, взял свою шляпу и сказал: «Ну что ж, хорошо», — оставив г-на Реаля в состоянии полного недоумения и вызвав у него своим поведением в какой-то степени чувство тревоги. Мы слышали, как первый консул медленно поднялся по лестнице, которая вела в небольшую комнату, занимаемую им как раз над библиотекой. Там он захлопнул за собой дверь и в течение длительного времени не выходил.

Констан

Последствия смертной казни герцога Энгиенского

21 марта того же года в ранний час я зашел в комнату императора и нашел его уже проснувшимся. Он лежал, облокотившись на подушку и выглядел мрачным и усталым; но когда я вошел, он сел и стал частыми движениями тереть рукой лоб. «Констан, — сказал он мне, — у меня болит голова». Затем, откинув одеяло, добавил: «Я очень плохо спал». Казалось, он был чем-то чрезвычайно озабочен и полностью поглощен какими-то мыслями. На его лице лежала печать меланхолии и страдания, вызвавшая у меня удивление и определенную обеспокоенность. Пока я одевал его, он не произнес ни слова, чего никогда не случалось, за исключением тех случаев, когда что-то тревожило его или очень беспокоило. В этот раз с ним были только Рустам и я.

Закончив одевать его, я только было передал ему коробочку с нюхательным табаком, носовой платок и маленькую коробку с конфетами, как неожиданно распахнулась дверь и в комнату вошла жена первого консула в своем утреннем неглиже. Она была страшно возбуждена, на щеках виднелись следы слез. Ее неожиданное появление удивило и даже напугало Рустама и меня; ибо только в исключительных случаях что-то могло заставить госпожу Бонапарт покинуть свою комнату в подобном костюме прежде, чем привести себя в соответствующий вид при помощи косметики. Она вошла, скорее ворвалась в комнату с криком: «Герцог Энгиенский мертв! О, мой друг! Что же ты наделал?» Затем, рыдая, она упала в объятия первого консула, который мертвенно побледнел и чрезвычайно возбужденным тоном сказал: «Эти ничтожные негодяи слишком поспешили!» Затем он покинул комнату, поддерживая госпожу Бонапарт, которая едва могла двигаться и продолжала плакать.

Новость о смерти принца быстро распространилась по замку, вызвав гнетущее впечатление. Все словно оцепенели от мрачных предчувствий. Первый консул не мог не заметить эту атмосферу всеобщего горя, но никому за это не сделал выговора. Величайшее огорчение, возникшее у его слуг, исходило из понимания того, что эта катастрофа неизбежно бросит тень на предмет их гордости и разрушит спокойствие духа их хозяина.

Первый консул, вероятно, прекрасно понимал наши чувства; но как бы то ни было, я здесь рассказываю все так, как видел

собственными глазами, и что знаю сам об этом прискорбном событии. Я не претендую на то, что знаю, что происходило во время совещания в кабинете первого консула, но его эмоции кажутся мне искренними и естественными. Он оставался печальным и молчаливым в течение многих дней, разговаривал со мной очень мало, а если говорил, то только по делу.

Реакция Наполеона

Официальный отчет о судебном разбирательстве дела был представлен первому консулу в тот же день. Внимательное прочтение этого документа стало для него источником новых горестных переживаний. Правовые формы судопроизводства не соблюдались. Отклонения от нормы и упущения, которые он заметил в отчете, заставили его отдать распоряжение о том, чтобы документ был заново переписан. Хотя он никогда не сомневался, что герцог Энгиенский будет осужден, он все же должен был оставить решение о приговоре на усмотрение военного суда. Если, как было сказано, он дал указание об осуждении герцога, то военный суд должен был быть непременно проинструктирован о всех формальностях, предписанных законом, которые председатель суда, судьи и даже сам главный обвинитель, как выяснилось, проигнорировали. Можно было сказать, что судебное разбирательство проводилось на скорую руку обычным военно-полевым судом. Другая причина для сожаления о случившемся состояла в том, что председатель комиссии не считал себя в полной мере уполномоченным для того, чтобы передать по назначению просьбу об аудиенции, о которой герцог Энгиенский писал в самом конце отчета о его допросе. Если бы генерал Юлен обладал достаточной силой характера для того, чтобы выступить против возражений, которые в соответствии с его утверждением возникали по ходу суда, и следовал бы побуждениям своей совести, то, возможно, заслужил бы себе самое доброе имя и оградил бы первого консула от усиления враждебности, предлогом для которого стала казнь герцога; легко можно было догадаться, как бы повел себя Наполеон в данных обстоятельствах.

Это лишь те факты, которым я был свидетелем. Я рассказываю только о том, что видел или слышал. Я могу добавить, что не было никакого словесного или письменного общения между первым консулом и военной комиссией в течение времени, которое прошло между допросом герцога Энгиенского и его казнью. Средства, позволяющие мне иметь представление по этому вопросу, и расследования лиц, заинтересованных в раскрытии факта любого общения подобного рода, полностью опровергли возможность существования такого общения.

Я без колебаний заявляю, что первый консул, справедливо

впадавший в ярость от гнусных заговоров, которые вынашивались против него, был готов нанести ответные удары страшной силы, на войну ответить войной. Должен ли был он позволить себе стать безответной мишенью убежденных убийц, отказываясь от собственной защиты? Он, как мне кажется, ни на секунду не сомневался в том, что эмигранты, собравшиеся на берегах Рейна, избрали своим главарем принца из дома Бурбонов, что этим главарем был не кто иной, как сам герцог Энгиенский, что в задачу герцога Энгиенского входило вторжение во Францию после вооруженного выступления со стороны Кадудаля и его сообщников, и что решение этой задачи было переложено на плечи герцога Энгиенского после того, как герцога де Берри остановили, когда тот пытался высадиться в Нормандии, благодаря присутствию в Дьеппе активного и решительного офицера, полностью преданного первому консулу.

Под влиянием глубокого и справедливого чувства возмущения, а также ясно предвидя мрачное будущее, предназначенное для Франции, и кровавую революцию, которая стала бы следствием его смерти, он отдал приказание о похищении герцога Энгиенского и о суде над ним, будучи уверенным в том, что существуют достаточные улики для его осуждения. О драматической борьбе в душе Наполеона свидетельствует тот приказ, который он отдал г-ну Реалю, а также уединение, которое он искал в Мальмезоне, чтобы отгородиться от любого внешнего влияния и хладнокровно поразмышлять над своими решениями; из-за этого он избегал гостиную госпожи Жозефины, запирался в личных апартаментах, отказывался отвечать жене, которая постоянно подходила к его двери и тщетно стучала в нее.

Хотя доклады вместе с письмами, изъятыми у эмигрантов, не оставили у него абсолютно никаких сомнений относительно осведомленности герцога Энгиенского о заговоре, я все же глубоко убежден, что, получив удовлетворение от унижения, которому он подверг своих врагов, он был бы склонен совершить акт милосердия, если бы его вовремя информировали о просьбе, которую принц просил передать ему. Случилось то зло, последствия которого исправить было невозможно. Наполеон мужественно принял на себя всю ответственность за совершенный акт.

Он предписал сохранение строжайшей секретности в отношении всего, что случилось, и не позволил, чтобы кто-нибудь был скомпрометирован. Он сам погрузился в полное молчание — его молчаливость была такова, что даже самые жестокие и самые настойчивые нападки не могли бы вывести его из душевного

состояния, в котором он находился. Но верно и то, что самое первое впечатление от этого события для высшего сословия и аристократии было равносильно шоку. Главной и, пожалуй, единственной причиной подобной реакции являлись загадочность и стремительность, с которыми герцог Энгиенский был схвачен, осужден и казнен. Мальмезон в тот день представлял собой печальное зрелище. Я до сих пор не могу забыть гробовое молчание, царившее тем вечером в гостиной госпожи Бонапарт. Первый консул стоял спиной к камину в то время, как госпожа де Фонтан читала ему какую-то книгу, название которой я забыл. Жозефина с грустным видом и с влажными глазами сидела в самом углу кушетки; лица из обслуживающего персонала, очень малочисленного в то время, ретировались в соседнюю галерею, где они шепотом обсуждали злободневную тему, полностью овладевшую всеми умами. Несколько человек приехали из Парижа, но, пораженные состоянием скорби, охватившим всю комнату, оставались стоять у дверей. Первый консул, казалось, не замечал присутствия прибывших. Министр финансов оставался стоять на одном и том же месте в течение четверти часа, не сказав ни слова кому-либо из присутствовавших. Не желая удалиться с тем же, с чем и пришел, он, наконец, приблизился к первому консулу и спросил, нет ли у него каких-либо указаний. Первый консул жестом дал отрицательный ответ.

Я добавлю, что человек, ответивший контрабандистам, предложившим вручить ему принцев бывшей королевской династии, угрозой повесить их, если с голов принцев упадет хотя бы один волос, не был тем человеком, который считал смерть Бурбонов необходимым условием своего будущего.

Спровоцированная английским правительством смерть герцога Энгиенского породила прискорбные последствия, которые имели фатальное влияние на судьбу Наполеона. Эта смерть стала в руках его врагов оружием, которым они с таким успехом воспользовались против него.

Арест и судилище над герцогом Энгиенским вызвали в Европе величайшее возмущение.

III. Империя. Начало

Констан

Первый консул становится императором

В течение этого и последующего месяца я обратил внимание на бесконечные визиты во дворец людей и их беседы с первым консулом. Среди лиц, о которых я говорю, были члены Государственного совета, трибуната и сенаторы. Уже давно армия и многие граждане, которые боготворили героя Италии и Египта, открыто выражали свое желание видеть его носящим титул, достойный его славы и величия Франции. Было также хорошо известно, что он один исполнял обязанности всего правительства, что его номинальные коллеги на самом деле были всего лишь подчиненными. Поэтому возникла совершенно правильная мысль, что он должен стать главой государства номинально, поскольку фактически он им уже являлся. После его свержения я часто слышал, как его величество называли узурпатором. Если император действительно узурпировал трон, то у него было больше сообщников, чем у всех тиранов трагедий и мелодрам вместе взятых, ибо три четверти французского народа оказались участниками заговора.

18 мая была провозглашена империя, и первый консул (которого я впредь буду называть императором) принял в Сен-Клу Сенат во главе с консулом Камбасересом, ставшим через несколько часов архиканцлером империи; и именно от него император впервые услышал обращение к собственной персоне с титулом «сир» («ваше величество»). После этой аудиенции Сенат отправился засвидетельствовать свое почтение императрице Жозефине. Остальное время дня прошло в приемах, презентациях, интервью и поздравлениях; все во дворце были пьяны от радости; каждый словно чувствовал, что его неожиданно повысили в ранге, все обнимали друг друга, обменивались комплиментами и поверяли друг другу надежды и планы на будущее. Не было ни одного подчиненного, даже самого раболепного, который бы не вдохновился амбициозными планами; одним словом, прихожая представляла собой точную копию салона. Что могло быть более забавным, чем растерянность слуг, когда надо было отвечать на вопросы его величества. Они начинали с ошибочного обращения, затем вновь делали попытку и, что хуже всего, повторяли по десять раз: «Сир, генерал, ваше величество, гражданин, первый консул».

На следующее утро, войдя, как обычно, в комнату первого

консула, я в ответ на его обычные вопросы: «Который час? Какая сейчас погода?» — доложил: «Сир, семь часов, погода великолепна». Когда я приблизился к его постели, он схватил меня за ухо и, шлепнув по щеке, сказал: «Месье шутник», — что было его любимым выражением, особенно когда он был доволен мною.

Его величество чувствовал себя бодрым и работал допоздна. Он выглядел весьма серьезным и озабоченным, но вполне довольным. Насколько отличным было это пробуждение от того, которое случилось прошедшего 21 марта! В этот же день его величество провел свой первый большой прием в Тюильри, где ему были представлены все гражданские и военные власти. Братья и сестры императора стали теперь принцами и принцессами, за исключением Люсьена, который поссорился с его величеством по случаю своей свадьбы с госпожой Жубертон. Восемнадцать генералов получили повышение до почетного звания маршалов империи!

Начиная с этого дня все вокруг их величеств приняло вид императорского двора и королевской власти. Много было сказано о неловкости первых придворных, еще не привыкших к возложенным на них новым обязанностям, и о церемониалах этикета; и в самом деле, поначалу те люди, которые находились в непосредственном услужении у императора, испытали ряд затруднений, о чем я уже говорил ранее; но это продолжалось совсем недолго, и гофмейстеры и высокопоставленные лица освоились с новым режимом почти так же быстро, как и камердинеры. Для них также выступали в качестве инструкторов многие придворные старого двора, которые, благодаря доброте императора, были исключены из списков эмигрантов и теперь самым серьезным образом ходатайствовали за себя и своих жен, чтобы получить работу при новом императорском дворе.

Его величеству не нравилось празднование памятных дат революции; некоторые из них ему казались одиозными и жестокими, другие — нелепыми. Если его величество и использовал 14 июля для того, чтобы помпезно появиться на публике, то так изменил цель праздника, что в нем было трудно признать годовщину взятия Бастилии и образования первой федерации. Я не думаю, что хотя бы однажды упоминалось об этих двух событиях в течение всей церемонии; и чтобы еще больше привести в замешательство республиканцев с их воспоминаниями, император распорядился праздник отмечать IS июля, поскольку на этот день приходилось воскресенье, и поэтому жители города в результате сохранили рабочее время. Кроме того, не было упоминания о чествовании граждан, бравших

Бастилию. Праздник просто использовался как событие, во время которого прошла грандиозная раздача креста Почетного легиона.

Первое награждение крестом Почетного легиона

Это был первый случай, когда их величества предстали перед народом, используя все атрибуты власти.

Кортеж пересек главную аллею Тюильри на пути к отелю «Дез Инвалид», церковь которого (переименованная во время революции в храм Марса) была восстановлена императором для католического богослужения и использовалась для пышных церемоний. Это был также первый случай, когда император воспользовался привилегией проехать в карете через сад Тюильри. Его кортеж был великолепен, а кортеж императрицы Жозефины не менее блестящим; и возбуждение народа достигло такой степени, что просто нет слов для его описания.

В соответствии с указанием императора я смешался с толпой, чтобы выяснить, в каком настроении народные массы принимали участие в празднике. Я не слышал ни одного ворчливого голоса, ни осуждающего власть ропота, столь велик был энтузиазм, с которым в то время все сословия Парижа встретили его величество, что бы ни говорилось с тех пор по этому поводу.

Император и императрица были встречены у входа в отель «Дез Инвалид» губернатором и графом де Сегюром, главным распорядителем церемоний, а у входа в церковь кардиналом дю Белле во главе многочисленной группы духовенства.

Великий канцлер Почетного легиона выступил с речью, после которой состоялась перекличка офицеров легиона. По ее окончании император занял свое место и, надев шляпу, повторил твердым голосом слова клятвы, в конце которой все члены легиона воскликнули «Клянусь!», и сразу дружно раздались возгласы «Да здравствует император!», которые многократно повторялись и слышались и в самой церкви, и вне ее.

Меневаль

Учреждение империи.

Проблема наследственности

Попытки, предпринятые для того, чтобы осуществить в государстве революцию, используя смерть первого консула, дали повод к размышлению о неэффективности пожизненных полномочий верховного поста в стране. В течение многих месяцев народ вплотную столкнулся с необходимостью учреждения наследственного титула, для которого пожизненный Консулат представлялся всего лишь предварительным. Домашнее окружение первого консула и его семья проявили живой интерес к этой важной проблеме.

Этот интерес разделяла также и Жозефина, хотя она иногда делилась опасениями с близкими ей людьми, что перспектива возвышения ее мужа до титула с наследственным правом внушала ей некоторое беспокойство за ее будущее. За два месяца до этого Сенат в адресе, представленном первому консулу, прямо намекнул о необходимости решения этой проблемы; примеру Сената последовали некоторые другие правительственные органы.

Заговоры и провокационные действия принцев и эмигрантов, собравшихся у наших границ, рассеяли последние сомнения на этот счет.

Трибунат взял в свои руки инициативу в этом вопросе и провел соответствующие консультации с Государственным советом. Четыре пятых голосов были отданы в пользу наследственности. 18 мая 1804 года был обнародован указ Сената, в соответствии с которым титул императора с наследственным правом был пожалован Наполеону Бонапарту. Народный плебисцит подтвердил решение правительственных органов государства. Из трех миллионов пятисот двадцати четырех тысяч и двухсот пятидесяти четырех избирателей, зарегистрировавших свои голоса в журналах, заготовленных заранее для этой цели, три миллиона пятьсот двадцать одна тысяча и шестьсот пять избирателей проголосовали в пользу предложения, которое возвело Наполеона на императорский трон. Только две тысячи пятьсот семьдесят девять человек проголосовали против.

В конце заседания — во время которого первый консул был провозглашен императором — Сенат в полном составе направился в Сен-Клу, чтобы передать ему указ, который только что был принят сенаторами. Затем Сенат отправился со своим поздравлением к Жозефине.

Дворец представлял собой в этот день картину полнейшего беспорядка, который может стать результатом только самого неожиданного сюрприза. Обстановка в нем находилась в резком контрасте со спокойствием и безмятежностью человека, оказавшегося в самом центре событий. Огромная толпа людей заполнила лестницы и подходы ко дворцу Сен-Клу. По окончании церемонии я оказался в одной из гостиных и беседовал с несколькими офицерами и адъютантами на основную тему дня. Один из лакеев в полном ливрейном одеянии с золотыми шнурами по всем швам и в белых шелковых чулках пробился ко мне и обратился со словами, произнесенными громким голосом: «Сэр, император желает видеть вас». Эти слова произвели впечатление электрического шока на всех присутствовавших. Все посмотрели друг на друга сначала в полном недоумении, а затем с улыбками, словно хотели сказать — это не сон.

Франция была глубоко потрясена ужасными эксцессами правления Террора и вялым режимом Директории. Опасности, которым подвергался Наполеон, не были забыты, а опасения в отношении новых угроз только усиливались. Были опасения, что наступят времена жестокой реакции в случае гибели Наполеона. Народ устал от бесконечных перемен и был полон решимости не испытывать новых злоключений. И, последнее, — всеми руководило общее желание получить, наконец, возможность спокойного существования под надежной зашитой прочного правительства.

Мнения Наполеона о наследственном титуле, которые он высказывал на следующий же день после 18 брюмера, не раз цитировались, чтобы бросить тень на его отношение к данному вопросу. Постоянно возрастающая благосклонность масс к наследственной монархии, несомненно, видоизменила его взгляды на эти проблемы. В то время, когда Наполеон провозглашал себя противником идей наследственности, он заявлял, что Европа должна свыкнуться с мыслью о том, что государство может существовать с республиканской формой правления, что несколько лет испытательного срока докажут это и республика сможет укрепиться во Франции, благодаря безупречной гармонии общественных сил. Имевшийся опыт продемонстрировал отсутствие подобной гармонии. Оппозиция, с которой Наполеон столкнулся в Ассамблеях, выступившая против

его планов реформы, дала ему основание опасаться возникновения сопротивления, способного со временем стать постоянным. Оппозиция трибуната не была популярной. Нация симпатизировала главе государства и приветствовала деятельность его правительства. Поэтому он мог обойтись и без оскорблений в адрес общественного мнения и без насильственного обращения с ним. Он вел общественное мнение в том направлении, в котором оно само двигалось, и ему лишь оставалось регулировать его движение. Почти единодушный ответ голосовавших в плебисците совпал с его ожиданиями и оправдал его призыв к французскому народу принять участие в голосовании. Одним словом, провозглашение империи, в которой привилегия крови была подчинена правам и интересам нации, ослабляя в действительности престиж старой королевской власти, послужило основанием новой эры и проложило путь к триумфу конституционных идей.

Назначения императора

Наполеон пожелал ассоциировать собственное возвышение с судьбами своих коллег, и один консул (Камбасерес) был удостоен титула архиканцлера империи, а второй, Лебрен, стал архиказначеем империи. Два брата императора — Жозеф и Луи — также получили новые назначения: первый стал великим электором, а второй коннетаблем. Наполеон ввел звание маршала, и восемнадцать его товарищей по оружию стали маршалами империи. Император завел своих гофмейстеров, конюших и т. д. Должности префектов дворца были сохранены. Императрица, со своей стороны, имела своих фрейлин. Гофмейстеры и фрейлины принадлежали частично к старым семьям, которые хотели получить места при императорском дворе, за исключением некоторых лиц, которые остались верны роялистским убеждениям или которые посчитали делом чести числиться в оппозиции.

Несмотря на некоторое отвлечение от прямых дел, вызванное вступлением на императорский трон и организацией собственного двора и имперского государства, внимание Наполеона никогда не отвлекалось от опасной войны, которую он вынужден был вести против Англии. С присущей ему активностью он спешил принимать административные меры, вести дипломатические переговоры и военную подготовку. Он приказал сформировать несколько военных лагерей, один из них — в Компьене. Этот лагерь находился вблизи от Парижа, до него

можно было легко добраться. Первый консул, ставший императором, отправился на несколько дней в Компьенский замок, чтобы проинспектировать лагерь, который в основном составляли драгунские полки.

На восхождении к пику власти Наполеон призвал на свою сторону всех способных людей, независимо от их происхождения, прошлых дел и убеждений.

Штаб в Булони

Император всегда мысленно присутствовал в Булонском лагере. У него вошло в правило писать ежедневно по нескольку писем министрам морских дел, военных дел и общественных финансов, а также адмиралу Бюри, командующему флотилией, и генералам, командующим различными подразделениями войск, чтобы информировать их о своих планах. Одни и те же приказы он повторял по нескольку раз, полагая, что подобными напоминаниями он поддерживает бдительность военных.

Несмотря на короткое расстояние от Парижа до Булони, расстояние, которое было еще больше сокращено благодаря учреждению курьерской службы, Наполеон чувствовал, что его присутствие на месте обязательно для обеспечения более скорого и точного исполнения его приказов, поскольку приближалось время, когда возникнет благоприятная возможность для поднятия парусов. В результате он снял дом в маленькой деревне Понт-де-Брик, расположенной примерно в половине лье от Булони, и организовал там свой штаб. Это был маленький сельский дом, весьма бедно выглядевший и состоявший из главного здания с двумя флигелями и нескольких подсобных помещений во дворе.

Император поселился там, взяв с собой несколько помощников из числа военных и гражданских лиц. Почти все его конюшие были полковниками или генералами. Некоторые из гофмейстеров имели армейский чин. Наполеон ежедневно ездил из Понт-де-Брик в Булонь в самые необычные часы, если только его не задерживало какое-нибудь срочное дело. Как правило, он возвращался к обеду, приглашая к столу двух или трех генералов или высших офицеров, военных или морских, артиллерийских или из инженерного состава. Министры вызывались из Парижа, если у них было какое-нибудь серьезное сообщение. Аудитор Государственного совета привозил ему каждую неделю портфель с документами, над которыми работал совет министров. Каждое воскресенье в гостиной комнате проводилась месса, для которой был приспособлен портативный алтарь. Все военные и

гражданские лица, обитавшие в Понт-де-Брик, были обязаны присутствовать на мессе.

Месторасположение Понт-де-Брик позволяло императору приезжать в Булонь в самый неожиданный момент, что давало ему возможность видеть все собственными глазами и принимать меры для исправления критических ситуаций. Решив, что он находится недостаточно близко от места проводимых операций, он выбрал для себя наблюдательный пункт на холме, с которого можно было обозревать морской простор и который назывался башней д'Ордр.

С этого пункта он мог наблюдать за английским флотом и различными дивизионами собственной флотилии. Говорят, Цезарь садился на борт корабля именно в этой точке севера Франции (Понт-де-Брик), чтобы завоевать Британские острова. Это было благоприятным предзнаменованием. Он наблюдал за экипировкой кораблей и испытывал различные системы размещения грузов в трюме, поставив перед собой цель загрузки амуницией и провизии за двадцать дней. Он считал, что размещение военной амуниции и провизии для лошадей с поклажей в наилучшем порядке и с использованием наименьшего пространства является самой важной частью всей кампании. Он заставлял солдат и моряков заниматься строевой подготовкой, приказывал проводить учебные занятия по загрузке судов и высадке войск на берег и днем и ночью; проводил лучшие часы своего времени с моряками и солдатами, разделяя с ними их труд, понуждая их действовать с удвоенной энергией и воодушевляя собственной уверенностью в успехе дела. Он обходил пешком и объезжал на лошади в сопровождении адмирала и высокопоставленных морских и военных офицеров морское побережье. Благодаря его неутомимой активности ежедневно вносились все новые усовершенствования в детали вооружения, а постоянные тренировки как солдат, так и моряков способствовали лучшим результатам в их подготовке.

Сухопутные войска, размешенные в лагере, занимали хижины, возведенные из глины и веток, составляя целый городок, разделенный на улицы. Каждый полк, каждая бригада и каждый дивизион имели собственное жилье, отделенное от других широкими авеню. На фасадах этих хижин можно было прочитать надписи, выражавшие патриотические чувства или преданность императору, некоторые — героического плана, другие — комического.

Голландия предпринимала не меньшие усилия, чем Франция, в подготовке к экспедиции против Англии. Почти четыреста пятьдесят кораблей собралось в портах Эско и Мезе. Соединение

двух флотов было успешно осуществлено в Остенде, несмотря на попытки воспрепятствовать этому со стороны английского флота под командованием сэра Сиднея Смита.

Именно в Булони император получил известие о том, что 19 августа 1804 года скончался адмирал Лутуш-Тревилль. Чтобы заменить его, морской министр Декре подсказал Наполеону сделать выбор в пользу адмирала Вильнева, командующего Рошфорской эскадрой. Позднее он имел все основания горько пожалеть о выборе этого офицера, который хотя и был смелым и опытным военным, но человеком оказался нерешительным. (Он потерпел поражение у Трафальгара.)

Констан

Тур д'Ордр, казармы Наполеона

Казарма Наполеона была построена из толстых досок, подобно тем, из которых воздвигаются киоски на сельских ярмарках, с той лишь разницей, что эти доски были гладко оструганы и покрашены серовато-белой краской. По форме казарма представляла собой вытянутый прямоугольник с полукруглым павильоном на каждом конце здания. Ее окружал забор из деревянной сетки. Снаружи, со стороны улицы, казарма освещалась лампами, расставленными через каждые четыре фута, окна выходили на противоположную сторону. В павильоне с видом на море было три комнаты, холл и зал, главное помещение павильона, которое использовалось для совещаний. В центре этого зала стоял большой овальный стол с зеленой скатертью из простой материи, к нему было приставлено разборное кресло, предназначенное только для его величества. Кресло было сделано из простого некрашеного дерева и покрыто зеленым сафьяном, подбитым волосом. На столе возвышался секретер из самшита. Поскольку лишь стол и кресло составляли мебель зала заседаний, то сидеть мог только его величество. Перед ним стояли генералы и во время совещаний, иногда продолжавшихся три или четыре часа, они могли опираться лишь на рукоятки своих сабель.

В зал совещаний можно было попасть через холл, с правой стороны которого находилась спальня его величества со стеклянной дверью. Свет в спальную комнату проникал через окно с видом на правое крыло лагеря, в то время как море находилось слева. В спальне стояла железная кровать императора с большим занавесом из гладкой легкой шелковой ткани. Занавес был прикреплен к потолку позолоченным медным кольцом; на кровати лежало два матраса, один из них был подбит волосом, и два валика, первый в голове кровати, а второй в ногах. На кровати, покрытой двумя одеялами, не было подушек. Стены спальной комнаты были оклеены розовыми обоями со штампованными кружевными узорами и этрусским бордюром.

Напротив спальни находилась комната такого же размера, в которой стоял довольно своеобразный телескоп. Этот инструмент был примерно четырех футов длины и диаметром в один фут. Телескоп был водружен на подставку из красного дерева. В той же комнате на двух стульях стоял небольшой квадратный сундук, в котором лежали три полных мужских костюма и льняное белье,

составлявшие походный гардероб его величества. На сундуке лежала единственная дополнительная шляпа, отороченная белым сатином и совершенно не пригодная для того, чтобы ее носили; ибо император, как я потом расскажу, перечисляя его характерные черты, не любил новые шляпы из-за того, что у него была очень нежная кожа, и поэтому он обходился одной и той же шляпой в течение долгого времени.

Главное здание императорской казармы было разделено на три комнаты — салон, вестибюль и большую столовую, которая сообщалась с кухнями коридором, идущим параллельно столовой, о которой я только что упомянул.

Около этого здания стоял семафор для подачи сигналов, типа морского телеграфа, при помощи которого флот осуществляет свои маневры. Чуть-чуть дальше возвышалась башня д'Ордр с мощной батареей, в которую входили шесть мортир, шесть гаубиц и двенадцать 24-фунтовых пушек.

Эти шесть мортир, самые большие из всех, когда-либо существовавших, имели шесть дюймов в толщину, для заряда использовали сорок пять фунтов пороха, имели радиус действия в высоту до 10 000 футов, а в море достигали цель на расстоянии полторы лье. Первый выстрел император решил сделать сам.

В порту Булони сосредоточились тысяча семьсот кораблей, включая плоскодонные судна, сторожевые корабли, турецкие корабли, канонерки, плашкоуты, миноносцы и т. п.; вход в порт был перекрыт огромной цепью и защищался четырьмя фортами, двумя с правой стороны и двумя с левой.

Церемония Почетного легиона в Булони

Многие храбрые солдаты, входившие в состав армии в Булони, в последних боях заслужили крест Почетного легиона; и его величество пожелал, чтобы вручение этих крестов прошло как впечатляющее событие, которое следовало запомнить надолго.

В шесть часов утра 16 августа 1804 года более восьмидесяти тысяч военнослужащих проследовали из своих четырех лагерей — во главе колонны шли барабанщики, бившие в барабаны, и оркестры, играющие марши, — и каждая дивизия направилась отдельно к Губермильскому полю на утесе позади лагеря. На этом поле была сооружена огромная платформа высотой около пятнадцати футов, тыльной частью выходившая к морю. На нее можно было подняться, миновав три пролета пышно украшенных коврами лестниц, в середине и с двух ее сторон. На этой построенной таким образом сцене, имевшей общую площадь

около сорока квадратных футов, возвышались три другие платформы. На центральной стоял императорский трон. С правой стороны был поставлен треножник античной формы, увенчанный шлемом (думаю, что это был шлем Дю Гюсклина), заполненный крестами и лентами. Рядом с треножником было отведено место для архиканцлера.

Примерно в трехстах шагах от трона уровень земли был слегка приподнят с тем, чтобы получилось кругообразное возвышение; а на нем, словно в амфитеатре, расположились войска.

Погода была прекрасная, на небе ни облачка; английские крейсеры исчезли, и на море можно было увидеть только выстроившиеся в одну линию наши корабли, украшенные флагами.

В десять часов утра артиллерийский залп возвестил о выходе императора из казармы; и точно в это время он вышел из нее. Он был одет в форму генерал-полковника гвардейской пехоты.

Его величество поднялся к трону, за ним следовали его братья и высокопоставленные сановники; и когда Наполеон сел, все сопровождавшие его лица заняли предназначенные для них места.

Начавшаяся церемония вручения наград проходила следующим образом.

Адъютант императора называл имена солдат, удостоенных награды. Все награжденные один за другим останавливались у подножья трона, отвешивали поклон и поднимались по ступеням направо. Там их встречал архиканцлер; двое пажей, стоявшие между императором и треножником, вынимали награды из шлема Дю Гюсклина и вручали их его величеству, который прикреплял крест Почетного легиона на грудь храброго воина. Именно в этот момент более восьми барабанов выбивали позывные вечерней зари; и когда награжденный солдат спускался от трона, проходя перед членами блестящего штаба императора, оркестр из более чем тысячи двухсот музыкантов торжественной музыкой громко оповещал о возвращении в свое подразделение рыцаря Почетного легиона. Вручение наград началось в десять часов утра и закончилось около трех часов дня.

Меневаль

Банкет

Столы, каждый из которых был накрыт на четыреста персон, были установлены перед входом в лагеря и вдоль набережной. Все члены Почетного легиона, а их было две тысячи, заняли свои места за этими столами. Демонстрация фейерверков из-за сильного ветра была отложена на следующий день.

Наполеоновские планы вторжения

Булонская экспедиция была готова выступить, а корабли — поднять паруса. Постоянно повторяемые упражнения по загрузке кораблей и высадке на берег натренировали у войск умение проводить эти операции с точностью и скоростью без какой-либо суматохи, что так необходимо при осуществлении экспедиции подобного рода. Каждый полк, каждая бригада, каждая армейская служба имели назначенные позиции и знали, на какой именно корабль им следует грузиться. Наземные войска, так же, как и моряки, получили самые подробные инструкции. Поднявшиеся ветры, которые блокировали английские корабли в портах и очищали море, оказались благоприятными для французов. Страх охватил кабинет министров в Лондоне, Англия, трепеща от ужаса на своем острове, щедро раздавала повсюду в Европе золото и использовала все ресурсы дипломатии, чтобы повернуть надвигавшуюся на нее опасность в сторону Австрии или России. Оперативный маневр, успех которого зависел от возможности собрать у самого входа в пролив Ла-Манш достаточные морские силы для обеспечения свободного прохода Булонской флотилии, был осуществлен. Благодаря искусным комбинированным маневрам Наполеону удалось собрать в море, вдали от берега, основные силы флотов Франции и ее союзников.

Дисциплина наполеоновской канцелярии

Ненависть Англии к Франции, ее политика, которая, по словам прусского короля Фридриха Великого, состояла в том, чтобы стучаться в каждую дверь с кошельком в руке, не давали Наполеону ни минуты покоя. Но его активность возрастала

пропорционально количеству препятствий, которые возникали на его пути. И он жестоко подвергал испытаниям мои силы, которые ни в коем случае не были равны моему усердию.

Для того чтобы получить представление о том, как серьезность ситуации способствовала развитию способностей Наполеона и, в свою очередь, возрастанию объема его работы, а также о его удивительной работоспособности, сказывавшейся буквально во всем, необходимо ознакомить читателя с новым порядком, установленным им для урегулирования бесчисленных проблем и дел.

Император имел привычку будить меня ночью, когда — вследствие какого-нибудь плана, который, по его мнению, созрел для исполнения — он сам заставлял себя вставать с постели. Иногда случалось так, что вечером я вручал ему на подпись какой-нибудь документ. «Сейчас я не буду его подписывать, — бывало, говорил он. — Будь здесь в час ночи или в четыре утра; мы поработаем над документом вместе». В этих случаях мне приходилось вставать с постели за несколько минут до назначенного часа. Когда, спускаясь по лестнице, я проходил мимо двери его небольших апартаментов, то заходил в вестибюль и спрашивал дежурного, проснулся он или нет. Ответ был неизменным: «Он только что звонком вызвал Констана», — и в этот же момент он появлялся сам, облаченный в белый халат, и с головой, обвязанной шарфом из легкой шелковой ткани в полоску.

Когда случайно он оказывался в кабинете раньше меня, то шагал взад и вперед со скрещенными позади руками или нюхал из табакерки — не из-за пристрастия к этому занятию, а вследствие озабоченности. Обычно он нюхал табак, взяв из коробки только понюшку, и поэтому его носовые платки не были запачканы содержимым табакерки. Когда он диктовал, то его идеи в процессе диктовки получали дальнейшее развитие, что было понятно: его внимание сосредоточено только на том предмете, над которым он раздумывал; идеи вдруг возникали из его головы подобно тому, как вооруженная Минерва выпрыгивала из головы Юпитера.

Когда работа была закончена, а иногда еще в ее процессе, он посылал за шербетом и мороженым. Он обычно спрашивал меня, что именно я предпочитаю, и заходил так далеко в своей заботе, что советовал брать то, что было лучше для моего здоровья. После этого он возвращался в постель, но только для того, чтобы поспать часок, причем мог возобновить сон, словно и не прерывал его. С тем чтобы позаботиться о питании во время этих ночных бдений, один из императорских поваров обычно дремал около

кладовки с провизией, и в случае необходимости его могли вызвать с легкой закуской, которая готовилась заранее.

Когда же император вставал с постели ночью без особой на то причины, а лишь затем, чтобы заняться чем-нибудь во время бессонницы, то он обычно запрещал будить меня до семи часов утра. В этих случаях я находил на своем письменном столе уже утром кипы докладов и документов с его личными комментариями.

На его письменном столе находились доклады о точной дислокации наземных и морских сил. Они представлялись военным и морским министрами и были в красном сафьяновом переплете. Он сам расчерчивал журналы для докладов и проделывал эту работу первого числа каждого месяца.

Император получал странное удовольствие, изучая доклады. Обычно он самым внимательным образом читал их, заявляя, что ни одна научная работа или литературное произведение не приносит ему столько радости. Его изумительная память схватывала все детали, изложенные в докладах, и удерживала их так хорошо, что он лучше, чем военный и морской министры, знал, каковы были состав и материальное обеспечение каждой воинской службы. Правописание и произношение имен давались ему хуже, и он никогда не мог запомнить их правильно. Но если он забывал имена людей, то стоило всего лишь упомянуть о них в связи с каким-то событием или местом, как он сразу вспоминал их. Ему было достаточно один раз увидеть человека или посетить какое-нибудь место для того, чтобы он уже никогда не забывал ни человека, ни место; и все, что было связано с личностью или местностью, уже никогда не стиралось из его памяти.

Когда ознакомление с докладом или депешей вызывало необходимость какого-нибудь пространного ответа, когда результаты наблюдений или сравнений подсказывали ему спонтанную идею или когда эта идея, внезапно озарившая его ум, тщательно разрабатывалась в процессе глубоких размышлений и наступал момент приведения ее в действие, Наполеон уже не мог оставаться спокойным. Он собирался с мыслями и концентрировал все свое внимание на предмете, овладевшем им, сосредотачивая на нем все помыслы. Он медленно поднимался из-за стола и начинал не спеша вышагивать взад и вперед вдоль комнаты, в которой оказывался. Это движение по комнате продолжалось в течение всего времени, пока он диктовал. Голос его был веским, серьезным и выразительным и не изменялся после небольшой передышки. Когда он приступал к осуществлению задуманной идеи, вдохновение само выдавало себя. Оно проявлялось в более возбужденном голосе, а также в

некой нервной привычке, когда он выгибал правую руку и в то же время другой рукой дергал за кружевную отделку своего рукава. В такие минуты он не ускорял свою речь, а его походка оставалась медленной и размеренной.

Он не испытывал трудностей в поисках нужных слов для выражения своих мыслей. Иногда не совсем правильные, эти слова только усиливали энергию его речи и всегда замечательным образом выражали то, что ему хотелось сказать. Эти ошибки не были присуши построению его речи, но возникали под влиянием импровизации. В речах Сенату и законодательному корпусу, в воззваниях, в письмах коронованным особам, в дипломатических нотах его стиль был безукоризненным и строго соответствовал предмету изложения.

Наполеон редко писал сам. Процесс писания утомлял его; рука не поспевала за скоростью его мыслей, он брал перо только тогда, когда оставался в одиночестве и должен был изложить стремительно возникшие идеи на бумаге; но после написания нескольких строчек он обычно останавливался и отбрасывал перо. В таких случаях он выходил из комнаты, чтобы вызвать своего секретаря, или, в его отсутствие, второго секретаря или государственного секретаря (г-на Маре), или генерала Дюрока, или, иногда, дежурного адъютанта, в зависимости от рода работы, которой он был занят. Он пользовался услугами первого же помощника, который успевал ответить на его вызов, не выказывая при этом своего раздражения, а, наоборот, скорее демонстрируя видимое чувство удовлетворения по поводу того, что избавился от возникшего затруднения. Все, что он написал, представляет собой коллекцию писем, совершенно не связанных друг с другом и абсолютно неразборчивых. Половина букв в каждом слове отсутствовала, он не мог прочитать вновь то, что сам написал, или вовсе не затруднял себя этим. Если к нему обращались за объяснениями, он забирал свой черновик и рвал его на кусочки или просто бросал его в огонь камина и начинал вновь диктовать документ — с теми же идеями, но изложенными другими словами и в ином стиле.

Хотя он мог заметить ошибки в правописании других, его собственная орфография оставляла желать лучшего. Это была небрежность, ставшая привычкой; он не хотел нарушать или усложнять ход своих мыслей, отвлекаясь на детали правописания. Наполеону также было свойственно делать ошибки в математических расчетах, хотя сама арифметика должна быть безусловной и ясной. Он мог решать сложные математические задачи, и, тем не менее, ему редко удавалось правильно сложить сумму цифр. Было бы справедливо добавить, что эти ошибки

иногда делались не без умысла. Так, подсчитывая численность людского состава батальонов, полков или дивизий, он обычно завышал общую сумму. Едва ли можно поверить в то, что тем самым он хотел обмануть самого себя, но он часто считал полезным преувеличить численность своих армий. Было бесполезно указывать на ошибку подобного рода; он отказывался признать ее, упрямо сохраняя свою умышленную арифметическую погрешность.

Обычно в течение одного заседания Наполеон занимался поочередно вопросами, относящимися к войне, дипломатии, финансам, торговле, общественным работам и так далее; и он отдыхал, когда от одного вида работы сразу же переходил к другому. Каждое подразделение правительства было предметом его специального, полного и непрерывного внимания; в его работе никогда не ощущались беспорядочность, усталость и желание сократить часы труда.

Наполеон обычно объяснял ясность своего мышления и способность работать сколь угодно долго тем, что различные вопросы деятельности в его голове были систематизированы в определенном порядке, подобно тому, как в шкафу в установленном порядке разложены различные предметы. «Когда я хочу прервать работу над одним делом, — бывало, говорил он, — то я закрываю ящик, в котором оно находится, и открываю другой ящик. Таким образом, два различных дела никогда не смешиваются и никогда не беспокоят меня и не утомляют. Когда я хочу пойти поспать, то я закрываю все ящики, и готов отойти ко сну.

Наполеон знал, что я не обладал, подобно ему, драгоценным даром — иметь способность заснуть в любую минуту — и что я не мог спать в дневное время. После напряженной работы, занимавшей часть ночи, он говорил мне, что я могу уйти и принять ванну. Часто он сам давал указания, чтобы для меня приготовили ванну.

Иногда бывало так, что он проводил целые дни не покидая дворца и своего кабинета. В эти дни досуга, который, однако, был далеко не очевиден, ибо мог сопровождаться усиленной работой мозга, Наполеон казался растерянным, словно не знал, чем занять свое время. Он, бывало, покидал свой кабинет и проводил час с императрицей, затем возвращался к себе, усаживался на кушетке, засыпал — или делал вид, что засыпал — на несколько минут. Затем он приходил ко мне и присаживался на угол моего письменного стола или на один из подлокотников кресла, а иногда прямо мне на колени. Затем он обнимал меня за шею и забавлялся тем, что слегка дергал меня за ухо или похлопывал по

плечу или по щеке. При этом говорил мне о разных, совершенно не связанных друг с другом вещах — о себе, своих увлечениях, своем организме, обо мне или о некоторых планах, которые он обдумывал. Ему нравилось поддразнивать людей, но никогда он не делал это со злобой или с неприязнью, а наоборот — с определенной долей доброты, сопровождая свои слова громким смехом. Бывало, он просматривал названия книг и при этом вкратце или хвалил, или порицал автора. Иногда же он засиживался с книгой, отдавая предпочтение трагедиям Корнеля («Заира») и Вольтера («Смерть Цезаря», «Брут»).

Когда он уставал от чтения или от декламации стихов, то начинал петь сильным голосом, демонстрируя при этом отсутствие музыкального слуха.

Когда же он пребывал в более серьезном настроении, то обычно пел стихи из революционных гимнов и песнопений, таких, как «Споем за отъезд — будем бдительны во имя спасения империи».

Я также должен сказать о той склонности к суеверию, которая приписывается Наполеону, поскольку существует общепринятое мнение, что он подпал под чары суеверных убеждений. Но человек с таким высочайшим интеллектом, с таким ясным умом не мог признавать предвидения будущего, инверсию законов природы, так же, как и не мог позволить, чтобы его увлекла бесплодная любовь к непостижимому. Подобно всем гениям, он верил в свою судьбу. Его успехи с самого начала карьеры, за которыми последовали еще более громкие и неожиданные победы, внушили ему мысль о собственной необычности, о том, что он призван сыграть особую роль в мировой истории. «Именно после Лоди я стал подумывать о том, что могу стать решающим актером на нашей политической сцене. Именно после этого во мне зажглась первая искра сильнейшего честолюбия». Последующий взлет Наполеона к вершине власти подтвердил его правоту.

Заботы, посвященные внутренним и иностранным делам, проведению празднований и торжеств, носили всего лишь второстепенный характер; главной причиной озабоченности Наполеона оставался план вторжения в Англию. Некоторые ошибочные маневры адмирала Вильнева, командующего объединенными флотами французских, голландских и испанских эскадр, заставили императора усомниться в правильности его хитроумного плана, в соответствии с которым эти эскадры должны были прикрыть переход главной флотилии Франции. Он также замыслил идею великой экспедиции в Индию и более месяца посвятил изысканию средств для осуществления этого

великого предприятия. Ему казалось, что удар по Индии, этой отдаленной, но богатейшей английской колонии, может быть более предпочтительным, поскольку бросит все английские суда в погоню за нашими флотами. Однако, после того как Наполеон взвесил все «за» и «против» и принял во внимание завершающую стадию подготовки к булонской экспедиции, он решил оставить все как есть и не усложнять свою первоначальную идею.

Новый брак Люсьена Бонапарта и его смещение со службы

Известно, что смешение Люсьена было вызвано публикацией памфлета под заголовком «Параллель Цезаря, Кромвеля и Бонапарта», которая, как считалось, имела своею целью подготовку общественного мнения к основанию новой династии.

Это обстоятельство, а также расхождения во взглядах между Наполеоном и Люсьеном Бонапартом по вопросам политики и деятельности правительства, не говоря уже о претензиях Люсьена стать единственным доверенным лицом своего могущественного брата, привели к охлаждению в отношениях между братьями. Люсьен получил приказ отправиться в Испанию и склонить правительство этой страны к объединению с Францией, чтобы заставить Португалию порвать ее отношения с Англией.

Люсьен Бонапарт блестяще выполнил свою миссию в Испании. Он вывел эту страну из-под влияния Англии и заключил с Мадридом дипломатические соглашения, которые оказались весьма выгодными для Франции. По возвращении в Париж он становится первым заместителем, а затем сенатором, получив сенаторство на левом берегу Рейна; с поразительным талантом он отстаивал законы, представленные правительством, перед лицом членов трибуната. Институт сделал его своим членом. Ему предстояло разделить великую и завидную судьбу его брата, когда брак с госпожой Жубертон, не получивший одобрения со стороны Наполеона, вновь нарушил доброе взаимопонимание, которое, казалось, установилось между ними.

Наполеон тщетно обращал внимание своего брата на те неприятности, которые могут возникнуть у последнего, если такой брак состоится. Он зашел так далеко, что запретил мэру 10-го округа Парижа осуществить церемонию бракосочетания. Люсьен внезапно покинул Париж, отправился в Плесси-Шаман, сельский дом, которым он владел в окрестностях Санли, и, прежде чем первый консул мог вмешаться, деревенский священник, он же местный мэр, осуществил гражданскую и религиозную церемонию брака. Этот открытый мятеж против

главы правительства и его семьи заставил Люсьена покинуть Францию. Он попросил разрешения отправиться в Италию и закончил тем, что обосновался в Ватикане, где был принят с уважением. Он не предпринимал никаких шагов, чтобы помириться с братом.

Женитьба Жерома Бонапарта на Элизе Паттерсон

Сильнейшее недовольство Наполеона, вызванное браком его брата Люсьена, вскоре вспыхнуло вновь, на сей раз по поводу брачного союза, заключенного в Соединенных Штатах Жеромом Бонапартом, самым младшим из братьев. Жером, который тогда служил на флоте в звании лейтенанта, в конце 1803 года женился на мисс Элизе Паттерсон, дочери купца из Балтиморы. В то время ему было девятнадцать лет. Наполеон, обладая двойным статусом, как монарх и как глава семьи, запретил переоформить брак, запись о котором значилась только в гражданском реестре. Не обращаясь к суду, Наполеон объявил брак недействительным на том основании, что он был осуществлен без его личного согласия, без оглашения имен лиц, предполагавших вступить в брак, а также в силу того, что жених и невеста были несовершеннолетними. Он попросил церковные власти аннулировать брак, но Папа Римский, который уже был настроен антагонистически по отношению к императору, взял под защиту женщину протестантского вероисповедания, отказавшись разорвать религиозные узы, которые объединили ее с римско-католической церковью.

Политическая борьба вокруг вопроса о коронации

Учреждение империи решило вопрос о наследственности. Титул императора, являвшийся высочайшим в современной Европе, был справедливым для главы нации, превосходившей все другие. После того как этот титул был признан, установившиеся формы дворов соседних монархий, которые освободились от привилегий и от раболепия, стали необходимостью в новой империи, окруженной старыми европейскими государствами. Если новый император французов, лидер новой расы, реставратор религии во Франции, самый могущественный из всех католических монархов, ощущал потребность в религиозном посвящении, то он мог получить его только из рук главы церкви и только в столице империи. Вопрос о посредничестве его

святейшества в религиозном посвящении и коронации императора стал предметом дискуссии в Государственном совете.

На этой ассамблее, где не возбранялась самая полная свобода дискуссий, были выдвинуты возражения против предлагаемого проекта из-за опасений, что римский двор вполне мог воспользоваться им, чтобы предъявить Франции новые притязания. Настойчивость Наполеона принесла свои плоды, и кардиналу Фешу, французскому послу в Риме, было поручено провести соответствующие переговоры.

После долгих бесед с Папой Римским и консультаций с наиболее влиятельными кардиналами — мнения которых в отношении проекта постоянно колебались — предложения французского посла были приняты на условиях, которые в Париже сочли приемлемыми. Наполеон, находясь в Майнце, услышав о согласии Папы Римского, написал ему письмо, достаточно взвешенное и полное чувства собственного достоинства, с просьбой приехать к нему в Париж и придать религиозный характер церемонии посвящения и коронации первого императора французов. Письмо Наполеона, в котором не было никаких ссылок на урегулирование религиозных проблем, ожидавших своего решения, не могло не привести Папу Римского в состояние явного замешательства. Однако он решился выехать из Рима 2 ноября, на следующий день после Всех Святых.

Констан

Наполеон приветствует Папу Римского в Фонтенбло

Император направился встретить его святейшество по дороге в Немур в лесу Фонтенбло. Император спешился с лошади, и два суверена поехали в Фонтенбло в одной карете. Утверждается, что никто из них не подчеркивал своего старшинства перед другим, и, чтобы избежать этого, они оба вошли в карету в один и тот же момент: его величество через дверь справа, а его святейшество через дверь с левой стороны.

Я не знаю, действительно ли император воспользовался приемами и уловками, чтобы избежать малейшего намека на возможность компрометации достоинства его святейшества, но я знаю, что едва ли было возможно продемонстрировать большее уважение и внимание к почтенному старому человеку. На следующий день после его приезда в Фонтенбло прибытие Папы Римского в Париж было обставлено со всеми почестями, которые обычно воздаются главе империи. Для него были подготовлены апартаменты в Тюильри, в павильоне «Флора»; и как бы в продолжение того деликатного и трогательного внимания, которое его величество проявил с первой же минуты встречи его святейшества, Папа Римский обнаружил, что его апартаменты, порядок в них и мебель представляют собой точную копию его римских апартаментов и обстановки в них. Он не скрывал своего крайнего удивления и чувства благодарности за проявленное к нему внимание, которое он сам, как говорят, с присущей ему деликатностью назвал полностью сыновним, гем самым желая выразить признательность за то уважение, которое император демонстрировал по отношению к нему на каждом шагу, и за согласие быть титулованным званием «старший сын церкви», которое его величеству предстояло принять вместе с императорской короной.

Приезд Папы Римского в Париж с целью коронации императора является одним из тех событий, которым предназначено отметить величие эпохи. Император всегда говорил о нем с огромным удовлетворением. Он хотел, чтобы его святейшеству был оказан самый пышный прием, на который был способен основатель великой империи. Имея это в виду, его величество распорядился, чтобы беспрекословно выполнялись всевозможные требования по обеспечению пребывания делегации не только Папы Римского, но также всех членов его свиты. Увы!

Нельзя сказать, что его святейшество своими личными затратами способствовал опустошению имперской казны: Пий VII пил только воду, и его воздержанность была поистине апостольской; но дело обстояло совершенно иначе в отношении аббатов из его обслуживающего персонала, ибо эти господа ежедневно требовали пять бутылок шамбертенского вина, не считая других самых дорогих спиртных напитков.

Его святейшество пробыл в Париже почти пять месяцев, и это стало временем наставления для всех верующих. Он посещал церкви. Когда суровая погода не позволяла ему выходить на улицу, верующие, которые хотели присутствовать на его службе, приглашались к Папе Римскому в большую галерею музея Наполеона. Эта галерея заполнялась дамами и господами, стоящими едва ряда. Многие матери приходили с детьми, держа их на коленях или на руках. Пий VII смотрел на детей поистине ангельским взглядом, излучая доброту и кротость. Он медленно продвигался между рядами, часто останавливаясь, чтобы возложить руку на голову ребенка, сказать несколько слов матери или разрешить поцеловать его кольцо. Одет он был в простую белую сутану без украшений.

Коронация

Драгоценности, которые использовались при коронации ее величества императрицы, включавшие корону, диадему и пояс, были получены из ювелирной мастерской г-на Маргеритт. В короне было восемь ветвистых подпорок, которые поддерживали золотой земной шар, увенчанный крестом; каждая ветвистая подпорка была украшена бриллиантами, четыре были выполнены в форме пальмового листа, а другие четыре — миртового. Основание короны обрамлял венок из восьми огромных изумрудов, в то время как обруч для волос, надвинутый на лоб, сверкал аметистами.

Диадема состояла из четырех рядов великолепных жемчужин, обвитых листьями из изумрудов, каждый из которых идеально гармонировал друг с другом и был вставлен в диадему с искусством, вызывавшим такое же восхищение, как и сам материал. На лбу императрицы сияли несколько крупных бриллиантов, каждый в отдельности весил сто сорок девять граммов. Наконец, пояс представлял собой золотую ленту, украшенную тридцатью девятью драгоценными камнями розового цвета. Скипетр его величества императора принадлежал работе г-на Одно; он был из серебра, обвитый золотой змеей и увенчанный

земным шаром, на котором восседал Карл Великий. Символ правосудия, а также меч являли собой образцы изысканной работы, но для того, чтобы описать подробно, потребовалось бы слишком много времени; все эти предметы были выполнены в ювелирной мастерской г-на Бьеннэ.

Папа Римский прибыл в собор Нотр-Дам примерно за час до появления там их величеств, которые покинули Тюильри ровно в одиннадцать часов утра. Об этом оповестили многочисленные артиллерийские салюты. Карету их величеств, сверкавшую золотом и пышно раскрашенную, везли восемь гнедых лошадей, блиставших великолепием своего снаряжения.

Я не буду даже пытаться описать кортеж — хотя я по-прежнему храню самые живые воспоминания о виденной мною сцене, — поскольку мне бы пришлось говорить слишком долго. Только представьте себе десять тысяч кавалеристов, горделиво восседавших на лошадях, узкой колонной проезжавших между двумя рядами пехотинцев, имевших не менее импозантный вид. И кавалеристам, и пехотинцам предстояло преодолеть путь примерно в половину лье. Затем подумайте о численности экипажей, об их великолепии, блеске парадной сбруи, попон лошадей, а также о парадных мундирах солдат, о музыкантах, игравших марши по случаю коронации, о перезвоне колоколов и заглушавших их раскатах пушечных залпов, ко всему этому добавьте огромное множество — от четырех до пяти сотен тысяч — зрителей; и лаже тогда будет очень трудно правильно представить себе картину этого поразительного великолепия.

В декабре в Париже погода очень редко бывает хорошей, но в этот день небеса, казалось, благоволили императору; и как только он вошел в церковь, густой туман неожиданно рассеялся и сверкающий сноп солнечных лучей еще ярче осветил великолепный кортеж.

Религиозная церемония продолжалась почти четыре часа, что должно было быть изнуряющим испытанием для главных исполнителей проходившего представления. Личный обслуживающий персонал постоянно находился на дежурстве в апартаментах, подготовленных для императора во дворце архиепископа; зрители время от времени сменяли друг друга, и таким образом каждый имел возможность видеть хотя бы часть церемонии.

Было условлено, что коронация их величеств будет проведена 2 декабря 1804 года. Утром этого великого дня все в замке поднялись очень рано, особенно те, кто обслуживал гардеробную. Сам император встал с постели в восемь часов. Облачить его величество в богатый костюм, приготовленный для этого события,

было делом не простым; и все время, пока я одевал его, он прибегал к риторике и проклятиям в адрес вышивальщиков, портных и поставщиков. Передавая ему один за другим предметы его одежды, я выслушивал: «А вот теперь такая-то красивая штучка, месье шутник, — говорил он (и моим ушам отводилась обычная роль в его игре), — но мы посмотрим, какой счет нам представят за эту штучку».

Костюм его был таким: шелковые чулки с золотой вышивкой, с имперской короной на стрелках; белые вельветовые шнурованные туфли с золотой вышивкой; белые вельветовые бриджи с золотой вышивкой по швам; бриллиантовые пряжки и пуговицы на подвязках; жилет, также из белого вельвета, с золотой вышивкой и с бриллиантовыми пуговицами; малинового цвета вельветовый китель с отделкой из белого вельвета и с вышивкой вдоль всех швов, весь сверкавший от золота и драгоценных камней; короткий плащ, также малинового цвета, с подкладкой из белого атласа, свисающий с левого плеча и скрепленный справа на груди двойной бриллиантовой застежкой.

Во время таких событий передавать рубашку императору обычно поручалось главному камердинеру; но, судя по всему, его величество не помнил об этом законе этикета, и поэтому я один выполнял всю эту процедуру, к чему уже привык. Рубашка была одной из тех, которые обычно носил его величество, но из очень красивого батиста, поскольку император привык к белью только очень высокого качества; к манжетам добавлялись красивые кружева, его шейный платок был из самого изысканного муслина, а кружевной воротник — превосходной работы. Черная вельветовая мантия, увенчанная двумя белыми эгретами, была украшена поясом из бриллиантов, который скреплялся уникальным бриллиантом «Регент».

Облаченный во всю эту одежду, император покинул Тюильри; и до тех пор, пока он не подъехал к собору Парижской Богоматери, он не набрасывал на плечи мантию, предназначенную для великой коронации. Эта мантия была из малинового вельвета, покрытая золотыми пчелками, подбитая белым атласом и скрепленная золотым шнуром с кисточкой. Вес равнялся по крайней мере восьмидесяти фунтам, и, хотя ее поддерживали четверо высокопоставленных сановников, она своей тяжестью заставляла его величество пригибаться. По этой причине, вернувшись в замок, он как можно скорее освободился от всего этого богатого и страшно неудобного одеяния; и пока он переодевался в свой гренадерский мундир, повторял снова и снова: «Ну наконец я смогу дышать». Без сомнения, он чувствовал себя гораздо лучше в день сражения.

Я никогда раньше и уже потом не слышал такой впечатляющей музыки: два оркестра с четырьмя хорами, более трехсот музыкантов; множество военных оркестров, игравших героические марши.

Его величество не позволил Папе Римскому дотронуться до короны и сам водрузил ее на свою голову. Она представляла собой диадему из золотых дубовых и лавровых листьев. Его величество затем взял корону, предназначенную для императрицы, и, подержав ее немного, возложил на голову своей августейшей супруги, которая склонилась перед ним на колени. Ее волнение было столь большим, что она не смогла удержаться от слез и, встав, одарила императора взглядом, полным нежности и чувства благодарности; и император ответил ей таким же взглядом, нисколько не преуменьшая этим своего достоинства, поддержание которого было необходимо в присутствии стольких свидетелей этой впечатляющей церемонии.

Несмотря на некоторую скованность, их сердца хорошо понимали друг друга. И несомненно, в этот момент в голову императора никакая мысль о разводе не приходила; и, что касается меня, я вполне уверен, что это жестокое разъединение никогда бы не произошло, если бы ее величество императрица могла рожать детей или если бы юный Наполеон, сын короля Голландии и королевы Гортензии, не скончался бы как раз в то время, когда император решил усыновить его. Тем не менее я должен признать, что страх или, скорее, уверенность Жозефины в том, что она не способна родить наследника трона, приводили императора в отчаяние; и много раз в самый разгар работы он неожиданно останавливался, и я слышал, как он восклицал с чувством огорчения: «И кому я оставлю все это?»

Меневаль

Причина, в силу которой Наполеон короновал себя сам

Папа Римский, после обычных обрядов помазания и благословений, приготовился было взять корону, лежавшую на алтаре, когда совершенно неожиданно император опередил его и, схватив корону, сам возложил ее себе на голову, а потом сам же короновал Жозефину. Папе Римскому была отведена роль простого зрителя. Этот инцидент, который был ответом на претензии римского двора, вызвавшие возражения французов, немедленно спровоцировал довольно шумную реакцию нескрываемого изумления среди всех присутствовавших в зале.

Накануне коронации, во время торжественной аудиенции у императора, Сенат вручил ему результаты голосования по поводу учреждения в стране империи. Из всех граждан, голосовавших за пожизненный консулат, только две тысячи отказались ратифицировать акт о возвышении Наполеона до императорского ранга. Дни после императорской коронации были заполнены приемом епископов, председателей выборных комитетов, представителей научных организаций и депутаций от военных.

Констан

Проблема Давида с кардиналом Капрара

Известно, что император приказал Давиду написать картину коронации, работе над которой сопутствовало невероятное количество почти непреодолимых трудностей и которая стала одним из шедевров великого художника.

Во всяком случае, подготовка к созданию этой картины вызвала полемику, в которую был вынужден вмешаться сам император; и причина полемики была, как мы увидим, весьма серьезной, поскольку речь шла о парике кардинала. Давид настаивал на том, что не станет рисовать кардинала Капрара в парике, а кардинал, в свою очередь, не хотел разрешать Давиду рисовать себя без парика. Кое-кто встал на сторону художника, другие защищали натурщика; и хотя проблема дискутировалась с большой долей дипломатии, ни одна из спорящих сторон не могла позволить себе пойти на уступки до тех пор, пока, наконец, император не встал на защиту первого художника страны, высказавшись против парика кардинала. Этот эпизод воскрешает в памяти историю об одном простодушном человеке, который не разрешал рисовать свою голову без головного убора, поскольку он легко простужался, а его портрет должен был висеть в комнате без камина.

Вручение знамен

В среду, 5 декабря, через три дня после коронации, император вручал знамена на Марсовом поле.

На фасаде военной школы, на уровне ее апартаментов на первом этаже, был сооружен балкон с навесом.

Вокруг трона расположились принцы и принцессы, высокопоставленные сановники, министры, маршалы империи, высшие офицеры императорской гвардии, придворные дамы и члены Государственного совета.

Их величеств по прибытии в военную школу приветствовали, в соответствии с дипломатическим этикетом, члены дипломатического корпуса, которые с этой целью собрались в приемных комнатах школы.

Затем император и императрица, надев свои регалии, заняли места на троне.

Император поднялся с трона, и сразу же воцарилась мертвая тишина, после чего он громким и ясным голосом произнес следующую речь: «Солдаты! Посмотрите на ваши знамена! Эти знамена с орлами всегда будут для вас источником вдохновения. Они последуют всюду, куда бы ваш император ни счел нужным направить их для зашиты его трона и его народа. Клянетесь ли вы пожертвовать даже своими жизнями для их зашиты и никогда не выпускать их из рук, проявляя героизм на пути к победе? Вы клянетесь в этом?» — «Мы клянемся в этом», — повторили все полковники хором, в то время как президенты военных колледжей размахивали флагами. «Мы клянемся в этом», — в свою очередь громогласно повторила вся армия, а оркестры заиграли знаменитый марш, известный как «Марш знамен».

На следующий день после вручения знамен его императорское высочество принц Жозеф представил его величеству президентов электоральных колледжей департаментов; а следующими были приняты его величеством президенты колледжей муниципальных округов и их префекты.

Император побеседовал с большинством из этих официальных лиц, обсудив с ними насущные проблемы каждого департамента и поблагодарив их за проявленное усердие. Затем он особо похвалил их за выполнение закона о призыве на военную службу. «Без призыва на военную службу, — заявил его величество, — у нас бы не было ни мошной страны, ни национальной независимости. Вся Европа подчиняется закону о воинской повинности. Наши успехи и сила нашей позиции зависят от того, что у нас есть национальная армия, и нам необходимо заботиться об этом преимуществе».

Несколько дней спустя Париж устроил в честь их величеств грандиозный праздник, блеск и великолепие которого превзошли бы любое описание, если бы было возможно взяться за него.

После фейерверков был запушен огромный воздушный шар, который весь, вместе с корзиной и канатами, привязанными к нему, был разукрашен бесчисленными гирляндами цветных фонариков. Этот освещенный цветными огнями громадный шар, медленно и величественно поднимавшийся в небо, представлял собой потрясающее зрелище. На какое-то время он завис как раз над Парижем, словно ожидая того момента, когда человеческое любопытство будет полностью удовлетворено, и затем, достигнув высоты, на которой был встречен более быстрым движением воздуха, внезапно исчез, гонимый ветром на юг. На следующий день он упал около Рима. Шар пересек Францию, Альпы и так далее, покрыв расстояние более трехсот лье за двадцать два часа, со скоростью пятнадцать лье (45 миль) в час; и что

представляется еще более замечательным, так это тот факт, что его вес со всеми украшениями составлял пятьсот фунтов.

Наполеон в повседневной жизни

Император, работая по ночам, имел привычку пить кофе со сливками или шоколад; но потом он отказался от этого и во времена империи ничего ночью не принимал, лишь в редких случаях пунш, легкий и некрепкий, как лимонад, или, когда просыпался, настой из апельсиновых листьев или чай.

Когда позволяли обстоятельства, жизненные привычки императора не менялись и его время распределялось почти одинаково следующим образом. Каждое утро, ровно в девять, император покидал свои апартаменты; его точность в соблюдении часов доходила до крайности; иногда я видел сам, как он выдерживал две или три минуты до того, как войти в комнату, чтобы кто-нибудь не мог чувствовать себя пойманным врасплох. В девять часов утра он был одет уже на весь день. Когда он появлялся в приемной комнате, то сначала принимал дежурных офицеров, получавших указания его величества на весь период дежурства.

Сразу же после этого начиналась процедура, получившая название «великий сбор». То есть император принимал персонажей высокого ранга, которые имели право на раннее посещение благодаря своим обязанностям или в силу особого расположения к ним со стороны императора, и я могу утверждать, что это расположение было предметом большой зависти. Обычно оно жаловалось всем офицерам, состоявшим на службе в императорском дворце, даже если они были свободны от дежурства; все присутствующие стояли, так же, как и сам император. Он обходил по очереди всех собравшихся, почти всегда обменивался парой слов или задавал кому-то вопрос; и потом, в течение всего дня, было очень забавно видеть гордое и заносчивое поведение тех лиц, с кем император общался немного дольше, чем с другими.

Эта церемония обычно продолжалась тридцать минут, и сразу же после ее окончания император раскланивался, и все присутствовавшие удалялись.

В десять часов тридцать минут императору подавался завтрак, обычно на маленькой подставке из красного дерева; первый прием пищи продолжался семь или восемь минут, хотя иногда он продлевался, и даже, как правило, продолжался довольно значительно. Это случалось, однако, только тогда, когда

император пребывал в необычно добродушном настроении и хотел доставить себе удовольствие беседой с особо заслуженными людьми, с которыми он был давно знаком и которым посчастливилось присутствовать у него на завтраке.

Тут больше не было официального императора, каким он бывал на приемах; сейчас это был раскованный человек, ведущий себя как герой Италии, завоеватель Египта и прежде всего член Института. Из тех, кто приходил к императору во время завтрака, обычно были господа Монж, Бертолле, Коста (управляющий императорскими дворцами), Денон, Корвисар, Давид, Жерар, Изабо, Тальма и Фонтен (его главный архитектор). Как много благородных мыслей, как много возвышенных чувств находили выход в этих беседах, которые император привычно начинал словами: «Входите, господа, я закрываю дверь моего кабинета». Эти слова служили сигналом к действию, и было поистине чудесно наблюдать способность его величества соединять свою гениальность со всеми этими великими интеллектами, обладавшими такими разнообразными талантами.

Император, так великодушно обеспечивавший материально большинство генералов и проявлявший себя таким либералом по отношению к армии, император, перед которым Франция находится в неоплатном долгу за такие прекрасные памятники, не был щедрым в домашних делах. Он, возможно, напоминал тех суетных богатых субъектов, которые скрупулезно экономят на всем у себя дома для того, чтобы блистать вне его. Он дарил мало, если не сказать, что вообще не дарил подарков членам обслуживающего персонала двора; и даже первый день нового года проходил без того, чтобы он пытался развязать шнурок, стягивающий его кошелек. Когда я раздевал его вечером накануне Нового года, он спросил, ущипнув меня за ухо: «Итак, месье Констан, и что же ты подаришь мне в ответ на мой подарок?» Когда он впервые задал мне этот вопрос, я ответил, что готов подарить ему все, чего бы он ни пожелал; но должен признаться, что очень надеялся, что мне не придется раздавать подарки на следующий день. Судя по всему, мысль о новогодних подарках никогда не приходила ему в голову, ибо никому не пришлось благодарить его за них, и в дальнейшем он никогда не отступал от своего правила соблюдать домашнюю экономию. Кстати, коснувшись вопроса о щипках ушей, я должен сказать, что глубоко заблуждается тот, кто полагает, что Наполеон лишь слегка дотрагивался до этой части головы, — он щипал очень сильно и щипал еще сильнее в зависимости от улучшения своего и так хорошего настроения.

Иногда, когда я входил в комнату, чтобы одеть его, он

подбегал ко мне, словно сумасшедший, с любимым приветствием: «Итак, месье шутник», — сопровождая эти слова щипками моих ушей такой силы, словно хотел, чтобы я заорал от боли; к этой нежной ласке он часто добавлял еще один, а то и пару шлепков по щеке — тоже с немалой силой. В таких случаях я был уверен, что он до конца дня пребудет в отличном состоянии духа и будет полон доброжелательности, чему я часто становился свидетелем.

В личных апартаментах император почти всегда выглядел бодрым и вполне доступным, в свободной манере разговаривая со слугами, спрашивая об их семьях, делах и даже развлечениях. Но стоило ему закончить процедуру одевания, как он становился суровым и задумчивым, принимая манеру поведения и облик императора.

Его величество изредка читал утром новые сочинения и модные романы; и когда книга ему не нравилась, он бросал ее в огонь. Это не означало, что таким образом уничтожались только слабые произведения; ибо, если автор не числился среди его фаворитов или слишком хорошо высказывался о зарубежных странах, этого было достаточно, чтобы приговорить целый том к сожжению. Я видел, как по этой причине император бросил в камин том с произведениями госпожи де Сталь, включавшими ее книгу «О Германии».

Если вечером он заставал нас, наслаждавшихся чтением книги, в салоне, в котором мы ждали часа отхода ко сну, то он рассматривал произведение, которое мы читали, и если обнаруживал, что это модный роман, то он без сожаления сжигался. Его величество редко упускал случай прочитать небольшую лекцию по поводу конфискации книги и заметить провинившемуся, что он сделал это, «так как человек не мог найти ничего лучшего для чтения, чем это». Однажды утром он заглянул к нам и бросил в пылающий камин книгу (кто был автор, я не помню), и когда Рустам нагнулся, чтобы вытащить ее из огня, император остановил его и сказал: «Пусть эта грязная вещь горит, это все, чего она заслуживает».

Расходы на содержание домашнего хозяйства

Денежная сумма, установленная его величеством для ежегодных расходов на одежду, равнялась двадцати тысячам франков; в год коронации он страшно рассердился, поскольку она была превышена. Представление ему счетов домашних расходов никогда не обходилось без душевного трепета; он неизменно урезал и уменьшал суммы, рекомендуя самые разнообразные

реформы. Помню, как после того как я попросил для кого-то служебное место с окладом в три тысячи франков, которые он все же согласился выделить, он воскликнул: «Три тысячи франков! Но вы же понимаете, что это доход одной из моих коммун? Когда я был младшим лейтенантом, я не тратил так много». Эта фраза повторялась постоянно в разговорах с теми, с кем он был близок; и «когда я имел честь быть младшим лейтенантом» часто произносилось им, и всегда в качестве примера при сравнениях или наставлениях в области экономики.

Когда мы затрагиваем тему финансов, я вспоминаю случай, который может занять место в моих мемуарах, поскольку он касается меня лично и, более того, дает представление о том, как его величество понимал экономию. Он говорил, и часто совершенно правильно, что в личных расходах, так же, как и в общественных, даже допуская честность торговых агентов (что император, я должен признать, всегда делал с большой натяжкой), одни и те же вещи могут быть сделаны с гораздо меньшими затратами. Таким образом, когда он требовал сокращения расходов, то вопрос стоял не о количестве предметов, требующих расходов, а только о ценах, запрашиваемых за эти предметы поставщиками; и я готов привести немало примеров тому, как эта идея действовала на поведение финансовых чиновников его правительства.

Однажды, когда император изучал различные счета, он пожаловался на большие расходы по содержанию конюшен и, соответственно, урезал значительную сумму в статье на эти расходы; и главный конюший, для того чтобы на практике добиться требуемой экономии средств, посчитал необходимым лишить нескольких лиц из числа обслуживающего персонала дворца приданных им карет. В этом списке лишенных карет оказался и я. Через несколько дней после осуществления этой меры его величество возложил на меня выполнение поручения, которое требовало использования кареты; и я был обязан информировать его, что поскольку я лишен кареты, то не смогу выполнить его поручения. Император воскликнул тогда, что у него были совсем иные намерения и что г-н Коленкур, должно быть, плохо смыслит в вопросах экономии. Когда он увидел его вновь, то заявил, что не хотел бы, чтобы трогали то, что принадлежало мне.

Единственное требование императора в отношении его одежды заключалось в том, чтобы она была прекрасного качества и идеально удобной, и его мундиры для повседневного ношения, парадные мундиры и даже знаменитая серая шинель были сшиты из прекрасной материи в ателье самого Лувье. Во времена

Консулата он носил, как тогда было модно, мундир с длинными фалдами; впоследствии мода изменилась, и фалды стали делать более короткими; но император с исключительным упорством не отказывался от привычной для него длины фалд, и я немало потратил нервов, чтобы вынудить его забыть о старой моде, и только благодаря хитроумной уловке мне удалось добиться успеха. Каждый раз, когда я заказывал новый мундир для его величества, я давал указание портному укорачивать фалды по крайней мере на один дюйм, пока, наконец, они не перестали иметь нелепый вид, а сам Наполеон не заметил происшедшей перемены. В этом вопросе он не отказывался от старых привычек столь же упорно, как и во всех остальных; и его самое главное пожелание в отношении одежды заключалось в том, чтобы она не была слишком тесной, в результате чего случалось, что его внешний вид бывал весьма далек от элегантности.

Когда дискуссии относительно одежды Наполеона возобновились в 1810 году во время женитьбы его величества на Марии Луизе, неаполитанский король попросил императора разрешить направить ему своего портного. Его величество принял предложение шурина; и в тот же день я отправился за Лежером, портным короля Иоахима, и привез его в замок, порекомендовав сшить костюмы по возможности нетесными, поскольку заранее знал, что если император не сможет без труда надеть их, то носить их не будет. Лежер не обратил внимания на мой совет и обмерил фигуру императора слишком плотно. Два мундира были сшиты прекрасно; но император объявил, что чувствует себя в них стесненно, и носил их только один раз. После этого его величество услугами Лежера более не пользовался. А однажды, задолго до эпизода с Лежером, Наполеон заказал себе очень красивый мундир из вельвета каштанового цвета с бриллиантовыми пуговицами и с черным шейным платком. В этом мундире он пришел на прием ее величества, хотя императрица Жозефина на этот случай приготовила для него элегантный шелковый шейный платок. Мои мольбы поменять платки не смогли сломить его упорство.

Жилет и бриджи императора всегда были из белого кашемира; он менял их каждое утро, но стирали их только три или четыре раза. Часто случалось так, что через пару часов после выхода императора из комнаты его бриджи были все в чернильных пятнах из-за привычки вытирать о них перо, да еще при этом разбрызгивать вокруг себя чернила, макая пером не в чернильницу, а нередко в стол. Тем не менее он из-за этого не переодевался и, одевшись утром, оставался в неприглядном виде до конца дня.

Я уже говорил, что он признавал только белые шелковые чулки. Его туфли, из тонкой кожи и очень легкие, были с подкладкою из шелка, а сапоги внутри полностью были подбиты белой фланелью; и когда он чувствовал зуд в одной ноге, то почесывал ее пяткой туфли или сапога другой ноги, тем самым еще больше пачкая себя чернилами. Он носил золотые или с медальонами овальные пряжки на туфлях. На подвязках у него были тоже золотые пряжки.

Из-за упорной приверженности Наполеона старым обычаям и привычкам его сапожник в первые дни империи был все тот же, что работал на него еще в военной школе; и так как обувь шилась ему с одним и тем же размером со времен военной школы, а нового размера он не снимал, то его туфли, так же, как и сапоги, всегда были плохо сшиты и имели неизящный вид. В течение долгого времени он носил остроносые туфли; но я уговорил его носить обувь с широким носком, в соответствии с наступившей модой, и наконец обнаружилось, что его старый размер слишком мал и обувь стала тесной. Я получил согласие его величества снять новую мерку; по этому поводу я вызвал сапожника, который сменил своего отца и был удивительно глупым человеком. Он никогда не видел императора, хотя и работал на него; и когда он узнал, что ему предстоит появиться перед его величеством, у него буквально голова пошла кругом. Как он может посметь предстать перед императором? Какой костюм он должен надеть? Я постарался подбодрить его и сказал, что ему следует облачиться в черный французский китель, надеть бриджи и шляпу и т. д. В таком наряде он и появился в Тюильри. Войдя в комнату его величества, он отвесил глубокий поклон и затем, вытянувшись во весь рост, застыл в полном смятении.

— Не может быть, чтобы именно ты шил мне туфли в военной школе.

— Нет, ваше величество, император и король, то был мой отец.

— И почему же не он сейчас снимает мне мерку?

— Сир, император и король, потому, что он умер.

— И сколько же ты возьмешь с меня за туфли?

— Ваше величество, император и король, заплатит за них восемнадцать франков.

— Но это же очень дорого.

— Ваше величество, император и король, может заплатить мне намного дороже, если он пожелает.

Император от всего сердца расхохотался от этих слов простодушного парня и позволил ему снять новую мерку.

Все белье его величества было исключительно высокого

качества и отмечалось буквой «Н» в короне; поначалу он не носил подтяжек, но в конце концов стал пользоваться ими и нашел их очень удобными. Вслед за нижним бельем он надевал жилетки из английской фланели, и по указанию императрицы Жозефины ему сшили для лета дюжину кашемировых жилеток.

Многие верили, что император, находясь в армии, носил под одеждой панцирь. Это сплошная выдумка: император никогда не надевал на себя панцирь или что-нибудь похожее на этот предмет ни под мундир, ни на него.

Император не носил драгоценностей; в его карманах никогда не было ни кошелька, ни денег, а только носовые платки, коробочка с нюхательным табаком и коробочка с конфетами.

На мундире он носил звезду Почетного легиона и два креста Железной короны, под ним на жилете — красную ленту, концы которой высовывались из-под мундира.

Когда император устраивал прием в замке или приходил на совещание, на его мундире можно было увидеть орденскую ленту.

Его шляпа, чрезвычайно красивая и очень легкая, была подбита шелком и ватой, на ней он не носил ни кисточек для украшения, ни плюмажа, но просто узкую гладкую шелковую ленту и маленькую трехцветную кокарду.

Император закупил несколько часов у Брегета и Меньера, причем очень простых, с репетиром, без украшений и без рисунков. Их верх был из стекла, а задняя крышка из золота. Г-н Лас-Каз говорит о часах с двойной золотой крышкой с вензелем «Б», с которыми император никогда не расставался. Я никогда ничего подобного не видел, хотя хранил все его драгоценности и даже в течение нескольких дней оберегал бриллианты для короны.

Император часто разбивал часы, бросая их наугад на какой-нибудь предмет мебели в спальне. У него было два будильника от Меньера, один в карете, а другой у изголовья постели, его он прикреплял маленьким зеленым шелковым шнуром, а также был и третий будильник, но он был очень старым и изношенным до такой степени, что не мог работать; третий будильник принадлежал прусскому королю Фридриху Великому и был привезен из Берлина.

Шпаги Наполеона

Шпаги его величества были очень простыми, с золотой оправой и совой на рукоятке.

У императора были две шпаги, подобные той, которую он

носил в день битвы при Аустерлице. Одна из этих шпаг была отдана императору Александру, другая — принцу Евгению в 1814 году. Та шпага, которую император носил в Аустерлице, и на которой он впоследствии выгравировал название и дату той знаменательной битвы, должна была быть вставлена в колонну на Вандомской площади, но его величество продолжал держать ее у себя, я думаю, и тогда, когда он находился на острове Святой Елены.

У него также было несколько сабель, которые он носил во время своих первых кампаний и на которых были выгравированы названия битв. Они были розданы различным офицерам.

Поездки императора

Когда император собирался покинуть столицу, чтобы присоединиться к армии, или ради простой поездки по департаментам, мы никогда не знали о точном времени его отъезда. Необходимо было заранее выслать на различные дороги полный комплект предметов для обслуживания спальной комнаты, кухни и конюшен; эти вещи иногда поджидали нас и три недели, и даже целый месяц, а когда его величество в конце концов отправлялся в путь, то выяснялось, что все подготовленное и поджидавшее его на дороге не потребуется и поэтому подлежит возвращению. Мне часто приходила в голову мысль, что император действовал подобным образом для того, чтобы ввести в заблуждение тех, кто шпионил за ним, и тем самым расстроить их планы.

Никто не мог выяснить у него, в какой именно день он собирается выехать, и поэтому жизнь протекала, как обычно. После концерта, спектакля или после какого-нибудь развлекательного мероприятия, собиравшего большое количество людей, его величество просто мог сказать, покидая зал: «Я выеду в два часа!» Иногда время отъезда было более ранним, иногда более поздним; но он всегда начинал свое путешествие в назначенный час. Приказ немедленно оглашался каждым главой отдельных служб обслуживающего персонала; и все были готовы к назначенному времени, хотя замок оставался в невероятном беспорядке.

Где бы его величество ни находил приют во время поездки, он, перед тем как продолжить путь, расплачивался за все свои расходы и расходы обслуживающего персонала, а хозяевам, оказавшим ему гостеприимство, делал подарки, не оставляя при этом без вознаграждения и их слуг.

Когда и где бы император ни останавливался на постой, всегда, и ночью, и днем, назначались дежурные, паж и адъютант, пристраивающиеся снаружи на расстеленной мешковине. Во время поездок императора с ним всегда были квартирмейстер и старший конюх, постоянно находившиеся поблизости в прихожей и обязанные, в случае необходимости, немедленно вызвать экипаж, который они всегда держали в полной готовности. Эти двое сопровождающих императора менялись каждые два часа, подобно часовым на посту.

Лошади императора

Император садился верхом на лошадь очень неизящно, и я думаю, что он бы никогда не чувствовал себя на ней в полной безопасности, если бы в его распоряжение не доставляли только тех лошадей, которые были уже безупречно натренированы; но во избежание худшего принимались все меры предосторожности, и лошади, предназначенные для императора, должны были выдержать жестокое испытание, прежде чем добиться чести носить его на себе. Их тренировали выдерживать, не шелохнувшись, самые различные мучения, удары хлыстом по голове и ушам, барабанный бой и стрельбу из пистолетов, размахивание флагами перед глазами; к их ногам бросали тяжелые предметы, иногда даже овцу или свинью. От лошади требовалось, чтобы в момент самого быстрого галопа (а других император не любил) Наполеон смог бы на полном скаку неожиданно ее остановить. Вообще в распоряжении его величества были только натренированные до невероятного совершенства животные. Г-н Жарден, старший конюший его величества, справлялся со своими трудоемкими обязанностями с исключительным мастерством и ловкостью. Император также требовал, причем настоятельно, чтобы его лошади были очень красивыми животными, и в последние годы своего правления он ездил только на арабских лошадях.

Среди этих благородных животных было несколько, к которым император особенно привязался, среди них — лошадь по кличке Стирия, на которой он пересек Сен-Бернар и руководил битвой при Маренго. После последней кампании ему хотелось, чтобы его любимая лошадь закончила свои дни в обстановке роскошного отдыха, поскольку и битва при Маренго, и переход через великий Сен-Бернар сами по себе означали завершение отличной карьеры. Многие годы император ездил на арабской лошади, обладавшей исключительной сообразительностью, что

доставляло ему громадное удовольствие. В течение того времени, пока лошадь поджидала своего наездника, было очень трудно заметить в ней какие-либо признаки изящества, но как только она слышала барабанную дробь, извещавшую о присутствии его величества, тут же необычайно гордо вскидывала голову, встряхивала гривой и нетерпеливо била копытами по земле. И пока император не садился на нее, она являла собой такое редкое зрелище великолепного животного, какое едва ли можно было вообразить.

Его величество ценил хороших конюхов, и поэтому принимались все необходимые меры, чтобы пажи получали самое тщательное обучение при подготовке на должность конюха. Чтобы научиться уверенно и с изяществом садиться на лошадь, им приходилось практиковать такие упражнения, связанные с вольтижировкой, которые, как мне казалось, были бы годны только для выступлений в цирке.

Император не получал удовольствия от охоты, этот вид развлечения рассматривался как часть этикета.

Внешность Наполеона

По возвращении из Египта лицо императора было худощавым, болезненного цвета и с запавшими глазами. Кожа отливала медным блеском, а тело, хотя и без изъянов, также было очень худым. Поразительно его сходство со своим портретом, изображенным Горацио Верне в картине «Смотр первого консула на площади Карусель». Очень высокий и чистый лоб; темно-коричневые тонкие волосы, особенно на висках, но очень красивые и мягкие; темно-синие глаза, выражающие потрясающим образом самые различные чувства. Очень красивый рот с губами, очерченными прямой линией, но довольно крепко сжатыми в момент раздражения. Белые и крепкие, хотя и не совсем ровные, зубы. Он никогда не страдал от зубной боли. У него был греческий профиль и красивой формы нос. Наполеон обладал прекрасным обонянием. Все его телосложение отличалось пропорциональностью, хотя на портрете чрезмерная худоба невольно отвлекала внимание от красоты черт лица и портила общее впечатление от его облика.

Необходимо описать черты лица Наполеона последовательно, одну за другой, чтобы получить ясное представление о них в целом и постигнуть идеальную правильность и красоту каждой из них. Его голова была довольно крупной, в окружности равной примерно двадцати четырем дюймам; она была слегка

продолговатой и, следовательно, несколько плоской в висках; кожа была настолько чувствительной и нежной, что мне приходилось его шляпы подбивать мягкой прокладкой, а затем еще ходить в них несколько дней в своей комнате, чтобы разносить. Уши у него были маленькими, превосходной формы и прекрасно посажены. Ноги у императора были также очень нежными, и мальчуган из гардеробной по имени Жозеф, у которого был точно такой же размер, как и у императора, разнашивал его туфли.

Его рост равнялся пяти футам двум дюймам трем линиям во французском измерении и пяти футам шести дюймам в английском (сто шестьдесят семь и шестьдесят четыре сотых сантиметра).

Его отличали довольно короткая шея, покатые плечи, широкая, почти безволосая грудь, стройные ноги, приятной формы бедра, маленькие ступни и правильной формы пальцы без каких-либо утолщений, наростов или ссадин; его руки были прекрасно развиты и красиво свисали вдоль тела; кисти рук были просто прекрасными, и ногти не преуменьшали их красоту. Он тщательно ухаживал за ними, как, впрочем, и за всей своей персоной, однако без претензий на фатовство. Он часто слегка грыз ногти, что служило признаком его нетерпения или озабоченности.

Позднее он заметно потучнел, но красота лица от этого не потускнела, даже наоборот — он стал выглядеть еще лучше в годы Империи, чем в период Консулата: его кожа стала очень белой, а выражение лица более оживленным.

Император в минуты — или, скорее, часы — труда и размышлений был подвержен внезапному спазматическому движению, которое, казалось, было результатом нервного заболевания и сопровождало его всю жизнь. Оно выражалось в том, что его правое плечо часто и быстро вскидывалось вверх; и те, кто не был знаком с этой его особенностью, иногда расценивали его поведение в этот момент как жест неодобрения или неудовольствия и поэтому с тревогой пытались выяснить, каким образом они могли вызвать его раздражение. Эта особенность нисколько не отражалась на его самочувствии, и он продолжал дергать плечом, не сознавая этого.

Самой удивительной странностью организма императора было то, что он никогда не ощущал сердцебиения.

Он часто говорил об этом г-ну Корвисару и мне; и не раз он предлагал нам провести руками по его груди, чтобы убедиться в существовании у него этой исключительной особенности. Мы никогда не могли ощутить даже еле заметную пульсацию сердца в

груди императора.

Другая странность организма Наполеона заключалась в том, что его пульс равнялся всего лишь сорока ударам в минуту.

Император ел очень быстро и за столом тратил на еду едва ли более десяти минут. Когда он заканчивал трапезу, то поднимался из-за стола и уходил в семейный салон; но императрица Жозефина оставалась и делала знак гостям следовать ее примеру. Иногда, однако, она выходила из-за стола вместе с его величеством; и тогда, несомненно, придворные дамы вознаграждали себя в своих апартаментах, где им подавалось на стол все, что они желали.

Однажды, когда принц Евгений покинул стол немедленно после императора, последний, повернувшись к нему, заметил: «Евгений, но ты же не успел пообедать». — «Извините меня, — ответил принц, — но я пообедал заранее!» Другие гости, несомненно, пришли к выводу, что это была небесполезная предусмотрительность. Но такие веши случались до времен Консулата; ибо позднее император, даже когда он был еще только первым консулом, обедал наедине с императрицей, за исключением случаев, когда он приглашал к обеду придворных дам, иногда одну, иногда другую. Все приглашаемые на обед высоко ценили этот знак благосклонности. В это время уже существовал двор при особах их величеств.

Чаше всего император завтракал один за маленьким треногим столиком из красного дерева, без скатерти. Завтрак, более скудный, чем обычно, продолжался только восемь или десять минут.

Позже я отмечу неблагоприятный эффект, который зачастую сказывался на здоровье императора из-за привычки есть слишком быстро. Помимо этого, императору явно недоставало благопристойности во время приема пиши: он часто предпочитал пользоваться пальцами вместо вилки или ложки. Немало забот вызывала необходимость заранее ставить в зоне его досягаемости блюдо, которому он отдавал предпочтение, поскольку он обычно просто пододвигал его к себе и макал туда кусок хлеба. Блюдо, которое император предпочитал более всего, готовилось из нарезанного мелкими кусочками жареного куриного мяса. Этому блюду, из-за приверженности к нему завоевателя Италии, было присвоено наименование «курица по-маренгски». Он также с удовольствием ел фасоль, чечевицу, отбивные котлеты, баранину и зажаренную целиком курицу. Более всего он любил простые блюда, но был привередлив к качеству хлеба. Неправда, что он чрезмерно много пил кофе. На самом деле он выпивал только половину чашки после второго завтрака, а вторую половину после

обеда; хотя иногда бывало и так, что, слишком задумавшись над чем-то, он, не замечая этого, выпивал две чашки подряд, хотя кофе, выпитый в таком количестве, возбуждал его и мешал заснуть.

Часто случалось и так, что он пил холодный кофе или без сахара, а иногда с двойной порцией сахара. Чтобы избежать подобных накладок, императрица Жозефина взяла на себя заботу самой наливать кофе императору; позднее императрица Мария Луиза также стала следовать подобной процедуре. Когда император покидал обеденный стол и выходил в небольшой салон, то за ним следовал паж, несущий поднос из позолоченного серебра с кофейником, сахарницей и чашкой. Ее величество императрица наливала кофе в чашку, клала в нее сахар, выпивала пару глотков для пробы и затем передавала чашку императору.

Император пил только вино марки Шамбертен, и в редких случаях без воды; он не был поклонником вина и плохо в нем разбирался. В связи с этим вспоминается один случай в лагере в Булони, когда его величество, пригласив за свой стол нескольких офицеров, налил бокал вина маршалу Ожеро и спросил его с нескрываемым чувством удовлетворения, как ему понравилось вино. Маршал маленькими глотками попробовал, сморщился, допил бокал до дна и в конце концов ответил: «Бывает и лучше», — тоном, в смысле которого ошибиться было невозможно. Император, ожидавший иной ответ, улыбнулся, так же, как и все гости, оценив прямоту маршала.

Император и медицина

Мало кто не слышал о том, что его величество принимал величайшие меры предосторожности против попыток отравить его. Эти слухи должны быть поставлены в один ряд с разговорами о пуленепробиваемом панцире. Напротив, император в своем пренебрежении к мерам предосторожности зашел слишком далеко. Каждый день его завтрак приносился в прихожую, открытую для всех, кому была разрешена личная аудиенция и кто ожидал ее там часами. Завтрак его величества также дожидался своей очереди в прихожей довольно долгое время. Блюда с едой держались, по возможности, теплыми до тех пор, пока император не выходил из своей комнаты и не садился за стол. Обед для Наполеона приносили из кухни в верхние комнаты в закрытых больших корзинах с крышкой, и для того, чтобы в еду положить яд, имелись самые благоприятные возможности; но, несмотря на это, никогда подобная идея не приходила в голову любому из тех,

кто обслуживал его величество.

Привычка быстро есть иногда вызывала у его величества острые боли в желудке, которые почти всегда заканчивались приступом рвоты.

Однажды дежурный лакей примчался ко мне в страшной спешке, чтобы сообщить, что император немедленно требует меня к себе. Обед вызвал у него расстройство желудка, и он испытывал сильные мучения.

Я поспешил в комнату его величества и обнаружил, что он лежит на ковре, вытянувшись во всю длину тела. Так император обычно делал, когда плохо себя чувствовал. Императрица Жозефина сидела подле него, держа голову больного на своих коленях, а он поочередно то стонал, то кричал от боли или делал и то и другое одновременно: ибо император переносил подобные невзгоды с гораздо меньшим самообладанием, чем солдат, жизни которого сопутствует тысяча тяжелых неудач.

Наполеон проявил себя совершенно не готовым выносить самую незначительную боль. Ее величество императрица как могла утешала и ободряла его. Она, которая так мужественно переносила свои ужасные мигрени, являющиеся настоящей болезнью, с большим желанием взяла бы все боли своего мужа, от которых она страдала почти так же, как и он. «Констан, — позвала она меня, — подойдите сюда скорее, император нуждается в вас, приготовьте ему чай и не уходите, пока ему не станет лучше». Его величество едва выпил три чашки чая, как боли заметно уменьшились, а императрица в это время продолжала держать его голову на коленях, поглаживая его лоб и грудь своими белыми, слегка пухлыми руками. «Тебе уже лучше, не правда ли? Может быть, ты немного полежишь в постели? А я постою около нее вместе с Констаном».

Такая нежность была поистине трогательной, особенно у человека такого высокого ранга.

Моя служба, допускавшая меня к сокровенным моментам жизни императора, давала мне возможность радоваться подобным картинам семейного счастья. Поскольку я затронул тему болезней императора, то скажу несколько слов о наиболее серьезной из перенесенных им, за исключением той, которая вызвала его смерть.

Во время осады Тулона в 1793 году один канонир был убит у своей пушки; и Бонапарт, тогда еще только полковник артиллерии, подхватил досылатель снарядов и несколько раз, используя его, зарядил пушку. Несчастный артиллерист страдал от болезненного зуда в его наиболее злокачественной форме, которым Бонапарт и заразился и от которого его излечили только

много лет спустя. Доктора считали, что болезненный вид его лица и чрезвычайная худоба, продолжавшиеся такое длительное время, явились результатом этой болезни, от которой к тому же его неправильно лечили. В Тюильри он принимал серные ванны и некоторое время носил нарывной пластырь, таким образом продолжая страдать очень долго, поскольку, по его словам, у него не было времени, чтобы позаботиться о себе. Корвисар по-дружески настаивал на процедуре прижигания; но император, желавший сохранить красивую форму рук, не согласился на этот метод лечения.

Именно во время той осады Тулона он был повышен в должности командира батальона до звания полковника, вследствие блестящей операции против англичан, во время которой он получил штыковую рану в левое бедро. Он часто показывал мне шрам от этого ранения.

Его величество питал непреодолимое отвращение ко всем медицинским средствам; и когда он пользовался ими, что случалось очень редко, то это были куриный бульон, цикорий или винный камень.

Корвисар рекомендовал ему отказаться от всех напитков, имевших горький или неприятный вкус, которыми император пользовался, — как я думаю, из-за опасения, что его могли попытаться отравить ядом.

В какой бы час император ни ложился спать, я всегда входил в его спальню ровно в семь часов утра; он спрашивал о погоде и точном времени. Иногда он жаловался мне, что, мол, выглядит плохо; если это было правдой, то я соглашался с ним, но если нет, то я не уклонялся от истины. В этом случае он дергал меня за уши, называл «дуралеем», а затем просил передать ему зеркало, иногда добавляя, что он просто пытался одурачить меня, а на самом-то деле он чувствует себя очень хорошо.

Он читал ежедневные газеты, спрашивал о людях, поджидавших его в приемной, называл имена тех, кого хотел видеть, а потом беседовал с каждым из них. Корвисар входил, не ожидая разрешения, и императору доставляло удовольствие поддразнивать его, переводя разговор на тему о медицине. Император говорил, что медицина — всего лишь сомнительное искусство, а все доктора на самом деле — шарлатаны, и он приводил примеры в доказательство своего утверждения, особенно из собственного опыта. Доктор не отступал ни на йоту, когда считал, что прав.

Во время этих бесед император брился, поскольку я добился, чтобы этой процедурой он занимался сам. Часто он забывал, что побрил только одну щеку, а когда я напоминал ему об этом, он

смеялся и потом уже добривал лицо до конца. Приходил Иван, дежурный хирург, и так же, как и Корвисар, получал свою порцию критики и нападок на его профессию; все эти беседы были чрезвычайно забавны.

В такие моменты император был очень весел и разговорчив, и я верю, что, когда у него под рукой не оказывалось примеров, которые можно было бы привести в поддержку своих теорий, то он не стеснялся выдумывать их; в результате эти господа, доктора, не всегда всерьез воспринимали его утверждения. Однажды его величество потянул за уши одного из своих докторов (если мне не изменяет память, это был Галле). Доктор резко отпрянул назад, вскричав: «Сир, вы делаете мне больно!» Возможно, эта фраза прозвучала не без раздражения, но, вероятно, доктор сказал сущую правду.

Стол

В Тюильри и в Сен-Клу обед подавался в шесть часов; и император каждый день обедал с императрицей, за исключением воскресенья, когда к обеду допускалась вся семья. Только император, императрица и мать императора сидели в креслах; все остальные, будь то короли или королевы, усаживались на простых стульях. Подавалось только одно блюдо перед десертом. Его величество пил обычно вино Шамбертен, но редко не разбавленное водой, и едва ли больше, чем одну бутылку. Обедать с императором являлось скорее честью, чем удовольствием для тех, кто допускался к обеду, поскольку было необходимо, прибегая к обычному выражению, «проглатывать еду с особой поспешностью», так как его величество никогда не оставался за столом более, чем пятнадцать или восемнадцать минут. После обеда, так же, как и после завтрака, император привычно пил чашку кофе, которую ему наливала императрица. Этот обычай ввела госпожа Бонапарт еще во времена Консулата, так как первый консул часто забывал выпивать свою чашку кофе; она продолжала эту процедуру, став императрицей, а императрица Мария Луиза сохранила этот обычай.

После обеда императрица спускалась в свои апартаменты, где вокруг нее собирались придворные дамы и дежурные офицеры; иногда и император сопровождал ее, но оставался в ее обществе только на короткое время. Таков был заведенный порядок жизни во дворце Тюильри в те дни, когда не назначались охота утром, концерт или театр вечером; и жизнь в Сен-Клу мало чем отличалась от жизни в Тюильри.

Иногда совершались поездки в каретах, если позволяла погода; и по средам, в день недели, предназначенный для заседаний совета министров, этим официальным лицам неизменно оказывалась честь быть приглашенными отобедать с их величествами. Когда же проводилась охота в Фонтенбло, Рамбуйе или Компьене, то обычный распорядок жизни нарушался: придворные дамы следовали за императорской четой в каретах, а весь обслуживающий персонал обедал вместе с императором и императрицей под тентом, воздвигнутым в лесу.

Меневаль

Процедуры канцелярской работы

Обязанность вскрывать письма монархов вызывала необходимость их классификации в соответствии с деятельностью министров, имеющих отношение к данному вопросу, и составления краткой записки, излагавшей суть дела, на краю письма. В последнее время очень часто для этой работы просто не хватало свободных минут. Меня постоянно отрывали, чтобы писать под диктовку императора. Я не стану говорить о той ответственности, которая, в определенной степени, лежала на мне, если предположить, что некую депешу куда-то переправили или сразу направили в иной адрес, или даже просто потеряли. Уже в 1803 и в 1804 годах, когда английские послы в своих резиденциях, находящихся в непосредственной близости от наших границ, выступали в качестве действующей силы, вызывающей беспорядки, интриги и даже коррупцию, я говорил Наполеону, как необходимо, чтобы безопасность его депеш была должным образом обеспечена.

Он довольствовался тем, что предоставил в мое распоряжение конный эскорт на его маршруте между Мальмезоном и Парижем, поскольку поездки по этому маршруту всегда совершались очень поздно вечером, и это решение было принято для того, чтобы мне не приходилось самому возить его портфель.

Император постепенно приучился сам вскрывать письма. Я помогал ему в этой работе, когда у меня ничего не было более срочного. Его всепоглощающая умственная активность, которая никогда не могла полностью насытиться и которая усиливалась по мере повышения предъявляемых к ней требований, совершенно ни в ком не нуждалась. Как только письмо вскрывалось, он тут же читал его и зачастую сразу же отвечал на него, отставляя другие в сторону, чтобы ответить на них позже, и выбрасывая на пол те, которые не нуждались в каком-либо ответе.

Иногда бывало так, что министры присылали ко мне своих чиновников, чтобы выяснить, что сделал император с тем или иным докладом. Когда они узнавали, что он отбросил их послания в сторону без ответа, то понимали, что именно это значило. Наполеон, бывало, называл лучшей частью своей работы то время, когда он не отвечал на письма. Когда он отсутствовал, мне было поручено вскрывать письма, которые могли приходить в

это время, и в случае, если они содержали что-нибудь срочное, следовало их пересылать ему, где бы он ни находился, или немедленно вручать, когда он возвращался, даже в его личных апартаментах. Именно такой был установлен порядок, который всегда потом соблюдался.

Констан

Наполеон в повседневной жизни

Иногда, прежде чем я принимался за свою обычную работу, его величество расспрашивал меня о том, что я делал накануне вечером, интересовался, обедал ли я в городе и с кем, хорошо ли я провел время и что именно мы заказывали на обед. Он также часто спрашивал, в какую сумму обошлась мне моя одежда, и когда я называл иену, он удивлялся и говорил, что в бытность его младшим лейтенантом все было намного дешевле и он часто питался в ресторане «У Розы» всего за два франка. Несколько раз он заводил разговор о моей семье.

Проснувшись, Наполеон обычно выпивал чашку чая или стакан воды, настоянной на апельсиновых листьях; если ему хотелось принять ванну, он садился в нее сразу же после постели и, пока находился в ванне, слушал своего секретаря, который читал ему депеши и свежие газеты. Если же он не принимал ванну, то садился у камина и уже там выслушивал секретаря, но часто читал и сам. Он диктовал секретарю ответы на депеши, а также замечания, которые приходили ему в голову во время чтения свежей почты. Он просматривал все бумаги, бросая их потом на пол в полном беспорядке. Позже секретарь собирал бумаги с пола в одну пачку, чтобы их отнесли в кабинет императора.

Летом его величество, перед тем как одеться, надевал панталоны из белого пике и халат из такого же материала, а зимой — панталоны и халат из хлопчатобумажной фланели. На голову он надевал тюрбан, стянутый на лбу, концы которого свисали сзади на шею. Когда император появлялся в этом головном уборе, вид у него был далеко не элегантный.

Когда он выходил из ванны, мы подавали ему другой тюрбан, поскольку предыдущий становился совершенно мокрым, так как во время приема ванны он постоянно крутился и плескался. После ванны и чтения депеш я брил его, пока он сам не научился бриться. Когда император стал выполнять эту процедуру сам, то он, как и все, пользовался зеркалом, приставленным к окну; но он подходил к зеркалу так близко и намыливал себя пеной с таким воодушевлением, что зеркало, оконные стекла, занавески, его халат и сам император — все оказывалось в мыльной пене. Чтобы избавиться от этого неудобства, слуги собрались на общий совет и решили, что Рустам должен держать зеркало перед лицом его

величества. Когда император заканчивал брить одну щеку, он поворачивал к зеркалу другую, чтобы обозреть ее, и заставлял Рустама переходить слева направо или справа налево, в зависимости от того, какую щеку он начинал брить.

После процедуры бритья император мыл лицо и руки, а потом тщательно чистил ногти; затем я снимал с него фланелевый жилет и рубашку и массировал ему грудь чрезвычайно мягкой шелковой щеткой. После этого я смазывал грудь одеколоном, который он расходовал в большом количестве, поскольку ежедневно следовал одной и той же процедуре. К правилам гигиены, от которых он получал огромное удовольствие, он приобщился на Востоке.

Когда заканчивались все эти предварительные процедуры, я одевал на него легкие фланелевые или кашемировые тапочки, белые шелковые чулки, другого цвета и качества он никогда не носил, очень красивое тонкое белье или фланелевые кальсоны, иногда бриджи из белого кашемира с легкими сапогами для верховой езды, иногда панталоны из фланели белого цвета с английскими полусапожками, которые доходили до середины ног и заканчивались внизу маленькими серебряными шпорами размером не более двенадцати миллиметров в длину. Все его сапоги были именно с такими шпорами. Затем я надевал на него фланелевый жилет и рубашку, шейный платок из очень красивого муслина, а сверху черный шелковый шарф, наконец, легкий камзол из белого пике и охотничий или гренадерский плащ, обычно охотничий. Когда с одеждой было покончено, ему вручали новый платок, коробочку с нюхательным табаком и маленькую коробочку из раковины, наполненную анисовыми семенами и лакрицей, очень мелко нарезанной. Из вышеперечисленного видно, что императора одевали с головы до ног его слуги.

Я забыл сказать, что он пользовался самшитовыми зубочистками. Император родился для того, чтобы за ним ухаживали. Когда он был еще только генералом, у него уже было трое слуг и его обслуживали с такой же роскошью, как и тогда, когда он находился на вершине славы. Уже с того времени он пользовался всем тем вниманием к своей особе, о котором я только что написал. Без такого внимания он почти не мог обойтись. В этом отношении правила этикета, применяемые к нему, никогда не менялись. Он увеличивал число своих слуг и награждал их новыми титулами, но очень редко допускал, чтобы ему оказывались почести королевского этикета, и никогда, например, обер-камергер не подавал ему рубашку; и только в одном случае, когда Париж давал в его честь обед по поводу его коронации, великий гофмаршал Парижа вручил ему воду, чтобы

он вымыл руки.

У императора не было точного часа для отхода ко сну; иногда он ложился спать в десять или одиннадцать часов вечера, чаще всего оставался на ногах до двух, трех или четырех утра. Он быстро раздевался; поскольку так было у него заведено, войдя в комнату, разбрасывал направо и налево свои веши: плащ — на пол, орденскую ленту — на ковер, часы — на постель, шляпу — куда попало, таким же образом он поступал со всей одеждой: ее предметы летели в разные стороны один за другим. Когда он был в хорошем настроении, он звал меня к себе громким голосом примерно такого рода возгласом: «Оге! О! О!» В других случаях, когда настроение у него было испорчено, он призывал меня: «Месье, месье Констан!»

Во все времена года его постель нужно было согревать горячей сковородкой, и только при очень жаркой погоде он обычно обходился без нее. Его привычка раздеваться в страшной спешке оставляла меня без работы, за исключением того, что я вручал ему ночной колпак. Затем я зажигал ночную лампу, которая была из позолоченного серебра, и прикрывал ее так, чтобы он оказывался в тени. Если он не засыпал сразу, то вызывался один из секретарей или, бывало, приходила сама императрица Жозефина для того, чтобы почитать ему на ночь. По приказу императора в его спальной комнате в маленьких серебряных парфюмерных чашечках сжигались веточки алоэ, а иногда сахар или уксус; и почти круглый год во его апартаментах обязательно топился камин, так как он был очень чувствителен к холоду. Когда он хотел заснуть, то я возвращался, чтобы потушить лампу, и затем поднимался в свою комнату, которая находилась как раз над спальней его величества. Рустам и дежурный слуга спали в маленькой комнате, примыкавшей к спальне императора; и если он нуждался во мне в течение ночи, то мальчик из гардеробной, спавший в прихожей, приходил за мной. Для ванны императора всегда держалась горячая вода, ибо часто в любой час ночи, а также и дня, у него неожиданно могла возникнуть прихоть принять ванну.

Каждое утро и каждый вечер, в момент пробуждения и отхода ко сну, его величество посещал доктор Иван.

Хорошо известно, что император часто вызывал к себе ночью своих секретарей и даже министров. Во время пребывания Наполеона в Варшаве князь Талейран однажды был вызван к нему уже после полуночи; он сразу же явился и имел продолжительную беседу с императором. Работа затянулась до поздней ночи, когда его величество, устав, погрузился в сон. Князь, который побоялся выйти, опасаясь, что тем самым разбудит императора и тот

заставит его возобновить беседу, огляделся вокруг и, заметив удобный диван, растянулся на нем и тут же заснул. Меневаль, секретарь его величества, не желая уходить, пока министр не покинет императора, и зная, что император, вероятно, вызовет его после ухода Талейрана, с большим нетерпением ждал окончания затянувшейся беседы; а что касается меня, то мне было не до шуток, поскольку я не мог лечь спать без того, чтобы не убрать лампу из комнаты его величества.

Меневаль десятки раз приходил ко мне, интересуясь, ушел ли князь Талейран. «Он все еще там, — отвечал я. — Я уверен в этом, хотя и не слышу оттуда никакого шума». Наконец, я попросил Меневаля остаться в моей комнате, дверь из которой выходила на улицу, а сам в это время, словно часовой, направился в вестибюль, куда выходила еще одна дверь комнаты императора. Мы с Меневалем договорились, что когда один из нас увидит князя, покидающего комнату императора, то сообщит об этом другому.

Часы пробили два часа, затем три, затем четыре; никто не появлялся, и в комнате его величества не слышно было ни малейшего шороха. Потеряв, наконец, терпение, я тихо приоткрыл дверь комнаты его величества; но император, спавший очень чутко, немедленно проснулся и спросил громким голосом: «Кто там? Это кто вошел? В чем дело?» Я ответил, что, полагая, что князь ушел, явился, чтобы забрать лампу его величества. «Талейран! Талейран! — яростно вскричал император. — Так где же он?» — и, увидев его, тут же разбудил. «Итак, что же я вижу, он еще спит! Вставайте же, негодяй; как вы посмели спать в моей комнате! Ах! Ах!»

Я вышел из комнаты, не забрав с собой лампы; они вновь приступили к беседе, а Меневаль и я ожидали окончания их разговора тет-а-тет до пяти часов утра.

Меневаль

«Не рассчитывая на удачу…»

Он мог рассчитывать на свою счастливую звезду при осуществлении самых дерзких замыслов. Эта уверенность, стимулированная его постоянными успехами, была оправданна. Но он всегда был готов к любому повороту событий. Для удачи не было места при разработке любого из его планов. Прежде чем окончательно решиться на проведение в жизнь своих планов, он подвергал их скрупулезным проверкам и анализу, любая опасность, даже наиболее невероятная, тщательно обсуждалась и предусматривалась. Я видел, как Наполеон упивался успехом, но я ни разу не видел его застигнутым врасплох. Намечаемые им цели были хорошо просчитаны, а шансы противника на успех сведены к нулю его расчетами и приготовлениями, и если что-либо могло привести его в замешательство, то это бы означало провал его планов.

Наполеон — король Италии

Император стремился окончательно решить судьбу Италии. В соответствии с пожеланиями итальянцев, он предложил корону Ломбардии своему брату Жозефу. Жозеф отказался. Наполеон, не желая передавать свое творение в чужие и, возможно, враждебные руки, решил объединить титул короля Италии с титулом императора Франции. Он добился того, чтобы конституция королевства Италии утверждалась указом Сената Франции. Предусмотрев урегулирование задуманного проекта и уполномочив Жозефа руководить работой Сената и других административных советов во время своего отсутствия, он принял Папу Римского, нанесшего ему прощальный визит в Сен-Клу, и на следующий день, 1 апреля, отбыл в Италию. Его сопровождали императрица Жозефина, кардинал Карара. Архиепископ Милана, которому предстояло короновать короля Италии, выехал раньше Император заблаговременно направил в Италию главного церемониймейстера коронации с частью своего двора; остальные придворные сопровождали его в поездке.

В то время, чтобы попасть в Италию, нужно было преодолевать гору Сенис. Кареты приходилось разбирать на части, а путешественники должны были совершать свой путь по

крутым тропам, осторожно делая каждый шаг. Надежные и привыкшие к этим тропам горцы перетаскивали путешественников и их багаж на спинах или на носилках; другие монтаньяры, встав впереди специальных горных саней и вооружившись палками с металлическими наконечниками, направляли поклажу по быстрой горной трассе с потрясающей ловкостью.

Когда в 1807 году мы вновь преодолевали эту гору, то нас вместо привычного в прошлом бездорожья ожидала широкая и красивая дорога с отлогими и легкими склонами. Она была такой простой, что не было необходимости ставить тормоза на дилижансах.

По прибытии в Александрию Наполеон посетил огромные фортификационные сооружения, возведенные по его приказу, и устроил грандиозный смотр войскам на поле битвы в Маренго.

В день смотра на нем были специально привезенные из Парижа те самые плащ и шляпа, которые он носил в памятный день сражения. Вид этого старого военного обмундирования вызвал небывалый энтузиазм у солдат, большинство которых помнили, как сверкал мундир Наполеона в лавине огня во время великой битвы; и теперь уже выцветшая вышивка на его старом мундире еще больше воскрешала в высшей степени знаменательную для французского оружия память о победе, которая привела к таким великим результатам.

13 мая император вступил на улицы столицы Ломбардии. Его встретили в Милане восторженные толпы, энтузиазм которых подогревался итальянским темпераментом. Он отправился в кафедральный собор «Дуомо», гордость Ломбардии.

Коронация короля Италии

Коронация короля Италии прошла 26 мая 1805 года с величайшей пышностью. Императрица Жозефина не была коронована королевой Италии и наблюдала за церемонией, находясь на галерее, с правой стороны от алтаря.

На обратном пути в Париж император посетил монастырь горы Сенис, где монахи приготовили для него легкий завтрак. Это была его единственная остановка перед Фонтенбло, куда он стремился добраться как можно скорее. Его всегда сопровождала Жозефина, переносившая усталость и лишения, сопутствовавшие подобным стремительным переездам, с удивительной стойкостью. Императору бесполезно было пытаться отговорить ее: ей были безразличны и продолжительность путешествий, и отсутствие

привычных для нее удобств, все это для нее не имело никакого значения, если с ней рядом был Наполеон.

Констан

Объединенная коалиция вынуждает отказаться от плана вторжения в Англию

После нашего возвращения из Италии император задержался на несколько дней в Париже до того, как вновь выехать в Булонский лагерь. Миланские торжества не помешали ему тщательно разработать политические планы, и были все основания полагать, что у него есть веские причины для того, чтобы чуть ли не до смерти загонять лошадей на пути между Турином и Парижем.

Причины этого стали до простого очевидны, когда выяснилось, что Австрия секретно вступила в коалицию с Россией и Англией против Франции. Армия, собранная в Булонском лагере, получила приказ совершить марш по направлению к Рейну, и его величество отправился из Парижа, чтобы присоединиться к войскам примерно в конце сентября. В соответствии с его привычкой он информировал о своем решении только за час до отъезда, и было любопытно наблюдать за тем контрастом, который возник между беспорядком во дворце и страшной суматохой, предшествовавшими моменту отъезда, и тишиной, воцарившейся после него.

Едва только последовал приказ, как все без исключения принялись в спешке собирать и упаковывать необходимые для отъезда собственные веши и веши императора; в коридорах только и слышались торопливые шаги обитателей дворца, снующих во всех направлениях, и шум от молотков, заколачивающих гвозди в ящики, и от перетаскиваемых коробок.

Во всех дворах замка, освещенных факелами, появилось множество карет и повозок с людьми, запрягавшими лошадей. Повсюду слышались ругательства и нетерпеливые крики; а в это время женщины печально сидели в своих комнатах, занятые мыслями об отъезжавших мужьях, сыновьях и братьях. В течение всей этой подготовки к отъезду император прощался с ее величеством императрицей и пользовался оставшимися минутами для отдыха; но в назначенный час он встал, оделся и сел в карету. Вскоре все в замке замерло, и только иногда можно было заметить какие-то фигуры, словно тени мелькавшие в коридорах; тишина сменила шум, уединение пришло на смену суете блестящего и многочисленного состава придворных дворца.

На следующее утро эта глубокая тишина была несколько

нарушена женщинами, блуждавшими в опустевшем здании дворца и искавшими друг друга, чтобы поделиться своими печалями и разделить возможные опасения по поводу судеб близких. Многие придворные, не взятые императором в поездку, прибыли во дворец для выполнения своих обычных обязанностей и были изумлены отсутствием его величества — будто солнце не взошло в этот день.

Меневаль

Результат континентальной угрозы

Утверждалось, что план вторжения в Англию был всего лишь видимостью. Причина подобного утверждения якобы заключалась в том, что неизбежность континентальной войны должна была заставить Наполеона отказаться от идеи покинуть континент со своей лучшей армией. На самом деле никогда не было ни более серьезного, ни более подлинного плана вторжения в Англию.

Наполеон сначала размышлял о закреплении союза с Пруссией, согласившись на важные уступки в ее пользу, чтобы обезопасить себя от Австрии. Завоевание Англии с помощью подготовленных им средств стало бы простой экспедицией, которая имела все шансы на успех и которая продолжалась бы не более трех месяцев. Первая же победа открыла бы дорогу на Лондон. Связи, установленные в Ирландии и Шотландии, а также всеобщее восстание против привилегированного класса английских лордов, завершили бы остальное. Промах адмирала Вильнева, который отправился в Кадис, вместо того чтобы плыть на соединение с поджидавшим его Брестским флотом, а также объявление войны Австрией стали единственными причинами сначала отсрочки, а затем отказа от этого великого мероприятия.

IV. Интерлюдия

Констан

Женщины Наполеона

Его величество имел привычку утверждать, что благородного человека всегда можно определить по его отношению к жене, детям и слугам; и я надеюсь, что из того, что написано в этих мемуарах, станет ясно, что император вел себя как благородный человек, в полном соответствии с его же собственным определением. Более того, он заявлял, что безнравственность является наиболее опасным пороком для монарха, поскольку такой порок подает дурной пример его подданным. Под безнравственностью он имел в виду, несомненно, получившую скандальную огласку любовную связь, которая могла остаться тайной; что касается любовных связей, то он не мог устоять перед женскими чарами так же, как и любой другой мужчина, если женщины сами вешались ему на шею.

Возможно, другой мужчина, взятый в плотное кольцо соблазнами, неприкрытыми любовными притязаниями и заигрываниями всякого рода, не стал бы так сопротивляться подобным искушениям. Тем не менее я не предлагаю защищать его величество в этом отношении. Я даже готов признать, что его поведение не идеально соответствует его рассуждениям; но необходимо также признать, что он самым тщательным образом скрывал свои человеческие слабости от внимания общественности, чтобы они не стали предметом скандала или, что еще хуже, подражания, и особенно от своей супруги, для которой они бы стали источником глубочайшего горя.

В связи с этим деликатным вопросом я припоминаю два или три случая, которые произошли, как я думаю, примерно в тот период, к которому подошло мое повествование.

Императрица Жозефина была ревнива, и, несмотря на все меры предосторожности, которые принимал император при осуществлении своих тайных любовных связей, она не могла оставаться в полном неведении относительно того, что происходило.

Император знавал в Генуе госпожу Газани, дочь итальянского танцора, которую он продолжал принимать в Париже; и однажды, назначив ей свидание в своих личных апартаментах, он приказал мне оставаться в его комнате и отвечать всем, кто бы его ни спрашивал, даже если это была сама ее величество императрица, что он занят в своем кабинете важной беседой с министром.

Местом свидания была комната, ранее закрепленная за Бурьенном. Эта комната сообщалась со спальней его величества посредством лестницы. Сама комната была обставлена и украшена весьма скромно, но у нее был выход на вторую лестницу, которую называли черной, потому что она была темной и очень плохо освещалась. Именно по этой лестнице госпожа Газани вошла в комнату, а в это время из другой двери появился император. Они были вместе всего лишь несколько минут, когда неожиданно императрица вошла в комнату императора и спросила меня, чем занимается ее муж. «Госпожа, император сейчас очень занят; он работает в своем кабинете с министром». — «Констан, я хочу войти». — «Это невозможно, госпожа. Я получил официальный приказ о том, чтобы никто не беспокоил его величество, даже вы, ваше величество императрица». Она ушла очень недовольная и в какой-то мере раздраженная, но через тридцать минут вернулась и вновь повторила свое требование. Я был вынужден повторить свой ответ и, хотя вид огорченной императрицы очень расстроил меня, я не мог не подчиниться отданному мне приказу.

Тем же вечером, когда император готовился ко сну, он заявил мне очень суровым тоном, что императрица сообщила ему, что узнала от меня, что он находился наедине с женщиной. Совершенно спокойно я ответил императору, что, конечно, он не мог поверить всему этому. «Нет, — согласился со мной император, вернувшись к своему обычному дружескому тону, которым он мне всегда оказывал честь. — Я знаю тебя достаточно хорошо, чтобы быть уверенным в твоем благоразумии; но горе тем идиотам, которые занимаются сплетнями, если я смогу добраться до них».

На следующую ночь, когда император готовился ко сну, в его спальню пришла императрица. Его величество сказал ей в моем присутствии: «Очень плохо, что во лжи обвиняют бедного месье Констана; он не такой человек, чтобы выдумывать такие сказки, о которых ты сообщила мне». Императрица, устроившись на краю постели, стала смеяться и прикрыла своей прелестной маленькой ручкой рот мужа; а я, поскольку речь зашла обо мне, удалился из спальни.

В течение нескольких дней императрица обращалась со мной довольно холодно и держала меня на расстоянии; но, так как это было чуждо ее натуре, она вскоре возобновила в отношении меня свою любезную манеру держаться, которая притягивала к ней сердца всех, кто окружал ее.

Любовная связь императора с госпожой Газани продолжалась почти год, но они встречались только с большими интервалами.

Некоторые придворные, по своей воле, говорили императору о каких-то молодых и хорошеньких женщинах, которые хотели лично познакомиться с ним, так как давать подобные поручения было совсем не в его характере.

Однажды вечером, после одиннадцати, но до наступления полуночи, император вызвал меня, попросил принести черный сюртук и круглую шляпу и затем приказал следовать за ним; к нам присоединился принц Мюрат, шурин императора, и мы втроем сели в закрытую карету. Кучером был Сезар и с ним только один лакей, причем оба без ливреи.

Мы проехали совсем немного, когда император приказал остановить карету, вышел из нее, сделал несколько шагов вперед и вошел совершенно один в какой-то дом, оставив нас с принцем в карете. Через несколько часов мы начали беспокоиться; поскольку жизни императора так часто угрожали, то мы, вполне естественно, стали опасаться, что император мог попасть в западню или в том доме его мог поджидать неприятный сюрприз. Наше воображение воспылало, разжигаемое подобными мыслями, до такой степени, что ни о чем другом думать мы уже не могли.

Принц Мюрат принялся богохульствовать и разразился проклятиями, на какие только был способен, поначалу в адрес безрассудства его величества, потом досталось его любовной интрижке, а затем он принялся за милую даму и ее услужливость. Положение, в которое мы попали, пришлось мне по душе не больше, чем принцу, но поскольку я держался более хладнокровно, то попытался его утихомирить; и в конце концов принц окончательно потерял терпение, выпрыгнул из кареты и рванул к дому, а я последовал за ним. Но едва принц коснулся дверного молотка, как двери раскрылись и из дома вышел император. В этот утренний час стало уже совершенно светло. Принц тут же сообщил императору о беспокойстве и тревоге, охвативших нас, не забыв рассказать о том, что мы думали по поводу его безрассудства. «Ну что за ребячество! — воскликнул его величество. — Что случилось такого, чего следовало бояться? Где бы я ни был, разве я нахожусь не в собственном доме?»

Элеонора Денюэль де ла Плень

В 1804 году в числе обслуживающего персонала ее императорского высочества принцессы Мюрат находилась молодая девушка, гувернантка, взятая на роль чтицы, по имени мадемуазель Элеонора де ла Плень. Ей было семнадцать или восемнадцать лет, она обладала высоким ростом и прекрасной

стройной фигурой. Брюнетка Элеонора с красивыми черными глазами обращала на себя внимание живостью характера и большой склонностью к кокетству.

Некоторые люди, заинтересованные в осложнении отношений между ее величеством и ее супругом-императором, не без удовольствия заметили желание этой молодой чтицы испытать силу своих взглядов на императоре и его намерение не отказывать себе в удовольствии потворствовать этому желанию; в итоге эти люди приняли все меры, чтобы искусно разжечь пламя страсти в сердцах императора и чтицы. Один из этих людей взял на себя все обязанности по дипломатическому урегулированию нового любовного романа. Соответствующие предложения, переданные через посредников, были сразу же приняты; и прекрасная Элеонора стала появляться в замке тайно, но редко, оставаясь там на два или три часа. Когда она забеременела, император снял для нее дом на улице Шатерен, где она произвела на свет прелестного мальчика, на имя которого было положено ежегодное содержание в размере тридцати тысяч франков. Сначала заботы о нем были поручены няньке принца Ахилла Мюрата, которая нянчила его три или четыре года, а затем господин де Меневаль, секретарь его величества, в соответствии с полученным приказом стал заниматься воспитанием ребенка. Когда же император вернулся с острова Эльба, то сын мадемуазель Элеоноры был передан на попечение ее величества императрицы-матери. Эта любовная связь императора продолжалась недолго.

Однажды Элеонора вместе с матерью заявилась в Фонтенбло, где в то время находился императорский двор. Она направилась в апартаменты его величества и попросила меня известить его о своем визите. Император, чрезвычайно раздосадованный ее поступком, дал мне указание сообщить ей, что он запрещает ей появляться у него без разрешения, и предложил ей немедленно покинуть Фонтенбло. Несмотря на грубость по отношению к матери своего ребенка, император сына любил очень нежно. Я часто привозил мальчугана к императору, и он ласкал ребенка, угощал его множеством лакомств и с удовольствием проводил с ним время, забавляясь и радуясь его живости и остроумию, которые свидетельствовали об удивительных умственных способностях мальчика.

Этот ребенок и сын от польской красавицы, о которой я расскажу позднее, а также римский король, были единственными детьми императора.

Не помню где, но я уже упоминал о том, что во время пребывания в Булони, а оно было продолжительным, император

за дневные труды вознаграждал себя ночью общением с красивой итальянкой, и сейчас я расскажу то, что мне известно об этом приключении.

Однажды утром, когда я одевал его величество, тот в присутствии принца Мюрата пожаловался на то, что вокруг не видит никого, кроме усатых физиономий, а это очень утомительно. И принц, всегда готовый в подобных случаях оказать услуги своему шурину, рассказал ему о красивой и обаятельной генуэзской даме, которая воспылала желанием увидеть его величество.

Император, смеясь, дал разрешение на встречу тет-а-тет. Принц предложил лично направить вызов; и через два дня благодаря его любезной помощи дама прибыла и была устроена в верхнем городке. Император, который расположился в Понт-де-Брике, однажды вечером приказал мне взять карету и разыскать эту протеже принца Мюрата. Я подчинился приказу и привез красивую генуэзку, которую, чтобы избежать скандала, хотя в эту ночь было очень темно, провел через маленький сад, примыкавший к апартаментам императора не со стороны улицы, а позади его дома.

Бедняжка очень волновалась и даже роняла слезы, но быстро овладела собой, когда выяснилось, что ее принимают очень любезно. Ее визит продолжался до трех часов утра, после чего меня вызвали, чтобы я отвез ее обратно. Уже потом она возвращалась к императору четыре или пять раз и затем была с ним в Рамбуйе. Она была нежной, простой и доверчивой девушкой, совсем не склонной к интригам, и не хотела извлечь выгоду из любовной связи, которая в лучшем случае была всего лишь временным приключением.

Госпожа Дюшатель

Насколько мне помнится, примерно в это же время первый консул воспылал сильной страстью к госпоже Дюшатель, очень умной и прелестной молодой женщине. Госпожа Бонапарт, подозревая о существовании любовной интриги, не скрывала своей ревности; и ее муж стремился всеми возможными путями унять ее супружеские подозрения. Прежде чем отправиться в покои своей любовницы, он обычно ждал, пока все в замке заснут; и даже принимал меры предосторожности до такой степени, что отправлялся из своей комнаты в комнату госпожи Дюшатель в ночной пижаме и на босу ногу.

Однажды, обнаружив, что он еще не вернулся к себе, а утро

уже почти наступило, я пошел, в соответствии с указаниями, которые мне дал первый консул, о том, что мне следует делать в подобных случаях, прямо к горничной госпожи Дюшатель, чтобы она отправилась к своей госпоже и напомнила ей о уже наступившем часе. Не прошло и пяти минут после этого своевременного напоминания, как я увидел первого консула, возвращавшегося к себе в состоянии сильного возбуждения, о причине которого мне пришлось довольно скоро узнать. Он обнаружил, возвращаясь в свою спальню, что одна из служанок госпожи Бонапарт, находясь в засаде, увидела его из служебной комнатки, окошко которой открывалось в коридор.

Первый консул после сильной вспышки гнева, вызванного любопытством представительницы прекрасного пола, направил меня к молодой разведчице из вражеского лагеря, чтобы уведомить ее о том, что, в соответствии с личным приказом первого консула, она должна держать язык за зубами, если не хочет быть изгнанной со службы безо всякой надежды на возвращение. Не знаю, добавил ли я менее суровые доводы к угрозам первого консула, чтобы заручиться ее молчанием, но то ли от страха, то ли благодаря вознаграждению она оказалась достаточно сообразительной, чтобы не проболтаться. Тем не менее удачливый любовник, опасаясь нового сюрприза, дал мне указание арендовать на аллее де Вев небольшой дом, в котором он и госпожа Дюшатель время от времени встречались.

Таковы были, да и потом продолжались, меры предосторожности, принимавшиеся первым консулом в отношении своей жены. Он испытывал к ней высочайшее уважение и принимал все мыслимые меры, чтобы до нее не доходила информация о его неверности. Кроме того, все эти мимолетные прихоти не уменьшали той нежности, которую он испытывал по отношению к ней; и хотя другие женщины вызывали у него чувство любви, никто из них не обладал тем доверием и дружбой, которые он дарил госпоже Бонапарт.

Существовало множество клеветнических утверждений, повторяемых неоднократно, о грубости и жестокости первого консула по отношению к женщинам. Он не всегда проявлял галантность, но я никогда не видел его грубым; и сколь ни странным это может показаться после всего того, что я только что рассказал, он открыто признавался в своем величайшем уважении к супруге, женщине прекрасного и примерного поведения, говоря только в превосходной степени о своей счастливой семейной жизни; и он презирал цинизм. Когда у него были любовные связи, он держал их втайне и скрывал их с величайшей осторожностью.

Войска, и прежде всего офицеры, стали откровенно изнывать от скуки, утомленные пребыванием, пусть временным, в Булони, городе, вероятно, менее, чем любой другой, способном как-то скрасить пассивное существование. Однако они не роптали, поскольку там, где был первый консул, места для недовольного роптания просто не находилось; но, тем не менее, они все же вполголоса ворчали, чувствуя себя взаперти в лагере или в форте, когда перед их глазами как на ладони лежала Англия, на расстоянии всего лишь каких-то девяти или десяти лье.

В Булони удовольствия были редки; местные женщины, в целом довольно привлекательные, но чрезвычайно застенчивые, не осмеливались устраивать приемы в собственных домах, опасаясь вызвать раздражение у своих мужей, весьма ревнивых, как и все остальные мужчины в Пикардии. Однако в городе имелся прекрасный зал, в котором с успехом можно было давать балы и проводить званые вечера; но местные дамы, хотя им очень хотелось этого, никак не отваживались пользоваться им. В конце концов значительное число парижских красоток, тронутых печальной судьбой храбрых и красивых офицеров, появилось в Булони, чтобы разогнать скуку.

Пример парижанок задел самолюбие обитательниц Аббевиля, Дюнкерка, Амьена, и вскоре Булонь заполнилась незнакомцами мужского и женского пола, прибывшими, чтобы оказать честь городу. Среди всех дам наиболее видной, благодаря проявляемому вкусу, интеллекту, красоте и изяществу, оказалась молодая представительница Дюнкерка, заявившая о себе еще и как музыкантша; она не могла не вскружить головы массе молодых людей, да и старых тоже. Полковник Жозеф, брат первого консула, генерал Сульт, ставший впоследствии маршалом, генералы Сен-Иллер и Андреосси и несколько других весьма заметных фигур пали к ее ногам; хотя, говорят, особенно два человека сумели добиться ее расположения, и одним из них был полковник Жозеф, который вскоре завоевал репутацию того самого любовника, которому она отдала предпочтение. Она часто проводила званые вечера, на которых всегда присутствовал полковник Жозеф.

Первый консул, информированный об амурных похождениях своего брата, однажды вечером пришел к мысли: а почему бы ему самому не пойти на подобный званый вечер? Для того чтобы его не узнали, он переоделся в одежду, которую носили местные жители, надел парик и очки. О своей затее он уведомил генерала Бертрана, который уже пользовался его расположением и

постарался сделать все, чтобы помочь Наполеону полностью изменить внешний вид.

Первый консул, которого теперь никто на свете не смог бы узнать, поставил заранее Аркамбаля, главного управляющего, в известность о своем идеальном инкогнито. Г-н Аркамбаль, обещавший все держать в секрете, представил в салоне новых посетителей как военных комиссаров.

В зале играли в старую карточную игру «буйотт»; золотые монеты грудами лежали на столах. И сама игра, и пунш настолько овладели вниманием гостей званого вечера, что никто из них не заметил только что вошедших новых посетителей. Что касается хозяйки заведения, то она никогда не видела первого консула, разве что на большом расстоянии. Она также не знала и генерала Бертрана; следовательно, ее можно было не опасаться. Сам я считаю, что полковник Жозеф узнал своего брата, но не подал вида. Первый консул, избегая, как только мог, встречных взглядов собравшихся в зале гостей, сам внимательно следил за своим братом и прелестной хозяйкой. Они же многозначительно между собой переглядывались. Первый консул был уже готов покинуть салон очаровательной жительницы Дюнкерка, когда она, обеспокоенная тем, чтобы число ее гостей не уменьшалось, подбежала к двум мнимым военным комиссарам и с кокетливым видом попросила их задержаться, заявив, что все в зале собираются играть в фанты, и поэтому военные комиссары не должны уходить, не оставив залога. Первый консул, переглянувшись с генералом Бертраном, посчитал возможным согласиться с предложением хозяйки салона и задержаться, чтобы принять участие в этих невинных играх.

И в самом деле, не прошло и нескольких минут, как по просьбе хозяйки карточные игроки покинули столы и встали вокруг нее, принявшись танцевать «буланжер»; затем молодые участники игры начали перебрасывать мяч. Наступила очередь первого консула внести свой залог. Поначалу он был этим весьма смущен, так как в кармане у него был только один листок бумаги с именами нескольких полковников; однако он отдал этот листок хозяйке, попросив ее не раскрывать его.

Просьба первого консула была удовлетворена, и его листок остался сложенным на коленях прелестной хозяйки, пока не наступило время для выкупа залогов. Затем великому капитану было назначено эксцентричное наказание — ему надлежало выполнить роль швейцара, в то время как дама вместе с полковником Жозефом удалились в соседнюю комнату, чтобы в виде наказания совершить «путешествие на остров Венеры». Первый консул с большим тактом выполнил свой долг, выступив

в роли швейцара, и после того, как залоги были выкуплены, он дал знак генералу Бертрану следовать за ним, и они покинули дом. Плотник, проживавший на первом этаже, вскоре поднялся к хозяйке салона и передал ей небольшую записку следующего содержания:

«Я благодарю вас, мадам, за любезный прием, который вы мне оказали. Если как-нибудь на днях вы подойдете к моей казарме, то я выступлю перед вами в роли швейцара, если это вам покажется приятным; но в этом случае я сдам свои полномочия швейцара только ради удовольствия сопровождать вас в «путешествии на остров Венеры».

Бонапарт».

Прелестная женщина не прочитала записку вслух; она также оставила всех участников игры в фанты в полном неведении относительно того, что ей нанес визит первый консул. Через час все гости разошлись, и она осталась в одиночестве, раздумывая о визите и записке великого человека.

Госпожа де Барраль

При дворце Фонтенбло есть уединенный сад, именуемый садом Дианы, доступ к которому имеют только их величества. Сад с четырех сторон окружен зданиями; слева находилась построенная в стиле готики часовня с темной галереей; справа виднелась большая галерея (насколько я помню); в центре было здание с апартаментами их величеств; наконец, впереди, с видом на площадь, находились широкие сводчатые галереи, а позади них расположились здания, предназначенные для различных лиц, входивших в состав обслуживающего персонала принцев или императора.

Госпожа де Барраль, дама, которую приметил император, занимала квартиру, расположенную на первом этаже за этими сводчатыми галереями, и его величество сообщил мне, что я найду открытое окно, через которое я должен осторожно, в полной темноте, войти внутрь квартиры и передать его записку лицу, которое спросит ее. Темнота была необходима, так как это окно открывалось в сад, и, хотя оно находилось позади сводчатых галерей, его можно было заметить, если оно освещено.

Не зная внутреннего интерьера этой квартиры, я проник в нее через окно, считая, что затем смогу пойти по ровной поверхности пола, но вместо этого я с грохотом свалился с верхней ступени, которая была в амбразуре окна. Падая, я услыхал чей-то пронзительный крик, и затем дверь в комнату резко

захлопнулась. Я получил серьезные ушибы на колене, локте и голове. С трудом встав, я принялся знакомиться с комнатой, двигаясь ощупью в темноте; но не услышав более никакого звука и опасаясь вновь поднять шум, который мог быть услышан лицами, которые не должны были знать о моем присутствии в этой комнате, я решил вернуться к императору и доложить ему о моих приключениях.

Выяснив, что ни один из моих ушибов не оказался серьезным, император от всего сердца расхохотался и затем добавил: «О-хо-хо, так, оказывается, там есть ступенька; хорошо, что я узнал об этом. Подождем, пока госпожа справится с испугом; я пойду к ней, а ты пойдешь сопровождать меня».

Через час император вместе со мной вышел из двери своего кабинета, которая вела в сад. Я провел его в полной тишине к окну, которое все еще было открыто, и помог ему проникнуть через него в комнату, и поскольку теперь я имел правильное представление об этом месте, то показывал ему путь, чтобы он избежал падения. Его величество, очутившись внутри комнаты без каких-либо неприятных сюрпризов, приказал мне ретироваться. Но так как меня не оставляло чувство беспокойства, то я сообщил об этом императору; он ответил, что я просто ребенок и что никаких опасностей не предвидится. Как выяснилось, его величеству повезло больше, чем мне, так как он не возвращался до самого рассвета, а потом подшучивал над моей неловкостью, однако признал, что, если бы я не предупредил его, аналогичный инцидент мог бы случиться и с ним.

Хотя госпожа де Барраль была достойна искренней привязанности, ее любовная связь с императором продолжалась только короткое время и была всего лишь мимолетной прихотью Наполеона. Думаю, что трудности, сопутствовавшие его ночным визитам, сильно охладили пыл его величества, ибо любовь императора была не столь страстной, чтобы он был готов бросить вызов всем препятствиям на пути к свиданиям со своей прекрасной любовницей. Его величество сообщил мне о том испуге, в который ее повергло мое падение со ступени лестницы, и о том, как после всего этого обо мне беспокоилась эта любезная дама.

Жозефина

Императрица Жозефина была среднего роста и обладала изящной фигурой; и во всех ее движениях чувствовались воздушность и грациозность, которые придавали ее шагам нечто

эфирное, нисколько при этом не умаляя монаршего величия. Выразительное лицо передавало все движения души, сохраняя в то же время очаровательную свежесть, которая была главной отличительной чертой всего ее облика. В радости, так же, как и в печали, она оставалась прекрасной, и даже против своей воли все обычно отвечали улыбкой на ее улыбку; если же она была грустной, то грустили и другие.

Никогда ни одна женщина не оправдывала в такой степени выражение «глаза являются зеркалом души». У нее были темно-голубые глаза, всегда полуприкрытые длинными веками, окаймленными изумительно красивыми, слегка изогнутыми ресницами. Когда она смотрела на вас, то казалось, что вас притягивает к ней непреодолимая сила. Должно быть, императрице было трудно придавать суровость своему чарующему взгляду; но она могла это делать и прекрасно знала, как произвести сильное впечатление, когда было необходимо.

Волосы у нее были очень красивые, длинные и шелковистые с каштаново-коричневым оттенком, они прекрасно гармонировали с ослепительно свежим цветом лица. В самом начале пребывания, благодаря положению мужа, на вершине власти императрица все еще любила утром украшать свою голову красным шелковым платком, придававшим ей удивительно пикантный креольский вид.

Но более, чем что-либо другое, императрице придавали очарование невероятно обаятельные интонации ее голоса.

Нельзя сказать, что императрица была идеально красивой женщиной; но очаровательное лицо, нежное и ангельское, делало ее очень привлекательной женщиной. Во время пребывания в Сен-Клу императрица обычно вставала в девять утра и совершала свой первый туалет, который продолжался до десяти часов; затем она следовала в салон, где встречалась с людьми, которые просили и получали благосклонную с ее стороны аудиенцию; иногда в тот же час и в том же салоне ее величество принимала купцов и лавочников; и в одиннадцать часов, если отсутствовал император, она завтракала вместе с первой фрейлиной и некоторыми другими дамами.

После второго завтрака императрица играла в бильярд или, если позволяла погода, гуляла в саду или в огороженном парке. Такая прогулка продолжалась недолго, и ее величество вскоре возвращалась в свои апартаменты, где занималась вышиванием, одновременно беседуя с придворными дамами, которые, как и она, были заняты различного рода рукоделием. Когда случалось так, что она была свободна от визитов, то между двумя и тремя часами совершала поездку в открытой четырехместной коляске;

после возвращения в замок наступало время для официального туалета, на котором иногда присутствовал император.

Время от времени его величество неожиданно появлялся в салоне императрицы; и в этих случаях мы были уверены, что увидим его в хорошем настроении, благожелательным ко всем присутствующим, способным на добродушное подшучивание.

В шесть часов вечера подавался обед; об этом император часто забывал, и поэтому обед откладывался на неопределенное время. Как следствие этого — за стол вновь садились в девять или десять часов вечера. Их величества обедали вместе или в компании немногих приглашенных гостей, принцев из императорской семьи или министров, затем давался концерт, устраивался прием или посещение театра; и в полночь все отправлялись спать, за исключением императрицы, которая очень любила засиживаться допоздна, в том числе за игральным столом, играя в триктрак с одной из придворных дам.

Вкусы императора были чрезвычайно просты во всем, что касалось его личности; более того, он проявлял решительную антипатию к моде, не любил превращать ночь в день, как это делалось в большинстве блестящих кругов парижского общества и во время Консулата, и в начале Империи. К сожалению, императрица Жозефина не разделяла подобную точку зрения и, являясь покорной рабыней моды, любила продлевать свои вечера уже после того, как император отправлялся спать.

У нее была привычка приглашать наиболее близких приятельниц и немногих друзей на чашку чая. Игры в карты полностью исключались во время этих ночных дружеских встреч, их главная прелесть заключалась в задушевных беседах. Беседы с представителями высших кругов общества были для императрицы самым приятным видом отдыха. Избранный круг друзей собирался часто без ведома императора, и их беседы в действительности носили совершенно невинный характер, являясь для Жозефины ничего не значащим развлечением. Тем не менее некая услужливая личность была настолько бестактной, что подготовила для императора докладную записку об этих ночных чаепитиях, в которой сообщались веши, вызвавшие его раздражение. Он высказал свое неудовольствие по этому поводу императрице Жозефине, и с того времени она стала ложиться спать в тот же час, что и император.

Эти чаепития были прекращены, и все лица из обслуживающего персонала получили приказ не засиживаться после того, как император отправлялся спать.

Насколько я помню, вот как его величество высказался по этому поводу: «Когда господа спят, то и слуги должны спать, а

когда господа просыпаются, слуги должны быть уже на ногах». Эти слова возымели действие; с того самого вечера, как только император оказывался в постели, все во дворце также ложились спать, и в половине двенадцатого никто уже не бодрствовал, за исключением часовых.

Мало-помалу, как это всегда случается, строгое соблюдение приказов императора ослаблялось. Но императрица по-прежнему не осмеливалась возобновлять ночные встречи с друзьями. Слова его величества хорошо запомнились г-ну Кола, консьержу павильона «Флора».

Однажды утром, примерно в четыре часа, г-н Кола услыхал непривычный шум и какие-то непрекращающиеся движения внутри замка. Предположив, что виной тому был проснувшийся император — и в этом г-н Кола не ошибся, — он поспешил, насколько это было возможно, одеться и отправиться на свой пост. Он находился на посту уже целых десять минут, когда император, спускаясь по лестнице вместе с маршалом Дюроком, заметил его. Его величество обычно с удовольствием отмечал точность в выполнении своих приказаний, поэтому он на минуту остановился и спросил г-на Кола: «А, уже проснулся, Кола?» — «Да, сир; я не забыл, что слуги должны быть на ногах, когда просыпаются господа». — «Кола, у тебя прекрасная память; это замечательно».

Все это было очень хорошо, и день для г-на Кола начался при самых благоприятных обстоятельствах; но вечером медаль, заработанная утром, показала свою обратную сторону. Император в то утро отправился осмотреть строительство канала на реке Урк. Очевидно, что он остался очень недоволен увиденным; и поскольку он вернулся во дворец в явно плохом настроении, то г-н Кола, заметив это, не удержался, чтобы не сказать такие слова: «Видно, случились неприятности». Хотя он сказал эту фразу довольно тихо, император услыхал ее и, резко повернувшись к г-ну Кола, сердито повторил: «Да, месье, ты не ошибся; случились неприятности». Император затем быстро поднялся по лестнице, а консьерж, опасаясь, что он сказал много лишнего, подошел к маршалу Дюроку, попросив его передать извинения его величеству.

Когда императрица проводила ночь в апартаментах императора, я, как обычно, приходил в спальную комнату его величества утром между семью и восемью часами и почти всегда обнаруживал, что августейшие супруги уже проснулись. Император обычно заказывал чай или настой из цветков апельсинового дерева, при моем появлении он немедленно вставал с постели, а императрица, смеясь, говорила ему: «Что,

уже встаешь? Отдохни еще немного». — «Ага, значит, ты уже не спишь?» — отвечал его величество, переворачивая ее с одеялом и слегка хлопая по щекам и плечам, одновременно смеясь и целуя.

Через несколько минут вставала и императрица, надевая пеньюар. Она читала журналы или спускалась по маленькой лестнице, ведущей в ее апартаменты. Она никогда не покидала императора, не сказав несколько слов, выражавших трогательную и искреннюю любовь и самые добрые пожелания.

Любящая элегантную и простую одежду, императрица с сожалением признавала необходимость подчиняться формальным правилам государственного церемониала. Однако драгоценные камни она очень любила и разбиралась в них с большим вкусом; зная, что она к ним неравнодушна, император часто и в большом количестве одаривал ее ими; она обожала украшать себя, а еще больше появляться в них в обществе, вызывая восторг и восхищение окружающих.

Чрезмерно добрая, как всем известно, невыразимо благожелательная, щедрая до расточительности, императрица хотела сделать счастливыми всех, кто окружал ее. Она любила своего супруга с самозабвенным чувством, которое ничто никогда не изменяло и которое было таким же глубоким в последние минуты ее жизни, как и в то время, когда госпожа Богарне и генерал Бонапарт открыто признались друг другу в любви.

Жозефина долгое время была единственной женщиной, которую любил император, и в течение нескольких лет согласие, царившее в императорской семье, было поистине трогательным. Внимательный, любящий и полностью преданный Жозефине, император обожал обнимать ее за шею, за талию, слегка пошлепывать и называть «моя дурашка». Но, говоря по правде, все это не мешало ему быть виновным в некоторой супружеской неверности, не нарушая при этом своих брачных обязательств. Со своей стороны императрица обожала его, старалась угодить буквально во всем, предугадывала все его желания, удовлетворяя любые, даже мельчайшие просьбы.

У императрицы была великолепная память, чем часто пользовался император; она также была прекрасной музыкантшей, играла на арфе и пела с большим чувством. Она обладала идеальным тактом, тонким пониманием того, что именно надлежит делать в данный момент, ей было свойственно высказывать разумные, очень верные суждения, которые уже не подвергались сомнению; и обладая характером всегда доброжелательным, чуждым резким сменам настроения, всегда снисходительная в отношениях и с друзьями, и с врагами, она умела восстановить мир, где бы ни возникали ссора или

несогласие. Когда император гневался на своих братьев или на других лиц, что случалось часто, то стоило императрице сказать несколько слов, как все сразу улаживалось.

Императрица была очень щедрой и делала много пожертвований, проявляя удивительную изобретательность, чтобы найти повод для очередного дара. Многие эмигранты жили, полагаясь исключительно на ее благотворительную деятельность; она также поддерживала очень активную переписку с монашеским орденом «Сестры милосердия», монахини которого ухаживали за больными, и посылала ордену массу вещей. Она приказывала слугам ходить по городу и оказывать от ее лица благотворительную помощь нуждающимся. Ежедневно множество других лиц также получали от нее подобные дары. И все эти подаяния, все эти многочисленные подарки приобретали исключительную ценность, благодаря той искренности, с которой они предлагались, и тому разумному подходу, с которым распределялись.

Все члены императорской семьи были большими поклонниками музыки, особенно итальянской; но сами они не музицировали и многие из них пели так же плохо, как и его величество, за исключением принцессы Полины, которая брала уроки у Бланжини и пела довольно сносно. Что касается принца Евгения, то он доказал, что достоин быть приемным сыном императора: хотя он был музыкантом и пел с большим рвением, все же манера его исполнения не могла удовлетворить слушателей. Но голос принца Евгения был просто великолепен, чтобы давать команды во время военных построений, и, соответственно, он всегда был одним из тех, кому его величество поручал командование во время больших смотров.

Подобно всем нормальным матерям, императрица очень гордилась своими детьми и говорила о них всегда очень восторженно, что казалось вполне естественным тем, кто знал королеву Голландии и наместника короля Италии.

Слуга принца уверял меня, что во время развода Евгений написал своей жене очень мрачное письмо, в котором, возможно, выразил сожаление по поводу того, что не был прямым наследником императора. На это письмо принцесса ответила очень нежным посланием, заявив, помимо прочего: «…я вышла замуж не за наследника престола, а за того, кого люблю, за Евгения Богарне».

После этого события, столь печального для сердца императрицы, из-за которого она так и не смогла обрести покоя, она никогда больше не покидала Мальмезон, не считая немногих поездок в Наварру. Каждый раз, когда я возвращался в Париж

вместе с императором, моей первой обязанностью было посещение Мальмезона, хотя я редко возил с собой письмо от императора, так как он писал Жозефине только в случае чрезвычайных обстоятельств. Но перед тем, как я направлялся в Мальмезон, император почти неизменно напутствовал меня следующими словами: «Скажи императрице, что я здоров и что я желаю, чтобы она была счастлива». В тот момент, когда я прибывал в Мальмезон, императрица бросала все дела, чтобы только поговорить со мной; и зачастую я оставался с ней целый час, а то и два; в течение всего этого времени мы говорили только об императоре.

Бережливость матери Наполеона

Я часто видел мать императора. Его величество целовал ей руку с большим уважением и нежностью. Но я много раз слышал, как он упрекал ее в чрезмерной экономии. Мадам Мер (т. е. госпожа Мать, как звали ее обычно при дворе) внимательно выслушивала сына, а затем, в качестве объяснения, почему она не меняет стиль своей жизни, приводила такие доводы, которые часто раздражали его величество, но, к сожалению, сама жизнь служила им оправданием.

Мадам Мер обладала большой красотой и была еще очень привлекательной, особенно тогда, когда я увидел ее впервые. Было бы трудно найти лучшую мать; отдавая себя целиком детям, она не скупилась на благоразумнейшие советы и всегда вмешивалась в семейные ссоры, чтобы поддержать тех, кого считала правыми. В течение долгого времени она была на стороне Люсьена, и я часто слышал, как она горячо защищала Жерома от первого консула, когда он был особенно сурово настроен против младшего брата. Единственным недостатком мадам Мер было ее чрезмерное пристрастие к экономии, и по этому поводу можно было бы рассказать удивительные истории, не опасаясь преувеличения; но все при дворе любили ее за доброту и приветливость.

Вымогатели из Фонтенбло

Когда императорский двор временно обосновался в Фонтенбло, местные торговцы, воспользовавшись долгим отсутствием его величества, вознаградили себя, резко подняв цены на все виды товаров. Их вымогательство приняло

скандальный характер, и не один из множества иностранцев, предпринявших экскурсию в Фонтенбло, мог счесть, что захвачен отрядом бедуинов, требующих выкупа. Во время пребывания двора в Фонтенбло жалкая постель из мешковины в скверной гостинице стоила двенадцать франков за ночь; крошечная порция еды обходилась в неправдоподобную сумму, а сама еда, несмотря на это, была просто отвратительной; все это было похоже на настоящий грабеж путешественников.

Столь возмутительное мошенничество не могло не стать известным императору. Он пришел в такую ярость, что немедленно отдал приказ об установлении цен, завышать которые местным владельцам гостиниц было запрещено. Этой мерой был положен конец вымогательствам кровопийц из Фонтенбло.

Развлечение охотой

Во время пребывания в Фонтенбло император чаще, чем когда-либо ранее, наслаждался радостями охоты. Костюм для нее обязательно состоял из французского мундира темно-зеленого цвета, украшенного пуговицами и золотыми галунами, бриджей из белого кашемира и ботфортов без отделки; такой костюм предназначался для большой охоты, то есть на оленей. Для охоты с ружьями полагался простой французский мундир без украшений, кроме белых пуговиц, на которых были вырезаны соответствующие надписи. Этот костюм носили все охотники. Он был без каких-либо отличительных знаков, лаже для его величества.

Меневаль

Проекты мирного времени

Наполеон приказал воздвигнуть триумфальную арку на площади Карусель в честь побед французских армий во время кампании 1805 года. У него было намерение построить и другие арки. Ниже следует письмо по этому вопросу, которое он продиктовал 14 мая 1806 года:

«Сооружение триумфальных арок было бы бесполезной работой и не дало бы никакого плодотворного эффекта, и я не стал бы отдавать приказ об их сооружении, если бы не думал о том, что эта мера явилась бы средством для поощрения архитектуры. Я хотел бы стимулировать искусство скульптуры во Франции, прибегнув к помощи этих триумфальных арок, на сооружение которых отводится десять лет. Г-н Денон представит мне соответствующий план. Министру внутренних дел надлежит воздвигнуть другую триумфальную арку на площади Этуаль. Описание всех представленных проектов должно быть четким и понятным. В одном проекте должно быть описание арки, посвященной победе при Маренго, другая арка должна быть посвящена Аустерлицу. Я хочу, чтобы была сооружена арка в каком-нибудь другом месте Парижа, которая будет аркой Мира, и еще одна — арка Религии. Построив эти четыре арки, я ожидаю развития искусства скульптуры на ближайшие двадцать лет».

Когда временная покорность врагов предоставляла Наполеону краткую передышку, он использовал ее для того, чтобы ознакомиться с прогрессом в общественных работах. Он часто возглавлял комиссии, составленные из людей, компетентных в этих вопросах. Таким образом Наполеон украсил различными памятниками и старую, и новую Францию, некоторые из них были достойны Древнего Рима; построил дороги, каналы, мосты, фонтаны и гавани. Ему удалось восстановить или заново построить множество заводов и фабрик самой различной направленности, способствуя тем самым значительному развитию национальной промышленности.

Наполеон — удовлетворенный ходом событий, полный гордости за патриотизм нации — получал высшее наслаждение от своей завидной судьбы и счастливого развития общества.

Присуждение титулов и назначение должностей

Результатом последних побед стало возникновение новых королевств и великих княжеств в Германии.

Вполне естественно, что Наполеон был вынужден искать поддержку в собственной семье. Принц Жозеф, его старший брат, был посажен на трон в Неаполе; принц Луи, другой брат, получил корону Голландии. Принц Мюрат, его шурин, получил великое княжество Берг, составленное из провинций, отданных Пруссией; принц Евгений стал вице-королем Италии.

В то же самое время Наполеон хотел в интересах родины связать их общими узами, используя для этого договоры, которые бы все время напоминали им об их происхождении и об обязательствах перед Францией. Учреждение княжеств и герцогств в Италии было результатом той же системы. Новая династия нуждалась в поддержке промежуточного класса, в частности, более заинтересованного в стабильности государственных институтов власти, а также в твердости и величии трона, который мог бы определить, по выражению Наполеона, цели, соответствующие интересам великой империи.

Император пожаловал герцогство Гасталла своей сестре, принцессе Полине Боргезе. Провинция Невшатель была поднята до уровня княжества, и верховная власть там была передана маршалу Бертье, старейшему товарищу Наполеона по оружию. Архиканцлер империи Камбасерес стал князем Пармы; архиказначей Лебрен — князем Плэзанса; Талейран — Беневентским князем; и Бернадотг — князем де Понте-Корво.

В Италии было образовано двенадцать герцогств. Они не обладали какой-либо властью, но содержание каждого из них обходилось в шестьдесят тысяч франков, взятых из государственных доходов, зарезервированных для императора. Это были герцогства Далмация, Истрия, Фриуль, Кадора, Беллуна, Конельяно, Тревизо, Фелтре, Бассано, Винчение, Падуя и Ровиго.

Неаполитанское королевство объединяло еще четыре герцогства: Гаета, Отранто, Тарнтум и Режио, не считая княжества Беневент и Понте-Корво. Эти две маленькие территории были включены в состав Неаполитанского королевства, к большому неудовольствию папского правительства, которое претендовало на владение ими.

Наполеон в повседневной жизни

Прежде чем приступить к описанию событий, которые назревали в Пруссии, я скажу несколько слов о личной жизни Наполеона с тем, чтобы стали известны методы его работы, его

привычки и порядок, установленный в управлении императорским дворцовым хозяйством.

Как правило, я приносил императору утренние газеты, пока он заканчивал одеваться. Я зачитывал ему те статьи, на которые он указывал мне, или те, которые, как я думал, заинтересуют его. Чтение газет почти всегда вызывало у него отдельные замечания, а иногда и краткие письменные указания или даже приказ одному из его министров.

Его главный врач, Корвисар, или его придворный хирург, Иван, часто присутствовали в его спальной комнате, когда он одевался. Император любил разговаривать с Корвисаром. Он принимал его скорее ради непринужденной беседы, чем для обсуждения состояния своего здоровья, на которое он мало обращал внимания. Ему нравилось поддразнивать доктора по поводу бессилия медицины. Затрагивая эту тему, он обычно засыпал его градом критических замечаний, полных сарказма и колкостей. Корвисар защищался от этих нападок с редким присутствием духа; он всегда был готов остроумно ответить. Признавая несовершенство медицинской науки, он в то же время отстаивал ее пользу и оказываемые ею услуги с такой силой аргументации, что подготовленные фразы, полные сарказма, так и не слетали с уст Наполеона.

Физическое состояние Наполеона

Поскольку я веду разговор о докторах, то, возможно, воспользуюсь этим случаем, чтобы поговорить о физическом состоянии Наполеона. Его организм от рождения был крепким, и меры, которые он принимал еще со времен юности, чтобы раз и навсегда отказаться от плохих привычек, еще более укрепили его. Он обладал всеми преимуществами билио-сангвинического темперамента. Этот вид темперамента, несмотря на некоторые недостатки, считается наилучшим. Я никогда не видел Наполеона больным; он только изредка был подвержен желчной рвоте, никогда не оставлявшей каких-либо последствий, естественно оздоровлявшей и очищавшей его организм. Некоторое время он опасался, что поражен болезнью мочевого пузыря, так как разреженный воздух в горах вызывал у него болезненное мочеиспускание.

Органы Наполеона были настолько чувствительными, что малейший дурной запах был достаточен для того, чтобы сильно испортить ему настроение. У него было настолько остро развито чувство обоняния, что он мог обнаружить близость подземного

прохода, подвала или канализационной трубы, или запах, исходивший из весьма отдаленных мест, который не воспринимался никем из сопровождавших его лиц.

Я слышал, как он говорил, обсуждая этот вопрос, что обычно чувствовал себя очень несчастным в те дни, когда четырем или даже шести человекам приходилось спать вместе в одной постели.

Он испытывал желание получить хотя бы приблизительные знания об анатомии. И с этой целью доктор Корвисар принес ему несколько восковых анатомических моделей, представлявших части сердца и желудка. Император отвел целый час на изучение этих моделей сразу же после своего второго завтрака, но все это вызвало у него такое отвращение, что он почувствовал тошноту. Он тщетно пытался воспрепятствовать протесту своего организма, но все же был вынужден отказаться от анатомических уроков. Тем не менее, тот же самый человек, объезжая поле битвы после кровавого сражения, не испытывал отвращения, соприкасаясь с ранами самого отвратительного вида и запаха. Он часто спешивался с лошади и клал руку на грудь раненого, чтобы убедиться в том, что тот еще дышит; с помощью своих офицеров он обычно поднимал раненого и прикладывал к его губам бутылку с коньяком, которую его слуга Рустам всегда носил с собой.

Возможно, кто-нибудь будет склонен поверить, если подобная гипотеза может быть принята, что его тело в какой-то степени принимало участие в работе мысли.

Когда на острове Святой Елены его гроб был вскрыт через двадцать лет после погребения, Наполеон казался спящим. Его зубы сохранили свою белизну; его борода и ногти, казалось, выросли после его смерти. Его руки не потеряли жизненного вида: они были гибкими и не поддавались вдавливанию.

Наполеон был очень внимателен к вопросу личной гигиены. Он часто принимал ванну, массировал щеткой руки и широкую грудную клетку и любил подшучивать над полнотой своих грудей. Его слуга заканчивал массаж, с силой натирая щеткой его спину и плечи; но бывало и так, что он заставлял Рустама, который был физически намного сильнее слуги, заниматься этим делом. Для умывания он обычно тратил очень много воды из серебряного таза, который, судя по его размерам, мог легко сойти за кадку. Из бутылки с одеколоном он смачивал губку и проводил ею по волосам, а оставшуюся жидкость выливал на плечи.

Одежда императора

Наполеон всегда носил зеленый или синий мундиры. Он не переставал носить мундир, пока ему не говорили, что он уже порядком износился. Сначала денежное содержание на его одежду было установлено в размере шестидесяти тысяч франков; он уменьшил эту сумму до двадцати тысяч. Он любил повторять, что дохода в двенадцать тысяч франков и лошади ему вполне достаточно. Он часто вспоминал времена, когда был простым артиллерийским лейтенантом и экономил, чтобы не залезать в долги, особенно когда на его попечении оказался брат Луи, которого он воспитывал и полностью содержал. Он осуждал своего адъютанта и высших офицеров императорского двора, которые вручали предметы роскоши офицерам более низкого ранга, приставленным к особе императора. Тем не менее он любил, когда его окружение демонстрировало блеск и великолепие с некоторой долей помпезности. Он часто говорил тем, кого щедро одаривал: «Соблюдай экономию и даже будь скуповатым дома; будь великолепен на публике», — он сам следовал этому правилу.

Никто не был более скромен в вопросе одежды, чем он, или в отношении еды, да и всего другого, что касалось его лично. Он рассказывал мне однажды, что, будучи совсем молодым офицером, иногда ездил из Парижа в Версаль в так называемых дворовых каретах, которые были разновидностью дешевых омнибусов (весьма удобных, добавлял он обычно), и в которых он знакомился с очень приятными людьми. Вот только эти омнибусы не были способом быстрого передвижения для путешественников, поскольку путь от Парижа до Версаля они преодолевали за пять часов.

Хотя внутренние и внешние дела империи получили бурное развитие после разрыва Амьенского мира, обычный образ жизни императора почти не изменился. У него не было точного распорядка дня для работы, еды и сна. Обычно он приходил в свой кабинет в семь часов утра одетый на весь день, в одном и том же неизменном костюме — жилете и брюках из белого кашемира, гвардейском зеленом мундире, который он не менял в течение шести дней, и синем мундире с белыми лацканами по воскресеньям и в дни приемов.

Он носил эполеты полковника, знаки отличия Почетного легиона и Железной короны в петлице под мундиром — тоненькую пластинку Почетного легиона и большую орденскую ленту; и на нем всегда были белые шелковые чулки. Когда ему приходилось выезжать на лошади, то, чтобы не терять времени, он не менял чулок и ограничивался лишь тем, что менял туфли с овальными золотыми пряжками на сапоги с шелковой

подкладкой.

Утренний прием при дворе

Прием проводился в девять часов утра. На нем присутствовали офицеры, чтобы получить соответствующие указания; офицерам, не имевшим заданий, разрешалось отсутствовать. После приема некоторые лица, которые в силу своего ранга или должности имели прямой доступ к императору, выражали ему свое почтение или перебрасывались с ним парой слов.

Несмотря на строгий этикет императорского двора, всегда была немногочисленная группа привилегированных лиц, которые имели право входить в его спальню, даже когда он был еще в постели. Эта группа состояла из следующих персон: г-н де Талейран; де Монтескье — главный камергер; де Ремюза — первый камергер; Маре, Корвисар, Денон, Мюрат, Иван; Дюрок — обер-гофмаршал; де Коленкур — главный конюший.

В течение долгого времени все эти лица приходили в апартаменты императора почти каждое утро, и их визиты стали началом того, что потом называлось «маленьким сбором». Также часто приходил г-н де Лавалетт. Г-н Реал и г-да Фуше и Савари, когда каждый из них был министром полиции, тоже присутствовали.

Принцы императорской семьи также имели право приходить в апартаменты императора утром.

Привычки

Наполеон обычно проводил время за вторым завтраком в маленькой гостиной, которая находилась рядом с его кабинетом. Во время этой трапезы он принимал некоторых известных ученых, писателей и артистов, с которыми любил беседовать. После второго завтрака он возвращался в кабинет, занимался делами, а затем отправлялся работать с одним из министров или с официальными лицами, специально вызванными для этого, или председательствовал на Государственном совете. Бывали дни, когда работа в кабинете занимала все его время.

Заседания совета министров проходили каждую среду в двенадцать часов дня и продолжались до обеда. Обед подавался императору в шесть часов, но когда он был занят, то пропускал этот час. Обычно он обедал наедине с императрицей, за

исключением сред — когда приглашались министры, и воскресений — которые посвящались семейным сборам.

Наполеон предпочитал простые блюда. Он ничего не пил, кроме вина Шамбертен, смешанного с водой. Чашка кофе подавалась ему в гостиной, и он привык выпивать еще одну чашку во время второго завтрака, но никогда больше.

Один раз в неделю г-н Барбье, его библиотекарь, приносил ему новые книги или книги, присланные авторами в знак уважения. Император просматривал их, бросая на пол или в огонь камина те книги, которые его не заинтересовали или которые ему не нравились, но откладывал одну или две — редко три — в сторону, чтобы прочитать с особым вниманием.

Когда Наполеон выезжал в армию или предпринимал продолжительную поездку, ему высылали новинки с анализом каждой книги. У него также была привычка возить с собой передвижную библиотечку, книги которой были сложены в коробках, поставленных в специальном отделении кареты. Библиотечка состояла из лучших работ по истории, литературе и научных в изданиях очень маленьких форматов. Наполеон хотел создать портативную библиотеку, проект которой был составлен в Марраке в 1808 году и вновь в Шенбрюнне в 1809 году. Необходимость в переводе некоторых работ, отсрочки при осуществлении этого проекта и высокая стоимость помешали его реализации. Идеи Наполеона по этому вопросу и его мнение о различных работах содержатся в памятной записке, которую, в соответствии с его указанием, вручили г-ну Барбье.

Иногда император, вернувшись в кабинет, работал там, пока не приходило время отправляться спать; иногда же бывало так, что он проводил часть вечера с императрицей в гостиной, где принимал гостей. Эта честь оказывалась высокопоставленным сановникам, их супругам и лицам, включенным в число приглашенных по специальному списку, чье присутствие могло быть полезным и приятным монарху. Спать укладывались в десять часов вечера, и тогда же давались указания на следующий день. После церемонии подготовки ко сну Наполеон редко возвращался в свой кабинет; чаще всего он удалялся в спальню и ложился в постель.

Император занимался охотой почти каждую неделю, не из-за склонности к ней, а ради физической нагрузки и тренировки. Когда он бывал в Париже, то участвовал в охоте в Сен-Клу или в Трианоне, или в лесах Булони, Сен-Жермена и Версаля. Его зимняя резиденция находилась во дворце Тюильри; позднее он обычно жил в Елисейском дворце, поскольку там чувствовал себя намного свободнее. Он проводил часть года в Сен-Клу, которое

ему очень нравилось, а в Тюильри обычно приезжал, чтобы слушать мессу и принимать дипломатический корпус.

Наполеон посещал театры в Париже только в редких случаях. Актеры главных театров обычно сами приезжали в императорский дворец, чтобы в помещении дворцового театра играть трагедии и ставить итальянские оперы, и очень редко — французские.

Управление хозяйством императорского двора

Управление хозяйством императорского двора регулировалось в соответствии с тем же порядком, который был установлен во всей империи. Администрация, ведавшая управлением, подразделялась на департаменты, возглавляемые офицерами короны, число которых равнялось числу департаментов; бюджет расходов каждого департамента устанавливался ежегодно. Император руководил заседаниями совета императорского двора и обычно старался вникать в различные детали статей производимых расходов, нередко обнаруживая при этом возможности для изыскания дополнительных доходов из источников, на которые чиновники не обращали внимания. Он хвалил тех глав департаментов, которые экономно расходовали выделенное им денежное содержание, но не потому, что призывал к скупости, а в связи с тем, что не выносил ни расточительства, ни бесхозяйственности. В этом отношении он имел полную поддержку со стороны генерала Дюрока, обер-гофмаршала императорского двора, отвечавшего за деятельность самого трудного департамента, расходы которого были незначительны, неустойчивы, но давали возможность порождать злоупотребления; начальники других департаментов брали пример с его деятельности. Все эти различные департаменты были под присмотром контролеров, которые скрупулезно и с завидной ответственностью относились к своим обязанностям.

Констан

Администрация генерала Дюрока

Чтобы постигнуть систему управления императорским двором, надо было самому видеть тот идеальный порядок, который там царил. Еще со времен Консулата генерал Дюрок внес в управление внутренних дел двора тот дух порядка и экономии, который в лучшем свете характеризовал его. Но, как ни велико было доверие императора к генералу Дюроку, он не считал ниже своего достоинства взглянуть глазами рачительного хозяина на вещи, которые казались незначительными и которыми монархи занимались редко.

Так, например, в начале Империи в некоторых местах допускалась небольшая расточительность, особенно в Сен-Клу, где адъютанты держали открытый стол; но этому поведению, тем не менее, было далеко до чрезмерного мотовства прежнего режима. Шампанское и другие вина поглощались в большом количестве, и возникла необходимость, чтобы император сам установил правила, регулирующие использование его погреба. Он вызвал начальника департамента по обслуживанию императорского двора и заявил ему: «Месье, я вверяю тебе ключи от моих имперских погребов; ты будешь нести ответственность за все вина, которые там находятся. Установи умеренные цены во всех этих погребах и только ты один будешь обеспечивать винами мой императорский двор». Договоренность об этом была достигнута, и теперь стало невозможным осуществить какое-либо мошенничество, так как заместитель начальника департамента выдавал вина только по записке, подписанной контролером кухни; закупоренные бутылки возвращались, и каждый вечер велся подсчет того, что использовалось в течение дня.

Обер-гофмаршал двора Дюрок был примерно такого же роста, как и император. У него была плохая походка, лишенная грации, но удивительно красивые голова и лицо. Он был вспыльчив, импульсивен и ругался, словно солдат, но обладал прекрасными административными способностями, что много раз доказывал при организации хозяйства императорского двора, которое регулировалось умело и мудро.

Когда вражеская пушка лишила его величество этого преданного приближенного и искреннего друга, его сменил г-н де Коленкур, герцог Виченцский. Он был чрезвычайно строг к обслуживающему персоналу двора; но он был справедлив и

проявлял благородную преданность, а его слово было таким же надежным, как контракт. Его боялись, но все же любили. У него был проницательный взгляд, говорил он быстро и с большой легкостью. Уважение императора к нему было хорошо известно.

Граф Ремюза был среднего роста, с гладким и белым лицом, очень обязательный и дружелюбный. Ему были присуши естественная вежливость и хороший вкус; но он отличался экстравагантным поведением, не умел наводить порядок в собственных делах и, соответственно, в делах императора. Его расточительное расходование средств с иной точки зрения считалось бы нормальным и могло бы удовлетворить требования любого другого монарха, но император придерживался политики экономии и, хотя он был очень привязан к г-ну де Ремюза, все же освободил его от должности главы гардеробного бюро и назначил на его место господина де Тюренна, который придерживался строжайшей экономии средств.

Г-н Тюренн был вполне милым человеком, хотя и слишком высокого мнения о себе. Он был большим говоруном и к тому же англоманом, что навело императора на мысль называть его «мой лорд Кинсчтер» (тот, кто не может замолчать); но он был неплохим рассказчиком, и иногда его величество с удовольствием выслушивал его истории о текущих событиях в Париже.

Когда граф Тюренн заменил графа Ремюза в кабинете главного хозяина гардеробной, то, чтобы не превышалась сумма в двадцать тысяч франков, которую его величество разрешал тратить на одежду, он добился предельно возможной экономии в количестве, ценах и качестве вещей, необходимых императорскому двору. Я не знаю, действительно ли это соответствует истине, но для того, чтобы точно выяснить прибыль поставщиков императора, он отправился на различные фабрики Парижа с образцами перчаток, шелковых чулок, веточек алоэ и т. п.; если это правда, то это делает честь усердию и честности г-на де Тюренна.

Я мало знал о графе Сегюре, главном церемониймейстере. Среди обслуживающего персонала императорского двора говорили, что он был высокомерен и несколько резок, но все же проявлял вежливость и интеллигентность. У него были тонкие черты лица и благородная внешность.

V. Поля сражений (1805–1807)

Меневаль

Марш из Булони

План императора состоял в том, чтобы направить маршем различные корпуса в самый центр Германии с тем, чтобы воспрепятствовать соединению русских и австрийских войск и дать бой каждому из союзников в отдельности.

23 сентября 1805 года император отправился в Сенат, чтобы осудить тройственную коалицию Австрии, России и Англии и объявить о своем выезде в армию. Во время отсутствия Наполеона принцу Жозефу было поручено возглавить Сенат и другие органы власти. 24 сентября император покинул Париж в сопровождении императрицы Жозефины, которую он потом оставил в Страсбурге с ее двором и г-ном де Тале Ираном. Он направил армию, собранную на морском побережье, маршем прямо на Рейн.

Констан

Страсбург

Император доехал без остановок до самого Страсбурга, и через день после его прибытия в этот город армия стала шеренгами переходить через мост Кель.

Вечером, накануне этого перехода, император приказал генералам появиться на берегу Рейна на следующий день ровно в шесть часов утра. За час до этого рандеву его величество, несмотря на проливной дождь, один подошел к верхней части моста, чтобы убедиться в исполнении отданного им приказа, и стоял там на посту под дождем совершенно неподвижно, пока первые дивизии не начали шеренгами переходить мост.

Он настолько промок, что дождевая вода, лившаяся с его одежды вниз под лошадь, образовала маленький водопад; его треугольная шляпа с поднятыми полями поникла сзади на его плечи, напоминая большие фетровые шляпы угольщиков Парижа. Генералы, которых он поджидал, столпились вокруг него; и когда он увидел, что все собрались, то заявил им: «Все идет хорошо, господа; это новый шаг, сделанный в направлении наших врагов».

Аугсбург

На пути в Аугсбург император, который двигался впереди, развил такую скорость, что обслуживающий персонал не поспевал за ним; и, соответственно, он провел ночь без слуг и без багажа в самом лучшем доме очень бедной деревни. Когда мы добрались до его величества на следующий день, он встретил нас со смехом и пригрозил, что передаст нас военным полицейским как отставших от своей армии солдат.

30 сентября 1805 года император писал (из Страсбурга):

«Мой кузен (Евгений, вице-король Италии)!

Здесь начались военные действия. Этим вечером был взят в плен вражеский патруль легкой кавалерии из Розенберга. Это были первые пленники, которых мы захватили. Однако Уес был сожжен, снова ни одного объявления о себе, но мы движемся усиленным маршем и противник, видимо, пребывает в полной растерянности от направления, скорости и решительности нашего продвижения. Возможно, в течение этой недели будет масса новостей. Здесь, в письме, найдешь приложенное (отсутствует)

воззвание, которое зачитывалось сегодня как приказ дня. Австрийский император (Франц I) прибыл в свою армию, провел большое совещание… но, узнав, что наша армия, вместо того чтобы быть в плачевном состоянии, не только готова встретить его должным образом, но все еще маневрирует в тылу его флангов, вернулся в Вену в своем дилижансе. Принц Карл сейчас должен быть в Италии. До меня поздно доходят новости, что происходит с тобой, где ты находишься. Из твоего письма я с удовольствием вижу, что ты снабжаешь армию всем возможным. Если у тебя будет время, обследуй озеро Лаго-Маджоре вплоть до подножья горы Симплон, чтобы я представил себе точную картину всех тех мест. После того, как ты закончишь это обследование, сделай еще одно у подножья горы Сен-Готард; в твоем возрасте рекогносцировка протекает медленно и остается в голове на всю жизнь. Организуй вооруженную полицию и используй все ресурсы, чтобы можно было охранять пленников… Я приказал корсиканскому легиону двинуться в путь и присоединиться к армии. Не знаю, кто мне сказал, что легион все еще в Легхорне. Это возмутительно, что он находится там, когда он может быть полезен тебе в Милане. По другим слухам, эта армия находится где-то еще. Я писал тебе, чтобы ее как следует одели, если именно отсутствие одежды не дает ей возможности двинуться в путь…

С того момента, когда военные действия начнутся в Италии, станет ясно отношение Пруссии к России. Великая армия разделена на корпуса по пятьдесят тысяч человек в каждом, можешь только себе это представить. Воинские отряды будут предоставлены Баварией, Баденом, Хем Дармштадтом, Виртембергом и усилены французскими солдатами. Подобные новости произведут должное впечатление на итальянцев и нейтрализуют массу порочащих слухов, которые противник, не упуская случая, распускает повсюду. Я направил генералу Мену, Моро де Сен-Мери, принцессе де Люиньи (так в оригинале), архиепископу в Генуе и в Рим отдельные выдержки из этих новостей. Они важны только для того, чтобы подбодрить их. Они успокоят их и в то же время опровергнут лживые слухи… Мой главный штаб будет находиться в Луисберге на Вехте…

P.S. Императрица находится также в Страсбурге со своими придворными дамами. Она чувствует себя хорошо. Наполеон».

Меневаль

Ульм. Трафальгар. Континентальная блокада

Французская армия стала полным хозяином на высотах, господствовавших над Ульмом, 16 октября 1805 года.

Когда этот славный подвиг завершился в Ульме, наш военно-морской флот постигло величайшее бедствие. В то время, как наша великая армия во главе с императором, разбив наголову противников на континенте, продолжала свой триумфальный марш на Вену, блестящий объединенный флот, которому предстояло охранять переход флотилии через Ла-Манш в Булонь и реализовать самые большие надежды, встретил свою гибель у мыса Трафальгар.

Потребовалась блестящая победа под Ульмом и перспектива успешной серии дальнейших операций, подготовленных Наполеоном, чтобы как-то утешить его после этой катастрофы, которая отложила на неопределенное время все надежды на разгром английского флота. Император понимал, что единственным средством, оставшимся у него, являлись организация Обширной континентальной блокады и принятие мер, которые бы обеспечили ее эффективность.

Аустерлиц

Утром 2 декабря 1805 года солнце сияло во время битвы при Аустерлице. С самого рассвета император, оседлавший коня, был со своими маршалами, окружавшими его, пока туман полностью не рассеялся. Затем по сигналу Наполеона каждый маршал галопом отправился к своему корпусу.

Скоро раздался звук первого пушечного выстрела. С высоты холма императоры Австрии и России видели полный разгром своих армий. Эта битва — одна из величайших, в которых когда-либо побеждал Наполеон, — завершила кампанию, продолжавшуюся два месяца.

Констан

Жозефина получает известие о победе

Как только стало ясно, что победа при Аустерлице одержана, император поспешил отправить курьера Муста ша во Францию, чтобы объявить новость императрице, которая в то время находилась в замке Сен-Клу.

Было девять часов вечера, когда прибыл курьер. Императрица, которая с величайшим нетерпением ждала новостей из армии, бросилась к окну, торопливо распахнула его, и слова «победа» и «Аустерлиц» громко прозвучали в ее ушах. Стремясь поскорее узнать подробности, она стремглав бросилась вниз по лестнице, сопровождаемая придворными дамами; и Мусташ, до предела возбужденный, рассказал о чудесной победе и вручил ее величеству письмо императора. Прочитав письмо, Жозефина сняла с пальца красивое бриллиантовое кольцо и отдала его курьеру. В этот день бедняга Мусташ проскакал более 150 миль и был настолько изнурен, что его пришлось снимать с лошади и укладывать в постель при помощи четырех человек. Его последняя лошадь, которую он, несомненно, жалел меньше предыдущих, пала замертво прямо во дворе замка.

Меневаль

Встреча с австрийским императором

На следующий день у наших аванпостов появился принц Лихтенштейна Ион, чтобы попросить Наполеона дать согласие на встречу с императором Австрии. После некоторого колебания Наполеон согласился на встречу, но, проводив принца, не мог удержаться, чтобы не сказать: «Этот человек заставляет меня совершить большую ошибку. Конференции можно проводить, но не сразу после сражений. Сегодня мне следовало быть только солдатом. Мне следовало довести до конца свою победу, а не слушать слова мира».

4 декабря, в девять часов утра, Наполеон сел на коня и в сопровождении маршала Бертье, высших офицеров штаба и части охраны отправился на согласованную ранее встречу. На место встречи он прибыл раньше императора Австрии, который вскоре подъехал в открытой карете, сопровождаемый принцем Лихтенштейна Ионом, несколькими фельдмаршалами и генералами своей армии и эскортируемый эскадроном венгерской кавалерии. Император подошел, чтобы встретить императора Австрии, и обнял его. Они остановились у костра, а их свиты удалились к другим кострам, зажженным неподалеку, но на таком расстоянии, чтобы никто из свиты не слышал, о чем говорят два монарха. Переговоры продолжались примерно два часа, и оба монарха пришли к соглашению о перемирии и об основных условиях мира. Император Австрии попросил, чтобы перемирие также распространялось и на русскую армию. Наполеон согласился при условии, что русские покинут Германию, Прусскую и Австрийскую Польшу и вернутся в Россию.

Русская армия была окружена со всех сторон, и у нее не было шансов вырваться из кольца. Ее войска спасались бегством в таком беспорядке, что император Александр, изолированный от них, был под угрозой оказаться в руках неприятеля. Неразбериха, царившая в рядах русской армии, приняла такие размеры, что император Александр почти неделю не знал, где же находятся его слуги, и князь Чарторыйский, его министр, должен был выполнять роль слуги.

Наполеон проявил великодушие по отношению к императору Александру. Он приказал своему адъютанту Савари отправиться к нему и сообщить, что если он согласится отступить со своей армией, то Наполеон приостановит движение французских войск

и предоставит русским возможность свободного отхода.

Пресбургский договор

Мирная конференция открылась в Брюнне, но вскоре участники переговоров переехали в Пресбург, где 26 декабря 1805 года и был подписан мирный договор.

Этот знаменитый договор подтвердил все наши завоевания и передал в наше владение Италию. Бавария получила Тироль. Курфюрства Баварии и Вюртемберга, расширенные за счет территорий, уступленных Австрией, были возведены в ранг монархий. Курфюрство Баден, которое, несмотря на увеличение своей территории, не имело достаточного значения, чтобы стать монархией, было возведено в ранг великого герцогства. Австрия получила Зальцбург, а эрцгерцог Фердинанд, бывший великий князь Тоскании, которому был передан Зальцбург в соответствии с Люневильским договором, был переведен в Вюрцбург. Это курфюрство было возведено, в знак благосклонности к Фердинанду, в ранг великого герцогства. Военная контрибуция, которую Наполеон установил в размере ста миллионов франков, была сокращена, с его согласия, до сорока миллионов франков. В день подписания мирного договора в Пресбурге император принял эрцгерцога Карла в замке Штаммерсдорф. Беседа вызвала у них взаимное чувство уважения. Прощаясь с эрцгерцогом, Наполеон подарил ему шпагу.

После сокрушительного поражения, нанесенного русской и австрийской армиям при Аустерлице, император с сожалением воспринял необходимость подписания отдельного мирного договора с Австрией, которой он не мог избежать, вместо того чтобы заставить и Россию присоединиться к договору и тем самым в полной мере вкусить плоды собственной победы; во всяком случае, почти вся русская армия осталась невредимой. Австрийская армия, находившаяся в Италии и теперь перебравшаяся в Венгрию, объединившись с остатками войск, уцелевших в битве при Аустерлице и заново укрепившихся, могла бы преобразоваться в мощную армию, способную к продолжению войны. Враждебность Пруссии, неустойчивый и робкий характер ее короля, которого легко можно было завлечь в стан врагов, чтобы сообща бороться с нами, усугубили угрозу, которую Наполеон не мог сбросить со счетов и которая заставляла его серьезно опасаться за состояние тыла. Именно поэтому он был удовлетворен требованием, чтобы русские войска покинули Германию и Польшу, вернувшись в Россию.

В глубине души он испытывал сильное чувство возмущения в связи с вероломными действиями кабинета министров Пруссии, который своим двусмысленным поведением делал все возможное, чтобы избежать каких-либо союзнических связей с французской империей, и расстроил все добрые намерения Наполеона, направленные на укрепление силы и мощи Пруссии. Это правительство, не поощряя напрямую Австрию к нападению на нас, позволяло этой державе надеяться на то, что, в случае войны с Францией, она легко может призвать на свою сторону нерешительного короля, находившегося под влиянием враждебно настроенного к Франции кабинета. Поставленный под удар этой рискованной нерешительностью, граничащей с опасностью, вынужденный отложить завершение своих проектов и свою мечту о всеобщем умиротворении на самое неопределенное время, Наполеон имел возможность убедиться в откровенной неблагодарности и враждебности берлинского кабинета, когда под благовидным предлогом нарушения территории французским войскам было отказано в переходе через Анспах, хотя до этого именно там было разрешено пройти австрийцам и баварцам.

С того самого времени у Наполеона не было больше иного чувства к малодушному королю Пруссии, кроме как чувства презрения и пренебрежения. Его раздражение этим монархом проявлялось постоянно, и оно еще более усилилось после их личного знакомства. Наполеон считал короля обреченным — еще со времени его неудачного рождения — на моральное убожество и физическую неполноценность. Он отказался от плана сделать его своим союзником. Вместо благосклонного отношения к Пруссии и горячего желания связать Францию с этой страной прочными узами император решил рассматривать в качестве врага эту державу, союза с которой он так и не сумел добиться.

В то время как французская армия продолжала успешно действовать на полях Австрии, неаполитанский двор проявил недальновидность, граничившую со слепотой, нарушив свои обещания о нейтралитете и открыв свои порты для морских и военных сил наших врагов.

Наполеон, узнав об этом наглом акте неверности после победы при Аустерлице, направил приказ своему брату Жозефу, который тогда возглавлял правительство в Париже, немедленно отправиться в армию в Италии, которой командовал маршал Массена, взять на себя командование в чине генерала дивизии и в ранге заместителя императора направиться с этой армией маршем на Неаполь, где его поджидала корона короля.

Свадьба Евгения Богарне и баварской принцессы Августы в

Мюнхене

Сразу же после ратификации мирного договора император выехал в Мюнхен.

Императрица Жозефина прибыла туда раньше его. Свадьба принца Евгения и принцессы Августы, старшей дочери короля Баварии, праздновалась в Мюнхене 14 января 1806 г. и образовала первое звено в цепи, которой было суждено объединить новую наполеоновскую династию с самыми старинными династиями Европы.

Император информировал Сенат об этой свадьбе и одновременно сообщил членам Сената, что усыновил принца Евгения и назначил его своим наследником, ввиду отсутствия прямых наследников, на трон короля Италии.

Последний день республиканского календаря

31 декабря 1805 года был последним днем республиканского календаря. Григорианский календарь имел то преимущество, что использовался почти всеми народами Европы и Америки, в то время как республиканский календарь, кроме его неудобства для наших отношений с иностранцами и изоляции, ставшей результатом этого неудобства, обладал еще и тем недостатком, что вел свое происхождение от периода, о котором помнили с великим неодобрением во Франции и в остальной Европе.

Старая аристократия

Считалось, что Наполеон был очарован старой французской аристократией. Привлекая к императорскому двору ее представителей, он демонстрировал бережное отношение к наследию и готовность взять на себя ответственность за все выдающееся во Франции. Он считал, что аристократы больше заинтересованы в стабильности, к которой он стремился, чем республиканцы, которые всегда были настроены враждебно к принципам его административной деятельности. В этом заключается причина, почему он всегда считался сторонником использования наследия, а не правил поведения монархий, которые ему предшествовали. И это же было одной из причин его привязанности к г-ну де Талейрану, который был одним из основных посредников в этой деятельности, ведущей к объединению и примирению.

Наполеон успешно продолжал эту политику, и не может быть никаких сомнений в том, что если бы его правление продолжалось дольше, то все различия между классами постепенно бы исчезли. Он сознавал то обстоятельство, что его послы, выбираемые из числа старых аристократических семей, были более способны выполнить порученную им роль при европейских дворах, куда они направлялись, и что их членство во франкмасонстве аристократии стало бы для него реальной помощью.

Финансовый кризис

Возвращение императора в Париж было ускорено разразившимся в апреле 1806 года кризисом, затронувшим «Банк Франции». Вызванное этим обесценивание общественных ценных бумаг было усугублено организованным в Лондоне маневром, которым хвастались английские газеты того времени. Этот маневр заключался в том, чтобы согласованными действиями способствовать падению курса на парижском рынке и тем самым поставить под сомнение платежеспособность «Банка Франции», вызвать панику в народе, которая заставит держателей акций «Банка Франции» броситься в банки для обмена акций на наличные деньги. Удар, нанесенный финансовым кризисом по общественному доверию, был своевременно отражен энергичным вмешательством правительства. Но, расследуя причины возникновения этого кризиса, полиция выяснила, что роялистская оппозиция специально сеяла панику среди держателей акций, стремясь подорвать доверие к государству.

Предложение мира Англии

Наполеон воспользовался тем обстоятельством, что взошел на императорский трон, чтобы возобновить свои мирные предложения королю Англии. Он никогда не питал надежд на то, что это предложение увенчается полным успехом, но стремился использовать любой шанс, который мог бы выставить в неприглядном свете нежелание британского правительства добиваться мира.

Письмо было адресовано самому королю Англии, но ответил на него министр Малгрейв на имя г-на де Талейрана. Послание Малгрейва сводилось к следующему: английский монарх не может ответить на предложение примирения, направленное в его

адрес, без того, чтобы оно не было также передано и другим державам, с которыми он находится в общем союзе, и в частности России; таким образом, отказавшись высказать каким-либо способом свое мнение по поводу предложения императора, король Англии одновременно вызвал подозрение, что эта новая договоренность европейских держав предвещает не что иное, как создание новой коалиции. В этом послании прослеживалось больше уважения, чем в ранее переданных Англией ответах Наполеону.

Йена

Прусский кабинет министров так стремился приступить к военным действиям, что, не ожидая прибытия русских войск, неожиданно начал военную кампанию. 25 сентября император выехал из Сен-Клу в Майнц. Конвой, высланный им вперед, покинул Париж несколькими днями раньше. Скорость марша наших солдат способствовала прибытию императора в Йену 13 октября.

Наполеон, объезжая войска, отдавал последние приказы на рассвете. Его усилия увенчались победой, и еще до окончания дня 14 октября 1806 года прусская армия была полностью разгромлена. Только ночью и в последующие дни стали известны впечатляющие результаты этого памятного сражения.

Эта великолепная победа, достигнутая до прибытия русских войск, привела к ликвидации прусских вооруженных сил и открыла ворота Берлина для французской армии.

Следуя в Берлин, Наполеон посетил замок Сан-Суси в Потсдаме и осмотрел его с большим интересом. Он попросил своих гидов рассказать ему со всеми подробностями о том образе жизни, который вел в этой резиденции Фридрих Великий. В большинстве комнат по-прежнему стояли письменные столы, испачканные чернилами. В королевской спальне была широкая ниша, в которой на маленькой кровати обычно спал Фридрих Великий. Но затем кровать убрали. Все в комнатах замка говорило о презрении этого великого короля к роскоши и помпезности. После его смерти в замке ничего не изменилось. Мы видели комнату, которую занимал Вольтер.

Император совершил триумфальный въезд в Берлин, проследовав под аркой, которая украшает Бранденбургские ворота, в сопровождении своих маршалов, адъютантов и императорской пешей охраны. Лучшую часть ноября он провел в прусской столице.

Ответ Наполеона на английскую блокаду

Англия запретила морскую торговлю между Францией и нейтральными странами; и для осуществления этой меры британский кабинет министров объявил побережье Франции и стран, оккупированных французской армией, районом, входящим в зону блокады, хотя в действительности эта блокада существовала только на бумаге.

Беспримерная попытка нарушения международного права вынудила Наполеона принять справедливые ответные меры, запрещавшие любые торговые операции с Англией. Все товары английского производства подвергались конфискации; все английские письма, какими бы они ни были, изымались на почте и уничтожались. Император не закрывал глаз на строгость этих мер. Англия запретила ему море; он запретил ей континент. Такова была причина берлинского декрета, который объявил Британским островам блокаду.

В результате битв при Йене и Ауэрштадте прекрасная прусская армия подверглась тотальному уничтожению. Она исчезла, пользуясь выражением Наполеона, подобно осеннему туману перед восходом солнца.

Констан

Наполеон в военно-полевых условиях

Когда мы находились в армии, то я спал в палатке императора на маленьком коврике или на медвежьей шкуре, которую он возил в своей карете; когда случалось, что я не мог пользоваться этими предметами, то старался обеспечить себя постелью из соломы. Помню, как однажды вечером я оказал великую услугу неаполитанскому королю, разделив с ним пучок соломы, которому предстояло стать моей постелью.

Император спал на своей маленькой железной кровати без матраца, а я спал где придется. Едва я засыпал, как император звал меня: «Констан». — «Сир?» — «Посмотри, кто на посту (он имел в виду адъютанта), и скажи, чтобы он пришел ко мне». Тогда я выходил из палатки, чтобы вызвать офицера и привести его к Наполеону. Когда он приходил, император отдавал ему распоряжение: «Отправляйтесь в такой-то корпус под командованием такого-то маршала; предложите ему послать такой-то полк, чтобы он занял такую-то позицию; выясните позиции противника и затем возвращайтесь ко мне с докладом».

Адъютант отправлялся на лошади исполнять эти приказания, а я вновь ложился. Император как будто тоже собирался ложиться спать, но через несколько минут звал меня: «Констан!» — «Сир?» — «Вызови мне невшательского принца». Я уходил за принцем, который немедленно приходил в палатку; и во время их разговора я оставался у входа в палатку, пока принц записывал несколько приказов и затем удалялся. Подобное случалось много раз в течение ночи, и, наконец, к утру его величество засыпал, тогда и я имел некоторое время для отдыха.

Когда прибывал адъютант с какими-то новостями для императора, я будил его, слегка потряхивая за плечо.

«Что случилось? — спрашивал его величество, немедленно просыпаясь. — Который сейчас час? Пусть он войдет». Адъютант докладывал, и, если это было необходимо, его величество сразу же вставал с кровати и выходил из палатки, никогда не тратя много времени, чтобы одеться. Если предполагалось сражение, император внимательно обозревал небо и горизонт и часто замечал: «Нам предстоит прекрасный день».

Завтрак готовился и сервировался за пять минут, и через пятнадцать минут скатерть убиралась со стола. Невшательский принц завтракал и обедал с его величеством каждый день; и через

восемь или десять минут непродолжительная трапеза заканчивалась. «По коням!» — командовал император, оседлав коня и отправляясь в путь в сопровождении невшательского принца, одного или двух адъютантов и Рустама.

Его величество переезжал от одного корпуса к другому, разговаривал с офицерами и солдатами, расспрашивал их и собственными глазами видел все, что можно было увидеть.

Если сражение затягивалось, то ему привозили, не ожидая его приказа, кусок хлеба и немного вина.

Г-н Колин, глава кухонного департамента, много раз отваживался привозить императору легкую трапезу на пушке.

По окончании сражения император всегда объезжал поле битвы, оказывая помощь раненым и ободряя их сочувственными словами.

Иногда император возвращался в палатку сильно уставшим; тогда он ограничивался легкой едой и ложился на кровать, чтобы погрузиться в свой постоянно прерываемый сон.

Было удивительно, что каждый раз, когда непредвиденные обстоятельства вынуждали адъютантов будить императора, он был готов к работе, словно это было начало дня или его середина.

За три или четыре часа до начала сражения император большую часть своего времени проводил за военными географическими картами. На них он отмечал местность булавками с головками из воска различного цвета.

Йена — впечатление, произведенное на Пруссию

Поражение в битве при Йене настолько привело пруссаков в ужас, что королевский двор стремительно сбежал, оставив все в резиденции короля; и в результате император, прибыв в Потсдам, нашел там шпагу Фридриха Великого, его нагрудный знак, большую орденскую ленту и будильник. Император приказал все эти предметы отправить в Париж на хранение в «Дом Инвалидов».

Въезд в Берлин

Император вступил в столицу Пруссии 27 октября 1806 года между десятью и одиннадцатью часами утра, окруженный адъютантами и офицерами штаба. Все полки, во главе которых стояли барабанщики и военные оркестры, расположились перед императором шеренгами в идеальном порядке. Прекрасный вид французских войск вызвал восхищение жителей столицы

Пруссии.

Въехав в Берлин в составе свиты императора, мы прибыли на городскую площадь, в центре которой был установлен бюст Фридриха Великого.

Когда император оказался перед бюстом, он, а за ним и весь штаб, галопом описал полукруг, склонив кончик шпаги и сняв шляпу. Император был первым, кто отсалютовал памятнику Фридриху II. Генералы и офицеры, составлявшие штаб императора, выстроились полукругом у бюста. Император стоял в центре. Его величество отдал приказ, чтобы каждый полк отдавал честь бюсту, проходя мимо него узкой колонной.

Меневаль

Из Берлина в Варшаву

Наполеон вошел в Берлин с чувством горечи к тем, кто спровоцировал войну, которая только что привела его в столицу Пруссии. Этот неожиданный триумф, эти убедительные и впечатляющие результаты, какими бы они ни были лестными для его гордости, он с радостью поменял бы на союз, о котором теперь не могло быть и речи. Появились видимые признаки исчезновения его любимой политической мечты. Именно поэтому его слова, обращенные к тем, кто зажег и раздул пламя, только что уничтожившее их страну, были резкими, суровыми и оскорбительными.

Польша и Австрия

2 декабря 1806 года, в день второй годовщины декларации об учреждении Империи, армии было зачитано воззвание о начале кампании в Польше. Приближение французской армии возродило неумирающие надежды поляков. Польский народ вооружался по всей стране и в своих обращениях и в выступлениях депутаций молился за восстановление своей национальной независимости. Однако Наполеон, как обычно, никаких обещаний не давал.

Из Познани император отправился в Варшаву. Дороги были в ужасном состоянии. В Варшаве он провел только три дня. Узнав, что русские генералы прекратили отвод своих войск и направляют их обратно на фронт, Наполеон в час ночи 23 декабря покинул Варшаву и двинулся навстречу русским войскам.

Чередование снега, мороза и оттепели сделало дальнейшее продвижение войск невозможным, и Наполеон вернулся в Варшаву. Там он провел весь январь 1807 года.

Графиня Мария Валевская

В Варшаве его величество занял большой дворец. Польская аристократия, вовсю стараясь обхаживать императора, давала в его честь пышные приемы и блестящие балы, на которых присутствовали самые богатые и знаменитые жители Варшавы.

На одном из этих балов внимание императора привлекла молодая польская дама по имени Мария Валевская. Ей было двадцать два года, и она недавно вышла замуж за старого аристократа со строгим нравом и чрезвычайно грубыми манерами. Он был больше влюблен в свои титулы, чем в супругу, к которой, однако, относился с преданностью, но которая его уважала больше, чем любила. При виде этой дамы, привлекшей его внимание с первого взгляда, император испытал громадное наслаждение. Она была блондинкой с голубыми глазами и с ослепительно белоснежной кожей, среднего роста и с очаровательной фигурой, изумительно пропорционально сложена. Император подошел к ней, немедленно завязал разговор, который она поддержала с большим изяществом и остроумием, демонстрируя при этом прекрасное образование. Легкая тень меланхолии, присущая всему ее облику, делала ее еще более обольстительной.

Его величество решил, что увидел женщину, которая принесла себя в жертву и несчастлива в семейной жизни; и интерес к ней, вызванный этой мыслью, привел к тому, что он увлекся ею больше, чем какой-либо другой женщиной. Этот факт не ускользнул от ее внимания.

На следующий день после бала император показался мне необычно возбужденным; он вскакивал с кресла, прохаживался взад и вперед по комнате, садился в кресло и вновь поднимался с него, пока я не подумал, что мне никогда не удастся закончить одевать его. Немедленно после завтрака он приказал маршалу Мюрату нанести визит госпоже Валевской и сообщить ей о том, что он порабощен ею, а также о его пожеланиях.

Она гордо отвергла предложения, которые, вероятно, оказались слишком бесцеремонными. Возможно, кокетство, естественное для всех женщин, подсказало ей дать отпор; и, хотя герой понравился ей и мысль о блистательном любовнике, обладающем властью и овеянном славой, несомненно, занимала ее голову, она не собиралась капитулировать просто так, без

борьбы.

Мюрат вернулся, полный смущения, весьма удивленный тем, что провалил порученную ему миссию. На следующий день, когда император встал с постели, я нашел его по-прежнему озабоченным, он не произнес ни слова, хотя в это время дня привык разговаривать со мной. Он направил госпоже Валевской несколько посланий, но все они остались без ответа; его тщеславие было больно задето подобным непривычным для него безразличием. Но в конце концов его мольбы тронули ее сердце, и она дала согласие на встречу в тот же вечер между десятью и одиннадцатью часами, которая и состоялась в назначенное время. Через несколько дней она вернулась в тот же самый час, и ее визиты продолжались до самого отъезда императора.

Через два месяца император попросил ее приехать, и она присоединилась к нему в его штаб-квартире в Финкенштейне, где она с того времени и оставалась, покинув в Варшаве старого мужа, который, глубоко оскорбленный за свою поруганную честь и за свою любовь, пожелал более никогда не видеть бросившую его супругу.

Госпожа Валевская оставалась с императором вплоть до его отъезда, а затем вернулась в свою семью, постоянно проявляя самую преданную и в то же время бескорыстную любовь.

Император, видимо, высоко ценил прелести этой ангельской женщины, чей добрый и готовый к самопожертвованию характер произвел на меня глубокое впечатление. Когда они обедали вместе, а их обслуживал только я один, мне предоставлялась возможность получать удовольствие от их разговора, который всегда со стороны императора принимал дружелюбный, веселый и оживленный характер; а со стороны госпожи Валевской их беседа окрашивалась нежностью, страстностью и некоторой меланхоличностью.

Когда его величество отсутствовал, госпожа Валевская проводила время за чтением или через решетчатые жалюзи в комнатах императора наблюдала парады и воинские построения на дворцовой площади, которыми часто командовал сам император. Такова была ее жизнь, вполне соответствующая ее характеру, всегда спокойному и уравновешенному, и это очарование ее натуры заметно пленило императора, который с каждым днем все больше становился ее рабом.

После битвы при Ваграме в 1809 году император своей резиденцией сделал дворец Шенбрунн и немедленно послал за госпожой Валевской, для которой был снят и меблирован очаровательный дом в пригороде Вены, совсем близко от Шенбрунна. Каждый вечер я тайно привозил ее в закрытой карете

с единственным слугой без ливреи; она входила в замок через потайную дверь и затем препровождалась в императорские апартаменты.

Я не в силах описать все то внимание, заботу, которыми окружал ее император. Он возил ее в Париж вместе с братом, очень достойным и безупречным офицером, и служанкой, дав указание гофмаршалу императорского двора купить для нее очаровательный домик на шоссе Д'Антен. Госпожа Валевская была очень счастлива и часто говорила мне: «Все мои думы, все мое вдохновение исходят от него и возвращаются к нему; он для меня — все мое счастье, мое будущее, моя жизнь!» Она никогда не покидала своего дома, за исключением посещений личных апартаментов императора в Тюильри, и, когда этим счастьем ее не одаривали, она не ходила в театр, не совершала прогулок, не выходила в общество, а оставалась дома в окружении немногих лиц и каждый день писала императору. В конце концов она родила сына, имевшего удивительное сходство с Наполеоном, для которого это событие стало источником большой радости.

Госпожа Валевская заказала для императора золотое кольцо, вокруг которого она обвила свой красивый белокурый волос, а на внутренней окружности кольца были выгравированы следующие слова: «Когда ты перестанешь любить меня, не забывай, что я люблю тебя». Император называл ее только «Мари».

Вероятно, я слишком много уделил времени описанию этой любовной связи императора: но госпожа Валевская очень отличалась от других женщин, чьей благосклонности добивался император; и она была достойна того, чтобы называться «Ла Вальер императора», который, однако, не оказался столь неблагородным по отношению к ней, как Людовик XIV по отношению к единственной женщине, которая любила его, а именно — к госпоже де Ла Вальер.

Те, кто, подобно мне, имел счастье знать и видеть ее достаточно близко, должны понимать, почему, с моей точки зрения, существует такая большая разница между госпожой Валевской, нежной и скромной женщиной, воспитывавшей в уединении сына императора, и всеми фаворитками победителя Аустерлица.

Меневаль

Эйлау

Активное наступление русской армии заставило Наполеона вновь начать военные действия. Он покинул Варшаву, чтобы 8 февраля 1807 года сразиться с русскими в битве при Прейсиш-Эйлау, которая оказалась кровопролитной и очень упорной. Вечером накануне сражения мы ночевали в маленькой деревне Эйлау и вернулись туда же на следующий день после битвы.

Там Наполеон три дня организовывал вывоз раненых с поля боя и принимал меры по скорейшему подвозу необходимого для армии запаса провизии. Через несколько дней после битвы он ответил на предложения, сделанные ему королем Пруссии. Он выразил готовность положить конец бедам Пруссии — заключить сепаратный мир и преобразовать прусскую монархию, которая в качестве промежуточной державы и барьера против России была необходима для спокойствия всей Европы. Но вся эта переписка между монархами ни к чему не привела.

Констан

Финкенштейн

Наше пребывание в Финкенштейне в апреле 1807 года стало весьма утомительным, и, для того чтобы как-то провести время, его величество иногда играл в карты со своими генералами и адъютантами. Обычно играли в «двадцать одно», и великий капитан получал большое удовольствие от жульничества, придерживая в течение нескольких сдач карты, необходимые для того, чтобы набрать требуемое число. Он очень забавлялся, когда выигрывал с помощью этой хитрости. Я снабжал его суммой, необходимой для игры, и как только он возвращался в свои апартаменты, я получал приказ подсчитать сумму его выигрыша. Он всегда отдавал мне половину своих приобретений, а остаток я делил между слугами.

Братьям императора, хотя они и были королями, иногда приходилось ожидать его в императорской прихожей. Король Жером однажды утром явился по приказанию императора, который, еще не встав с постели, сказал мне, чтобы я попросил короля подождать. Так как императору захотелось еще немного поспать, то я оставался с другими слугами в салоне, который использовался в качестве прихожей, и король ждал императора вместе с нами; я бы не сказал, что ждал он терпеливо, ибо постоянно пересаживался с кресла на кресло, метался взад и вперед между окном и камином, демонстрируя крайнее раздражение, то и дело обращаясь ко мне, поскольку всегда относился ко мне с большой добротой. Таким образом прошло более тридцати минут, и наконец я вошел в комнату императора и, когда он набрасывал на себя халат, сообщил ему, что его ожидает его высочество. Пригласив короля в комнату императора, я вышел.

Император оказал ему холодный прием и очень строго отчитал. Так как он говорил очень громко, то я, против своей воли, хорошо его слышал; но король в чем-то извинялся таким тихим голосом, что ни одного слова из его оправданий я не слышал. Подобные сцены повторялись часто, ибо Жером был рассеянным и расточительным, что больше всего не нравилось императору, хотя он и любил его или, точнее, — очень любил его; удивительно, что, несмотря на частые случаи недовольства, которое вызывала у него его семья, император все же испытывал ко всем своим близким самые теплые чувства.

Последствия битвы при Фридланде

Армия русского царя получила значительное подкрепление, и половинчатый успех в битве при Эйлау, который его генералы представили как победу, придал Александру дополнительную уверенность. Он дал заманчивые обещания королю Пруссии и склонил его к заключению в Бартенштейне союза, ставшего пробным камнем соглашений, которые в 1813 году, после успешных переговоров, закончились их подписанием.

Целью этого нового союза явились восстановление прусской монархии, реставрация независимости немецких государств и реализация важных планов, направленных против Франции, если война с нею закончится для союзников благоприятно. Англия и Швеция согласились с условиями договоренностей в Бартенштейне, но Австрия предпочла остаться в стороне.

Тем временем императору предложили провести встречу в рамках всеобщего конгресса, в котором должны были участвовать все державы Европы, находившиеся в состоянии войны. Император согласился с этим предложением, но с некоторыми оговорками. Союзники высказали пожелание выслушать от Наполеона основы будущей договоренности, хотя сами они ничего не предложили. Наполеон без колебаний ответил, что будущие договоры должны основываться на условиях равенства, взаимности и системы справедливых компенсаций.

Наши противники, без сомнения, оценили эту умеренность позиции Наполеона как проявление его слабости и, более того, все свои надежды стали связывать с риском войны, поскольку в тот самый момент, когда считалось, что последнее препятствие на пути к созыву конгресса устранено, русские армии неожиданно покинули свои лагерные стоянки и атаковали французскую армию. В результате этой атаки император был вынужден срочно покинуть Финкенштейн. Я доехал с ним до Данцига. Но из-за болезни задержался там на две недели и только потом вновь присоединился к Наполеону.

Маршал Ней, атакованный крупными силами русской армии, оказал им стойкое сопротивление. Он отступил в полном порядке и держался до тех пор, пока не подоспели основные части французской армии. Именно тогда Наполеон и перешел в наступление. Последовали победы при Хейльсберге и Фридланде. Последняя битва была решающей, поскольку русская армия была

разгромлена и бежала за Неман.

Поражение союзников Пруссии лишило ее последних ресурсов, и ей пришлось распрощаться с надеждами на то, чтобы поправить свои дела. Император России был вынужден просить о заключении перемирия, во время которого можно было бы начать переговоры о мире. Наполеон, не долго думая, согласился с просьбой императора России и послал генерала Дюрока обговаривать условия перемирия.

Тильзитская встреча

Когда я прибыл в Тильзит, император находился там уже три дня. Почти одновременно со мной в Тильзит из штаб-квартиры императора Александра прибыл генерал Дюрок с документом о ратификации перемирия, заключенного между двумя армиями. Я узнал, что это была его вторая поездка к русским и время встречи двух императоров уже согласовано.

Через два дня, 25 июня 1807 года, она и состоялась в палатке, сооруженной на плоту, поставленном на два якоря в самой середине реки Неман. Наполеон первым пересек весь плот, чтобы встретить императора Александра. Оба монарха, движимые спонтанным чувством, припали друг к другу и обнялись. Это было прекрасное зрелище, и впечатление от него еще более усилилось от громких приветственных возгласов войск двух армий, выстроившихся по обе стороны реки, причем эти возгласы, начавшиеся на правом берегу реки и эхом вернувшиеся с левого, слились в один громогласный гул.

На следующий день на том же плоту состоялась вторая встреча, на которую император Александр привел с собой короля Пруссии. Позднее оба иностранных монарха обосновались в самом Тильзите, который временно был объявлен нейтральным городом. Обе армии занимали позиции на противоположных берегах реки Неман, и между ними возникло дружеское взаимопонимание.

В тот день, когда оба императора вернулись в город, в ставке Наполеона был устроен обед. На другой и в последующие дни они оба выезжали из города, сопровождаемые королем Пруссии. Целью их поездок было посещение различных военных лагерей обеих армий. Они проводили смотры войскам, пробовали солдатские супы и делали друг другу дежурные комплименты. Император Александр с большим удовольствием демонстрировал свои отборные части, русскую гвардию и регулярные отряды казаков. Наполеон любовался ими и даже наградил некоторых

русских знаками отличия Почетного легиона.

Отношения между двумя императорами стали настолько дружественными, что, когда после экскурсий царю предстояло отобедать с Наполеоном, последний не позволил царю поехать в свою ставку, чтобы переодеться, а послал кого-то в дом, где остановился Александр, чтобы привезти необходимые для царя вещи. Через своего слугу он посылал царю галстуки и носовые платки. Когда император и Александр возвращались в салон перед обеденным часом, это время они использовали для бесед наедине. В таких случаях они обычно выходили на небольшую галерею, которая примыкала к кабинету императора. Иногда Наполеон приглашал царя в свой кабинет и просил принести географические карты, среди которых была карта европейской части Турции. Я видел, как они склонялись над этой картой, а затем продолжали свой разговор, прохаживаясь по кабинету. Их занимали планы раздела территорий. Константинополь был единственной проблемой, решения которой они явно не нашли.

Было совершенно очевидно, что Наполеону не хотелось, чтобы эти вопросы стали предметом дискуссий, которые, возможно, нарушили бы гармонию, восстановленную между ними. В итоге они пришли к молчаливому соглашению установить, хотя бы временно, статус-кво. Их беседы документально не оформлялись. Во время неофициальных бесед оба императора часто говорили о внутриполитических проблемах своих стран и о формах правления. Александр обычно говорил о наследственной короне как источнике для злоупотреблений, в то время как Наполеон не мог привести достаточно веских аргументов в пользу того, что именно наследственная монархия способна обеспечить мир и счастье народа. Император Наполеон, рассказывая мне об этих беседах, обычно говорил, что если точка зрения Александра не результат того, чему его учил его наставник, швейцарский полковник Лагарп, то она скорее всего отражает его склонность к мистицизму. Можно было предположить, видя, что поведение Александра было не совсем естественным, что его аргументы, хотя и высказывавшиеся вполне серьезно, приводились только с определенной целью и далеко не отражали его истинное мнение.

Император Александр был высокого роста, хорошо сложен и элегантен. Он говорил по-французски без какого-либо акцента и свои мысли выражал изящно и с достоинством. Его манера общения с людьми скорее была дружеской, а не высокомерной, ему была присуща открытость, хотя его взгляд не всегда был искренним. Обычно он выслушивал Наполеона с чрезвычайным интересом и относился к нему с сыновним почтением. Он ходил,

слегка склонив голову на сторону, вследствие глухоты на одно ухо.

После встречи на Немане, дней через десять или двенадцать, в Тильзит приехала королева Пруссии. Королева была среднего роста, но имела весьма импозантный вид. У нее был превосходный профиль. Ее красота была ослепительной, хотя она уже не отличалась свежестью в свои тридцать два года. Я увидел ее, когда она прибыла на обед с императором. Она рассчитывала, что благодаря своему уму и обаянию ей удастся добиться лучших условий договора с Пруссией. Но хота Наполеон проявил уважительное отношение к ней, все жалобы, мольбы и докучливость этой глубоко униженной королевы, все женские уловки, к которым она прибегала, были обречены на провал и ни к чему не привели. Помимо всего прочего, королева приехала, когда все уже было решено. Она ничего не добилась, кроме того, что ускорила заключение двух договоров — с Россией и Пруссией.

Завершение тильзитской встречи

9 июля 1807 года, после обмена ратификационными грамотами, подписанными накануне, Наполеон надел большую орденскую ленту русского ордена Святого Андрея и направился к императору России, который, надев на себя большую ленту ордена Почетного легиона, встретил его во главе гвардейского отряда.

После трехчасового разговора Наполеон проводил Александра на берег Немана, где царь сел в лодку. Затем, после весьма теплого прощания, монархи расстались.

Императоры России и Франции провели в Тильзите двадцать дней. Их резиденции в городе были почти рядом, на одной и той же улице. Все это время Наполеон и Александр демонстрировали самые дружеские отношения. Кто бы мог тогда усомниться, что мир в Европе возможен?

Констан

Первые мысли о разводе

Это было во время знаменитых кампаний в Пруссии и Польше, когда императорская семья погрузилась в глубокую скорбь, вызванную смертью молодого Наполеона, старшего сына голландского короля Луи. Именно тогда первые мысли о разводе зародились в голове императора, хотя развод произошел через два года и стал предметом личных разговоров только во время его пребывания в Фонтенбло. Императрица в смерти внука увидела фатальные для себя последствия, с этого времени она сосредоточила все свое внимание на мыслях об этом ужасном событии, которое разрушило ее жизнь.

Сен-Клу

Мы прибыли в Сен-Клу 27 июля, и император провел лето частично в этой резиденции и частично в Фонтенбло, посещая Париж только ради специальных событий и никогда не задерживаясь там более двадцати четырех часов. За время отсутствия его величества замок Рамбуйе был реставрирован и заново обставлен мебелью, и император провел в замке несколько дней. Когда он впервые вошел в ванную комнату, то остановился как вкопанный у двери и оглядел все вокруг, выражая всем своим видом крайнее удивление и неудовольствие; и когда я стал выяснять причину его состояния, последовав за взглядом его величества, то увидел, что на стенах комнаты архитектор нарисовал семейные портреты. Это были портреты матери императора, его сестер, королевы Гортензии и так далее. Подобная галерея портретов в таком месте вызвала чрезвычайное неудовольствие императора. «Что за чепуха! — вскричал он. — Констан, вызови мне маршала Дюрока!» И когда появился гофмаршал, его величество поинтересовался: «Кто этот идиот, которому могла в голову прийти подобная мысль? Прикажи художнику прийти сюда, и пусть он соскоблит все это. Он, должно быть, мало уважает женщин, если решился на такую непристойность».

Меневаль

Возвращение из Тильзита

Наполеон, не останавливаясь по пути, вернулся в Сен-Клу на предельной скорости. Он прибыл туда 27 июля в пять часов утра; обедал вместе со своей семьей, на обеде также присутствовал архиканцлер Камбасерес. Вечером он принял министров, а на следующий день получил поздравления от крупнейших корпораций государства.

Возвращение императора после десятимесячного отсутствия, самого продолжительного из всех, в которых он когда-либо пребывал, приветствовалось со всеобщим удовлетворением. Экономическое процветание, переживаемое всеми классами общества, вызвало чувства благодарности и теплой симпатии к человеку, который только что завершил самые неслыханные успехи на бранном поле славным миром.

Первой заботой Наполеона было дальнейшее процветание страны в ее внутренних делах и принятие всех необходимых мер для укрепления ее безопасности, которая ни в малейшей степени не была нарушена во время его долгого отсутствия. Затем он занялся иностранными делами, отыскивая наилучшие способы для того, чтобы склонить европейские державы, включая Австрию, выступить против Англии.

Замена Талейрана

После возвращения Наполеона из Тильзита важное изменение произошло в министерстве иностранных дел.

Император, не имея на руках вещественных доказательств неверности своего министра, чувствовал, что он не может продолжать доверять ему. Г-н де Шампаньи, к услугам которого Наполеон прибегал при проведении некоторых переговоров и чью честность он высоко ценил, представлялся императору человеком, способным ведать министерством иностранных дел под его личным контролем и руководством. Можно только сожалеть, что тогда же Наполеон не отстранил Талейрана вообще от всех общественных дел, поскольку отношения, которые сложились у этого министра с некоторыми иностранными государственными деятелями, а также методы, с помощью которых ему удалось снискать милость у некоторых монархов,

предоставили в распоряжение Талейрана мощные средства влияния, которые он был способен использовать против императора.

Наследственные титулы и старая аристократия

16 августа 1807 года Наполеон открыл сессию Законодательного собрания. В речи, произнесенной твердым и звучным голосом, который привел в трепет все собрание, Наполеон изложил то, что он сделал за прошедшее время, и кратко описал планы, над которыми он работал, имея в виду совершенствование деятельности наших государственных учреждений. Эта торжественная сессия была завершена заявлением о благоприятной ситуации, сложившейся во Французской империи.

Указ Сената, объявивший год назад о создании наследственного дворянского сословия, явился прямым следствием состояния общего процветания в стране. Учреждение наследственных титулов было естественным результатом основания Империи и создания княжеских достоинств, которые были пожалованы в 1806 году.

I марта 1807 года в Сенате были зарегистрированы два законодательных акта — один, предусматривавший учреждение титулов принцев, герцогов, графов, баронов и князей, другой устанавливал правила учреждения и состав заселенных поместий. Новая аристократия, основанная Наполеоном, более не выступала против принципов равенства, так же, как она смирилась и с институтом Почетного легиона. Как раз этим она отличалась от старой аристократии, которая была привилегированной и феодальной.

Старая аристократия сформировала общество, стоящее вне народа, который — отделенный от нее почти непреодолимыми барьерами — был настроен к ней, естественно, очень враждебно. Создавая новую аристократию, Наполеон хотел достичь три важные цели: слияние старой Франции с новой Францией, примирение Франции с Европой и стирание в Европе остатков феодализма.

30 июня и 23 сентября император распределил суммы от двухсот тысяч до одного миллиона франков каждому из девяти маршалов и суммы по сто тысяч франков каждому из тридцати четырех генералов — одним словом, сумму, превышавшую государственные доходы в целом на сто пятьдесят тысяч франков. В эту денежную ведомость были включены и другие офицеры,

министры и гражданские чиновники. Эти наличные суммы не стоили казначейству ни гроша, поскольку были взяты из военных контрибуций, взимаемых с противников и внесенных в специальное военное казначейство. Те иностранцы, которые способствовали нашим победам, также не были забыты.

Возвращение Жерома Бонапарта и его женитьба на Екатерине Вюртембергской

Вызванный во Францию императором, Жером Бонапарт вернулся в конце апреля 1805 года. Он прибыл в Лиссабон на американском корабле в сопровождении тестя и жены, избежав встречи с бдительным английским флотом. В Лиссабоне он был вынужден расстаться с ними и после печального прощания выехал в Мадрид. Г-н Паттерсон и его дочь немедленно вернулись в Америку.

К удовлетворению Наполеона, Жером выполнил ряд порученных ему миссий в должности капитана и контр-адмирала. Затем он перешел из флота в армию, служить в которой давно стремился. После заключения мира в Тильзите он стал королем Вестфалии, что соответствовало одной из статей мирного договора. После этого в августе 1807 года он женился на принцессе Екатерине, дочери короля Вюртемберга, чей благородный характер и превосходное поведение, проявленные не только в благостные времена, дают ей право на место в истории и на то, чтобы быть достойной похвалы.

Эта свадьба уничтожила последние надежды госпожи Элизы Паттерсон, и она согласилась на аннулирование брака, заключенного в 1803 году. В 1808 году она обратилась к генералу Тюрро, который был французским послом в Соединенных Штатах, и заявила ему, что в силу сложившихся обстоятельств, которые заставили ее пойти на мучительную и унизительную жертву, вручает собственную судьбу и судьбу сына в руки императора.

Наполеон, который в это время был в Испании, ответил, что он с удовольствием встретится с сыном госпожи Паттерсон, если она отправит его во Францию, также он заверил ее, что она может положиться на его уважение и быть уверенной в его желании находиться с ней в дружеских отношениях и что, отказываясь признавать ее брак с его братом, он исходил из политических соображений.

Деятельность в Фонтенбло

Наполеон провел в Фонтенбло последние дни сентября, весь октябрь и половину ноября 1807 года. Еще два года тому назад он отдал распоряжение о кардинальном улучшении вида дворца и его убранства и значительно украсил залы новой роскошной мебелью. Во дворце он принимал иностранцев и немецких принцев. Здесь также происходило вручение дипломатических верительных грамот. Императорский двор в Фонтенбло представлял собой весьма блестящее зрелище. Некоторым отвлечением от серьезных дел, которыми был занят Наполеон, служили охота и театральные представления с участием Тальма и наших лучших актеров.

15 ноября император покинул Фонтенбло ради поездки в Италию. Полностью оправданное недоверие к политическому настрою Австрии по отношению к нему, желание встретиться с венецианцами и другими жителями Италии, а также провести переговоры с братьями Жозефом и Люсьеном — таковы были основные причины этой поездки. При переходе через гору Сенис Наполеон, следуя пешком, подвергал свою жизнь опасности. Ему посчастливилось добраться до пещеры, в которой он нашел убежище. Эта пещера показалась ему, как он потом рассказывал, «дворцом алмазов».

Констан

Италия

В ноябре 1807 года я сопровождал его величество в Италию. Мы знали заранее, еще за несколько дней, что император совершит эту поездку; но, как это происходило во всех подобных случаях, ни день, ни час не были точно определены, пока нам вечером 15 ноября не сказали, что мы отправляемся рано утром 16 ноября. Я провел ночь, приводя в порядок все вещи, необходимые для обслуживания его величества в дороге, а в это время жена упаковывала мой багаж. И только я успел закончить сборы, как император вызвал меня, что означало, что через десять минут мы уже будем в пути. В четыре часа утра его величество сел в карету.

Особенности путешествий Наполеона

Так как мы никогда не знали, в какой час или в каком направлении император начнет свою поездку, то гофмаршал, главный конюший и главный камергер высылали вперед полный набор обслуживания императора по всем возможным дорогам, которые, как они думали, его величество может избрать. Обслуживанием спальной комнаты занимались слуга и мальчик из гардеробной. Что касается меня, то я никогда не покидал персону его величества и моя карета всегда следовала непосредственно позади его кареты. Веши, которые перевозились для обслуживания императора в дороге, состояли из железной кровати со всеми ее аксессуарами, дорожного несессера с бельем, мундиров и т. д.

Я мало знаю о сервисе, связанном с конюшнями, но кухня была организована следующим образом: для перевозки кухонных принадлежностей был приспособлен фургон, напоминавший своей формой башенные часы с кукушкой на площади Людовика XV, с глубоким днищем и огромным кузовом. В днище фургона хранились вина для императорского стола и для стола высшего офицерского состава, обыкновенные вина покупались по дороге в местах, где мы останавливались. В кузове фургона складывались все кухонные принадлежности и портативная печка. За фургоном следовала карета со стюардом, двумя поварами, мальчиком, обслуживавшим печку. За основным

фургоном и каретой ехал багажный фургон с продуктами и винами, чтобы пополнять первый фургон, когда в нем истощались припасы; и весь этот транспорт высылался вперед, опережая карету с императором на несколько часов. В обязанности гофмаршала входило назначение места, где вся кавалькада останавливалась для легкого завтрака. Иногда это происходило в резиденции архиепископа, иногда — в ратуше, иногда — в резиденции субпрефекта или даже мэра города, если в ней не находились какие-либо другие важные персоны.

Прибыв в назначенный дом, стюард отдавал распоряжение о продуктах, печка растапливалась, а вертела приводились в движение; и если император выходил из кареты и принимал участие в подготовленной трапезе, то вместо провизии, поглощенной за завтраком, основной фургон немедленно, насколько это возможно, вновь заполнялся домашней птицей, кондитерскими изделиями и т. п.; перед отъездом все расходы оплачивались стюардом-контролером, хозяину дома вручались подарки, а все, что было не нужно для дальнейшего обслуживания императора, раздавалось слугам хозяина дома.

Иногда случалось так, что император, решив, что за стол усаживаться слишком рано, или пожелав совершить более продолжительную поездку, отдавал приказ проезжать мимо назначенного места, и тогда все упаковывалось обратно в коробки и увозилось дальше по маршруту. Иногда бывало и так, что император, остановив карету в открытом поле, выходил из нее, усаживался под деревом и заказывал себе завтрак. Рустам и лакеи выносили еду из кареты его величества, в которой хранилась небольшая по размеру кухонная посуда с серебряными крышками, заполненная курами, куропатками и т. п. Вслед за этим другие путешественники также получали свои порции. Г-н Пфистер обслуживал императора, а все остальные сопровождавшие его лица спешили проглотить свои кусочки еды. Быстро зажигались костры, чтобы подогреть кофе; и менее чем через полчаса все исчезало, а кареты вновь катились по дороге в установленном порядке, как и раньше.

Стюард императора и почти все повара прошли необходимое обучение при дворах короля и принцев. Это были господа Дану, Леонард, Руфф и Жерар. Всеми ими командовал г-н Колин, ставший стюардом-контроле-ром после печального случая с г-ном Пфистером, который сошел с ума во время кампании 1809 года. Все были знающими и ревностными слугами, и, как это было принято в системе обслуживающего персонала всех монархов, каждый департамент домашнего хозяйства имел своего шефа.

Мы двигались с большой скоростью до самой горы Сенис, но

были вынуждены ехать медленнее, когда достигли перевала, поскольку погода там в течение нескольких дней была исключительно плохой, а дорога размыта дождем. Император прибыл в Милан в полдень 22-го числа; и, несмотря на нашу задержку у горы Сенис, остальная часть маршрута была преодолена так быстро, что никто не ожидал императора.

Вице-король узнал о прибытии отчима только тогда, когда император был уже в полулье от города, но тут же поспешил встретить нас, сопровождаемый небольшой группой придворных. Император приказал остановить карету и, как только открылась дверца, протянул руку принцу Евгению и ласковым тоном произнес: «Иди сюда, подсаживайся к нам, мой милый принц, мы появимся в городе вместе».

Несмотря на искреннее изумление, вызванное этим неожиданным визитом, едва мы въехали в город, как уже все здания сверкали иллюминацией, а удивительные по красоте дворцы, такие, как Литта, Казани, Мелци и многие другие, сияли тысячами огней. Император отправился во дворец, служивший резиденцией вице-королевы. Ибо ни к одной женщине император не проявлял такого искреннего внимания и уважения, как к принцессе Августе; и в самом деле, никогда не встречал более прекрасной и более безупречной женщины. Было просто невозможно говорить о красоте и добродетели в присутствии императора без того, чтобы он не привел вице-королеву в качестве примера. Принц Евгений был весьма достоин такой совершенной жены.

Император провел много времени с вице-королевой, чей ум не уступал ее дружелюбию и красоте. В Милан он возвратился к обеду. Вечером я сопровождал его величество в театр «Ла Скала». Император не остался там до конца оперы, удалившись пораньше в свои апартаменты, где и проработал большую часть ночи, что, однако, не помешало нам быть на пути в Верону еще до восьми часов утра.

Его величество не делал остановок между Брешией и Вероной. Я был бы очень рад, если бы у меня было время, чтобы на маршруте ознакомиться с достопримечательностями Италии; но это непросто было сделать, находясь в свите императора, так как он останавливался в пути только ради инспектирования войск и предпочитал посещать фортификационные укрепления и руины.

Дорога в Венецию

Хотя была уже поздняя осень, я с большим удовольствием

наблюдал за пейзажем, который ожидает путешественника по дороге из Вероны в Виченцу.

В конце дня, который я провел просто восхитительно среди этих плодородных полей, я приехал в Виченцу, где власти города вместе с почти всем населением ожидали императора под величественной триумфальной аркой. Мы сильно проголодались. К счастью, члены магистрата Виченцы знали это, и их речи заняли только несколько минут.

В назначенное время император сел в карету, и мы вскоре мчались со скоростью молнии по дороге в Стра, где провели ночь. Очень рано следующим утром мы отправились дальше, следуя по небольшой дамбе, воздвигнутой среди болот. Ландшафт был почти таким же, но, тем не менее, не такой красивый, как тогда, когда мы ехали из Вероны в Венецию.

Венеция

Прибыв в Фузину, император увидел, что его уже ожидали власти Венеции. В Фузине он пересел в «пеоту», так называлась лучшая гондола деревни, и на ней отплыл в Венецию. Мы же следовали за императором в маленьких черных гондолах, которые выглядели словно плавающие гробы, покрывавшие почти всю поверхность реки Бренты; и ничего не могло быть более странного, чем слушать восхитительные вокальные концерты с этих гондол, вид которых навевал такие мрачные мысли. Когда мы достигли устья реки, то были вынуждены ждать открытия шлюзов почти тридцать минут.

Миновав, наконец, реку Бренту, мы оказались в заливе и увидели вдали поднимавшийся из самого моря изумительный город Венецию. Со всех сторон появились гребные шлюпки, гондолы и судна значительных размеров, заполненные празднично одетыми богатыми венецианцами и всеми лодочниками города. Все эти плавательные средства проплывали мимо нас, возвращались обратно, пересекались друг с другом, перемещались в самых разных направлениях, совершая при этом свои маневры с удивительным искусством и скоростью.

Император стоял на корме «пеоты» и, когда какая-нибудь гондола проплывала вблизи него, отвечал на приветственные возгласы «Да здравствует Наполеон, император и король!» одним из тех глубоких поклонов, которые отвешивал с изумительной грацией и достоинством, когда, не склонив головы, снимал шляпу и плавно опускал ее почти до колен.

Эскортируемый этой бесчисленной флотилией, в которой

«пеота» города, судя по всему, была гондолой адмирала, его величество, в конце концов, достиг Большого канала, который проходил между великолепными дворцами, разукрашенными лозунгами и заполненными зрителями. Император вышел из гондолы перед дворцом прокуратов, где его встретили депутация членов Сената и представители венецианской аристократии.

Вице-король и гофмаршал присутствовали в тот вечер в спальной комнате, когда император готовился ко сну; раздевая его, я услышал часть разговора, который сосредоточился на теме правительства Венеции до союза этой республики с Французской империей. Говорил почти только один его величество, принц Евгений и маршал Дюрок всего лишь вставляли несколько слов в разговор, словно для того, чтобы воодушевить императора на новое развитие темы, не дать ему замолчать и, таким образом, помешать ему слишком рано прекратить свои рассуждения, поскольку его величество взял на себя всю нить беседы, оставив другим возможность только изредка что-то сказать. Так он поступал часто, но никому не приходила в голову мысль пожаловаться.

Как я только что сказал, его величество вел разговор о прежнем государстве Венеции, и из того, что он поведал по этому поводу, я узнал больше, чем смог бы узнать из самой интересной книги. Когда вице-король отметил, что несколько патрициев сожалеют о своей прошлой свободе, император воскликнул: «Свобода, ну что за чепуха! Свобода никогда не существовала в Венеции, за исключением тех немногих аристократических семей, которые угнетали остальное население. Свобода с Советом десяти! Свобода с государственными инквизиторами! Свобода с самыми знатными людьми, выступавшими в роли доносчиков, и с венецианскими подземными тюрьмами и расстрелами!» Маршал Дюрок высказал мысль, что, в конце концов, эти жестокие условия жизни были основательно смягчены. «Да, несомненно, — ответил император. — Лев Святого Марка постарел, у него нет больше ни зубов, ни когтей! Венеция стала всего лишь тенью своего прежнего «я», и ее последний дож, оказавшись сенатором Французской империи, посчитал, что его повысили в ранге».

Его величество, обратив внимание на то, что это высказывание вызвало у вице-короля улыбку, весьма мрачным тоном добавил: «Я не шучу, джентльмены. Римский сенатор гордился, что он значит больше, чем король; французский сенатор, по крайней мере, не уступает в своем ранге дожу. Я хочу, чтобы иностранцы привыкли выказывать самое большое уважение к конституционным властям империи и относились с подобающим вниманием даже к простому титулу гражданина

Франции. Я позабочусь о том, чтобы это было обеспечено. Спокойной ночи, Евгений. Дюрок, прими все меры, чтобы завтрашний прием был таким, каким он должен быть. После церемонии мы посетим арсенал. Прощайте, господа. Констан, вернись через десять минут, чтобы потушить свет: мне хочется спать. В этих гондолах чувствуешь себя, словно младенец в люльке».

Меневаль

Визит Люсьена к Наполеону

Император получил письмо от своего брата Люсьена. Меня послали, чтобы я привез его из гостиницы. Я проводил его в кабинет Наполеона через тайный вход, так как Люсьен сказал, что не хочет, чтобы кто-нибудь его видел. Покидая императора, Люсьен был сильно взволнован, по его лицу текли слезы. Я отвез его в гостиницу и уже там узнал, что император твердо настаивал на том, чтобы Люсьен вернулся во Францию или принял предложение об иностранном троне, но что условия, которые император навязывал ему, наносят удар по его любви и политической самостоятельности. Люсьен просил меня попрощаться за него с императором. «Может быть, навсегда», — добавил он.

Экскурсия по Венеции

Тем не менее император не принял венецианский стиль жизни и отправлялся спать в тот же час, что и в Париже, и только тогда, когда он не проводил день за работой со своими министрами, он катался на гондоле по лагуне или осматривал основные достопримечательности и общественные здания Венеции; и в компании с императором я, таким образом, увидел собор Святого Марка и старинный Дворец дожей.

Когда мы покидали Венецию, императора провожала до берега такая же многочисленная толпа, как и во время его прибытия в город. 30 декабря мы вновь перебрались через гору Сенис и вечером 1 января 1808 года прибыли в Тюильри.

VI. Гражданские вопросы

Меневаль

Цивильный лист

Доходные статьи императорского цивильного листа, состоящие из двадцати пяти миллионов франков, ежегодно выплачиваемых общественным казначейством, и доходов от императорских владений, составляли тридцать или тридцать один миллион франков. Наиболее крупные расходы были связаны с содержанием императорских зданий и покупкой для них мебели, а также с деятельностью департаментов главного конюшего, гофмаршала, главного камергера и воинского обслуживания императорского двора. Содержание зданий поглощало три миллиона франков в год, а мебель стоила один миллион восемьсот тысяч франков. В обычный год департамент главного конюшего расходовал четыре миллиона франков, гофмаршала — три миллиона и главного камергера примерно столько же.

Воинское обслуживание императорского двора стоило восемьсот тысяч франков. Бюджет департамента главного камергера включал в себя жалованье свиты императрицы, камергеров, расходы на содержание служебных помещений, библиотек, географических карт, привратников, швейцаров, жалованье слугам и достигал почти ста двадцати тысяч франков; церковная музыка, музыка в апартаментах и театральные представления стоили чуть больше девяноста тысяч франков.

Одежда императора обходилась в двадцать тысяч франков, а расходы на гардероб императрицы и ее личный кошелек достигали шестисот тысяч франков. Ежегодные сбережения от доходных статей императорского цивильного листа составляли тринадцать-четырнадцать миллионов франков. Таким образом, благодаря порядку и умелому управлению всеми делами, которых удалось добиться в его доме, император смог содержать свой двор, не менее великолепный, чем любой другой монарший двор, и накопить состояние в размере более ста миллионов франков, часть которого в золотых и серебряных монетах хранилась в подвалах Тюильри в сейфах, запертых тремя ключами. (Что случилось с этим сокровищем, см. дальше.)

Строгое и дотошное внимание, которое Наполеон уделял вопросу расходования денежных средств, послужило причиной для обвинения его в алчности.

Я понял, что мне необходим помощник, и сказал об этом императору. Именно тогда у него возникла идея учредить два поста секретаря кабинета и, соответственно, назначить на один из этих постов генерала Кларка. Наполеон сообщил мне, что, не желая нарушать стройность единства работы его личного кабинета, он решил возложить на генерала пост секретаря кабинета со специфическим родом занятий, а именно: поручить ему переписку с военным министерством и военно-морским министерством, и это будет заметным сокращением моей ежедневной работы. В соответствии с этим решением генерал Кларк обосновался в личном кабинете. Но необходимость посылать за ним каждый раз, когда надо было писать его министрам, часто заставляла императора отказываться от его услуг; одним словом, пост генерала Кларка выродился в синекуру. Второй пост секретаря кабинета был также вакантным, когда проходила военная кампания 1805 года. Генерал Кларк, который сопровождал императора в этой кампании вместе со мной, был назначен губернатором Вены.

Прошел еще один год без каких-либо изменений в системе работы кабинета. Я повторил свою просьбу. Более всего я нуждался в том, чтобы меня освободили от необходимости сортировать письма, на которые уже были даны ответы. Мои многочисленные обязанности не давали мне возможности содержать все эти бумаги в достаточно сносном порядке, чтобы по первому требованию можно было найти любой проект письма или депеши, который император мог захотеть увидеть. Наполеон продолжительное время уклонялся от того, чтобы удовлетворить мою просьбу.

Видя, что император каждый день откладывает выполнение своего обещания, я почувствовал себя обескураженным и заболел, скорее от треволнений, чем оттого, что переработал. Прослышав об этой новости, император проявил озабоченность и направил ко мне доктора Корвисара, которому поручил передать мне добрые пожелания. В ожидании моего выздоровления он вызвал к себе личного секретаря Жозефины. Г-н Дешан был способен на более серьезную работу и, хотя он перешел границу среднего возраста, всегда был полон жизни и бодрого настроения. С самого начала Наполеон потерял надежду на то, что сможет приучить его к своему стилю работы и особенно писать под его диктовку. По очереди он пробовал использовать в этой роли генерала Дюрока, дежурного адъютанта и государственного секретаря. Я слышал, что, когда человек, которому император диктовал, не успевал

записывать достаточно быстро, император обычно восклицал: «Я не могу повторять. Вы заставляете меня терять нить мыслей. Где Меневаль?» Показывая на беспорядок на письменном столе, он, бывало, кричал: «Если бы у меня здесь был Меневаль, я бы быстро разобрался со всем этим». Он также обычно повторял, что откладывает всю важную работу до моего выздоровления.

В действительности вся моя заслуга состояла в том, что я настолько был знаком с делами Наполеона, их связью между собой и направлением их развития, что, благодаря этим моим знаниям, мог предвидеть их дальнейший ход и конечный результат. Кроме того, мне помогало знание его стиля и оригинальной манеры высказывать мысли. Я не знал каких-либо методов скорописи и поэтому был не в состоянии записывать слова императора буквально; но я обычно записывал ключевые моменты материала, который он мне диктовал, и использовал их в качестве памятной записки, а также заносил в блокнот его наиболее характерные выражения. Обычно я переписывал письма почти в тех же выражениях, которые он использовал. Когда он перечитывал письмо, прежде чем подписать его, — а это случалось только тогда, когда послание касалось деликатного вопроса или когда проблема полностью поглощала его внимание, — то он обычно отмечал, что я пишу в его собственном стиле — если мне позволительно использовать это его выражение.

Должен признаться, что мое тщеславие было удовлетворено, когда я слышал передаваемые мне оценки моей работы, и мысль о том, что император придает важное значение моей помощи и моей работе, вскоре способствовала восстановлению моих сил и моей уверенности. И когда я вновь появился в кабинете императора после четырех дней отсутствия, то могу сказать, не хвастаясь, что был встречен с большой радостью. Я почувствовал, что отношение Наполеона ко мне стало более доброжелательным, чем когда-либо. Он поручил мне порекомендовать ему кого-нибудь на должность моего помощника, добавив, что оставляет этот выбор полностью на мою ответственность. Было предложено имя г-на Фэна, тут же принятое императором.

Император опубликовал декрет от 3 февраля 1806 года о новой организации работы его кабинета. В соответствии с условиями этого декрета служба императорского кабинета поручалась секретарю, имеющему ранг министра, в подчинении которого находились докладчик по ходатайствам и петициям, а также хранитель архивов. Я был назначен на должность секретаря в ранге министра и один должен был представлять на подпись все записки и письма, которые диктовал император. Один только я

имел право входить в кабинет монарха. Мне было поручено хранить ключи от письменного стола императора и от его портфелей. Если в мое отсутствие император диктовал какую-либо записку или письмо или проделывал какую-либо часть работы, то по моему возвращению мне немедленно должны были передаваться копия или, по крайней мере, проект этой работы.

В течение первых лет документы, связанные с делами, которые, по мнению императора, не заслуживали того, чтобы отправлять их в архив, складывались в небольшой ящик из красного дерева, стоящий в кабинете. Ключ от этого ящика оставался у секретаря в ранге министра. Эта предосторожность соблюдалась два или три года, по истечении которых все документы и бумаги, за малым исключением, немедленно отправлялись в архив.

Констан

Усовершенствование гражданского строительства и связанные с ним планы

Мы прибыли в Париж 1 января 1808 года в девять часов вечера; и так как строительство театра дворца Тюильри было теперь закончено, то в ближайшее воскресенье после возвращения его величества в великолепном зале театра было дано представление «Гризельды» г-на Паэра. Ложи их величеств были расположены перед занавесом, на противоположных друг от друга сторонах. Они представляли собой очаровательную картину с опущенными сверху шелковыми портьерами карминового цвета, образующими фон для широких подвижных зеркал, в которых, по желанию, отражались зал со зрителями или сцена. Император, все еще находившийся под впечатлением воспоминаний об итальянских театрах, беспощадно критиковал театр в Тюильри, говоря, что он неудобен, плохо спланирован и слишком большой для дворцового театра; но, несмотря на всю эту критику, когда настал день торжественного открытия и император убедился в необычно высокой изобретательности г-на Фонтена, которая проявилась в том, что ложи так были расположены, что позволяли лицезреть наряды дам во всем их блеске, его величество казался вполне удовлетворенным и обязал герцога Фриульского, маршала Дюрока, передать г-ну Фонтену поздравления, которые тот вполне заслужил.

Через неделю мы увидели оборотную сторону медали. В тот день на сцене были показаны «Синна» и комедия, название которой я забыл. Была такая холодная погода, что мы были вынуждены покинуть театр сразу же после трагедии, в результате чего император, не жалея сил, осыпал проклятиями зал театра, который, как он заявил, пригоден только для того, чтобы его сжечь. Был вызван г-н Фонтен, обещавший сделать все, что в его силах, чтобы избавиться от всех выявленных неудобств; и в самом деле, с помощью новых печей, подложенных под скамейки второго яруса лож, через неделю в зале стало тепло и уютно.

В течение нескольких недель после нашего возвращения в Париж император занимался исключительно вопросами строительства и его усовершенствования. Сначала внимание его величества привлекла Триумфальная арка на площади Карусель, с которой были сняты леса, чтобы позволить императорской гвардии по возвращении из Пруссии проехать под нею. Этот

памятник был почти закончен, за исключением нескольких барельефов. Император критическим взглядом оглядел арку из окна дворца и заявил, при этом два или три раза нахмурив брови, что это массивное сооружение больше напоминает павильон, нежели ворота, и что он бы предпочел, чтобы арка была сооружена в стиле въездных ворот Сен-Дени.

После тщательного осмотра различных строительных работ, начавшихся или продолжавшихся со времени его отъезда из Парижа, его величество послал за г-ном Фонтеном и, обсудив с ним в течение продолжительной беседы все, что он считал достойным одобрения или осуждения, сообщил ему свои намерения относительно планов присоединения Тюильри к Лувру, которые ему представил архитектор. Император и г-н Фонтен согласились, что эти здания должны быть соединены двумя крыльями, первое из которых должно быть закончено через пять лет, и с этой целью на его строительство ежегодно будет отпускаться по миллиону франков; и что второе крыло должно быть сооружено на противоположной стороне и простираться от Лувра к Тюильри, образуя таким образом идеальную площадь, в центре которой будет возведено здание оперного театра, изолированного со всех сторон, но соединенного с дворцом подземной галереей. Галерея, образующая двор перед Лувром, должна быть открыта для посещения публики в зимнее время и украшена статуями, а также кустарниковыми насаждениями, сейчас находящимися в ящиках в саду Тюильри; и в этом дворе его величество намерен был воздвигнуть арку, подобную той, что сооружалась на площади Карусель. Наконец, все эти красивые здания предполагалось использовать в качестве жилого помещения для высших офицеров императорской короны, в качестве манежа и т. д. Необходимые расходы на все это оценивались приблизительно в сорок два миллиона франков.

Император был занят мыслями о строительстве дворца искусств, нового здания для императорской библиотеки на месте, которое занимала фондовая биржа, дворца для фондовой биржи на набережной Дезэ, реставрации Сорбонны и отеля Субиз, триумфальной колонны в Нейи, фонтана на площади Людовика XV, сносе Отель-Дье, чтобы украсить кафедральный квартал, сооружении четырех больниц в Монпарнасе, в Шайо, на Монмартре и в пригороде Сен-Антуана и т. д. Планы были грандиозными, и, вне всякого сомнения, он бы их осуществил. Часто говорилось, что, будь он жив, Париж не имел бы себе равных во всем мире.

В то же самое время его величество вынес решение о том, как должна выглядеть триумфальная арка на площади Этуаль, о чем

так долго продолжались дебаты и для строительства которой все архитекторы империи представили свои планы.

Версаль

Император был также очень заинтересован в реставрации Версальского дворца. Г-н Фонтен представил его величеству план первого этапа восстановления дворца. В соответствии с условиями этого плана, требующего шесть миллионов франков, император и императрица должны были получить комфортабельную резиденцию. Его величество, который любил все грандиозное, красивое, величественное, но в то же время экономное, написал под этой оценкой следующее замечание, о котором г-н Боссе таким образом сообщает в своих мемуарах:

«Планы в отношении Версаля должны быть тщательно рассмотрены. Те планы, которые представил г-н Фонтен, являются очень разумными, реставрация дворца оценивается в шесть миллионов; но эта сумма включает в себя помещения вместе с реставрацией часовни и театра, достаточно комфортабельного только для нынешнего использования, но не такого, каким он должен стать в будущем.

В соответствии с этим планом император и императрица должны иметь свои апартаменты; но нам следует помнить, что эта сумма должна также обеспечить проживание для принцев, высших и младших по чину офицеров.

Также необходимо знать, где будет размешена оружейная фабрика, которая будет необходима в Версале, поскольку Версаль вводит серебро в обращение.

Будет необходимо из этих шести миллионов изыскать средства для того, чтобы найти шесть мест для проживания принцев, двенадцать помещений для высших офицеров и пятьдесят для младших по чину офицеров.

Только тогда мы сможем объявить Версаль нашей резиденцией и проводить там лето. Прежде чем принять эти планы, нужно, чтобы архитектор, который возьмется за их исполнение, удостоверился, что они могут быть выполнены в пределах предложенной суммы».

Визит в студию Давида

Через несколько дней после своего приезда, 4 января 1808 года, их величества, император и императрица, нанесли визит

знаменитому Давиду в его студии в Сорбонне, чтобы посмотреть на великолепную картину коронации Наполеона, которая только что была закончена. Свиту их величеств составляли маршал Бессьер, адъютант императора, г-н Лебрен, несколько придворных дам из дворца и камергеры.

Император и императрица долго и с восхищением рассматривали эту прекрасную картину, и художник чувствовал себя на вершине славы, когда слышал, как его величество называл по очереди имена всех персонажей, изображенных на картине, ибо сходство было поистине удивительным.

«Как все это грандиозно! — воскликнул император. — Как прекрасно! Как рельефно выписаны все фигуры! Как правдиво! Это не картина, на ней все фигуры просто живут! Я вижу вдали доброго месье Вьена».

Г-н Давид ответил: «Да, сир, я хотел выразить мое восхищение своим выдающимся учителем, поместив его в этой картине, которая, принимая во внимание ее сюжет, будет наиболее знаменитой из моих работ». Затем в разговор вступила императрица, показывая императору, как удачно г-н Давид уловил и изобразил интересный момент, когда император будет вот-вот коронован. «Да, — согласился его величество, рассматривая этот эпизод на картине с удовольствием, которое он и не пытался скрыть, — момент действительно выбран очень хорошо, и вся сцена идеально изображена; обе фигуры выглядят прекрасно», — и говоря это, император взглянул на императрицу.

Его величество продолжал изучать картину во всех ее деталях и особенно похвалил изображение группы итальянского духовенства около алтаря, — эпизод, который был придуман художником. Он, видимо, хотел только, чтобы Папа Римский был изображен более динамично в тот момент, когда он готовился благословить императора, а также, чтобы корону императрицы нес наместник кардинала.

Визит их величеств был долгим и продолжался до тех пор, пока сгустившиеся сумерки не предупредили императора о том, что настало время возвращаться.

Г-н Давид проводил его до дверей студии; и там, резко остановившись, император снял шляпу и весьма элегантным поклоном засвидетельствовал уважение такому выдающемуся таланту. Императрица усилила восторженное волнение, которым было переполнено, судя по всему, все существо г-на Давида, добавив несколько очаровательных слов признательности.

Напротив картины, посвященной коронации императора, находилась картина «Сабинянки». Император, который понял сильное желание г-на Давида выставить эту картину, дал

указания, покидая студию, выяснить, нельзя ли этой картиной украсить большую галерею Тюильри.

Меневаль

Отчет академии

Декрет, датированный мартом 1802 года, потребовал от академии представить правительству в Государственном совете общий список достижений и доложить о положении дел в науке, литературе и искусстве, начиная с 1789 года и до последних дней. Этот отчет должен был быть готов в сентябре 1803 года. Чрезвычайные обстоятельства, такие, как разрыв Амьенского мира, комплектование и боевое снаряжение флотилии в Булони, а также войны с Австрией и Пруссией, помешали представлению императору этого важного документа. И только в феврале и марте 1808 года, до своего отъезда в Байонну, император смог выслушать этот отчет.

Первой им была принята депутация отделения Академии физико-математических наук. В качестве докладчиков выступали академики Деламбр и Сувье. Император был поражен красноречием и ясностью мышления г-на Сувье, который говорил на протяжении нескольких часов. Сделав исключение из своего правила не отрывать ученых от их исследований, Наполеон назначил г-на Сувье докладчиком в Государственном совете и поручил ему важный пост в имперском университете. 19 февраля отделение древней истории и литературы в лице г-на Дасье представило свой доклад. Через неделю наступила очередь отделения литературы и словесности, от которого выступал Шенье. Отделение изящных искусств завершило список отделений гуманитарных знаний академии отчетом, который представил секретарь этого отделения г-н Лебретон. С каждой депутацией Наполеон обменялся мнениями, выразив каждому докладчику удовлетворение результатами исследований и работы.

Гарнье — потерянная картина

На выставке картин в том же году он выразил пожелание быть изображенным в полный рост в своем кабинете, а также распорядился, чтобы и я тоже появился в этой картине пишущим под его диктовку. Художник Гарнье получил заказ нарисовать эту картину. Получилось так, что я отсутствовал в Париже, когда художник работал над ней, поскольку я сопровождал императора

в одной из его поездок. Художник Изабо был столь любезен, что согласился способствовать устранению этой возникшей помехи тем, что помог Гарнье по памяти сделать набросок, и, когда я вернулся в Париж, Гарнье попросил меня попозировать перед ним.

Не знаю, каким образом до ушей императора дошло, что картина в том виде, в котором она была исполнена, оставляет желать много лучшего, но он приказал генералу Дюроку написать записку по существу вопроса г-ну Денону, генеральному директору музеев, который взял художника под защиту.

Наконец, картина была принята и вывешена в одной из галерей Тюильри. В 1814 году она была отправлена в чулан со всеми остальными картинами, чей сюжет касался истории «узурпатора», или же была возвращена автору, как и другие произведения подобного рода, отданные обратно художникам. Обнаружив ее в 1839 году у торговца картинами, сын одного из моих старых друзей, граф Лепаруа, выкупил картину на память об императоре, к которому он испытывал привязанность, и в знак дружбы, которая связывала меня с его отцом.

VII. Испанские проблемы (1807–1809)

Меневаль

Испания и блокада

Одна из главных причин, побудивших Наполеона подписать в Тильзите соглашение о мире, заключалась в необходимости осуществления новых мер, способных обеспечить изоляцию Англии от континентальной Европы.

Имея в виду эту цель, он призвал на помощь всю мощь интеллекта, чтобы использовать свое влияние на Испанию для активизации усилий против общего врага. В соответствии с этим он настойчиво добивался проведения совместных акций с испанским правительством, направленных на то, чтобы вынудить Португалию принять условия континентальной блокады и претворить их в жизнь. Со своей стороны, император обратился к лиссабонскому кабинету с требованием о закрытии для Англии портов Португалии, об аресте английских подданных, о конфискации всех ее товаров и об объявлении войны против Англии. Португальское правительство не обратило внимания на эти требования, высказанные в форме приказа. Между Англией и Португалией существовала секретная договоренность, которую английское правительство не считало нужным скрывать во время дебатов в парламенте. Эта договоренность предусматривала уклонение Португалии от реализации решений, принятых в Берлине. В результате Наполеон решил воевать с этой страной.

Слабость испанского правительства

Во время своего последнего двухнедельного пребывания в Фонтенбло император получил письмо из Эскориала, датированное 29 октября 1807 года. В этом письме король Испании, Карл IV, информировал императора о раскрытии заговора против его трона и против королевы. Во главе заговора стоял принц Астурии, старший сын испанского монарха. За несколько дней до письма испанского короля Наполеон также получил переданное нашим послом в Мадриде письмо от принца Астурии, который просил покровительства Наполеона и давал понять, что император сможет с выгодой использовать размолвки, разделившие на враждующие стороны королевский двор Испании.

Принц намекал, что от Испании можно добиться территориальных уступок, вплоть до того, что она готова стать

полностью зависимой от Франции. Я присутствовал при некоторых разговорах на эту тему, которые довольно часто велись в кабинете императора. Наполеон долго раздумывал над этим серьезным вопросом, прежде чем сам принял по нему решение. Событиям следовало дать возможность созреть самим. Он не ответил принцу Астурии, рассматривая его письмо как прямую атаку на авторитет главы королевской семьи. Он заявил принцу де Массерано, послу Испании во Франции в то время, что не считает удобным для себя вмешиваться во внутренние дела испанского монарха.

Испания в годы правления Карла IV действительно опустилась до самых глубин унизительного положения. Ее флот практически стал равен нулю, сокращенный до менее тридцати годных для плавания кораблей или фрегатов с неукомплектованными командами, жалованье которым не выплачивалось большей частью уже два года. Арсеналы и пакгаузы были пусты, колонии, предоставленные самим себе, были истощены, пребывали в страшной бедности и были готовы отделиться от метрополии, которая их бросила. Армия насчитывала около пятидесяти тысяч человек, лишь формально находившихся на военной службе, поскольку была полуодета, не обеспечивалась нормальным питанием и плохо оплачивалась. Командный персонал штабов, непомерно раздутый по сравнению с численностью наземных и военно-морских сил, жил в роскоши и безделье за счет ничтожных военных поставок. Налогообложение было плохо организовано, а сами налоги взимались безобразно. Казначейство оказалось в долгах, промышленность и оптовая торговля практически прекратили свое существование, сельское хозяйство находилось в запущенном состоянии — оставленное в рамках старых заведенных порядков и разрушаемое ежегодными миграциями бесчисленных отар овец, владельцам которых разрешалось гнать их с севера Испании на юг, опустошая при этом огромные земельные участки. Монархия бросила бразды правления в руки самовлюбленного и беспринципного фаворита, которого ненавидела вся страна и который был любовником распущенной королевы. Предполагаемым наследником королевской короны был принц, у которого отсутствовали как душевные, так и интеллектуальные качества. К тому же это был неискренний, глубоко лицемерный человек, скрытый враг Франции. Таково было положение дел в Испании, в стране, граничившей с нами, чье соседство было таким важным для нашей безопасности.

Старые монархи, отрекшись от престола, оставались в Аранхуэсе, чувствуя себя жертвой террора. Узнав, что генерал

Мюрат приближается к Мадриду, они тайно послали свою дочь, королеву Этрурии, чтобы попросить Мюрата защитить их. Чтобы успокоить их, принц Мюрат направил к ним своего штабного офицера г-на Байи де Монтион. Как только Наполеон был оповещен об этих фактах, он решил, что настало время для активных действий. В упомянутых выше разговорах были высказаны различные точки зрения об альтернативах изменения испанской династии или о возвращении ее к власти при гарантиях на будущее. Но на этом совещании не было принято никакого решения, и император покинул Париж, не выразив какого-либо определенного мнения.

Наполеон и испанская королевская семья

Император прибыл в Байонну 14 апреля 1808 гола, после того как провел неделю в Бордо, где его пребывание оказалось весьма выгодным для коммерческих интересов этого города. Он провел два дня в Байонне, ожидая, когда купленный им замок де Маррак, находившийся на расстоянии одного лье от Байонны, будет приведен в порядок, чтобы принять его и императрицу Жозефину, которая должна была встретить его в этом замке.

Наполеон, полностью доверявший генералу Савари, направил его с поручением в Мадрид, чтобы встретиться там с послом Франции и выяснить у него, что же произошло, а также самому разобраться в истинном положении дел и уточнить, действительно ли отречение короля Карла было искренним. Кроме того, перед генералом Савари была поставлена задача удостовериться в том, что из себя представляет принц Астурии и в какой степени он заслуживает доверия. Наполеон дал ясно понять генералу Савари, что если ни отцу, ни сыну нельзя верить, то он должен принять решение о свержении царствующей семьи.

По прибытии в Мадрид генерал Савари встретился с принцем Фердинандом и его личными советниками. Он выяснил, что они полны желания отправиться в Байонну для встречи с императором, имея в виду, что подобный неординарный поступок вызовет у столь могущественного монарха благожелательное отношение к новому королю. Соответственно, эта поездка получила одобрение.

Беседы, проведенные Наполеоном с Фердинандом и сопровождавшими его лицами, очень скоро продемонстрировали пустоту и вульгарный характер принца, посредственность его советников и их неспособность руководить своим хозяином в правильном направлении. Соответственным образом, мнение

Наполеона о том, что возрождение Испании с такими правителями невозможно, было полностью подтверждено.

Наконец, 30 апреля прибыли и испанские монархи. Они были приняты с этикетом, подобающим приему королей. Принц Фердинанд подошел к отцу, чтобы отвесить ему поклон, Карл IV с возмущением отверг его попытку и запретил следовать за ним в его апартаменты.

На следующий день они оба явились на обед в замок Маррак. Старый король имел вид человека, страдающего от немощи и дряхлости.

В Мадриде был опубликован протест короля Карла IV в связи с его отречением от престола. В соответствии с этим документом Карл IV направил сыну жесткое письмо, упрекая его в преступном поведении и требуя от него, чтобы тот отрекся от короны. Фердинанд ответил, что, хотя он получил корону в результате добровольного отречения отца от трона, он, тем не менее, готов отказаться от престола при условии, что король будет править страной сам, а церемония реституции должна будет проходить открыто в Мадриде перед всеми депутатами Кортеса. Но король Карл IV, отменяя свое вынужденное отречение, объявил себя единственным законным королем Испании и добавил, что он назначает Мюрата, великого герцога земель Берг и Клеве, своим наместником и наделяет его всеми своими правами.

Испанцы, взбудораженные предыдущими событиями, еще более возбудились, узнав об отъезде одного за другим членов королевской семьи.

Повсюду с большим интересом читали лживые истории, широко распространявшиеся посредством бюллетеней и рукописных заметок. 2 мая в Мадриде вспыхнул всеобщий мятеж. Раненые французские солдаты в госпиталях, а также солдаты и офицеры, найденные поодиночке в городе, зверски убивались разъяренной и дикой толпой.

Император узнал об этом печальном событии, возвращаясь в Маррак верхом на коне.

В яростном порыве, без промедления император развернул коня и галопом поскакал на поиски короля Карла IV, которому он показал депеши с этими сообщениями. Король послал за инфантой, и они оба, он и королева, говорили с Фердинандом чрезвычайно жестко. Король угрожающе размахивал палкой, словно собирался ударить сына. Королева была в такой ярости, что забылась до того, что подошла к сыну, сделав жест, как будто намеревается надрать ему уши. Принц стоял потупив глаза и не произнес ни слова. Император положил конец этой печальной сцене, проинформировав Фердинанда, что он признает королем

только одного Карла IV и что, пока Фердинанд не вернет корону, он будет рассматриваться как мятежник. Карл IV вскричал, что не желает короны, которая опозорена.

Побыв еще минуту со старыми монархами, Наполеон покинул их и вернулся в замок Маррак.

В тот же самый день были составлены документы, решившие ситуацию с Фердинандом. Ему был отдан в полное владение Наваррский замок с доходом в один миллион франков. Принц подписал документ, своим именем и именем своей семьи, об отказе от короны Испании и от всех прав на наследование.

Король Карл, отказавшись принять корону, единственным владельцем которой он был признан, вручил ее императору, чтобы тот распорядился ею так, как посчитает нужным. В качестве компенсации он получил в пожизненное владение Компьеньский дворец и лес, а также в полное владение Шамборский замок с доходом в тридцать миллионов реалов — семь миллионов пятьсот тысяч франков, выплачиваемых общественным казначейством Франции. Если законность примененных средств не соответствовала величию замысла, то остается доказанным тот факт, что в байоннской сделке Наполеон был вынужден действовать в интересах Франции в гораздо большей степени, чем в силу какого-либо иного мотива. Испания, чье процветание было столь же важно, как и самой Франции, находилась в состоянии распада, который неизбежно сделал бы ее легкой жертвой для Англии.

Констан

Король и королева Испании в Байонне

27 апреля 1808 года в семь часов вечера императрица прибыла из Бордо, не задержавшись в Байонне, где ее прибытие не вызвало большого энтузиазма, так как жители города, видимо, были разочарованы, что она там не остановилась. Его величество встретил ее с большой теплотой и нежностью, проявив озабоченность тем, что она должна была чувствовать усталость, поскольку дороги были в очень плохом состоянии, да к тому же размыты дождем. Вечером город и замок сверкали огнями иллюминации.

Три дня спустя, 30 апреля, король и королева Испании приехали в Байонну; трудно описать то уважение, которое проявил по отношению к ним император.

Их величества прибыли с небольшой свитой; но, несмотря на это, за ними следовали багажные фургоны, до отказа набитые мебелью, различными товарами и предметами роскоши. Хотя кареты были старомодные, их величества считали, что они очень удобные.

Во время обеда в свободные минуты я имел возможность понаблюдать за королем и королевой. Король был среднего роста и хотя, строго говоря, не был красивым, но имел приятное лицо. У него был длинный нос, его голос был пронзительным и неприятным на слух; в его походке чувствовалась жеманность, в которой полностью отсутствовала величавость, но это обстоятельство я, однако, приписываю наличию у него подагры.

Королева с ее низким ростом отличалась чрезмерной полнотой, одета была плохо и безо всякого вкуса и изящества; ее лицо было красного цвета с сильно проступавшими красными прожилками, и выражало оно жесткость и суровость. Она держала голову поднятой, говорила очень громко, тоном еще более резким и пронзительным, чем ее муж, но общее мнение склонялось к тому, что у нее был более сильный характер и манеры лучше, чем у короля.

Меневаль

Жозеф Бонапарт становится королем Испании

Наполеон сам признавал, что был вынужден воспользоваться возможностью, предоставленной ему судьбой, чтобы возродить Испанию, вырвать ее из когтей Англии и более тесно связать с нашей системой. Совершая это, он, с его точки зрения, закладывал фундаментальные основы для мира и безопасности в Европе.

Однако незаконность примененных им средств была предметом частых раздумий Наполеона и держала его в состоянии озабоченности. Его ум восставал против вероломного поведения, ибо он обладал инстинктивным отвращением к нечестным и причиняющим муки методам деятельности. Он долго колебался, выбирая различные направления активных действий; раздумывал о семейном альянсе.

Но он был вынужден вернуться к плану свержения с престола царствующей семьи; нахлынувшие бурные события отмели сомнения императора. Наполеон вверил судьбу соседнего королевства в руки француза. Император направил с курьером настоятельное приглашение королю Жозефу прибыть в Байонну. Жозеф Бонапарт пересел с трона Неаполитанского королевства на трон короля Испании, а великий герцог земель Берга занял его место в Неаполе. Великое герцогство земель Берга, оставленное Мюратом вакантным, объединилось с Французской империей. Разделавшись с этим, император в сопровождении императрицы покинул Маррак, чтобы вернуться в Париж.

Констан

Усовершенствование Тюильри

По возвращении из Испании Наполеон был полон впечатлениями о том, что он видел в Мадриде, и неоднократные предложения, высказанные им г-ну Фонтену и другим архитекторам, совершенно ясно свидетельствовали о его желании сделать Лувр самым красивым дворцом в мире.

Войдя в Тюильри, он поспешил обойти замок, чтобы ознакомиться с положением дел по ремонту и улучшению здания, которые были осуществлены во время его отсутствия. То, что он увидел, он больше критиковал, чем хвалил. Выглянув из окна зала маршалов, он потребовал от г-на де Флерье, управляющего дворцом, дать объяснения, почему верх триумфальной арки на площади Карусель прикрыт покрывалом; и его величеству разъяснили, что причина этого в том, что еще не все подготовлено для водружения статуи Наполеона в колесницу, ведомую четырьмя коринфскими лошадями, а также еще не закончены две статуи Виктории, богини победы, которые должны были управлять этими лошадями.

«Что? — яростно вскричал император. — Но я не разрешу этого! Я об этом ничего не говорил! Я этого не приказывал!» Затем, повернувшись к г-ну Фонтену, он продолжал: «Месье Фонтен, в том проекте, который представили вам, была моя статуя?» — «Нет, сир, там была статуя бога Марса». — «Хорошо, почему вы мною заменили бога войны?» — «Сир, это не я, а генеральный директор музея». — «Генеральный директор не прав, — нетерпеливо перебил г-на Фонтена император. — Я хочу, чтобы эта статуя была снята; вы слышите меня, месье Фонтен? Я хочу, чтобы ее убрали! Это совершенно неподходящее дело. Что, я буду воздвигать статуи самому себе?! Заканчивайте колесницу с Викториями; но пусть колесница останется пустой». Приказ был исполнен, и статую императора убрали и поместили в оранжерею. Возможно, она находится там до сих пор. Она была выполнена из позолоченного свинца и являла собой прекрасный образец работы, а также поражала удивительным сходством.

Последние дни в Мальмезоне

За несколько дней до отъезда его величества в Эрфурт в

сентябре 1808 года император вместе с императрицей и придворными в последний раз играли в «пленников». Был вечер, и лакеи вслед за игроками носили зажженные факелы. Однажды император упал, пытаясь схватить императрицу, и тут же был взят в плен, но он вскоре освободился от пут и побежал вновь, а потом утащил Жозефину, несмотря на протесты других игроков. Так закончилась эта игра в «пленников», когда я в последний раз видел играющего императора.

VIII. Угроза возобновляется

Меневаль

Британская морская блокада

Новые указы британского правительства придали морской блокаде неопределенный временной характер: все корабли, принадлежавшие нейтральным странам, подвергались принудительной обязанности заходить в английский порт и уплачивать пошлину за груз под угрозой конфискации. Император ответил на это пиратское законодательство декретом, изданным в Милане, в котором было заявлено, что любой корабль, позволивший английскому судну задержать себя или зашедший в английский порт, а также уплативший Англии пошлину или налог, будет денационализирован.

Констан

Эрфуртская встреча с Александром

Было решено, что император Александр и император Наполеон встретятся в Эрфурте 27 сентября 1808 гада; большинство монархов, образовавших Рейнскую конфедерацию, приглашались присутствовать на этой встрече, которая должна была стать как величественной, так и впечатляющей.

Для резиденции императора Наполеона был выбран правительственный дворец, который своими размерами идеально отвечал намерению императора содержать в нем свой двор. Из императорских складов было выслано большое количество замечательной мебели, ковры и гобелены производства Гобелена и Ла Савоннери, бронзовые изделия, люстры, канделябры, жирандоли, севрский фарфор — практически все, что могло способствовать роскошной меблировке двух императорских дворцов и тех, которые предназначались для других монархов; из Парижа прибыло большое количество рабочих.

Его величество прибыл в Эрфурт утром 27 сентября.

После короткого отдыха император оседлал своего коня и покинул Эрфурт через Веймарские ворота, чтобы встретить императора Александра.

В тот момент, когда царь увидел вдали императора, он покинул свою карету и двинулся навстречу его величеству, который также спешился с коня. Они обняли друг друга так нежно, как двое студенческих друзей, которые встретились вновь после долгой разлуки; затем они оседлали своих коней, к ним присоединился и великий князь Константин, и проехали галопом перед полками, которые при их приближении брали оружие на караул. В самом городе их приветствовали войска и огромная толпа людей, собравшихся со всей округи на расстоянии до двадцати лье, с такой горячностью, что воздух буквально сотрясался от их возгласов.

Император России при въезде в Эрфурт надел на себя главный орден Почетного легиона, а французский император, соответственно, русский орден Святого Андрея; и оба монарха во время пребывания в Эрфурте оказывали друг другу знаки взаимного уважения. Было отмечено, что в своем дворце император всегда уступал Александру. В шесть часов вечера оба монарха обедали в резиденции его величества, и так было каждый день. В девять часов Наполеон провожал императора

России в его дворец; и там они проводили беседу тет-а-тет, которая продолжалась более часа. Вечером весь город был иллюминирован. На следующий день после своего прибытия император пригласил на прием офицеров из царского окружения и предоставил им право посещать свой дворец в течение всего их пребывания в Эрфурте.

Оба монарха демонстрировали друг другу доказательства самой искренней дружбы и самых конфиденциальных отношений. Император Александр почти каждое утро заходил в спальную комнату его величества и беседовал с ним на свободные темы. Однажды он осматривал императорский дорожный несессер из позолоченного серебра, который стоил шесть тысяч франков. Несессер был очень удобно сконструирован и прекрасно отчеканен ювелиром Бьеннэ. Императору Александру несессер чрезвычайно понравился. Как только он ушел, император приказал мне отправить в царский дворец несессер — точную копию того, который только что был получен из Парижа.

Однажды царь переодевался в комнате императора, и я помогал ему. Из императорского белья я выбрал белый галстук и батистовый носовой платок, которые и передал ему. Он очень тепло и с присущей ему элегантностью поблагодарил меня; он был чрезвычайно благовоспитанным человеком, добрым, приятным и очень вежливым.

Оба прославленных монарха обменялись подарками. Александр подарил императору три потрясающие соболиные ротонды, отороченные мехом куницы. Одну из них император отдал своей сестре Полине, другую — принцессе Бернадотт; из третьей ротонды он сделал подкладку к зеленой вельветовой шинели, украшенной золотым шнуром; это была та самая шинель, которую он постоянно носил в России.

Почти каждый вечер оба монарха посещали театр, и император Александр нашел мадемуазель Бургойн весьма очаровательной. Это было замечено ею, и она всеми средствами старалась усилить его привязанность к ней. Однажды, наконец, влюбчивый царь по секрету поведал императору о своих чувствах к мадемуазель Бургойн. «Я не советую вам заигрывать с ней», — заметил император Наполеон. «Вы считаете, что она откажет мне?» — «О, нет, но завтра день отправки почты, и через пять дней весь Париж будет знать о вас все». Эти слова в один миг охладили пыл самодержца, который поблагодарил императора за его добрый совет.

Спектакли в Эрфурте обычно начинались в семь часов; но оба императора, которые в театр всегда приходили вместе, никогда не появлялись ранее половины восьмого. Когда же они

появлялись, то все короли, занимавшие места в партере, дружно поднимались в их честь и спектакль немедленно начинался.

Во время представления «Синны» император опасался, что царь, сидевший рядом с ним в ложе напротив сцены и в первом ярусе, мог не очень хорошо слышать слова со сцены, поскольку был несколько глуховат; и, соответственно, отдал распоряжение г-ну Ремуза, первому камердинеру, чтобы на том месте, где размешался оркестр, была воздвигнута платформа, а на ней были поставлены в центре два кресла для Александра и для него. Справа и слева от них были также поставлены четыре красиво украшенных кресла — для короля Саксонии и других монархов Конфедерации, а принцы заняли ложу, оставленную их величествами. Благодаря такой перестановке два императора оказались на виду у всех и им нельзя было сделать ни одного движения, не оказавшись незамеченными. 3 октября был показан «Эдип». «Все монархи», как их называл император, присутствовали на спектакле; и как только в первом акте актер произнес: «Дружба великого человека является даром богов», — царь встал с кресла и изящно протянул руку императору; и немедленно в зале разразилась овация.

Вечером того же дня, как обычно, я готовил императора ко сну. Двери, ведущие в его спальную комнату, были тщательно закрыты, так же, как и все ставни и окна; и, соответственно, не было никакой возможности проникнуть в комнату его величества, за исключением прихожей, в которой я спал вместе с Рустамом. Кроме того, у подножья лестницы, ведшей к прихожей, на посту стоял часовой. Каждую ночь я спал очень спокойно, зная, что никто бы не смог проникнуть к Наполеону, не разбудив меня; но в эту ночь, примерно около двух часов, меня вдруг разбудил странный шум. Я протер глаза и стал внимательно прислушиваться и, ничего вновь не услышав, подумал, что этот шум мне просто приснился, и только было я устроился поудобнее, чтобы заснуть снова, как до моих ушей донеслись сдавленные крики, подобные тому, как если бы человек, которого душили, пытался что-то выкрикнуть. Затем эти крики повторились дважды, и в тот же момент я уже сидел на постели, весь вытянувшись.

Я страшно испугался, и мои конечности покрылись холодным потом. Внезапно мне пришла в голову мысль, что императора убивают. Я вскочил с постели и разбудил Рустама; и так как крики вновь стали повторяться с еще большей интенсивностью, то я осторожно, насколько мне позволяло мое волнение, открыл дверь и вошел в спальню. Быстро осмотрев ее, я удостоверился, что никто в нее не проник.

Приблизившись к постели, я увидел его величество, который вытянулся поперек и находился в состоянии, похожем на агонию. Шторы были сорваны, а одеяло сброшено на пол. Все его тело было до предела напряжено, словно подвергалось сильнейшему нервному сокращению мышц. Из открытого рта неслись нечленораздельные звуки, он дышал с трудом, и одна из его рук, крепко сжатая, лежала на подложечной ямке живота.

Я пришел в ужас от этого вида и позвал его. Он не ответил; я еще раз позвал, затем в третий, по-прежнему никакого ответа. Тогда я решил осторожно потрясти его за плечо; и только после этого император проснулся с громким криком, спросив: «Что такое? Что такое?» Затем он сел на кровати и широко раскрыл глаза. Я сказал ему, что, увидев, как он мучился в страшном кошмаре, я взял на себя смелость разбудить его. «И ты правильно сделал, мой дорогой Констан, — прервал меня его величество. — О, мой друг, я видел страшный сон: медведь разодрал мою грудь и пожирал мое сердце!» После чего император встал и, пока я приводил его постель в порядок, стал прохаживаться по комнате. Он был вынужден поменять ночную рубашку, которая была вся мокрая от пота, и, в конце концов, улегся снова спать.

На следующее утро он рассказал мне, что очень долго не мог заснуть, настолько ясным и ужасным был приснившийся ему сон. Он долго вспоминал этот сон, каждый раз пытаясь дать ему, в зависимости от обстоятельств, различное толкование.

Меневаль

Эрфурт

Во время пребывания императоров в Эрфурте Наполеон всегда усаживал императора Александра по правую руку, чтобы показать, что царь оказывает ему честь, а он находится в собственном доме. Дома, которые они занимали, были обставлены мебелью за счет французской императорской короны, а их стоимость оплачена французским цивильным листом.

Император Наполеон каждый день давал обеды в честь императора Александра, великого князя Константина, его брата, а также других монархов.

В целом поведение Александра давало основание думать, что он скорее притворялся, нежели был искренним, подчеркивая взаимную близость и симпатию.

Соглашение

Оба императора подписали совместное соглашение. Его целью было обновить союз, заключенный в Тильзите, обнародовать совместное заявление лондонскому кабинету и, наконец, признать новые территориальные приобретения России и новое положение дел в Испании. Отказ Наполеона согласиться на требования Александра и до поры до времени не разрешать больше, чем русскую аннексию Валахии и Молдавии, положил начало охлаждению царя к союзу с Францией, который стал казаться ему бесплодным, ибо он видел, что этот союз не дает тех ощутимых результатов, на которые он надеялся.

Встреча Наполеона с Гёте и Виландом

Гёте и Виланд были представлены Наполеону, который стремился познакомиться с ними. Этих двух прославленных поэтов он принял с величайшим почетом. Они оправдали в его глазах мнение, составленное им об их заслугах. Беседы с ними оставили у Наполеона чувство самого высокого уважения к их талантам и к их личностям. Он доказал это тем, что наградил их орденом Почетного легиона.

Последние события в Испании

Военные события, которые произошли в Испании, оказались благоприятными для нашей армии. Сдалась Сарагоса, и над врагом были одержаны важные победы.

Неожиданно новая английская армия под командованием сэра Артура Уэлсли, позднее ставшего герцогом Веллингтонским, присоединилась к португальским войскам и придала уверенность испанцам. Наши враги сконцентрировали свои силы, чтобы начать наступление на Мадрид, который они надеялись застать врасплох, так как город не был готов к обороне. Король со своими резервными войсками покинул Мадрид, чтобы встретить врага и соединиться с корпусами под командованием маршалов Сульта, Нея и Мортье. Успехи и поражения чередовались.

Наполеон, уставший от огромных жертв, которые Франция оплатила кровью и золотом за оккупацию Пиренейского полуострова, учредил в стране военные органы власти, во главе каждого из них были поставлены французские генералы.

Капитуляции в Кадисе и Байлене

Пока император продолжал свой путь по департаментам юга, мятеж в Испании принял всеобщий характер. Отречение Карла IV и Фердинанда и провозглашение королем Жозефа Бонапарта вызвали в стране такое чувство ненависти, которое только ждало возможности, чтобы взорваться. К концу мая в течение недели восток, север и запад Испании были охвачены огнем. Испанцы поднялись как один человек.

Остатки французского флота, избежавшие катастрофы Трафальгара, нашли убежище в порту Кадис. Когда вспыхнул мятеж, эта хилая эскадра, потерявшая все надежды на спасение корпусом генерала Дюпона, была окружена англичанами и испанцами и для того, чтобы избежать полного уничтожения, пошла на безоговорочную капитуляцию испанским войскам. Новость о капитуляции в Байлене, когда в открытом поле двадцать тысяч французских солдат сложили оружие, — событие более прискорбное для чести французской армии, чем капитуляция Ульма для Австрии, — произвела самое ужасное впечатление в Мадриде.

Оккупация Мадрида стала невозможной. Король Жозеф принял решение об эвакуации. Он покинул город 31 июля среди бела дня, проезжая мимо толпы горожан, охваченных волнением, вызванным сообщением об его отъезде. За ним последовали

некоторые министры. Он уединился в Витории с частью французской армии, которая первой вошла в Испанию.

Констан

Байонна

Его величество оставался в Сен-Клу только десять дней и в полдень 29 октября 1808 года во второй раз отправился в Байонну. Императрица очень хотела сопровождать его, и императору пришлось с большим трудом убедить ее в том, чтобы она с пониманием отнеслась к тому, что это невозможно. Буквально перед самым отъездом он на минуту вернулся в свою гардеробную и сказал мне, чтобы я расстегнул его мундир и жилет; и я увидел, как император просунул между жилетом и рубашкой и затем обернул вокруг шеи черную шелковую ленту, на которой висело нечто вроде маленького мешочка, обернутого черным шелком, размером примерно в большой грецкий орех. Тогда я не знал, что было внутри мешочка, но когда император вернулся в Париж, то передал его мне на хранение; и я выяснил, что этот мешочек приятно ощущать, так как под черным шелком находился кусочек меха.

Я выезжал из Парижа с тяжелым сердцем. Опасения, от которых я никак не мог отделаться, совмещались с усталостью от этих бесконечно повторяемых поездок, и все это вместе вызывало чувство глубокой печали, которое отражалось почти на всем персонале императорского двора.

3 ноября мы прибыли в замок Маррак и через четыре дня были уже в Витории, где среди солдат французской армии император нашел своего брата и несколько грандов Испании, которые еще остались верны их общему делу.

Прибытие его величества вдохновило войска; энтузиазм, по правде говоря, очень небольшой, овладел королем и немного восстановил его мужество. Император и король со всем войском почти немедленно двинулись в путь, чтобы сразу же закрепиться, хотя бы временно, в Бургосе.

Император занял дворец архиепископа, величественное здание, расположенное на большой площади, на которой обосновались биваком гренадеры императорской гвардии.

Император оставался там десять или двенадцать дней, а затем отдал приказ двигаться на Мадрид дорогой через Вальядолид. Эта дорога в самом деле была безопасной и лучшей; но император захотел захватить ущелье Сомосьерра, представлявшее собой внушительную горную преграду.

Вечером 29 ноября мы оказались в трех лье от этого

труднопреодолимого дефиле и остановились в деревне по имени Басагиллас.

В восемь часов утра мы подошли к ущелью и преодолели его, а уже на следующий день были на подступах к Мадриду.

Император определил свою штаб-квартиру в замке Шамартин, в очень приятном здании, находившемся на расстоянии в четверть лье от Мадрида.

У нас были трудности при взятии Мадрида, во-первых, потому, что его величество рекомендовал проявлять большую осторожность во время осады города, не желая, как он сказал, подарить своему брату горящий город, и, во-вторых, потому, что великий герцог земли Берг во время пребывания в Мадриде укрепил дворец Ретиро, и испанские мятежники окопались именно там и защищали дворец очень храбро. У города не было других опорных пунктов для зашиты, он был окружен старой стеной, почти такой же, как и парижская старая стена. Соответственно, через три дня город был взят; но император предпочел не входить туда с войсками, а остаться по-прежнему в Шамартине, за исключением одного дня, когда он посетил его инкогнито, переодевшись, чтобы побывать во дворце королевы и в центральных районах.

Король немедленно въехал в столицу, и вместе с ним члены знатных семей Мадрида.

Меневаль

Оккупация Мадрида и отступление

Оккупация Мадрида осуществлялась в военном стиле, и король не стал жить во дворце. Вместо этого он обосновался в Прадо, в королевском замке, расположенном примерно в одном лье от столицы. Император также отказался жить в Мадриде и свою резиденцию выбрал в Шамартине, в загородном доме.

Во время пребывания там Наполеон разрабатывал меры, необходимые для полного подчинения Испании. Он издал несколько законов, основал в стране недостающие учреждения. Кроме того, он ежедневно устраивал смотр войскам. Те, кто следовал вместе с армией, знал, какое внимание Наполеон уделял пресечению мародерства. В его ежедневных приказах отводилось большое место уважению собственности, и в них он подвергал резкой и едкой критике тех, кто терпел беспорядок. Вена, Берлин, Мадрид и другие города были свидетелями того, как осуждались и расстреливались солдаты, принадлежавшие как к императорской гвардии, так и к другим армейским корпусам, когда оказывались виновными в мародерстве.

В Шамартине император находился две недели, ожидая с большим нетерпением новостей об английской армии, когда, наконец, ему доложили, что она вторглась в Испанию из Португалии, пройдя Саламанку, и движется по направлению к Вальядолиду. Наполеон отправился навстречу вражеской армии.

В горах нас застигла врасплох снежная буря, а наступивший ледяной холод, полностью выведший из строя нескольких солдат, дал нашей армии возможность представить заранее те страдания, которые ей придется испытать позднее, во время ужасного отступления из Москвы. Оставаться в конном строю стало невозможно. Император был вынужден спешиться и отдал приказ своему конвою из легкой кавалерии продолжать путь пешком. Он шел в самой середине конвоя, который таким образом прокладывал дорогу в снегу для пехоты, следовавшей сзади. Спустившись с горы, Наполеон остановился, чтобы собрать свое войско.

Из Вальядолида Наполеон отправился в Бургос, и это расстояние он проехал верхом на предельной скорости за несколько часов, так как по пути менял лошадей, которых ему готовили заранее. В Бургосе он остановился только на два часа и помчался верхом в Байонну так быстро, что его обслуживающий

персонал не смог поспеть за ним. Путь из Байонны в Париж он преодолел с такой же скоростью и 23 января 1809 года был в Тюильри.

Прибыв в Париж, Наполеон, не теряя ни минуты, сосредоточился на принятии необходимых мер, чтобы быть готовым отразить угрожавшее ему наступление австрийцев. Он отдал приказы, чтобы его корпуса и воинские контингенты из рейнской Конфедерации были приведены в состояние полной боевой готовности для начала военной кампании. Он отправил маршала Бертье собрать войска Конфедерации на Дунае и принять на себя командование армией.

Талейран

Через несколько дней после возвращения Наполеона в Париж был созван тайный совет. Император, имевший хорошо обоснованные причины для недовольства деятельностью Талейрана, сдерживал свое возмущение, пока продолжалось заседание совета. Наконец плотина прорвалась. Наполеон, пока говорил, горячился все больше и больше и под влиянием усиливавшегося негодования потерял контроль над своим гневом, который только и ждал возможности, чтобы вырваться наружу. Он говорил невероятно резким тоном, ибо был совершенно уверен, что Талейран, предвидя возможность смерти императора от пули испанского повстанца, которая могла настичь его во время триумфального похода, обдумывал создание правительственного совета — организации, которая в случае необходимости была вполне готова взять власть в свои руки. Члены будущего правительства были уже назначены.

Приступ негодования достиг кульминации, и Наполеон, уставший от своих резких выпадов прямо в лицо этого совершенно невозмутимо слушавшего его человека, наконец сдался. Талейран хорошо знал императора и знал, что чем больше тот терял контроль над собой под влиянием собственного раздражения, тем скорее он старался забыть о нем. Тем не менее вследствие этой сцены Талейран потерял пост обер-камергера, который был передан г-ну де Монтескье.

Возвращение в Австрию

Вынудив императора так поспешно вернуться из Испании, коалиция добилась своей цели разобщить наши войска. 12 апреля

император из телеграфного сообщения узнал, что эрцгерцог Карл вступил в Баварию и что его войска переправились через реку Инн без какого-либо предварительного объявления войны.

Император покинул Елисейский дворец 13 апреля в четыре часа утра и ехал с невероятной скоростью, добравшись до штаб-квартиры в Донауворте на пятый день.

Сражения при Танне и при Абенсберге, в которых успеха добились войска рейнской Конфедерации, и победа при Экмюле, принесшая маршалу Даву титул князя Экмюльского, явились результатом умелых маневров. Настолько стремительными были все передвижения Наполеона, что его обслуживающий персонал не мог поспевать за ним, и он должен был жить, как простой солдат, и передвигаться на чужих лошадях.

Констан

Наполеон ранен

23 апреля 1809 года в Регенсбурге в правую ногу императора попала пуля на излете, вызвавшая у него довольно сильное кровотечение. Я был в подразделении обслуживания, когда несколько гренадеров сообщили мне о ранении его величества. Я поспешил к нему и прибыл в тот момент, когда г-н Иван перевязывал рану. Императорский сапог был взрезан, ранение осмотрено, затем место раны перевязано, сапог зашнурован, после чего император немедленно оседлал коня и, хотя несколько генералов настаивали на его отдыхе, он сказал: «Мои друзья, разве вы не знаете, что мне необходимо все видеть?» Трудно передать энтузиазм солдат, когда они узнали, что их главнокомандующий хотя и ранен, но не опасно. «Император находится под пулями, как и мы, — говорили они. — Он не трус, о нет». Газеты не сообщили об этом случае.

Перед сражением император всегда говорил, что в случае его ранения должны быть приняты все меры, чтобы скрыть этот факт от войск. «Кто знает, — говорил он, — какой ужасный переполох может быть вызван подобной новостью? От моей жизни зависит судьба великой империи. Помните это, господа, и если меня ранят, то пусть об этом никто не узнает, насколько это будет возможно. Если меня убьют, то постарайтесь без меня выиграть сражение; потом будет достаточно времени, чтобы сообщить об этом».

Меневаль

Вена

После того как Вена капитулировала, французская армия оккупировала этот город по просьбе городской депутации, принятой императором в Шенбрунне, дворец которого он сделал своей резиденцией. Наполеон заверил делегатов депутации, что берет город под свое покровительство, и обещал им, что Вене будет оказано такое же внимание, как и во время первой оккупации 1805 года.

В Шенбрунне император оставался неделю. Тем временем остров Лобау, расположенный на расстоянии двух лье от Вены и разделявший Дунай на несколько рукавов, заняли французские войска, чтобы выбрать место, с которого можно переправиться через реку.

Смерть Ланна

Сражение при Эсслинге, которое было приостановлено, началось снова, и победа, цена за удивительно решительные действия, должна была вот-вот дать нам знать о себе, когда неожиданно в войсках распространилось известие о том, что мост, наведенный через Дунай с острова Лобау, разрушился. О чем-либо ином, кроме того, чтобы удержать наши позиции до конца дня и возвратиться с наступлением вечера на остров Лобау, не могло быть и речи. Эта критическая ситуация еще более усугубилась смертью маршала Ланна. Пушечный снаряд на излете раздробил обе ноги этого храброго солдата. Когда император увидел носилки, на которых несли умирающего маршала, он быстро подошел, припал к груди героя и обнял его, задыхаясь от рыданий. Горе императора было столь большим, что и через два дня при воспоминании о маршале глаза его наполнялись слезами, несмотря на все усилия скрыть их.

Ваграм

Сражение при Ваграме 6 июля 1809 года оказалось кровопролитным. Австрийцы потеряли двадцать пять тысяч человек, и три их генерала были убиты. Наши потери были менее

значительными, но мы также лишились трех генералов.

Наполеон объезжал поле битвы, следя за тем, чтобы раненых вывозили и им оказывалась помощь. Это было исключительно его долгом, который он никому не передоверял. Время от времени он останавливался и приказывал соблюдать тишину, чтобы услышать стоны раненых. Потом сам выезжал в направлении услышанных стонов и посылал людей для оказания необходимой помощи. С этой целью он обычно отсылал чуть ли не весь свой эскорт в самых различных направлениях.

Победа французов при Ваграме не уничтожила австрийскую армию, которая отступила в полном порядке. И только 11 августа князь Лихтенштейн, генерал-адъютант императора Франца, появился в Цнайме с полномочиями заключить перемирие и даже рассмотреть вопрос о мире. Заключение перемирия предложил эрцгерцог Карл, обладавший неограниченной властью. Император Австрии, укрывшийся в Бадене, отказался ратифицировать это перемирие и снял эрцгерцога с поста командующего армией. Наполеон послал эрцгерцогу орден простого кавалера Почетного легиона.

Император Франц, послушавшись доброго совета, через пять дней принял условия перемирия, решив, что заключение этого перемирия даст ему время для отказа от него в течение срока его действия. Император Наполеон, распределив свои войска по округам, обозначенным договором о перемирии, отправился в Шенбрунн. Переговоры о мире начались в Альтенбурге между г-ном Шапаньи и г-ном Меттернихом. Переговоры протекали вяло, поскольку австрийский полномочный представитель, рассчитывая, вне всякого сомнения, на положительные результаты диверсии английской экспедиции на острове Вальхерен, хотел выиграть время. Император отозвал своего министра иностранных дел в Вену. После долгих задержек, которым твердость Наполеона, наконец, положила конец, договор о мире был подписан в его присутствии 14 октября г-ном Шапаньи и князем Лихтенштейном, заменившим Меттерниха.

Кометам

Шенбрунн

Император не оставался в Вене, а выбрал для своей штаб-квартиры замок в Шенбрунне, австрийской имперской резиденции, находившейся в половине лье от города.

Можно говорить только с чувством восхищения об интерьере дворца. Спальная комната императора, единственная в здании — с камином, была украшена лакированными панелями китайской работы, тогда уже весьма старинной, хотя рисунки и позолота выглядели по-прежнему как новые. Кабинет императора был украшен так же, как спальная комната; и все комнаты во дворце, за исключением спальной, зимой отапливались громадными печками, которые в значительной степени понижали эффект от архитектурного интерьера дворца. Между кабинетом и комнатой императора находилось весьма любопытное механическое устройство, названное «летающей коляской». Это было некое механическое приспособление, сделанное для императрицы Марии Терезы и использовавшееся для ее транспортировки с этажа на этаж, с тем чтобы ей не пришлось подниматься и спускаться по лестнице, как всему остальному человечеству. Эта машина приводилась в действие при помощи толстых веревок, блоков и грузил, наподобие тех, которыми пользуются в театре.

В Шенбрунне, как и в Париже, его величество обычно обедал в шесть часов; но так как иногда он работал далеко за полночь, то каждый вечер мы заботились о том, чтобы приготовить для него легкий ужин, который укладывали в маленькую, закрывающуюся на замок корзину, прикрытую клеенкой. От замка этой корзины имелось два ключа, один из них хранился у стюарда, а другой у меня. Следил за этой корзиной только я один; и поскольку его величество был чрезвычайно занят, то он едва ли когда-либо спрашивал об ужине.

Меневаль

Покушение на жизнь Наполеона. Штапс

Весьма вероятно, что подписание мирного договора было ускорено событием, которое произвело сильное впечатление на Наполеона, хотя он старался не подавать вида. Однажды в октябре в Шенбрунне, когда войска проходили перед ним во время полуденного смотра, один молодой человек пытался приблизиться к императору. У него в руках была бумага, которую приняли за петицию.

Ему сказали, чтобы он передал ее адъютанту из свиты императора, генералу Раппу, но молодой человек ответил, что он хочет говорить с Наполеоном. И сколь часто ему ни отказывали, он с прежним упорством возвращался вновь. Подобная настойчивость показалась подозрительной; его глаза, правая рука, которую он держал у своей груди, — все это привлекло внимание генерала Раппа. Генерал приказать арестовать молодого человека и привести в замок. Все это было сделано так, что никто не заметил случившегося. Вскоре стало известно, что у этого молодого человека обнаружили большой кухонный нож, что он являлся студентом университета в Эрфурте и что его имя Штапс. Когда его спросили, что он собирался делать с этим ножом, то он без колебаний заявил, что хотел убить Наполеона.

Император, информированный об этом факте, по возвращении в замок приказал, чтобы молодого человека привели в гостиную, где находились принц Нешательский, маршал Бернадот, генерал Дюрок и генерал Савари. Штапс подошел к императору с вежливым, но решительным видом. Он подтвердил Наполеону, что прибыл в Вену с намерением убить его, хотя французский монарх лично ему никакого вреда не причинил. Он заявил, что пришел к твердому убеждению, что, убив императора, окажет великую услугу своей стране и Европе. Он добавил, что не болен и не сумасшедший и что о своем плане никому не говорил.

Наполеон послал за доктором Корвисаром, который тогда был в Шенбрунне, и спросил его, нет ли каких-либо следов сумасшествия у этого молодого человека. Доктор, обследовав Штапса, заявил, что он не смог обнаружить у него каких-либо симптомов душевной болезни. Наполеон, пораженный этим фанатизмом и испытывая чувство жалости к этому несостоявшемуся убийце, обещал простить его, если он выразит сожаление по поводу одиозного акта, который хотел совершить.

Штапс отверг любую идею прошения. Он был немедленно расстрелян.

Констан

Внимание Наполеона к военным деталям

Каждое утро, в шесть часов, звучала дробь барабанов, и через два или три часа войскам отдавался приказ участвовать в смотре на главной площади дворца; ровно в десять часов утра из дворца спускался его величество и становился во главе генералов.

Во время этих смотров император вдавался в мельчайшие детали. Он заглядывал в глаза чуть ли не каждого солдата, чтобы убедиться, что у того на уме — радость от солдатской службы или только тяжкая работа. Он расспрашивал офицеров об их жизни, иногда обращался с вопросами и к солдатам; именно в таких случаях император принимал решения о поощрениях и повышениях по службе.

Император лично тщательно осматривал солдатские ранцы, проверял удостоверения или, сняв ружье с плеч молодого солдата, выглядевшего слабым, бледным и болезненным, говорил ему дружеским тоном: «Это ружье для тебя слишком тяжелое». Часто он сам муштровал солдат. Иногда становился жертвой неожиданной прихоти; например, однажды утром, после окончания смотра полка Конфедерации, он повернулся к группе офицеров артиллерийско-технического снабжения и, обратившись к князю де Салму, который был в этой группе, заявил: «Г-н де Салм, солдатам следует познакомиться с вами; подойдите к ним и отдайте приказ начать атаку двенадцатью разными приемами». Молодой князь покраснел, однако не пришел в замешательство, отдал поклон императору и, изящным жестом вытащив шпагу из ножен, легко и точно отдал приказ всеми двенадцатью приемами, чем совершенно очаровал императора.

В другой день, когда инженерный корпус двигался в составе примерно сорока фургонов, император скомандовал: «Стой!» — и, указывая генералу Бертрану на один из фургонов, приказал ему подозвать офицера. «Что находится в этом фургоне?» — спросил офицера император. «Болты, мешки с гвоздями, веревки, топоры и пилы, сир». — «Какое количество?» Офицер назвал точные цифры. Его величество, чтобы перепроверить доклад, отдал приказ разгрузить фургон, пересчитал все веши и, выяснив, что ничего не осталось в фургоне, взобрался в него. По рядам солдат пронесся приглушенный шум одобрительных возгласов: «Браво! Вот это здорово! Вот так надо действовать, чтобы быть уверенным, что тебя не обманули». Подобные случаи только способствовали

тому, что солдаты с еще большим обожанием относились к императору.

Общение Наполеона с войсками

Часто, когда император проводил смотры корпусов армии или даже находился на поле сражения, он останавливался перед полком и созывал вокруг себя офицеров, обращаясь к каждому из них по имени. Он обычно просил их назвать тех офицеров, которых они сами считали наиболее достойными для продвижения по службе или для получения воинской награды, а потом с этой же просьбой обращался к солдатам. Подобные свидетельские показания, высказанные равными по званию и положению в армии, связывали персональный состав различных полков узами доверия и уважения. Эти продвижения по службе по инициативе самих солдат приобретали в их глазах особую ценность. Во время одной из таких раздач воинских наград, выглядевших как семейное торжество, один младший офицер был признан самым храбрым и самым лучшим воином. Командир полка, хотя и согласился с тем, что этот младший офицер обладает всеми качествами, необходимыми для хорошего офицера, все же добавил, что сожалеет, что в силу одного серьезного недостатка у этого воина он не сможет рекомендовать его для повышения в чине. «И что же это за недостаток?» — быстро спросил Наполеон. «Сир, он не может ни читать, ни писать». — «Я повышаю его до звания офицера, полковник, вы должны принять его таким, каков он есть».

Во время этих смотров Наполеон обычно выяснял желания солдат, их нужды, состояние личного снаряжения и боевой техники, качество рациона и, наконец, каким образом выполняются воинские уставные правила. Каждый солдат имел право выйти из строя и, взяв оружие на караул, обратиться непосредственно к императору с просьбой или жалобой. Ни одна просьба не забывалась, на нее немедленно реагировали. Пожалуй, не было ни одного примера вздорной или необоснованной жалобы, адресованной императору таким путем.

При проведении одного из смотров в Вене Наполеон узнал, что некоторые полки получали недоброкачественную одежду и снаряжение и что при снабжении продовольствием и фуражом процветало хищение денежных средств. Он приказал провести расследование. Его результаты показали обоснованность жалоб. Наполеон направил документы по расследованию в военно-полевой суд, перед которым предстали преступники. Они были

приговорены к смертной казни. Наполеон отклонил все обращения о помиловании, так как хотел наказать преступников в назидание другим. Этот суровый акт послужил предупреждением для других правонарушителей.

Констан

Наполеон в повседневной жижи

Императору не нравилось, когда я покидал дворец: он хотел, чтобы я всегда был поблизости; даже когда я заканчивал свою работу, он нуждался во мне. Я думаю, что именно для того, чтобы задержать меня, его величество несколько раз поручал мне переписывать документы. Также иногда император хотел, чтобы я писал под его диктовку, пока он был в постели или принимал ванну. В таких случаях он говорил мне: «Констан, бери ручку и пиши». Я всегда отказывался это делать и отправлялся призывать на помощь г-на де Мене валя. Я уже говорил, что невзгоды революционных лет послужили причиной того, что мое образование было менее совершенным, чем могло бы быть; но я сильно сомневаюсь, что и в противном случае смог бы писать под диктовку императора. Было непросто выполнять обязанности его секретаря. От него требовалось, чтобы он хорошо знал привычки и манеру работы императора; ибо его величество говорил быстро и все на одном дыхании, не делая пауз, и сильно раздражался, если вынужден был повторить фразу.

Для того чтобы всегда держать меня при себе, император разрешил мне охотиться в парке Сен-Клу. Он был столь любезен, что как-то заметил, что поскольку я очень люблю охотиться, то жалует мне эту привилегию и очень рад объединить мое удовольствие от охоты с его привычкой нуждаться в моей персоне. Я был единственным человеком, кому было разрешено охотиться в парке. В то же самое время он подарил мне красивую двустволку, которую ему преподнесли в Льеже и которую я до сих пор храню у себя. Сам его величество не любил двуствольные охотничьи ружья и обычно предпочитал простые, маленькие ружья, которые принадлежали Людовику XVI и которые, как говорят, этот монарх, будучи отличным оружейным мастером, совершенствовал собственными руками.

Вид этих ружей часто наводил императора на разговор о Людовике XVI, которому он не отказывал в уважении и жалости. «Этот несчастный король, — говорил император, — был неплохим, разумным и знающим человеком. В другое время он был бы прекрасным королем, но он оказался ничтожеством в период революции. Ему не хватало решительности и твердости. Он не смог противостоять ни глупости, ни наглости якобинцев. Придворные отдали его в руки якобинцев, а те привели его на

плаху. На его месте я бы оседлал коня и, немного уступая с одной стороны, с другой так щелкнул пару раз хлыстом, что положение дел пришло бы в полный порядок».

Когда дипломатический корпус наносил визит императору в Сен-Клу, то что бы ни запрашивали эти господа, их обслуживали в салоне для послов. На легком ужине, который подавался обслугой императорского двора, присутствовал г-н Колин, мажордом-ревизор.

Генерал Лемаруа, один из старейших адъютантов его величества, солдат, хорошо известный своей храбростью, покоривший сердца своими отличными качествами, на какое-то время попал в немилость к императору и несколько раз прилагал усилия, чтобы добиться аудиенции у его величества; но то ли его просьба не доходила до императора, то ли он предпочитал молчать, г-н Лемаруа ответа не получал. Тогда ему в голову пришла идея обратиться ко мне с просьбой передать в подходящий момент его петицию императору. Я выполнил его просьбу; в результате г-н Лемаруа получил аудиенцию с таким приятным исходом, что вскоре стал губернатором Магдебурга.

Император был рассеянным человеком и часто забывал, где он оставил петиции, которые ему вручили. И, таким образом, они иногда оказывались в карманах его мундиров. Когда я находил их, то относил эти бумаги в кабинет его величества и передавал г-ну де Меневалю; и часто бывало так, что бумаги, которые он искал, обнаруживались в апартаментах императрицы. Иногда император отдавал бумаги мне, чтобы я их куда-нибудь положил. Эти бумаги я прятал в ящик, ключ от которого был только у меня.

IX. Развод, вторая императрица и король Рима

Констан

«Она была супругой его славы»

Обер-гофмаршал направил курьера к г-ну Люса и с сообщением, что его величество прибудет в Фонтенбло вечером 27 октября [1809 года], и указанием, чтобы все придворные императора, включая императрицу, были во дворце, чтобы встретить его величество. Но император ехал из Мюнхена с такой скоростью, что уже в десять часов утра 26 октября был у ворот дворца Фонтенбло. В результате его никто не встретил за исключением обер-гофмаршала, курьера и привратника. Это недоразумение, которое было вполне естественным, поскольку невозможно было предвидеть его приезд за день до назначенного времени, тем не менее вызвало у императора сильнейший гнев. Он оглядывал всех, словно выискивая жертву, полный ярости, когда, наконец, увидел курьера, собиравшегося спешиться с лошади, на которой он не сидел, а скорее полулежал от усталости — точно приклеенный к животному. Император резко сказал ему: «Ты сможешь отдохнуть завтра, а сейчас поспеши в Сен-Клу и объяви о моем прибытии», — и бедный курьер возобновил бешеный галоп.

Этот случай, так сильно рассердивший его величество, никому нельзя ставить в вину: ибо в соответствии с приказаниями обер-гофмаршала, полученными им ранее от императора, г-н Люса и отдал команду обслуживающему персоналу быть готовым утром следующего дня. Соответственно всю службу можно было ожидать в Фонтенбло не ранее вечера этого дня, и император вынужден был ждать весь день.

Тем временем он отправился осматривать новые апартаменты, которые были пристроены к замку. Здание во дворе «Белой Лошади», которое раньше использовалось в качестве военной школы, было реставрировано, расширено и украшено с чрезвычайным великолепием. Это здание полностью переоборудовали под помещения государственных учреждений, для того чтобы, как заявил его величество, дать работу фабрикантам Лиона, которых война лишила всякого внешнего рынка. После прогулок по комнатам дворца император уселся в кресло, всем своим видом демонстрируя крайнее нетерпение и каждую минуту спрашивая, который час, или бросая взгляд на собственные часы, и, наконец, приказал мне подготовить бумаги для работы и сел в одиночестве за маленьким столом,

несомненно, в душе проклиная своих секретарей, которые еще не прибыли.

В пять часов вечера прикатила карета из Сен-Клу. Император, как только услыхал звук колес во дворе, быстро спустился с лестницы и, пока слуга открывал дверь и опускал лестничку кареты, спросил тех, кто сидел внутри: «Где императрица?» Ему ответили, что ее величество императрица прибудет самое позднее через четверть часа. «Это хорошо», — сказал император и быстрым шагом вернулся в маленький кабинет, где приготовился работать.

Наконец, ровно в шесть часов вечера прибыла императрица. Было уже темно. На этот раз император не стал спускаться, но прислушивался, пока не выяснил, что это прибыла ее величество, и продолжал писать вместо того, чтобы выйти и встретить ее. Подобным образом он вел себя по отношению к ней впервые. Императрица нашла его сидевшим в кабинете. «А! — сказал его величество. — Так вы, значит, приехали, мадам? Это хорошо, поскольку я как раз собирался ехать в Сен-Клу». И император, приподняв голову, чтобы бросить взгляд на ее величество, снова опустил глаза, чтобы продолжать писать. Эта грубая встреча до боли расстроила Жозефину. Она пыталась извиниться, но его величество отвечал в такой манере, что довел ее до слез, хотя после он в этом раскаивался и просил прошения у императрицы, признав, что был не прав.

Мир восстановился, супруги нежно обнялись, и императрица прошествовала в свои апартаменты.

Примерно в половине седьмого императрица появилась вновь, одетая с идеальным вкусом. Несмотря на холод в здании, ее волосы украшали серебряные колосья пшеницы и голубые цветы. На ней был белый атласный женский костюм «полонез», окаймленный лебединым пухом, все это ей чрезвычайно шло. Император прервал свою работу, чтобы посмотреть на нее. «Я собиралась не слишком долго, не правда ли?» — спросила она, улыбаясь. Его величество, не ответив ей, показал на часы, затем поднялся и подал ей руку.

День закончился лучше, чем начинался. Вечером был дан прием, небольшой, но очень приятный, на котором император был весел и в отличном настроении. Он вел себя так, словно стремился вычеркнуть из памяти маленькую ссору с императрицей.

Конфронтация с Жозефиной

Мы пробыли мало времени в Фонтенбло, когда я заметил, что император в присутствии своей августейшей супруги принимает озабоченный вид и чувствует себя неловко. Такая же стесненность была заметна и на лице императрицы. Это состояние скованности и обоюдного смущения вскоре стало достаточно очевидным для того, чтобы все его заметили, и это сделало пребывание в Фонтенбло чрезвычайно грустным и гнетущим. В Париже императрица казалась более несчастной, чем когда-либо, что дало пишу для многочисленных предположений и догадок, но что до меня, то я слишком хорошо знал причину всего происходящего! С каждым днем лоб императора все больше и больше морщился от явного состояния озабоченности, пока не наступил день 30 ноября.

В этот день обед отличался, как никогда, общим молчанием. Императрица проплакала весь день; и для того, чтобы скрыть, насколько это возможно, бледность лица и красноту глаз, она надела большую белую шляпу, поля которой полностью скрывали ее лицо. Император сидел, не проронив ни слова, его взгляд был прикован только к тарелке, и лишь время от времени конвульсивные гримасы выдавали состояние крайнего волнения; если ему случалось отрывать глаза от тарелки, то он украдкой бросал страдальческий взгляд на императрицу. Придворные офицеры, стоявшие неподвижно, словно статуи, печально смотрели на эту тягостную и мрачную сцену. Их величества не притрагивались к пище, и были слышны только монотонный шепот обслуживающего персонала, подававшего и уносившего прочь блюда, и звенящий звук от механических ударов императорского ножа по краю бокала.

Только однажды его величество нарушил царившую тишину глубоким вздохом, за которым последовали обращенные к одному из офицеров следующие слова: «Который сейчас час?» Судя по всему, это был бесцельный вопрос, поскольку император не слышал, или, по крайней мере, казалось, что не слышал, ответа; но почти немедленно он встал из-за стола, и за ним медленными шагами последовала императрица, прижимая к губам носовой платок, словно желая подавить рыдания.

Был принесен кофе, и, в соответствии с обычаем, паж вручил поднос императрице, чтобы она могла сама наполнить чашку; но император перехватил поднос, налил кофе в чашку и бросил в нее сахар, не отрывая взгляда от императрицы, которая продолжала стоять, словно пораженная оцепенением. Наполеон выпил кофе и вернул чашку пажу, затем подал сигнал, что хочет остаться один с императрицей, и закрыл дверь салона.

Я находился снаружи, присев у двери; и вскоре в столовой

никого не осталось, за исключением одного из префектов дворца, который безостановочно ходил по комнате, скрестив руки и предвидя, так же, как и я, ужасные события.

Через несколько минут я услышал крики и вскочил с кресла; в тот же момент император открыл быстро двери, выглянул и увидел только нас двоих. Императрица лежала на полу, крича так, словно у нее разрывалось сердце: «Нет, ты этого не сделаешь! Ты не можешь убить меня!»

Церемониймейстер столовой повернулся спиной. Я сделал шаг по направлению к нему, он понял меня и удалился. Его величество приказал человеку, который был со мной, войти в салон, и двери снова закрылись.

Потом я узнал, что император попросил его помочь перенести императрицу в ее апартаменты. «У нее, — объяснил он, — сильное нервное потрясение, и ее состояние требует, чтобы о ней немедленно позаботились». Г-н де Боссе с помощью императора поднял императрицу на руки; и император, взяв лампу с каминной доски, освещал путь г-ну Боссе вдоль коридора, из которого небольшая лестница вела вниз, в апартаменты императрицы. Эта лестница была столь узкой, что человек с такой ношей не смог бы спуститься, не рискуя упасть; и г-н Боссе призвал на помощь хранителя архивов, который обязан был всегда находиться у дверей императорского кабинета, которые выходили на эту лестницу. Хранителю архивов передали лампу, в которой уже не было необходимости, так как во дворце повсюду только что зажгли лампы. Его величество прошел мимо хранителя архивов, который все еще держал лампу, и, взяв ноги ее величества, вдвоем с г-ном Боссе благополучно донес находившуюся в состоянии обморока императрицу вниз по лестнице до ее спальной комнаты.

Император звонком вызвал придворных женщин. Когда они пришли, он удалился со слезами на глазах. Это случай настолько повлиял на императора, что он сказал г-ну де Боссе дрожащим, прерывающимся голосом несколько слов, которые тот при любых обстоятельствах должен был хранить в тайне. Волнение императора было очень сильным, если он решился рассказать г-ну де Боссе о причине отчаяния ее величества: интересы Франции и имперской династии потребовали решений вопреки велениям его сердца, развод стал его долгом — прискорбным и болезненным, но обязательным.

Королева Гортензия и г-н Корвисар посетили императрицу, которая провела ужасную ночь. Император не мог заснуть и много раз вставал, чтобы выяснить состояние Жозефины. В течение всей ночи ее величество не произнесла ни слова.

Очень скоро после этого события Мюрат, Жером, король Вюртемберга, королевы и принцессы имперской семьи прибыли в Париж, чтобы присутствовать на торжествах, устроенных городом в честь его величества в ознаменование военных побед и умиротворения Германии, и в то же время отпраздновать годовщину акта коронации. Предстояло также открытие сессии Законодательного собрания.

Было необходимо, чтобы в интервале между событием, которое я только что описал, и днем подписания декрета о разводе императрица присутствовала на всех официальных мероприятиях и посетила сопутствовавшие им празднества. И это в то время, когда лишь одно одиночество могло в какой-то степени облегчить ее горе. Какие страдания ей пришлось переносить и как часто она должна была сетовать по поводу создавшегося положения, в котором у нее ничего не осталось, кроме необходимости скрывать свои чувства!

3 декабря 1809 года их величества направились в собор Парижской Богоматери, где был исполнен «Те Деум», после которого императорский кортеж проследовал во дворец Законодательного собрания. Открытие его сессии было проведено с необычайной пышностью. Император занял свое место под аккомпанемент неописуемо бурного восторга, и никогда еще его появление не вызывало подобного взрыва аплодисментов. Даже императрица стала выглядеть более радостной, и казалось, ей доставляет большое удовлетворение выражение всеобщей любви к тому, кто вскоре не будет ее супругом; но когда император начал говорить, она вновь погрузилась в мрачные раздумья.

Было почти пять часов, когда кортеж вернулся в Тюильри, и в половине восьмого должен был начаться императорский банкет. В промежутке был проведен посольский прием, после которого гости проследовали в галерею Дианы. Император провел государственный обед в одежде, в которой он был на коронации, и ни на минуту не снимал с головы шляпу, украшенную плюмажем. Он ел больше обычного, изменив своей привычке, несмотря на испытываемые страдания, и без конца бросал вокруг взгляды, принуждая главного камергера каждый раз склоняться к нему в ожидании указаний, которых он не собирался давать. Императрица сидела напротив него в на редкость великолепном платье, украшенном вышивкой и сверкавшем от множества бриллиантов, но ее лицо выражало даже большее страдание, чем утром.

На следующий день в городской ратуше были продолжены великолепные торжества, во время которых императрица проявила свои обычные изящные манеры и уважение к

окружающим. Это было ее последнее появление на официальной церемонии.

Через несколько дней после всех этих празднований приехал вице-король Италии Евгений де Богарне, узнавший из уст самой императрицы об ужасном шаге, сделать который вынудили обстоятельства. От этой новости его охватило горе; возбужденный и полный отчаяния, он бросился искать его величество и, словно не мог поверить тому, что только что услыхал, спросил императора, правда ли то, что предстоит развод. Император кивнул, подтвердив это решение, и с печатью глубокой печали на лице протянул руку своему приемному сыну.

«Сир, разрешите мне уйти с вашей службы». — «Что?» — «Да, сир; сын той, кто более не является императрицей, не может оставаться вице-королем. Я хочу сопровождать мать в ее уединении и утешать ее». — «Евгений, ты хочешь покинуть меня? Ты? Ах, ты не знаешь, насколько вески причины, которые заставляют меня придерживаться намеченного плана. И если у меня будет сын — мое самое сокровенное желание, сын, который так необходим мне, кто будет заменять меня, когда я буду отсутствовать? Кто будет ему отцом, когда я умру? Кто будет растить его и кто сделает из него мужчину?» Слезы наполнили глаза императора, когда он произносил эти слова. Он взял руку Евгения и, притянув его к себе, нежно обнял. Конец этого интересного разговора я уже не слышал.

Наконец этот роковой день наступил. Это было 16 декабря. Императорская семья собралась одетая в строго официальные костюмы, когда вошла императрица в простом белом платье, полностью лишенном украшений. Она была бледна, но спокойна и облокачивалась на руку королевы Гортензии, которая была такой же бледной, но находилась в состоянии гораздо большего волнения, чем ее августейшая мать. Принц де Богарне стоял рядом с императором и так сильно дрожал всем телом, что казалось, он может упасть в любую минуту. Когда вошла императрица, граф Реньо де Сен-Жан д'Анжели зачитал документ о разводе.

Его прослушали в глубоком молчании, и каждое лицо выражало сильнейшие чувства участия и озабоченности. Императрица казалась более спокойной, чем все остальные, хотя слезы беспрестанно текли по ее лицу. Она сидела в кресле посреди салона, облокотившись на край стола, в то время как королева Гортензия стояла, всхлипывая, позади нее. Чтение документа закончилось, императрица встала, вытерла глаза и голосом почти твердым произнесла слова согласия, после чего села в кресло, взяла ручку у г-на Реньо де Сен-Жан д'Анжели и

подписала документ. Затем она тут же удалилась.

Во время этой ужасной церемонии император не произнес ни слова, не сделал ни одного жеста, но стоял неподвижно, словно статуя. Почти безумным взглядом он уставился в одну точку и пребывал в полном молчании и в подавленном настроении весь день.

Вечером, когда он только лег спать, а я ждал его последних указаний, вдруг отворилась дверь и вошла императрица. Ее волосы были в полном беспорядке, а лицо выдавало сильнейшее волнение. Ее вид привел меня в ужас. Жозефина (отныне она стала просто Жозефиной), дрожа, как в лихорадке, подошла к императору, остановилась и, заливаясь слезами самым душераздирающим образом, упала на постель, обвив руками шею императора, а затем стала осыпать его самыми нежными и бурными ласками. Я не могу описать свои чувства при виде всего этого. Император также зарыдал, присел на постель и, прижав Жозефину к груди, стал говорить ей: «Успокойся, моя хорошая Жозефина, будь более разумной! Успокойся, мужайся, мужайся. Я всегда буду твоим другом». Рыдания сдавили горло императрицы, и она не могла отвечать; и тогда последовала молчаливая сцена, во время которой их слезы и рыдания слились воедино, и эта сцена сказала больше, чем самые нежные выражения.

Наконец его величество, придя в себя от этого краткого забвения, увидел, что я нахожусь в комнате, и сказал прерывающимся от слез голосом: «Выйди, Констан». Я подчинился и вышел в соседнюю комнату. Через час мимо меня прошла Жозефина, по-прежнему печальная и в слезах. Поравнявшись со мной, она доброжелательно кивнула мне. Я затем вернулся в спальню императора, чтобы, как обычно, погасить свет. Император лежал молча, так закрывшись одеялом, что нельзя было увидеть его лицо.

На следующее утро он не упомянул о ночном визите, но у него был страдающий и угнетенный вил, и из его груди исходили вздохи, которые он не мог подавить. В течение всего времени, пока одевался, он не разговаривал и, как только закончился туалет, сразу же ушел в свой кабинет.

Условия разводя

Брак Наполеона и императрицы Жозефины был аннулирован в соответствии с указом Сената.

Этот подобострастный документ был представлен в следующем виде:

> *Датировано 16 декабря 1809 г.*
>
> *Статья I.* Брак, заключенный между императором Наполеоном и императрицей Жозефиной, расторгается.
>
> *Статья II.* Императрица Жозефина сохранит титулы и ранг коронованной императрицы.
>
> *Статья III.* Ее имущество гарантируется ежегодным доходом в размере двух миллионов франков из средств государственного казначейства.
>
> *Статья IV.* Все договоренности, которые могут быть достигнуты императором в пользу императрицы Жозефины из средств цивильного листа, должны быть соблюдены его преемниками.

Через некоторое время председатель церковного суда Парижа разорвал религиозные узы. Акт о гражданском браке содержал статьи, ставившие его под сомнение, что было достаточным для оправдания развода. Так как использование подобных средств противоречило характеру императора, он не разрешил обращаться к этим статьям. В качестве свидетелей при заключении гражданского брака выступали г-н Кальмале, друг семьи Богарне, и капитан Лемаруа, адъютант генерала Бонапарта. Возраст последнего (он родился в 1776 году) был недостаточен для выступления в качестве свидетеля: в 1796 году, когда был заключен брак, ему едва исполнилось двадцать лет. Возраст супругов был указан неправильно. Процедура вступления в гражданский брак была отмечена отклонениями от правовой нормы, что являлось естественным для того времени, когда заключался брак. Не запрашивались свидетельства о рождении будущих супругов. В регистрационном журнале было записано, что генерал Бонапарт родился 5 февраля 1768 года, на самом деле он родился 15 августа 1769 года. Это дало основание некоторым лицам предположить, что Наполеон родился до того, как Корсика была передана Франции. Являлась ли небрежность

поверенного генерала Бонапарта причиной того, что была указана именно эта дата рождения, или сам генерал добавил к своему возрасту восемнадцать месяцев, чтобы несколько сравняться с возрастом госпожи де Богарне, которая, со своей стороны, уменьшила свой возраст?

После скорбной и впечатляющей церемонии, которая разорвала узы брачного союза, император вернулся в свой кабинет, печальный и молчаливый, и повалился на кушетку, на которой он обычно сидел, в состоянии полной депрессии.

Распоряжения об отъезде в Трианон были даны заранее. Когда было объявлено, что кареты готовы к отъезду, Наполеон взял шляпу и сказал: «Меневаль, пойдешь со мной!»

Я последовал за ним по маленькой винтовой лестнице, которая вела наверх — из его кабинета в апартаменты императрицы. Жозефина была одна и казалась погруженной в самые болезненные раздумья. Шум от нашего появления в комнате вывел ее из состояния оцепенения, она вскочила с кресла и бросилась на шею императора, всхлипывая и не сдерживая слез. Он прижал ее к груди, целуя вновь и вновь, но в результате переизбытка эмоций она упала в обморок. Я позвонил в колокольчик, вызывая помощь.

Император, желая избежать лицезрения горя, которое он не мог смягчить, передал императрицу в мои руки, как только увидел, что она приходит в сознание, и приказал мне не покидать ее, а сам быстро удалился через гостиную первого этажа, у дверей которого его поджидала карета.

В смятении чувств Жозефина схватила меня за руки и самым серьезным образом умоляла просить императора, чтобы он не забыл ее. Она заставила меня дать обещание посылать ей новости о нем по прибытии в Трианон и проследить, чтобы он писал ей. Казалось, ей было трудно разрешить мне уехать, словно мой отъезд разрывал последние узы, связывающие ее с Наполеоном.

Констан

Отъезд Жозефины из Тюильри

Когда Жозефина покидала Тюильри, чтобы отправиться в Мальмезон, все придворные и слуги дворца, свободные от своих обязанностей, собрались в вестибюле, чтобы еще раз увидеть развенчанную императрицу, с которой все равно оставались их сердца.

Жозефина появилась под вуалью, полностью скрывавшей ее лицо, одной рукой опираясь на плечо сопровождавшей ее; придворной дамы, а другой придерживая платок у глаз. Все смотрели на нее, не смея вымолвить ни одного слова. Когда эта обожаемая всеми женщина прошла короткое расстояние, отделявшее ее от кареты, и села в нее, даже не бросив ни одного взгляда в сторону дворца, который она покидала навсегда, у всех провожавших ее возникло чувство невыразимой жалости. Шторы на окнах кареты были немедленно опущены, и лошади понеслись во весь опор.

Меневаль

Выбор императора — эрцгерцогиня Мария Луиза

По прибытии в Трианон я проинформировал императора о том, что произошло после его отъезда из Тюильри, и передал порученные мне для него сообщения. Наполеон, который все еще был под впечатлением от случившегося, пространно говорил о лучших качествах Жозефины и об ее искренней любви к нему. Он считал ее преданным другом и всегда хранил самые нежные воспоминания о ней. В тот же вечер он написал ей письмо, чтобы утешить в ее одиночестве.

Именно в Трианоне начались официальные переговоры о браке Наполеона, к которым, конечно, не приступали, пока не было уверенности в том, что предложение Наполеона будет принято.

Предметами выбора императора тогда оставались русская принцесса и эрцгерцогиня Австрии. Последняя в тайных замыслах Наполеона держалась в резерве.

Вызванный в Париж в связи с общественными делами, Наполеон был поражен атмосферой одиночества, царившей во дворце, в котором более не было Жозефины. Он ощущал потребность в семейной жизни, к которой привык, и этот пробел не всегда заполнялся правительственными заботами, которые постоянно умножались благодаря его возраставшей активной деятельности и дару предвидения, державшего все под контролем. Тем временем ответ из Санкт-Петербурга задерживался, и Наполеон стал подозревать, что эта задержка прикрывает скрытый отказ.

Для того чтобы избежать упреков в легкомыслии и непостоянстве, а также чтобы самому убедиться, как в действительности обстоят дела, Наполеон обратился с письмом непосредственно к русскому монарху.

Наконец от Александра был получен ответ. В нем содержались сплошь льстивые и торжественные заверения. Однако решение проблемы абсолютно не сдвинулось с места, застыв на уровне первого пробного шара. Наполеон, посчитавший, что его собственное достоинство и достоинство нации будет скомпрометировано дальнейшим ожиданием, взял на себя инициативу отказа от предполагаемого брака.

Австрийский посол в Париже соблаговолил известить императорский двор Австрии о положении дел. С этого момента

Наполеон сделал выбор в пользу эрцгерцогини.

Принцесса, которую он выбрал, была старшей дочерью императора Франца, до 1805 года являвшегося Францем II, императором Германии. После образования Рейнской Конфедерации, которая изменила организацию немецких государств, этот принц взял титул Франца I, императора Австрии, и с тех пор сохранял его.

История жизни Марии Луизы является зеркальным отражением истории жизни всех австрийских эрцгерцогинь, почти неизбежно получавших одинаковое образование.

Эти принцессы живут в абсолютном уединении, в окружении лишь гувернанток и слуг, к которым они, как правило, относятся как к домочадцам, разрешая им даже участвовать в своих играх. Их образование осуществляется профессорами под руководством воспитательниц, которые присутствуют на всех уроках. Главной учительницей эрцгерцогини Марии Луизы была графиня Коллоредо, а ее воспитательницей — графиня Лазански, достойная женщина, которая души не чаяла в своей ученице, а та, в свою очередь, была к ней чрезвычайно привязана. Обучение Марии Луизы было и в самом деле весьма тщательным. Она владела несколькими языками, даже латынью. Уже в раннем возрасте достигла больших успехов в музыке и рисовании. Она рисовала масляными красками и, приехав в Париж, брала уроки у Прюдона, одного из лучших наших художников; но была вынуждена отказаться от живописи, поскольку запах масляных красок стал дурно на нее действовать.

До самой последней минуты принимались все меры предосторожности, чтобы оградить юных эрцгерцогинь от любых впечатлений, которые могли бы плохо повлиять на их целомудрие. Безусловно, цель, достойная всяческих похвал, но средства, применявшиеся для ее достижения, выбирались не всегда благоразумно. Дух фанатизма и преувеличенных угрызений совести наносил скорее вред, чем пользу. Чтобы помешать принцессам читать книги, содержащие нецеломудренные пассажи, им выдавались искалеченные книги, в которых страницы, фразы и даже отдельные слова беспощадно вырезались ножницами. Такая неуклюжая цензура не могла не достичь прямо противоположного результата. Эти страницы, которых никто бы и не заметил, если бы им позволили остаться в книгах, давали юным умам пищу для самых разнообразных толкований, возбуждая до крайности их любопытство. Случалось и так, что царственные ученицы, кроме безразличия, ничего не испытывали к этим книгам, которые после в их глазах приобретали вид бездушных предметов, не представлявших

какого-либо интереса. Мария Луиза, уже став императрицей, бывало, признавалась, что отсутствие страниц в ее книгах разжигало в ней колоссальное любопытство. Как она рассказывала, первым делом, которым она занялась, когда получила свободу читать все, что хотела, был просмотр всех страниц, вырезанных из ее школьных книг, чтобы выяснить, что именно хотели скрыть от нее родители.

Нужно ли добавлять, что животным мужского пола никогда не разрешалось появляться в их апартаментах, что единственные домашние животные, которых разрешалось иметь принцессам, были женского пола, потому что эти особи менее всего, судя по всему, были способны поколебать устои.

Эта система образования, которая практиковалась еще во времена детства Марии Луизы, вероятно, с тех пор была изменена. Более того, мои замечания относятся только к детским годам эрцгерцогинь, которые, достигнув юности, получали разностороннее образование, и среди их учителей были профессора из числа наиболее выдающихся писателей и ученых.

Эрцгерцогиня Мария Луиза при первом же разговоре с ней о браке с императором Наполеоном почувствовала себя почти жертвой, которую предстояло принести в угоду Минотавру. Она часто рассказывала мне, что росла если не в ненависти, то, по крайней мере, с очень враждебным чувством к человеку, который не один раз ставил дом Габсбургов на край гибели и заставил ее семью спасаться бегством из собственной столицы.

Любимая игра ее братьев и сестер состояла в том, что они выстраивали в один ряд войско маленьких деревянных или восковых фигурок, которые представляли французскую армию, во главе ее они ставили самую черную и безобразную фигурку и булавками насквозь прокалывали ее, осыпая проклятиями и оскорблениями. Однако, воспитанная в традициях пассивного послушания, Мария Луиза была вынуждена смириться со своей участью. С этой минуты она старалась понять человека, о котором до этой поры если и думала, то только с чувством враждебности. Ее прежнее предвзятое мнение о нем изменилось, когда она узнала о его личных качествах, о том счастье, которое он принес Жозефине, и о любви, испытываемой к нему со стороны французов.

Она покинула Вену, желая угодить Наполеону; когда она узнала его характер, полностью покорилась ему. В то время, когда Мария Луиза беседовала со мной, а это было в 1813 году, она испытывала настоящую любовь к императору и была искренне связана с его судьбой. Она лелеяла мечту о том, чтобы в один прекрасный день поехать вместе с ним в Австрию, нанести визит

ее семье и еще раз посетить очаровательные окрестности Вены, столь дорогие ее сердцу еще со времен детства.

Император провел около трех месяцев в Париже, в течение которых ожидал исхода переговоров, начавшихся в Санкт-Петербурге. Затем, дав поручительство князю Шварценбергу, он распорядился о составлении документа о помолвке с последующим браком с эрцгерцогиней Марией Луизой. Герцог де Ладор и посол Австрии поставили свои подписи под документом. Одновременно Наполеон подписал декрет о назначении господ и дам, которые должны были составить придворный обслуживающий персонал новой императрицы.

Констан

Подготовка к браку

После развода с императрицей Жозефиной император выглядел весьма озабоченным. Так как было известно, что он вновь собирается вступить в брак, то все придворные в замке и обслуживающий его величество персонал проявляли большой интерес к этому вопросу, хотя наши предположения относительно принцессы, предназначенной разделить имперскую корону, оказались ошибочными. Одни говорили о русской принцессе, в то время как другие утверждали, что император женится только на француженке; но никому в голову не приходила мысль об австрийской эрцгерцогине. Когда же вопрос о браке был решен, в императорском дворце только и говорили о юности, изяществе и природной доброте новой императрицы. Император находился в очень приподнятом настроении и уделял больше внимания своей внешности, дав мне указания обновить его гардероб и заказать новые мундиры, которые бы лучше сидели на нем и больше соответствовали моде. Император также позировал художнику, и готовый портрет его величества маршал Бертье отвез Марии Луизе; одновременно император получил портрет своей молодой супруги, которым остался доволен.

Император для того, чтобы добиться любви Марии Луизы, совершил больше неподобающих его сану поступков, чем он это делал когда-либо для другой женщины. Например, однажды он остался один с королевой Гортензией и принцессой Стефанией. Последняя не без озорства спросила его, а знает ли он, как следует танцевать вальс, и его величество ответил, что никогда не был способен пойти дальше первого урока, потому что после двух или трех поворотов у него так кружилась голова, что он был вынужден остановиться. «Когда я учился в военной школе, — добавил император, — я вновь и вновь пытался преодолеть тошноту, которую у меня вызывало вальсирование, но у меня ничего не получалось. Наш учитель танцев советовал нам, чтобы скорее научиться танцевать вальс, вместо дамы взять в руки стул. Я никогда не падал со стулом, потому что прижимал его к груди с такой любовью, что он тут же ломался; и таким образом стулья в моей комнате, а также стулья двух или трех моих соучеников оказывались сломанными один за другим». Эта история, рассказанная его величеством очень живо и наглядно, вызвала взрыв смеха у принцесс.

Когда это бурное веселье несколько поутихло, принцесса Стефания возобновила свою попытку, обратившись к императору: «Очень жаль, что ваше величество не знает, как надо танцевать вальс, так как немцы просто без ума от вальса, и императрица, естественно, будет разделять вкусы своих соотечественников; кроме императора, она не может иметь других партнеров и поэтому будет лишена большого удовольствия по милости вашего величества». — «Ты права! — воскликнул император. — Хорошо, преподай мне урок, и тогда я продемонстрирую тебе образец моего искусства». После чего он поднялся с кресла и начал делать повороты вальса, прислушиваясь к мелодии танца, которую напевала королева Пруссии; но он не смог сделать более трех поворотов в танце, да и те он проделал так неуклюже, что еще больше развеселил своих дам. Тогда принцесса Бадена остановилась и заявила: «Сир, этого достаточно для того, чтобы убедить меня в том, что вы всегда будете только плохим учеником. Вам суждено давать уроки, а не брать их».

Брак по доверенности

В начале марта 1810 года маршал Бертье отправился в Вену с поручением от имени Наполеона просить руки Марии Луизы. Эрцгерцог Карл, выступая в качестве доверенного лица императора, оформил его брак с эрцгерцогиней Марией Луизой, и она сразу же собралась во Францию, заехав сначала в маленький город Браунау. Этот город, расположенный на границе между Австрией и Баварией, был определен в качестве места, где ее величеству предстояло перейти под опеку французской свиты. Дорога из Страсбурга вскоре была заполнена каретами, перевозившими в Браунау обслуживающий персонал новой императрицы.

Большинство дам этого персонала обслуживали императрицу Жозефину, и теперь им предстояло обслуживать Марию Луизу.

Император хотел сам убедиться в том, что приданое и свадебные подарки, предназначенные для его новой супруги, достойны как его особы, так и особы Марии Луизы: в результате вся одежда и белье были привезены в Тюильри, показаны ему и затем упакованы под его личным наблюдением. Все, что увидел император, отличалось хорошим вкусом и элегантностью, сравнимыми только с богатством материалов, из которых были сшиты. Поставщики и модистки Парижа работали над ними в соответствии с моделями, присланными из Вены; и когда эти модели были показаны императору, он взял одну из туфелек,

которая была удивительно мала, и стукнул ею меня ласково по щеке, сказав: «Посмотри, Констан, этот туфелек служит хорошим предзнаменованием. Ты когда-либо видел ножку, подобную этой? Она сделана для того, чтобы носить ее в руке».

Ее величество королева Неаполитанская была послана императором в Браунау, чтобы встретить императрицу. Королева Каролина, о которой император однажды сказал, что она — мужчина среди его сестер, так же, как принц Жозеф — женщина среди его братьев, приняла, как говорят, застенчивость Марии Луизы за слабость ее характера и посчитала, что достаточно ей только произнести слово, как ее юная невестка тут же поспешит выполнять ее приказы. По прибытии Каролины в Браунау была проведена торжественная церемония передачи Марии Луизы французской делегации. Императрица простилась со своими придворными дамами, оставив у себя на службе только первую фрейлину, госпожу де Лазански, которая воспитывала ее и никогда не покидала.

Правила этикета требовали, чтобы придворное окружение императрицы было исключительно французским, и приказы императора на этот счет отличались особой педантичностью. Императрица следовала из Австрии во Францию только короткими отрезками пути. В каждом городе ей оказывали торжественную встречу. Ежедневно император посылал ей письма, написанные собственноручно, и она на них регулярно отвечала. Первые письма императрицы были краткими и, вероятно, холодными, поскольку император о них ничего не говорил; но потом письма императрицы становились все более пространными и более нежными. Император прочитывал их с восторгом, ожидая с нетерпением двадцатилетнего влюбленного очередного письма и говоря, что курьеры двигаются слишком медленно, хотя они просто загоняли своих лошадей.

Император не переставал ругать торжества и празднества, которые задерживали прибытие его молодой супруги. Для встречи императрицы около Суасона был специально разбит лагерь. На пути в Суасон, в Компьене, император подписал декрет, содержавший несколько статей, посвященных благодеяниям и привилегиям с его стороны по случаю брака. Так, в соответствии с декретом, на свободу выпускались многие осужденные, были объявлены и иного рода амнистии, а также продвижения по службе, повышения в должности и т. д.

В конце концов его величество, узнав, что императрица находится в десяти лье от Суасона, не смог дольше сдерживать нетерпение и во всю мощь своего голоса вызвал меня: «Эге, эй, Констан! Заказывай карету без слуг в ливрее и приходи сюда,

чтобы одеть меня». Император хотел сделать сюрприз императрице и явиться к ней, не оповестив заранее. Он от души расхохотался, представив себе, какой произведет эффект своим неожиданным появлением. Он одевался гораздо более тщательно, чем обычно, если слово «тщательность» вообще применимо при его отношении к одежде. Особое внимание он уделял тому, чтобы выглядеть изысканным. С оттенком горделивого кокетства он облачился в серый мундир, который носил во время сражения при Ваграме, и, нарядившись таким образом, сел в карету вместе с неаполитанским королем. Обстоятельства первой встречи их императорских величеств хорошо известны.

В маленькой деревушке Курсель император встретил последнего курьера, который всего лишь несколько минут тому назад покинул кортеж императрицы. Шел проливной дождь, и его величество укрылся от него на паперти деревенской церкви. Когда карета императрицы проезжала мимо, император подал знаки форейторам остановиться. Конюший, находившийся у дверей кареты императрицы, узнал императора и, опустив лесенку кареты, громогласно объявил о появлении его величества. Император, несколько раздраженный усердием конюшего, крикнул ему: «Разве ты не видел, что я давал тебе знаки молчать?»

Однако это слегка испорченное настроение императора туг же исчезло; он бросился обнимать Марию Луизу, которая, держа в руке потрет своего супруга, заметила, очаровательно улыбнувшись: «А вам портрет не льстит».

В Суасоне для императрицы и ее эскорта был приготовлен великолепный ужин; но император распорядился проехать дальше до самого Компьеня, не обратив внимания на аппетиты свиты императрицы.

Меневаль

Представление Марии Луизе персонала императорского двора

Хотя обычно монархи сами пишут письма друг другу, тот факт, что император не умел писать разборчиво, привел к тому, что его письма писал секретарь. Однако, учитывая чрезвычайные обстоятельства своего брака, Наполеон захотел написать собственной рукой письмо своему будущему тестю, императору Францу. Но для него это стало просто кошмаром! Наконец, затратив массу труда, ему удалось написать письмо, которое было более или менее разборчивым. Он попросил меня подправить скверно написанные буквы таким образом, чтобы мои исправления не были слишком заметны. Я постарался выполнить как можно лучше порученную мне работу и направил письмо по адресу: «Его Величеству, Сиру, моему Брату, Императору Австрии». Конечно, адресат так и не узнал, какие муки это письмо вызвало у его автора.

У Марии Луизы, находившейся тогда в расцвете и блеске своей юности, был бюст идеальной формы. Корсаж ее платьев был длиннее тех, которые носились в то время, что еще больше усиливало природное достоинство ее осанки и резко контрастировало с безобразными, короткими корсажами наших дам. Ее лицо разрумянилось от путешествия и от понятной нервозности. Светло-каштановые волосы, шелковистые и пышные, обрамляли свежее полноватое лицо, которому придавали очаровательное выражение полные нежности глаза. Ее губы, довольно припухлые, воскрешали в памяти типажи австрийской правящей семьи, так же, как и незначительная горбинка носа — характерная для принцев дома Бурбонов. Вся она дышала доброжелательностью и целомудрием, а полнота, пропавшая после родов, свидетельствовала о хорошем состоянии здоровья.

Наполеон копировал Генриха IV, действовавшего по отношению к Марии де Медичи в схожих условиях. Для императора была подготовлена комната в доме канцлера, но его нетерпение встало на пути этой части предусмотренной церемонии. Он не покинул дворец, что оставило широкое поле для различных предположений и догадок. Первое представление новой императрице интерьера дворца на следующий день началось с показа императорского кабинета. Решил ли император тем самым полностью продемонстрировать ей свое доверие или он считал кабинет самой важной комнатой во дворце?

Случилось так, что я был среди первых лиц, кто имел честь выразить свое уважение императрице Марии Луизе. В час дня было проведено представление дам и господ императорского двора, которые не совершали путешествия из Браунау и сейчас принесли присягу верности. Затем пришел черед генералов императорской охраны, министров, которые были в Компьене, офицеров высшего ранга, фрейлин и камергеров, назначенных для обслуживания императрицы во время переезда из Компьеня.

Констан

Отношение императора к Марии Луизе

Когда пришел один из близких друзей его величества, император потянул его за уши и сказал: «Мой дорогой друг, женитесь на немке. Они самые лучшие жены в мире: нежные, добрые, бесхитростные и свежие, как розы». По тому чувству глубокого удовлетворения, с которым император высказал все это, было легко догадаться, что он рисует портрет и что совсем недавно художник покинул модель. Одевшись, император вернулся к императрице и ближе к полудню им принесли завтрак, который около постели обслуживался придворными дамами ее величества. Весь день он пребывал в состоянии радостного оживления и, изменив своему обычному порядку, заново оделся к обеду, явившись на него в мундире, сшитом портным неаполитанского короля; но на следующий день отказался вновь надеть этот мундир, заявив, что он слишком неудобный.

Император, как можно видеть из приведенных выше деталей, очень нежно любил свою новую супругу. Он оказывал ей постоянное внимание, и все его поведение выдавало в нем пылко влюбленного любовника. Тем не менее это не правда, как кто-то утверждал, что, к сильнейшему удивлению его министров, он три месяца не приступал к работе; ибо работа для императора была не только обязанностью, но одновременно и необходимостью и удовольствием, от которых никакое другое увлечение, каким бы большим оно ни было, не могло его отвлечь. И в этом случае, как и в каждом другом, он прекрасно знал, как следует соединить долг перед империей и армией с обязательствами по отношению к своей очаровательной супруге.

Когда императрица Мария Луиза вышла замуж, ей было только девятнадцать лет. У нее были светлые волосы, глаза — голубые и выразительные, осанка — величественная, а фигура — просто поразительная. Ее руки и ноги могли служить образцом для модели; и в самом деле, от нее веяло юностью, здоровьем и свежестью. В отношении к придворному персоналу она придерживалась высокомерной сдержанности, но говорили, что в личной жизни проявляла нежность и дружелюбие. Один факт я могу подтвердить безоговорочно, а именно то, что она с большой любовью относилась к императору и полностью подчинилась его воле. Во время их первой беседы император спросил ее, какие рекомендации она получила, уезжая из Вены. «Быть полностью

преданной вам и подчиняться вам во всем». Судя по всему, у нее не возникало трудностей с соблюдением этих рекомендаций.

Никому не удавалось найти сходства между первой императрицей и второй: за исключением однотипности характера, да еще чрезвычайного уважения к императору, одна была прямой противоположностью другой; и следует признать, что император от души поздравлял себя с этим фактом, ибо в разнице между ними он обнаружил новизну и очарование.

Сам он сравнивал своих жен так: «Одна (Жозефина) была сплошь искусство и изящество, другая (Мария Луиза) — целомудрие и природная простота.

Ни в какой момент жизни манеры или привычки первой не были иными, кроме как милыми и привлекательными, и было бы просто невозможно заставить ее поступиться этими качествами, ибо в своей жизни она поставила специальную цель производить только благоприятное впечатление о своей особе, и она добивалась этой цели, никому не позволяя заметить это. Все, чем искусство может способствовать усилению привлекательности, было испробовано ею, но так умело, что в лучшем случае о существовании подобного обмана можно было бы только подозревать.

С другой стороны, в голову второй никогда не приходила мысль о том, что она могла чего-то достичь, прибегая к невинным, но искусным проделкам. Первую всегда искушало желание посягнуть на правду, и ее первой реакцией на все всегда было отрицание. Вторая не признавала двух мнений, и любой обман был чужд для нее. Первая никогда ничего не просила, но была вся в долгах. Вторая без колебаний обращалась с просьбой, если в чем-то нуждалась, что случалось редко, и никогда ничего не покупала, если не чувствовала себя обязанной немедленно оплатить покупку. Суммируя все вышесказанное, обе были хорошими, нежными супругами, очень привязанными к своему мужу».

Такими, или почти такими, были слова, сказанные императором о своих супругах. Можно заметить, что, сравнивая их, он в большей степени отдавал предпочтение второй супруге и приписывал ей качества, которыми она не обладала, или же сильно преувеличивал те, которые ей были присуши.

Император пожаловал 500 000 франков на гардероб Марии Луизы, но она никогда полностью не тратила эту сумму. Она не отличалась хорошим вкусом и выглядела бы совсем неэлегантной, если бы у нее не было хороших советниц. В те дни, когда император хотел, чтобы она выглядела особенно хорошо, он приходил к ней помогать наряжаться и самолично примерял для

пущего эффекта различные украшения на голове, шее, руках, всегда выбирая что-то очень красивое. Император был отличным супругом. Как супруг он мог служить примером для всех своих подданных; и все же я не думаю, что он любил Марию Луизу так же нежно, как Жозефину. Последняя обладала очаровательным изяществом, добротой, умом и испытывала большую нежность к супругу, о чем император хорошо знал и что ценил в высшей степени; и хотя Мария Луиза была намного моложе, она была гораздо холодней Жозефины и не обладала изяществом манер. Я думаю, что она была очень привязана к мужу, но была сдержанной и скрытной и ни в коем случае не заняла место Жозефины в сердцах тех, кто испытывал счастье, находясь рядом с последней.

Вопреки покорности, с которой она попрощалась с австрийскими придворными, совершенно очевидно, что она относилась с сильным предубеждением не только к собственному обслуживающему персоналу, но также и к обслуживающему персоналу императора и никогда не позволяла себе теплых слов в адрес личных слуг императора. Я часто видел ее, но ни улыбкой, ни взглядом, ни каким-либо жестом императрица не давала мне понять, что я в ее глазах представляю нечто большее, чем просто посторонний человек.

Император с самого начала принял строжайшие меры предосторожности, чтобы никто, особенно ни один мужчина, не обращался к императрице без присутствия свидетелей. Без разрешения императора ни один мужчина, за исключением г-на де Меневаля, секретаря императрицы по вопросам протокола, и г-на Балуйе, контролировавшего расходы императрицы, не имел права появляться в ее личных апартаментах; даже придворные дамы, за исключением главной фрейлины и фрейлины, ответственной за наряды императрицы, принимались Марией Луизой только после ее согласия на эту встречу. От придворных дам, обслуживавших личные апартаменты императрицы, требовалось, чтобы они следили за соблюдением всех этих правил и несли ответственность за их нарушение; и одна из них должна была присутствовать на уроках музыки, рисования и вышивания, которые давались императрице, и писать письма под ее диктовку или в соответствии с ее указаниями.

Император не желал, чтобы хотя бы один мужчина в мире мог похвастаться тем, что находился наедине с императрицей в течение двух минут; и он очень сурово отчитал дежурную придворную даму за то, что она однажды пребывала в другом конце зала, когда г-н Бьенне, ювелир, назначенный обслуживать императорский двор, показывал ее величеству секретное

отделение в портфеле, который он сделал для нее. В другой раз император был очень недоволен тем, что дежурная придворная дама не сидела рядом с императрицей, когда та брала урок музыки у г-на Паера.

Меневаль

Религиозная церемония брака

Утром того дня, когда праздновалась религиозная церемония брака, при одевании императрицы присутствовал император. Фрейлины — две французские и одна итальянская — и надзирательница за мантиями возложили корону на голову императрицы в его присутствии. Решение императора относительно этой короны было следующим:

«В день церемонии брака императрица будет носить коронационную корону, пусть не очень красивую, но имеющую характерные особенности, которые я хочу придать моей династии. Эта корона будет возлагаться на голову императрицы только во время самых главных и ответственных церемоний. На обычных церемониях императрица будет носить бриллиантовую корону с крытым верхом. У такой короны нет характерных особенностей, и я для императрицы заказал изготовить ее с бриллиантами. На следующий день после церемонии брака императрица на приеме в ее часть будет носить корону с крытым верхом. Наполеон».

Торжественный въезд императора и императрицы в Париж 2 апреля [1810 года] представлял внушительное зрелище. Триумфальная арка на площади Этуаль, под которой проезжали монархи, была украшена декорацией, изображавшей арку в завершенном виде. Погода, которую накануне омрачал дождь, стала прекрасной, и яркое солнце щедро посылало свои лучи на процессию, войска и толпу зрителей, составлявших почти все население Парижа. Их высочества были встречены на площади Этуаль префектом департамента Сены и членами муниципалитета.

Императорская процессия прибыла ко дворцу Тюильри, следуя вдоль Елисейских полей и затем по саду, у входа в который была возведена триумфальная арка. Отдохнув в гостиных дворца и в галерее Дианы, процессия проследовала дальше к знаменитой галерее Аполло музея Лувра, где была смонтирована часовня. Королевы Испании, Голландии и Вестфалии, принцессы Элиза и Полина несли шлейф мантии императрицы. Кардинал Феш, Великий Альмонер церкви (главный раздатчик церковной милостыни), благословил супругов. После церемонии дамы, которые возложили корону на голову императрицы, сняли с нее корону и императорскую

мантию, которые главный камергер, управляющий императорской гардеробной, вернул в собор Парижской Богоматери. Этот представитель императорского двора должен был утром, до начала церковного бракосочетания, отправиться в собор и принести эти вещи согласно церемониалу, предусматривающему также возвращение этих знаков императорского отличия в кафедральное казначейство.

Покинув галерею Аполло, император, взяв императрицу за руку, повел ее на балкон павильона башенных часов, с которого они наблюдали за смотром проходящих маршем различных подразделений императорской гвардии. В помещении дворцового театра был дан банкет, а затем их величества слушали концерт, устроенный прямо под окнами дворца. После окончания концерта последовала демонстрация фейерверка по всей длине Елисейских полей.

После завершения празднеств императорский двор вернулся в Компьень, где был дан большой дипломатический прием, на котором также присутствовали знатные иностранные гости. Пока Наполеон находился в Компьене, он получил много поздравительных писем почти от всех царствующих домов. Компьенский замок был украшен и обставлен мебелью с элегантностью и вкусом, достойными его назначения. Среди других комнат в распоряжении Марии Луизы был будуар, обильно украшенный бесценными кашемировыми шалями. Позднее императрица распорядилась их снять. В действительности украшавшие будуар шали были развешаны в качестве подарка, чтобы она использовала их по своему усмотрению.

Обслуживающий персонал и правила протокола Марии Луизы

Императрица Жозефина дома пользовалась большой свободой. У нее было много знакомых. Желание быть полезной императору и способствовать повышению его популярности заставляло ее улучшать и сохранять имеющиеся связи и приобретать новые. Брак императора с иностранной принцессой, недостаточно опытной и не очень известной парижскому обществу, вызвал, конечно, необходимость изменить привычный образ жизни императорского двора и организовать работу обслуживающего персонала новой императрицы в менее независимой манере. Меры предосторожности в отношении императрицы были приняты, чтобы держать ее подальше от интриг и от обширного круга знакомств, но изоляция,

порожденная этими мерами, нанесла серьезный вред, ставший очевидным только по прошествии времени.

Наполеон назначил герцогиню Монтебелло, вдову маршала Ланна, убитого в сражении при Эсслинге, первой фрейлиной императрицы Марии Луизы. Его выбор встретил общее одобрение. Госпожа Монтебелло была на десять лет старше императрицы. Она была очень красивой женщиной с уравновешенным, спокойным характером и имела безупречную репутацию. Назначая ее, император заявил: «Я даю императрице настоящую первую фрейлину».

На личные расходы императрице ежемесячно выдавалось 50 000 франков. Каждый месяц бедным раздавалось десять тысяч франков. Эти раздачи проводились расчетливо, только после тщательного наведения справок. Остаток от положенной суммы предназначался на покупку одежды. Мария Луиза была экономной императрицей, стремившейся никогда не выходить за рамки ежемесячного содержания. Она раздавала много подарков и всегда держала в резерве в кошельке, лежавшем в ее письменном столе, 2500 франков, которые она никогда не трогала.

Поездка в северные департаменты Франции

В конце апреля император и императрица выехали из Компьеня и остановились в Сен-Кантене, где Наполеон, как обычно, вникал во все детали деятельности правительства, потребности и ресурсы промышленности. Его вопросы, всегда отличавшиеся точностью и конкретностью, свидетельствовали о том, как много значила для него эта практическая сторона. Он детально инспектировал фортификационные сооружения разных крепостей севера Франции. У него был настолько быстрый и наметанный взгляд, что, всего лишь объезжая вокруг крепостной ограды форта, часто галопом, он замечал слабые места в сооружении и по возвращении мог продиктовать свои рекомендации, в которых не пропускал ни одной мало-мальски важной детали.

Бельгия

После празднеств, посвященных бракосочетанию, Наполеон, не выпускающий из поля зрения положение дел в бельгийских провинциях, принял решение посетить их, а также часть

Голландии, недавно присоединенную к Франции. Планируя эту поездку, он хотел не только разнообразить жизнь императрицы и показать ее народам Бельгии и новым провинциям Франции. Основная цель императора заключалась в том, чтобы собственными глазами оценить создавшуюся там ситуацию, выяснить последствия провала английского десанта в Валхерене и уточнить, до какой степени нарушились положения континентальной блокады. Он также хотел узнать, что можно сделать для возмещения ущерба, нанесенного голландской торговле разрывом экономических связей с Англией, и успокоить Нидерланды, насколько это было возможно, в связи с введенными там императором законами, направленными против Англии, но затрагивающими интересы Нидерландов.

Констан

Голландия

Примерно в конце апреля 1810 года их величества начали поездку по северным департаментам.

Их величеств сопровождали король и королева Вестфалии и принц Евгений. Король Голландии присоединился к ним в Антверпене.

В Мидделбурге император поднялся на борт корабля «Шарлемань», чтобы доплыть до устья реки Шельда и посетить порт и остров Флашинг. Во время этого плавания мы попали в страшный шторм, были сорваны три якоря подряд; нас поджидали и другие неприятности, представлявшие немалую опасность.

Император очень страдал от морской болезни и то и дело бросался на постель, предпринимая отчаянные попытки стошнить, что делало его болезнь еще более мучительной. Мне повезло, меня совершенно не беспокоила морская болезнь, поэтому я был в состоянии уделить внимание императору, тем более что все члены его свиты также стали жертвами этой болезни, а мой дядя, который был дежурным лакеем и обязан был стоять у дверей каюты его величества, беспрерывно падал на пол и корчился в агонии болезни. Во время этого шторма, продолжавшегося в течение трех дней, император с трудом сдерживал нетерпение, чтобы скорее сойти с корабля. «Я думаю, — заявил он, — что из меня получился бы плохой адмирал».

Уроки верховой езды для Марии Луизы

Вскоре после нашего возвращения из этой поездки император захотел, чтобы императрица научилась ездить на лошади, и с этой целью она посетила манеж в Сен-Клу. Несколько человек из обслуживающего персонала собрались на галерее, чтобы понаблюдать за ее первым уроком, среди них был и я; я был свидетелем нежной заботы императора о своей молодой жене, которая оседлала послушную, хорошо выезженную лошадь и ехала на ней по манежу, в то время как император держал ее за руку и шел рядом, а г-н Жарден, главный конюший, держал уздечку. При первом же шаге лошади императрица вскрикнула от

испуга, после чего император сказал ей: «Успокойся, Луиза, будь смелее. Чего ты должна бояться? Разве я не с тобой?» Вот так и продолжался урок: с одной стороны поддержка, с другой — страх. Вскоре она преодолела свою робость и закончила тем, что стала очень хорошей наездницей.

Меневаль

Проблемы Жозефины

Тем временем императрица Жозефина, после того как провела месяц апрель в Наварре, вернулась в замок Мальмезон, где предалась глубокой меланхолии. С большим трудом она привыкала к своему новому положению. После развода она сохранила титул и ранг императрицы-королевы и стала обладательницей дохода в три миллиона франков; в Мальмезоне при ней был двор, который придерживался такого же этикета, что и в Тюильри. Император хотел, чтобы она продолжала принимать лиц из императорского двора, знаменитостей, министров и высокопоставленных представителей власти: частое посещение ими Мальмезона доставляло ему удовольствие.

Констан

Пожар в резиденции Шварценберга

Императрица была в том возрасте, когда особенно привлекательны балы и праздники; но император более всего опасался, что она станет от них уставать, и, соответственно, празднества и развлечения при императорском дворе и в городе постепенно сокращались. Праздник, устроенный в честь их величеств князем Шварценбергом, послом Австрии, закончился ужасным происшествием.

Князь занимал помещение бывшего отеля де ла Монтесон на улице де ла Шоссе д'Антен; и для того, чтобы дать бал, он пристроил к своей резиденции зал и деревянную галерею, украшенные большим количеством цветов, флагами, канделябрами и т. п. Когда император, присутствовавший на празднике в течение двух или трех часов, уже было собрался покидать бал, один из занавесов, прикрывавших окно, от порыва ветра распахнулся и задел горящий факел, слишком близко поставленный у окна. Занавес моментально охватило пламя. Несколько человек безуспешно пытались потушить огонь, сорвав занавес на пол и сбивая пламя руками, но в мгновение ока тут же вспыхнули другие занавесы, бумаги, гирлянды и загорелась деревянная пристройка к основному зданию.

Император одним из первых осознал, как быстро распространится огонь и к чему это приведет. Он поспешил подойти к императрице, которая, поднявшись с кресла, уже поджидала его, и вместе они, не без некоторых трудностей, поскольку толпа гостей бросилась к дверям, выбрались из здания; королевы Голландии, Неаполя, Вестфалии, принцесса Боргезе и другие высокопоставленные гости последовали за их величествами, в то время как супруга Евгения Богарне, находившаяся в положении, оставалась в зале на платформе, сооруженной для императорских лож. Вице-король, опасаясь за свою жену, когда с силой заполыхал огонь и толпа гостей буквально обезумела, сумел вывести ее сначала в здание, а затем на улицу через маленькую дверь, прорубленную в платформе для обслуживания их величеств легкими закусками. До вице-короля Евгения никто не подумал об этой двери, и только несколько человек последовали его примеру. Королева Вестфалии не могла успокоиться даже тогда, когда выбралась на террасу, и в испуге выскочила на улицу Тебу, где ее обнаружил прохожий.

Император проводил императрицу до самого начала Елисейских полей, где оставил ее, а сам вернулся к месту пожара и не возвращался в Сен-Клу до четырех часов утра. Со времени прибытия императрицы нас всех в замке одолевали самые дурные предчувствия в отношении императора и не покидало чувство беспокойства за него. Наконец он приехал, в полном здравии, но очень уставший. Вся его одежда находилась в полнейшем беспорядке, а лицо было в черных пятнах от копоти. Огонь опалил и в некоторых местах обжег его туфли и чулки. Он сразу же прошел в комнату императрицы, чтобы убедиться в том, что она оправилась от пережитого страха. Затем он вернулся в свою комнату и, бросив шляпу на постель, рухнул на кушетку, воскликнув: «Бог ты мой! Ну и праздник!»

Я заметил, что руки у императоры абсолютно черные. Перчатки он потерял во время тушения пожара. Он пребывал в состоянии сильной подавленности и, пока я раздевал его, спросил меня, присутствовал ли я на празднике, устроенном князем, и, когда я дал отрицательный ответ, соблаговолил рассказать мне о некоторых подробностях этого ужасного события. Причем император рассказывал с такой эмоциональностью, которую он проявлял на моих глазах только два или зри раза в жизни и которую он никогда не демонстрировал в связи с собственными невзгодами.

«Сегодня, — сказал император, — жертвой пожара стала героическая женщина. Невестка князя Шварценберга, услыхав из горящего зала крики, решила, что они принадлежат ее старшей дочери, и ринулась в самое пекло, но пол, почти уже сгоревший, рухнул под ее ногами, и она исчезла. В конечном счете бедная мать ошиблась, ведь все ее дети были вне опасности. Были предприняты все возможные и невозможные усилия и, наконец, ее вытащили из бушевавшего пламени; но она была уже практически мертвой, и все меры, принятые врачами, чтобы вернуть ее к жизни, оказались напрасными». Эмоциональность императора еще больше возросла к концу этого повествования.

Я заранее позаботился о том, чтобы приготовить ему ванну, предвидя, что она понадобится, когда он вернется. И теперь его величество принял ее и после привычного массажа почувствовал себя гораздо лучше. Все же я помню его нескрываемый страх, что ужасное происшествие той ночи предвещает некое фатальное событие, и он долго сохранял в душе это дурное предчувствие.

Три года спустя, во время прискорбной кампании в России, императору объявили, что уничтожен армейский корпус под командованием князя Шварценберга, а сам князь погиб; уже после выяснилось, что эти вести оказались ошибочными, но в тот

момент он воскликнул, словно в ответ на мысль, долго занимавшую его: «Тогда это был он, кому угрожало дурное предзнаменование».

Рано утром следующего дня император направил пажей в дома всех тех, кто пострадал от катастрофы, чтобы они выразили им сочувствие императора и выяснили их состояние. Его величество получил печальные ответы. Княгиня де ла Лайен скончалась от полученных ран; и состояние генерала Тузара, его супруги и дочери было безнадежным — и действительно, в тот же день они скончались. Были еще и другие жертвы этой катастрофы; среди тех, кто восстановил свое здоровье после продолжительных страданий, были князь Куракин и госпожа Дюроснель, супруга генерала Дюроснеля.

Меневаль

Голландия и блокада

Когда декреты британского кабинета министров вынудили Наполеона прибегнуть к континентальной блокаде, стало очевидным, что Голландия сможет сохранить свою независимость или честно выполняя ее условия, или благодаря мирному соглашению по вопросам мореходства. Ответ короля Луи на настоятельные требования императора закрыть порты Голландии для торговли с Англией подразумевал, что континентальная блокада вызовет гибель Голландии.

Тогда император решил, что, принимая во внимание безопасность наших границ и строгое выполнение условий континентальной блокады, он более не может откладывать военную оккупацию голландских границ. Связи между этой страной и Англией не прерывались, и британская торговля продолжала находить рынки в голландских портах. Переговоры с королем Луи начались незамедлительно. Между императором и его братом состоялся очень резкий разговор, и тогда Наполеон впервые пригрозил оккупировать всю Голландию. Король отправил в Голландию письменное приказание оказывать сопротивление французским войскам всеми средствами, вплоть до затопления страны. Он запретил выполнение любых приказаний, которые бы противоречили вышеупомянутым, и отдал приказ голландским войскам держаться до конца, пока он не вернется в страну. Во время этих переговоров, проходивших в столь напряженной обстановке, что можно было ожидать самого неприятного исхода, маршал Удино получил приказ оккупировать крепости Берг-оп-Зоом и Бреда. Король Луи отрекся от престола.

Констан

Отречение от престола короля Голландии

Получив известие об отречении от престола своего брата Луи, его величество выглядел очень огорченным и сказал: «Я предвидел это сумасшествие со стороны Луи, но не думал, что он будет так торопиться». Тем не менее император вскоре решил, какого курса ему следует придерживаться. Несколько дней спустя он, хранивший молчание, пока я одевал его, неожиданно вышел из задумчивого состояния и сказал мне, шлепнув меня пару раз по щекам: «Месье Констан, знаешь ли ты три столицы Французской империи?» — и, не давая мне времени для ответа, продолжил: «Париж, Рим и Амстердам. Звучит неплохо, не так ли?»

Меневаль

Опала Фуше

Однажды в Сен-Клу, присев по привычке на край моего письменного стола, Наполеон сказал мне, внезапно поменяв, после нескольких незначительных фраз, тему разговора: «Меневаль, я раздумываю о снятии Фуше с его должности». Это замечание, судя по всему, было выражением пока еще неопределенных раздумий и попытки Наполеона принять какое-то решение.

Я не мог удержаться, чтобы не воскликнуть: «Сир, я ожидал этого, и меня удивляет только одна вещь, а именно: почему вы раньше не отделались от него?» Он медленно поднялся с моего стола, пару раз прошелся взад и вперед по кабинету, заложив руки за спину, и, так и не ответив мне, занялся другими делами. Эта нерешительность со стороны Наполеона показывает, до какой степени Фуше обладал искусством казаться необходимым, или, скорее, какие трудности испытывал Наполеон, расставаясь с людьми, к которым он привык, даже если его доверие к ним значительно пошатнулось.

Г-н Фуше, попав в опалу, удалился в свой замок в Понкарре, но сначала позаботился прихватить с собой и уничтожить наиболее важные документы его министерства. Император, не желая оставлять свои письма в руках человека, которого он считал способным использовать их ему во вред, направил к Фуше принца Невшательского и своего друга Реаля, государственного советника, чтобы забрать эти документы; но Фуше, несмотря ни на что, упорно отрицал, что забрал с собой какие-либо документы. Хотя император был чрезвычайно раздражен ложью Фуше, он не хотел предпринять против него каких-либо шагов. Раздумья, вызванные страхом экс-министра перед последствиями возмущения императора, привели Фуше к тому, что он решил вернуть письма Наполеона.

Наполеон, не желая оставлять без пиши неугомонный ум этого опасного интригана и, особенно, желая выдворить его из Франции, назначил его генерал-губернатором Иллирийских провинций. Позднее он имел все основания сожалеть, что раньше не лишил власти эту безнравственную личность.

Император передал министерский портфель Фуше генералу Савари, который впоследствии стал герцогом де Ровиго, а в это время был его адъютантом.

Терпимости Наполеона в отношении таких людей, как Бернадот, Талейран и Фуше, вряд ли можно дать вразумительное объяснение, которое бы удовлетворило то, что принято называть общественным мнением. Снисходительность Наполеона лишь вдохновляла подобные личности на новые неблаговидные поступки, о которых император забывал, поскольку помнил только о тех услугах, которые они ему оказывали.

Люсьен Бонапарт пытается уехать в Америку

В июле того же самого 1810 года Люсьен написал императору письмо, в котором выражал желание уехать в Америку. Со времени их последней встречи все попытки примирения двух братьев оканчивались неудачей. Наполеон, направив последнее и бесполезное обращение к Люсьену, согласился на его эмиграцию. Люсьен, однако, не добрался до Соединенных Штатов, ибо английский фрегат арестовал его в водах Кальяри и препроводил в качестве пленника в Англию, где он оставался до 1814 года.

Беременность Марии Луизы

В 1810 году, как только известие о беременности императрицы было предано официальной огласке, император учредил общество материнского милосердия, цель которого состояла в том, чтобы помогать неимущим женщинам при родах, обеспечивать их средствами к существованию и содействовать им при воспитании детей. Император назначил императрицу патронессой этого общества. Помимо мотивов благотворительности, которые побудили императора учредить эту ассоциацию, он стремился придать императрице общественную значимость и вызвать к ней всеобщую симпатию. Фонд общества обеспечивался доходом в сумму пятьсот тысяч франков.

Император учредил должность гувернантки всех детей Франции и выбрал на этот пост графиню де Монтескье, супругу главного камергера. Этот выбор получил всеобщее одобрение.

Ей было сорок шесть лет и она славилась безупречной репутацией, набожностью и ревностным служением делу, свободным от фанатизма. Ей была свойственна простота в обращении, она обладала твердым характером и основательными принципами.

Беременность императрицы проходила благоприятно. Ее

физическое состояние часто выдавало себя временными недомоганиями, которые только радовали Наполеона. Он окружал Марию Луизу самыми различными знаками внимания и заботы, носил ее на руках и всячески ободрял. Я часто присутствовал при этих семейных сценах, в которых так ярко проявлялась любящая натура Наполеона. Только те, кто не знал его, могут обвинить его в отсутствии чувств.

Констан

Подготовка к родам

19 марта 1811 года в семь часов вечера императрица почувствовала себя плохо, и с этого момента весь дворец пришел в движение. Император, проинформированный об этом, немедленно послал за г-ном Дюбуа, который в последнее время постоянно находился во дворце и чей уход за императрицей именно в такое время был особенно ценен.

В комнате императрицы собрались ее личный обслуживающий персонал и госпожа де Монтескье. В соседней комнате находились император, его мать, сестры, господа Корвисар, Бурдье и Иван.

Император часто навещал императрицу и подбадривал ее. Во всех комнатах и помещениях дворца все с напряженным вниманием, взволнованно и шумно обсуждали главное событие дня; и каждый, чтобы опередить других, стремился первым узнать новость о рождении ребенка. В пять часов утра, поскольку ситуация с императрицей не изменилась, император приказал всем пойти отдохнуть, а сам отправился принимать ванну, ибо чрезмерное волнение, не оставлявшее его, настоятельно требовало хотя бы минуты отдыха, чтобы сбросить с себя нервное напряжение.

Меневаль

Рождение сына

Первые боли императрица почувствовала накануне вечером — 19 марта 1811 года. Они были терпимы до самого рассвета 20 марта, когда вообще прекратились и Мария Луиза смогла заснуть. Г-н Дюбуа придерживался того мнения, что не следует ожидать родов в течение ближайших двадцати четырех часов, и тогда император приказал всех отпустить.

Через час, когда император вернулся в свою комнату, императрица проснулась с такой болью, что рождение ребенка ожидалось с минуты на минуту. Однако доктор Дюбуа пришел к выводу, что роды будут очень тяжелыми и что ему придется иметь дело с одним из самых редких и опасных случаев. Император пребывал в состоянии полной безмятежности, когда г-н Дюбуа неожиданно открыл двери его комнаты и, охваченный сильнейшим смятением, объявил, что начало родов внушает ему очень серьезную тревогу.

Не дожидаясь объяснений, которые доктор собирался было дать, Наполеон вскрикнул от всей души: «Прежде всего спасите мать!» Затем, выпрыгнув из ванны и наскоро запахнувшись в халат, он бросился вниз по лестнице в комнату императрицы, преследуемый по пятам доктором Дюбуа. Наполеон подошел к постели императрицы и, скрывая свое волнение, нежно обнял ее, стараясь приободрить ласковыми словами.

Присутствие императора и хладнокровие, царившее на его лице, хотя в глубине души он переживал смертельное беспокойство, придали силы доктору Дюбуа и возродили его мужество. Доктор предложил, чтобы для консультации были вызваны лучшие врачи. Император отказался, заявив доктору, что он выбрал именно его, потому что доверяет ему, а к императрице следует относиться так, словно она — жена обычного мужчины.

Дюбуа приступил к болезненной операции с искусством и самообладанием, которые его, к счастью, отличали. Работа продолжалась недолго; ребенок сам заявил о себе, прежде всего ножками. Боли, испытываемые императрицей, усилились еще больше. Она была в ужасе и кричала, что все хотят пожертвовать ею. Дюбуа понял, что вынужден прибегнуть к помощи хирургических щипцов, чтобы высвободить головку ребенка. Наполеон, страшно переживая в душе, наблюдал за этой болезненной сценой, воодушевляя всех присутствовавших своим

мужественным поведением.

Наконец, после многих попыток и в самой кульминационной точке испытываемых страданий, с таким нетерпением ожидаемый ребенок появился на свет. Это был мальчик, бледный, неподвижный и, судя по всему, безжизненный. Несмотря на все меры, принимаемые в таких случаях, ребенок в течение семи минут не подавал никаких признаков жизни. Император, стоявший перед ним, молча и с глубочайшим вниманием следил за каждым движением акушера, когда, наконец, он увидел, как приподнялась грудка ребенка, его рот раскрылся и произвел выдох. Наполеон боялся, как бы этот выдох не остался первым и последним, но крик, вырвавшийся из легких ребенка, подсказал ему, что его сын обрел жизнь.

Констан

Наполеон становится отцом

Император бросился к ребенку, чтобы обнять его. Рождение сына стало для Наполеона последним и величайшим подарком судьбы. Он, казалось, был вне себя от радости, бросаясь от сына к матери, от матери к сыну, словно никак не мог наглядеться на них обоих.

Меневаль

Объявление о рождении сына

Наполеон склонился над ребенком, быстрым движением схватил его и понес к дверям гостиной, в которой собралась вся знать его империи. Остановившись у дверей, он приподнял ребенка и, обращаясь к собравшимся, объявил: «Перед вами король Рима!» Затем он вернул ребенка обратно г-ну Дюбуа, сказав ему: «Я возвращаю вам вашего ребенка».

Император, после того как получил поздравления от всех присутствовавших, настоял на том, чтобы лично объявить новость о рождении сына всему обслуживающему персоналу императорского двора. Он все еще находился под влиянием мучительного зрелища родов императрицы и сказал, что предпочел бы оказаться на поле сражения.

Новость о счастливом событии распространилась по всему Парижу магическим образом. Когда об этом возвестили большой колокол собора Парижской Богоматери и выстрелы из пушки, под окнами дворца в саду уже собралась огромная толпа. Для того, чтобы сдержать людей и не дать им нарушить покой августейшей пациентки, во всю длину террасы был протянут канат. Этот слабый барьер произвел на толпу большее впечатление, чем если бы вместо каната была воздвигнута стена. Зрители, число которых увеличивалось с каждой минутой, даже держались на почтительном расстоянии от каната. Соблюдалось общее молчание, доказательство всенародного чувства симпатии и внимания к императору. Наполеон с видимым удовольствием наблюдал из своих апартаментов за этим зрелищем, так согревшим его душу.

Офицеры императорского двора, пажи и курьеры были направлены с письмами и сообщениями во все основные общества и муниципалитеты государства.

Констан

Общественные празднества

С того момента, когда главный колокол собора Парижской Богоматери и колокола различных церквей Парижа зазвучали в середине ночи, до того часа, пока выстрел из пушки не оповестил о благополучных родах императрицы, весь Париж был охвачен чрезвычайным волнением. На рассвете толпы людей поспешили к Тюильри и заполнили улицы и набережные вокруг дворца в тревожном ожидании первого выстрела пушки. Но это удивительное зрелище наблюдалось не только у Тюильри и в примыкающих к нему районах, но и на улицах, расположенных далеко от дворца, да и повсюду в Париже можно было видеть людей, остановившихся, чтобы начать считать выстрелы пушки.

Двадцать второй выстрел, объявивший о рождении мальчика, приветствовался всеобщим одобрением. Тишину ожидания, которое, словно по волшебству, заставило застыть на месте всех людей, вышедших на улицы Парижа, сменил взрыв энтузиазма, почти не поддающийся описанию. Этот двадцать второй выстрел пушки означал зарождение целой династии, все будущее Франции. Одновременно с последним выстрелом шляпы взлетели в воздух; совершенно незнакомые люди бросались друг к другу и обнимались под громкий аккомпанемент возгласов: «Да здравствует император!»

Наполеон, прикрывшись занавесом у одного из окон комнаты императрицы, с радостью наблюдал за зрелищем всенародного восторга. Было заметно, что он очень тронут. Крупные слезы катились из его глаз, и он, охваченный волнением, вновь подходил к сыну, чтобы обнять его. Никогда упоение славой не могло заставить его проронить даже одну слезу; но счастье отцовства смягчило это сердце, на которое самые блестящие победы и самые искренние проявления всенародного обожания, казалось, едва могли произвести впечатление. И действительно, Наполеон имел право поверить в свою счастливую судьбу, которая достигла пика в тот день, когда эрцгерцогиня Австрии сделала его отцом короля.

Когда он вошел в свою комнату, его лицо светилось от радости и, увидев меня, он воскликнул: «Итак, Констан, у нас теперь есть большой мальчик! Но нам пришлось долго и терпеливо его уговаривать». Эту же фразу он повторял всем, кого встречал. Именно в этом излиянии отцовского блаженства я смог

оценить, как глубоко эта великая душа, о которой думали, что она восприимчива только к славе, чувствовала радости семейной жизни.

В половине одиннадцатого утра госпожа Бланшар отправилась из военной школы на воздушном шаре в полет по Франции, чтобы сообщать в городах и деревнях, над которыми она пролетала, новость о рождении короля Рима.

Телеграф разнес по всем направлениям счастливую весть, и уже в два часа дня были получены ответы из Лиона, Лилля, Брюсселя, Антверпена и многих других больших городов империи. В этих ответах, как можно было легко представить, выражалось полное единодушие с чувствами, проявленными в Париже. Через несколько часов специальные курьеры были направлены по дорогам, ведущим во все зарубежные царствующие дворы. Пажи императора отправились в Сенат Италии и муниципалитеты Милана и Рима. Были отданы приказы, чтобы во всех городах-крепостях и портах были произведены салюты, точно такие же, как в Париже, и украшены корабли флотов.

Извещение Жозефины

Добрая императрица Жозефина не была забыта. Наполеон направил к ней в Наварру пажа с соответствующим сообщением. И он ответил ей на письмо, которое ему вручил паж, вернувшийся из Наварры. Его ответ отличался обычной краткостью, но был полон нежной сердечности, которую он всегда сохранял по отношению к первой супруге.

В тот же вечер новорожденный ребенок был помазан в часовне дворца Тюильри кардиналом Фешом, Великим Альмонером церкви, со всеми церемониями, которые были присуши старому королевскому двору Франции.

На следующий день император, восседавший на троне, принимал поздравления персонала императорского двора, Сената, Законодательного собрания и других государственных учреждений, ведущих представителей власти и дипломатического корпуса. После этой торжественной аудиенции все наносили визит королю Рима, который лежал в великолепной колыбели из позолоченного серебра.

Констан

Церемония помазания в Тюильри

В десять часов вечера 20 марта король Рима был помазан в часовне дворца Тюильри. Это была весьма впечатляющая церемония. Наполеон, в окружении принцев и принцесс, всего императорского двора, бережно положил ребенка на софу под балдахином с аналоем в центре часовни. Между алтарем и балюстрадой на ковре из белого вельвета был установлен гранитный пьедестал, увенчанный красивой вазой из позолоченного серебра, которая выполняла роль купели для крещения. Император приехал на церемонию с озабоченным видом, но отцовская нежность возобладала и придала его лицу счастливое выражение. Можно сказать, что он сбросил со своих плеч половину забот при виде августейшего ребенка, которому, судя по всему, было предопределено в один прекрасный день получить всю империю из рук отца. Когда император подошел к купели для крещения и передал ребенка для помазания, в часовне воцарилась тишина и наступил момент религиозных раздумий. Эта торжественная атмосфера в часовне создавала трогательный контраст с шумным весельем, которое в тот же самый момент снаружи дворца будоражило людей, привлеченных к Тюильри со всех концов Парижа грандиозным спектаклем, сверкавшим многоцветьем красок фейерверка.

Меневаль

Доктор Дюбуа

Доктор Дюбуа, выступавший в роли акушера при родах императрицы, был щедро вознагражден. Он получил 100 000 франков и титул барона. Осуществленная им операция, потребовавшая применения хирургических инструментов, имела столь серьезный характер, что доктор посчитал своей обязанностью довести до сведения императора, что вторые роды представляют опасность для жизни императрицы. Это откровенное предупреждение доктора произвело сильное впечатление на Наполеона и имело далеко идущие последствия, которые в то время нельзя было предвидеть. Рождение других детей, несомненно, благотворно повлияло бы на чувства императрицы и, возможно, сделало бы их будущий разрыв более затруднительным.

С наступлением хорошей погоды император и императрица отправились на неделю в Рамбуйе, чтобы там заняться охотой. Наполеон чувствовал себя, как говорится, по-домашнему в этой резиденции, которая была попроще и не столь огромной, как другие императорские дворцы; но он не мог продлить свое пребывание там, поскольку был слишком ограничен во времени.

Констан

Трагедия

Наполеон очень любил детей. Однажды он попросил меня привести моего сына, и я пошел за ним. Тем временем император принимал г-на де Талейрана, и, так как их беседа затянулась надолго, мой ребенок почувствовал себя уставшим от ожидания, и я вернул его обратно домой, к матери. Вскоре после этого он заболел крупом. Эта жестокая болезнь, по поводу которой его величество выступил со специальным обращением к врачам Парижа, унесла жизни многих детей.

Мой сын умер в Париже. Мы тогда были в Компьенском замке, и я получил печальную весть в тот самый момент, когда готовился пойти к императору, чтобы помогать ему одеваться. Я был слишком потрясен потерей, чтобы выполнять свои обязанности; император спросил меня, что помешало мне прийти к нему, и когда я сказал ему, что только что узнал о смерти сына, Наполеон сердечно воскликнул: «Бедный Констан! Какое ужасное горе! Одни мы, отцы, можем знать, что это значит!»

Церемония крещения короля Рима

В четыре часа дня члены Сената покинули свой дворец, чтобы принять участие в церемонии крещения короля Рима; соответственно члены Государственного совета покинули дворец Тюильри, а члены Законодательного собрания — свой дворец. В церемонии приняли участие члены апелляционного суда, расчетного суда, совета академии, императорского двора, муниципалитета Парижа, депутаций из сорока девяти главных городов Франции, ратуши Парижа. По прибытии в церковь они были рассажены церемониймейстером и его помощниками на местах, соответствующих их рангу, справа и слева от трона, от клироса до середины нефа. В пять часов дня члены дипломатического корпуса заняли свои места на платформе, специально сооруженной для этой церемонии.

В половине шестого выстрелы из пушек возвестили о выезде их величеств из Тюильри. Императорский кортеж ослеплял великолепием: прекрасная выправка воинского конвоя, богатое убранство и элегантность карет, блестящие костюмы — все это создавало восхитительный спектакль. Приветственные возгласы

народа, звучавшие на всем пути кортежа их величеств, дома, с которых свисали гирлянды, флаги, развевавшиеся в окнах, длинные вереницы карет, украшение и снаряжение лошадей — все эти атрибуты грандиозного праздника, вызывавшего искренние чувства и надежды на лучшее будущее, глубоко врезались в моей памяти.

Церемония крещения прошла с необычайной пышностью и торжественностью. После совершения крещения император взял августейшего сына на руки и представил его присутствующим представителям церкви.

Кормилица короля Рима

Сразу же после рождения король Рима был отдан на попечение кормилицы, женщины, выбранной из простого народа, обладавшей крепким здоровьем и плотным телосложением. Эта женщина не имела права ни покидать дворец, ни принимать у себя мужчин; на этот счет были приняты самые строгие меры предосторожности. Ради здоровья ее вывозили на прогулки в карете, и даже тогда ее сопровождали несколько женщин.

Мать и сын

Обычный порядок общения Марии Луизы с сыном был таков: утром, примерно в девять часов, короля приносили матери; она брала его на руки и несколько минут ласкала, затем возвращала его кормилице и принималась читать газеты. Ребенок начинал уставать, и кормилица уносила его. В четыре часа дня мать шла навещать сына. Мария Луиза спускалась в апартаменты короля, захватив с собой какую-нибудь незаконченную вышивку, которой она занималась в перерывах в общении с сыном. Через двадцать минут ей сообщали, что г-н Изабо или г-н Прюдон прибыли во дворец для урока рисования, после чего императрица возвращалась в свои апартаменты.

Таким образом проходили первые месяцы после рождения короля Рима. В течение всего этого времени император был занят составлением декретов, присутствием на смотрах войск, посещением строительств памятников и подготовкой планов. Он был всегда чем-то занят, неутомимый в любой работе и, казалось, постоянно ищущий, чем бы еще занять свой поразительно глубокий и могучий ум. В то же время он был счастлив в семейной жизни с молодой супругой, которая его нежно любила.

Императрица вела простой образ жизни, который вполне ее устраивал. По сравнению с ней Жозефина нуждалась в более увлекательной жизни: больше внимания уделяла жизни вне дворца, была более оживленной, более экспансивной; хотя все это ни в коей мере не мешало ей быть преданной обязанностям семейной жизни, а также очень нежной и любящей по отношению к супругу, которого она знала, как сделать счастливым на собственный манер.

Однажды Бонапарт вернулся с охоты измученный от усталости и попросил Марию Луизу прийти к нему. Она пришла, и император, обняв ее, звучно поцеловал в щеку.

Мария Луиза взяла свой носовой платок и вытерла им щеку. «Это что же, Луиза, я тебе противен?» — «Нет, — ответила императрица. — Я сделала это по привычке; то же самое я делаю и с королем Рима». Император, судя по всему, рассердился. Жозефина была совершенно другой: она с нежностью отвечала на ласки супруга и даже сама в этом шла ему навстречу. Император иногда говорил своей второй жене: «Луиза, спи в моей комнате». «Там слишком тепло», — отвечала императрица. Она в самом деле не переносила жару, а апартаменты Наполеона постоянно содержались в тепле. Она также питала сильную антипатию к запахам и в своей комнате разрешала жечь в вазочках только уксус или сахар.

Визит Жозефины к королю Рима

Однажды госпожа де Монтескье получила указание от императора отвезти маленького короля в Багатель, куда приехала и Жозефина. Она получила разрешение увидеть ребенка, чье рождение отпраздновала вся Европа. Хорошо известно, насколько бескорыстной была любовь Жозефины к Наполеону и как она смотрела на все с точки зрения возможности содействовать его славе, чтобы сделать ее более прочной. В молитвах о нем, после ужасного позора, перенесенного ею в связи с разводом, она даже обращалась к Всевышнему с надеждой, что Наполеон сможет быть счастливым в личной жизни и его новая супруга сможет родить ему ребенка.

Царственный ребенок был представлен ей. Ничего подобного на свете я не знаю, что могло быть более трогательным, чем радость этой изумительной женщины при виде сына Наполеона. Сначала она смотрела на него глазами, полными слез, затем взяла на руки и прижала к груди с нежностью, слишком сильной, чтобы подобрать слова для ее описания.

На этой встрече не было нескромных свидетелей, которые бы получали удовольствие, потворствуя собственному непочтительному любопытству, или которые бы наблюдали с критической иронией за проявлением чувств Жозефины. Там также были неуместны нелепые правила этикета, способные охладить пыл этой нежной души; это была сцена из сугубо частной жизни, и Жозефина всем своим сердцем приняла в ней участие.

Она обращалась к ребенку со словами, которые матери обычно делают понятными и приятными для своих новорожденных. Наконец подошло время, когда им нужно было расстаться. Встреча была короткой, но была полностью использована любящей душой Жозефины.

Меневаль

Беседка короля Рима

Когда стояла хорошая погода, императрица обычно гуляла на террасе дворца Тюильри, расположенной вдоль реки. Эта терраса была ограждена перилами на уровне груди. На террасу можно было попасть, поднявшись по лестнице с первого этажа дворца. Позднее в самом конце этой террасы была построена очаровательная беседка, в которой король Рима обычно проводил прекрасные весенние дни, когда императорский двор проживал в Тюильри.

X. Затишье перед бурей

Меневаль

Руководство финансами

В результате строгой экономической политики в управлении государственными финансами и цивильным листом Наполеон скопил состояние и имел в своем распоряжении доходы от дополнительных владений, что предоставило ему возможность помогать банковским и коммерческим домам займами и ссудами. Эти ресурсы также позволяли ему помогать семьям, в которых он был заинтересован и которые были вынуждены в силу неудачных обстоятельств обращаться к его великодушию.

Он поощрял промышленников, артистов и мастеровых, обеспечивая их заказами, и таким образом тратил миллионы франков.

В отношении выдачи денежных средств взаймы Наполеон придерживался той же точки зрения, что и Кольбер, но он также не допускал дефицита в бюджете. Обычные налоги и военные контрибуции покрывали все нужды. Наполеон очень хорошо знал способы увеличения денежных средств за счет извлечения из общественного кредитования, но ему казалось, что Франции еще рано основывать свою финансовую систему на этом принципе. Хотя император не стал бы испытывать трудностей в получении кредитов и недостатка в кредиторах, если бы необходимость заставила его прибегнуть к займам. Но он опасался злоупотреблений и не хотел ставить себя в зависимость от ростовщических условий. Он не считал правильным то, что последующие поколения на неопределенное время будут нести бремя долговых обязательств ради блага нынешнего.

Вместо того чтобы соблазниться примером Англии, он был напуган неимоверным ростом британского национального долга. У Наполеона были иные идеи относительно системы государственного кредитования, чем те, которые превалируют сегодня.

Несмотря на беспрерывные войны — хотя страна и подкармливалась за счет военных контрибуций, взимаемых с врагов, — несмотря на неслыханные катастрофы и потери, Наполеон оказался в состоянии вершить великие дела и смог оставить финансы Франции, которые он нашел в весьма плачевном состоянии, в гораздо более процветающем положении, чем финансы других европейских государств.

Бюджет

Разговор о финансах приводит меня к разговору о том методе, с помощью которого регулировался государственный бюджет. Каждый год Наполеон на финансовом совете, на который вызывались все министры, устанавливал размер кредита, предоставляемого каждому из них в соответствии с их нуждами, и одновременно решал, какая сумма должна расходоваться каждым правительственным департаментом. Ежемесячно император ассигновал каждому министру сумму, которую предстояло потратить, и определял общественное казначейство, которое должно субсидировать этого министра. В течение месяца эти суммы обозначались на небольшом квадратном листе бумаги, расчерченном на колонки, модель которого я готовил по чертежу императора.

Я добавлю некоторые подробности — очень точные — из книги г-на Брессона «История финансов»: «Таким образом, двенадцать раз в году, в течение одного часа работы, глава правительства рассматривал результаты произведенных расходов, определял сумму, которую каждый должен расходовать в следующем месяце, и составлял, насколько это было возможно, баланс между расходами и поступлениями денежных средств; замедлял оплату или, наоборот, настаивал на ее ускорении, увеличивал или уменьшал фонды денежных средств департаментов в соответствии с размером полученных сумм, с учетом срочности удовлетворения их нужд и изменений, которые могут быть привнесены текущими событиями. Более того, министру финансов не разрешалось выплачивать тому или иному министру запланированные средства на содержание министерства до тех пор, пока финансовая деятельность этого министра не будет абсолютно точно соответствовать его годовому бюджету и ежемесячной сумме, полученной им в кредит».

Добавлю, что Наполеон сделал министра финансов генеральным контролером расходования средств и держал его в курсе всех передислокаций армии с той целью, чтобы министр был в состоянии осуществлять этот контроль самым строгим образом.

«Никогда работа департамента по сбору налогов не была столь хорошо отлажена и никогда такое абсолютно точное делопроизводство не было правилом в деятельности французского министерства финансов, как во времена империи. Было почти невозможно ограбить государство. Отчетность была в таком идеальном порядке и настолько упрощена, что Наполеон всегда мог знать, сверившись с данными, нанесенными на

специальных листах бумаги, точное состояние дел о приходе и расходе средств, о долгах и об обычных и дополнительных способах пополнения казны», — отмечал г-н Брессон.

Поскольку война с Англией практически разрушила нашу морскую торговлю, то Наполеон сосредоточил свое внимание на придании нового импульса местной торговле. Он стремился разыскать в имеющихся ресурсах страны те веши, которые мы не могли более импортировать из Англии, и найти необходимые средства на производство изделий взамен продукции наших колоний, которую из-за английского превосходства на море невозможно было выгружать в наших портах. Он учредил генеральный совет фабрикантов и промышленников и поощрял ученых и деятелей искусства, способствующих производству материальных ценностей, почетными наградами и денежными вознаграждениями. Он стимулировал деятельность промышленников, направленную на поиск лучших способов производства местных сахара и кофе вместо колониальных сахара и кофе. Он также уделял большое внимание открытию вещества, которое можно было бы использовать в качестве замены краски индиго; и, наконец, император предложил приз в размере одного миллиона франков в качестве вознаграждения изобретателю машины для пряжи льна. Успешное применение такой машины привело бы к понижению стоимости полотна, которое можно было бы использовать в качестве заменителя хлопчатобумажной ткани. Приз в один миллион франков был бы присужден изобретателю вышеупомянутой машины, вне зависимости от его национальности, в соответствии с декретом от 12 мая 1811 года. Этот декрет был переведен на многие языки и разослан нашим послам и консулам в разные страны для обнародования.

Наполеон запретил использование хлопчатобумажной ткани и заграничного дерева для изготовления мебели императорских дворцов; он выразил желание, чтобы гости, приглашенные в гостиные императорских дворцов, надевали одежду из шелка, дабы поддержать фабрикантов Лиона. Он объявил войну индийскому кашемиру, но оказался бессильным против тирании моды и против рутины. Император безуспешно угрожал императрице выбросить ее кашемировые шали в огонь камина. Императрица обычно отвечала, что, как только ей предложат веши из материи такой же легкой и теплой, как кашемировая ткань, она будет с удовольствием носить их. Император обратился к фабрикантам и обязал Изабо подготовить эскиз красивой шерстяной ткани на белой основе, подобной кашемиру, из которой потом были изготовлены шаль и одежда. Мария Луиза несколько неохотно носила ее, так как она была недостаточно

мягкая. Уже потом удалось добиться, чтобы эта ткань приобрела необходимую мягкость.

Наполеон и его персонал

Наполеон всегда помнил об услугах людей, занимавших самые скромные посты в обслуживающем персонале. Ни один старый слуга никогда не увольнялся, пока сам император не одобрял докладную записку, адресованную ему по этому поводу.

Бедняга конюх, пребывание которого в постоянном состоянии опьянения сделало невозможным выполнение возложенных на него обязанностей, избегал увольнения в течение продолжительного времени только потому, что правил фургоном во время сражения при Маренго.

Первый привратник при кабинете императора — мужчина по имени Ландуар, к которому император испытывал добрые чувства и чью преданную службу ценил, — потеряв свою жену, хотел, в силу семейных обстоятельств, вступить в новый брак, женившись на сестре покойной супруги. Гражданским кодексом подобные браки были запрещены. Император, к которому обратился Ландуар, сказал, что не сможет удовлетворить его просьбу, но, сдавшись под натиском настоятельных просьб этого человека, обязал г-на Ренье, министра юстиции, подготовить ему доклад по этому вопросу. Выводы доклада министра сводились к тому, что, хотя женщина, на которой хотел жениться Ландуар, была только единоутробной сестрой его покойной супруги, запрещение подобного брака было настолько строго официальным, что император не мог санкционировать брак, не совершив вопиющего нарушения закона. Наполеон с сочувствием отнесся к горю своего слуги и предложил ему отправиться в какую-нибудь соседнюю страну, на которую не распространялась юрисдикция гражданского кодекса, и там осуществить свой брак. Ландуар смог жениться только в 1814 году, когда браки подобного рода уже не запрещались.

Друзья Наполеона. Бертье

Говорят, что Наполеон был неспособен к настоящим дружеским отношениям, но у него были искренние друзья: Дезе, Ланн, Дюрок, Бессьер, Мюирон и другие.

Я не упомянул маршала Бертье среди друзей императора ввиду его отступничества в 1814 году, и я не прав. Хотя минутное

заблуждение и разлучило маршала с императором в то время, Бертье все же сохранил слишком глубокую память о своем старом начальнике и не смог пережить несчастье. Я чуть-чуть опоздал увидеть маршала Бертье в Вальдзее, городке в Вертемберге, в 1815 году, когда он, подобно растению, которое поворачивается к небесному светилу, был уже в пути, чтобы соединиться с человеком, которого назвал своим братом по оружию.

Император тоже не мог забыть его. Он, бывало, говорил, что, когда Бертье вернется — а Наполеон никогда не сомневался, что Бертье вернется, — он ничем не станет мстить ему, лишь обяжет появиться в Тюильри в мундире королевской гвардии Людовика XVIII. Мы можем быть вполне уверены, что император не стал бы настаивать на этом.

Граф де Лас-Каз

Неблагоприятные превратности судьбы сближали с Наполеоном, когда его сослали на остров Святой Елены, как раз тех людей, чью преданность он никогда не имел случая оценить в полной мере в дни успехов и преуспевания.

Среди этих людей с полным правом, наряду с другими, следует упомянуть имя г-на де Лас-Каза, в сочувствии и верности которого знаменитый пленник нашел утешение в своей ссылке. Теплые чувства Наполеона к этому придворному нашли выражение в письме, которое является настоящим памятником дружбы. Наполеон написал письмо этому верному слуге, когда Англия вынудила г-на де Лас-Каза покинуть Лонгвуд. Лас-Каз ответил на теплые чувства Наполеона тем, что опубликовал книгу «Мемуары с острова Святой Елены», написанную им под диктовку Наполеона. Эта книга, несмотря на ее недостатки, сразу же стала пользоваться популярностью, и такой она останется.

Талейран

Наполеон чувствовал особое предрасположение к людям, оставившим след в истории нашего века, среди них — Талейран.

Последний предвидел возвышение генерала Бонапарта еще в то время, когда Директория сделала епископа Оттенского министром иностранных дел. Первый консул и император запомнил этот факт, и, возможно, здесь и лежит причина того расположения, которое так долго Наполеон сохранял по отношению к Талейрану. Даже когда тайные сговоры,

нечистоплотность в финансовых делах и предупреждения иностранных монархов в отношении Талейрана вынудили императора отобрать у него портфель министра иностранных дел и вывести его из состава всех своих советов, инстинктивное расположение брало верх, и Наполеон вновь приближал Талейрана к себе. В 1803 году император обратился к Папе Римскому с просьбой освободить бывшего прелата от священнослужения для мирских дел. Чувство уместности вызвало у Наполеона желание видеть последнего на посту, более подходящем для мирской карьеры, чем для той, которую он делал.

В 1810 году, когда Талейран потерял от ста сорока до ста пятидесяти тысяч франков в результате банкротства банкира Симона, император, несмотря на то, что имел все основания быть недовольным своим бывшим министром, все же пришел к нему на помощь. Он купил особняк в Монако, который хотел продать г-н Талейран, за два с лишним миллиона. Покупая этот дом, Наполеон действовал против своих правил, в соответствии с которыми он никогда не покупал дома или поместья, содержание которых обходилось дорого, да к тому же он не нуждался в них, считая, что имеющиеся поместья и замки в полной мере удовлетворяют его.

Император Александр

Наполеон также с искренним чувством привязанности относился к императору Александру, которого считал стоящим выше всех других монархов того времени. Ум царя, его такт и вежливость очаровали Наполеона.

Несмотря на внешние проявления самой нежной любви, сейчас следует признать, что привязанность русского монарха к Наполеону никогда не была искренней. Что касается последнего, то он не устоял против чар хитрого Александра, несмотря на всю серьезность оснований, в силу которых он должен был отказаться от своих иллюзий. В Тильзите и Эрфурте я был свидетелем чудесной близости, существовавшей между Наполеоном и Александром, и нежных отношений, проявлявшихся во время личных встреч и почти ежедневной переписки.

Мне хочется верить, что среди причин, вызвавших глубокую меланхолию, которая омрачала последние дни царя, была и память о минутах, проведенных в Тильзите и Эрфурте.

Наполеон и церковь

Наполеон с любовью относился к религии и стремился чтить ее и содействовать ее преуспеванию. Это доказано Конкордатом.

В то же самое время он хотел использовать ее в качестве социальной силы, с помощью которой он мог бы подавлять анархию, консолидировать свою главенствующую роль в Европе и, наконец, возвеличивать Францию и влияние французской столицы.

Император обычно говорил епископу Нанта, который указывал ему, насколько полезна и важна для единства веры роль церкви: «Владыка епископ, не беспокойтесь. Политика моей империи тесно связана с сохранением и поддержкой духовной власти Папы Римского. Для меня важно, чтобы он был более могущественным, чем когда-либо».

Поездка в Шербур

Через два месяца после рождения сына императрица восстановила свое здоровье и император захотел посетить Шербур, где велись работы по строительству гавани порта, с тем чтобы его присутствие стимулировало реализацию этого важного мероприятия.

Монархи выехали из Рамбуйе в Каен, где остановились на три дня. Наполеон объезжал окрестности этого города в сопровождении морского министра и генеральных инспекторов по строительству дорог и мостов. Затем поездка продолжалась из Каена в Шербур, где в день прибытия, 27 мая 1811 года, император, как обычно, с самого рассвета приступил к инспектированию фортификационных сооружений и высот. Он посетил гавань, верфи, строительство дорог и флот. Второй завтрак ему и императрице был подан на дамбе. Расположившись за столом, они могли видеть английские корабли, крейсировавшие вдали. Наполеон приказал, чтобы французский флот провел маневры, и взял с собой императрицу на борт адмиральского корабля, где она все подробно осмотрела — для нее это было внове.

Император, проинспектировав флот, спустился к громадному бассейну, котловина которого многие годы вырубалась из гранита. Эта гигантская работа — шедевр терпения — была близка к завершению. Бассейн глубиною в сорок футов вмешал пятьдесят строевых кораблей. Котлован вырубали с помощью остроконечных кирок, с каждым ударом отлетал осколок гранита. Бассейн походил на громадную впадину, высеченную из единого камня, которая вмещала много миллионов кубических футов

воды.

Эта небольшая поездка стала генеральной репетицией более продолжительной поездки, которую Наполеон предполагал совершить в Голландию.

Император вернулся в Сен-Клу 4 июня.

Поездка императора с императрицей повсеместно была отмечена принятием полезных мер, актами благотворительности и раздачами милостыни — благодаря которым города, бывшие на пути их высочеств, не остались внакладе. Помимо выдачи субсидий и пенсий, которые император жаловал из фондов цивильного листа, мне было вменено в обязанность хранить шкатулку с деньгами, для которой каждый месяц императорский казначей выдавал 10 000 франков. Этот фонд предназначался для подарков и благотворительной деятельности, которой занимался сам Наполеон, а деньги для этого я выдавал в соответствии с устными распоряжениями, передаваемыми мне через адъютанта или дежурного конюшего. Эти расходы заносились в журнал отчетности, который проверялся императором в конце каждого месяца.

Констан

Северная Франция и Бельгия

В сентябре 1811 года император решил совершить вместе с императрицей поездку по Фландрии, чтобы самому иметь возможность убедиться в том, каким образом выполняются его приказы и указания, касающиеся гражданской и церковной администрации. Их величества покинули Компьен 19 сентября и прибыли в Монтре-сюр-Мер. Я сопровождал императора в этой поездке.

В Монтре случилось небольшое происшествие, которое я с удовольствием изложил, поскольку оно доказывает, как внимательно Наполеон знакомился и с фортификационными сооружениями, и с городским строительством. После проверки работ по строительству фортификаций Монтре, проделанных в прошлом году, и после объезда бастионов император вернулся в крепость, откуда он вновь вышел, чтобы осмотреть наружные работы. Дорогу ему преградил рукав реки Канш, который протекал у подножья крепостной стены. Вся свита бросилась сооружать временный мост из толстых досок и бревен; но император, не желая задерживаться, пошел прямо через речной поток, вода которого доходила ему до колен.

Владелец мельницы на противоположной стороне реки, взяв его величество за руку, помог ему взобраться на берег и воспользовался этим случаем, чтобы объяснить императору, что его мельница, находившаяся как раз на линии проектируемого фортификационного сооружения, в силу этого будет снесена. После этого разговора император повернулся к инженерам и сказал: «Этому славному человеку следует возместить все убытки, которые он может понести». Затем он продолжил свой обход и не возвратился в карету до тех пор, пока не подверг все тщательному осмотру и не провел продолжительную беседу с гражданскими и военными властями Монтре.

По пути ему был представлен солдат, раненный в Регенсбурге; и его величество распорядился, чтобы ему тут же, на месте, вручили подарок и чтобы прошение солдата в письменном виде передали ему, когда он прибудет в Булонь 20 сентября.

Немедленно по прибытии в Булонь он взошел на борт корабля и провел смотр флотилии. Поскольку английский фрегат приготовился подплыть поближе, чтобы выяснить, что происходит на рейде, то его величество сразу же отправил под всеми

парусами французский фрегат, чтобы встретить вражеский корабль, после чего последний немедленно исчез.

Проблемы обслуживающего персонала в Амстердаме

Амстердам, в котором император решил остаться на некоторое время, неожиданно оказался в затруднительном положении по следующей причине: в этом городе имелся огромный дворец, но при нем не было ни экипажей, ни конюшен, что для свиты Наполеона являлось первой необходимостью.

А конюшни короля Луи, кроме того, что они не отвечали необходимым требованиям, находились слишком далеко от дворца, чтобы их заняла хотя бы часть обслуживающего персонала императора. Соответственно весь город пришел в замешательство из-за массы трудностей, возникших с определением на постой императорских лошадей, поскольку устроить конюшни в кратчайший срок было просто невозможно, так же, как и построить сараи для карет посреди площадей. Но, к счастью, в этой трудной ситуации удачное решение нашел один из квартирмейстеров дворца, которому пришла в голову идея превратить цветочный рынок в конюшни и укрытие для карет, поставив императорские экипажи под огромные тенты.

Меневаль

Из Булони в Антверпен

Из Булони Наполеон в октябре 1811 года отправился в Остенде и в расположенный напротив Флиссингена порт Брескенс, где дал указание провести некоторые работы.

Погода стояла отвратительная, что не помешало императору часть пути проехать верхом на лошади. Он обследовал остров Кадзанд и подробно осмотрел его форты. Он планировал посетить один за другим тридцать кораблей флота в Антверпене. Ознакомление с кораблями пошло бы на пользу флоту в частности и всем военно-морским силам Франции в целом. С этой целью Наполеон поднялся на борт «Шарлеманя», корабля адмирала. Командующий флотом в присутствии морского министра поднял свой штандарт. Погода была терпимой, но ночью изменилась в худшую сторону, и с рассветом начался сильный шторм, бушевавший в течение трех дней.

Наконец буря успокоилась, волнение моря несколько поутихло, и император воспользовался этим обстоятельством, чтобы направиться во Флиссинген. Там он провел один день, выясняя состояние грандиозных работ, проводимых в соответствии с его приказом после ухода английского военно-морского десанта. Следующим местом назначения Наполеона был Антверпен, куда он отправился на корабле, плывшем вверх по течению реки. По пути Наполеон инспектировал различные форты, которые были сооружены на обоих берегах. Он прибыл в Антверпен ночью, и на следующий день к нему присоединилась императрица. За четыре года он превратил Антверпен в новый город с первоклассной крепостью и в самый важный порт своей империи.

В Утрехте во время военного смотра, проводившегося в дождливый день, Наполеон увидел нескольких генералов, которые укрылись от дождя, тщательно закутавшись в плащи. Сделав вид, что он не заметил их чрезмерной заботливости о собственной персоне, Наполеон, не мешкая, подошел к водосточной трубе и встал в непосредственной близости от нее, обрызгиваемый дождевой водой, тем самым преподав генералам урок дисциплины и самопожертвования.

Возвратившись в свою резиденцию, император, следуя собственной системе практического воспитания, настоял — не потратив времени на переодевание — на приеме городских

властей, уже поджидавших его.

Их величества провели в Амстердаме две недели.

Голландцы были довольны приездом императрицы Марии Луизы. Ее простые и приятные манеры пришлись по душе добрым по характеру голландцам. Я не знаю, любовь к новизне или, скорее всего, громкое имя Наполеона так сильно повлияли на голландцев, но прием, который они повсюду оказывали императору и императрице, был таким, что заставлял думать: присоединение их ораны к Франции одобряется всеми ими без исключения.

Специальным декретом Наполеон решил вопрос о системе общественного образования в Голландии. В Лейдене и Гронингене были учреждены имперские университеты, в этих же городах и в Утрехте были открыты общественные школы; каждому городу Голландии было дано право открыть средние школы.

Констан

Посещение Наполеоном домика Петра Великого

Во время пребывания их величеств в Амстердаме в апартаментах императрицы оказалось пианино, выглядевшее как секретер, на верхней крышке которого в середине было небольшое отделение. В это отделение был поставлен маленький бюст императора России. Вскоре Наполеон пожелал сам убедиться, удобны ли апартаменты, предназначенные для императрицы, и, осматривая их, заметил бюст, который, не сказав ни слова, сунул под мышку. Потом он заявил одной из придворных дам императрицы, что хочет, чтобы этот бюст убрали; указание Наполеона было выполнено, хотя вызвало большое удивление, так как тогда еще не знали, что между двумя императорами возникли прохладные отношения.

Император совершил несколько экскурсий по стране, сопровождаемый многочисленной свитой. В Саардаме он посетил крытый соломой домик, который служил прибежищем для Петра Великого, когда он приезжал в Голландию под именем Петра Михайлова для того, чтобы изучать судостроение. Пробыв в домике полчаса, император, покидая его, сказал обер-гофмаршалу императорского двора Дюроку: «Это самый прекрасный памятник в Голландии».

Меневаль

Отношение голландцев к Наполеону

Император покинул Амстердам, удовлетворенный приемом, который ему был оказан. Он приехал в Голландию, не испытывая симпатий к ее жителям, — возможно, потому, что ему сказали, что они враждебно относятся к нему. Его отношение изменилось после того, как он стал общаться с ними. Он даже почувствовал определенную симпатию, причем до такой степени, что почти простил своего брата Луи за то, что последний демонстрировал к ним явное пристрастие. Голландский дух порядка нравился Наполеону, который искренне желал процветания этой стране.

Его заинтересовал Роттердам. Там он провел два дня в долгих и частых беседах с местными функционерами; он посетил арсеналы и гавань Роттердама, самую удобную в Голландии.

Констан

Прием в Голландии

Во время поездки по Голландии их величества получили известие о том, что у короля Рима появился первый зуб и что, таким образом, здоровье августейшего ребенка находится в полном порядке.

В одном из маленьких городов на севере Голландии местные власти попросили разрешения у императора представить ему старого человека в возрасте ста одного года. Император приказал привести его. Этот более чем столетний человек был по-прежнему бодрым. Некогда он служил в губернаторской гвардии. Старик вручил императору прошение, умоляя освободить от воинской повинности одного из его внуков, который служил ему опорой в столь почтенном возрасте. Через переводчика император заверил старика, что тот не лишится своего внука. Маршалу Дюроку было приказано выдать старому человеку свидетельство об императорском великодушии.

В другом маленьком городе в провинции Фрисландия местные власти обратились к императору со следующим необычным приветствием: «Сир, мы боялись, что вы прибудете к нам со всеми своими придворными; вы же приехали почти в одиночестве, и в связи с этим мы лучше рассмотрим вас, да и почувствуем себя посвободнее». Император аплодисментами встретил этот лояльный комплимент и удостоил оратора самыми трогательными благодарностями.

Семейная жизнь

Такт и достоинство, проявляемые Марией Луизой в необходимых случаях, привлекали всеобщее внимание. Наполеон, казалось, был счастлив. Дома он был приветлив и нежен с императрицей. Когда он находил ее в плохом настроении, то старался развлечь шутками или пытался вывести ее из этого состояния самыми теплыми и сердечными объятиями. В присутствии других лиц он относился к ней с большим уважением и с достоинством, которые не исключали некой величавой фамильярности.

Его отношение к ней в целом выражало любовь, основанную на полном доверии. В то же самое время, желая сохранить в первозданной чистоте ее целомудрие, которое так очаровывало его, и отвести от нее подозрения, которые обычно допускает французское легкомыслие, Наполеон установил для обслуживающего императрицу персонала порядок, при котором она настолько была ограждена от всего, что можно было подумать, что он очень ревнив. Скромность Марии Луизы, ее привязанность к семейной жизни, ее недоверие к самой себе и предвзятое мнение, с которым она относилась к большинству лиц императорского двора и к духу насмешливости, столь характерному для французов, удерживали императрицу от связей, которые могли бы не понравиться императору.

Когда, благодаря Наполеону, она стала наездницей, уроки иногда продолжались на дороге частного парка Сен-Клу, ведущей от той стороны дворца, где находилась семейная гостиная, названная так потому, что была украшена портретами всех членов императорской семьи. Наполеон, когда у него выдавалось несколько свободных минут после второго завтрака, посылал за своей лошадью, садился на нее верхом, надев шелковые чулки и туфли с пряжками, и ехал рядом с императрицей. Он обычно заставлял лошадь императрицы скакать галопом, смеясь от всего сердца, когда она кричала от страха, боясь свалиться. На самом деле такой опасности не было, так как вдоль всей дороги стояли конюхи, которые в любую минуту могли остановить лошадь и помешать падению.

Тем временем король Рима рос, обретая все большую силу и красоту под бдительным оком госпожи де Монтескье, любившей его как собственного сына и заботившейся о нем сверх всякой

меры. Каждое утро его приносили к матери, которая держала его при себе, пока одевалась. В дневное время, в перерывах между уроками музыки и рисования, Мария Луиза обычно отправлялась в комнату юного короля и, присаживаясь около него, занималась каким-нибудь рукоделием.

Часто вместе с нянькой, которая следовала за ней с ребенком, она приходила с сыном к отцу, занятому работой. Когда сообщали о прибытии сына, Наполеон обычно вставал с кресла и шел к дверям, чтобы встретить его. В это время никому не разрешалось входить в его кабинет; нянька была вынуждена оставаться снаружи, а Марию Луизу он просил, чтобы она сама принесла ребенка в кабинет. Мария Луиза настолько не доверяла самой себе, что боялась взять ребенка из рук няньки.

Наполеон обычно спешил встретить ее и забирал ребенка в свои руки, унося его в кабинет и осыпая поцелуями. Этот кабинет, который был местом рождения столь многих искусных планов и маневров, предназначенных для того, чтобы отразить атаки наших внешних врагов, и стольких многих грандиозных планов правительства, очень часто был молчаливым свидетелем отцовской нежности Наполеона. Я часто наблюдал за императором, когда он был рядом с сыном. Он усаживал сына на колени, а сам садился на свою любимую кушетку около камина, полку которого украшали два замечательных бронзовых бюста Сципиона и Ганнибала, чтобы читать какой-нибудь важный доклад. Или, прижимая сына к груди, подходил к письменному столу, чтобы подписать депешу, каждое слово которой должно было быть взвешенным. Наделенный чудесным даром концентрации, Наполеон был способен в одно и то же время и заниматься серьезными делами, и предаваться детским забавам. Иногда, отложив в сторону срочные дела, он ложился на пол около своего обожаемого сына и играл с ним, словно сам был ребенком.

Наполеон распорядился, чтобы ему изготовили маленькие фигурки для наглядного проигрывания в кабинете военных маневров. Это были фигурки из красного дерева, различных цветов и разной длины. Эти фигурки, на верхушках которых были вырезаны узоры, изображали батальоны, полки и дивизии. Когда император хотел проверить новые войсковые комбинации или новые военные передислокации, он пользовался этими деревянными фигурками, которые расставлял на ковре, разложенном на полу, чтобы получить большее поле для маневрирования. Иногда сын приводил его в изумление, когда с серьезным видом рассматривал позиции, занятые этими фигурками, словно готовился к проведению одного из

хитроумных маневров, который обеспечит ему победу в будущем сражении.

Ребенок, лежавший на полу рядом с отцом и с интересом смотревший на цветные фигурки, напоминавшие ему его игрушки, в какое-то мгновение дотрагивался до них ручкой и приводил в полный беспорядок в тот самый решающий момент сражения, когда противник вот-вот должен быть разбит. Но настолько сильным у Наполеона было присутствие духа и так сильна была его любовь к сыну, что он не позволял себе терять душевного равновесия при виде всего того беспорядка, который устраивал сын, разрушая на полу его стратегические комбинации, и довольствовался тем, что, не проявляя нетерпения, расставлял фигурки вновь в установленном им порядке.

Император привык в одиночестве усаживаться за стол во время второго завтрака. Но госпожа де Монтескье обычно в это время приносила короля Рима к отцу. Наполеон брал его на колени, ласкал и забавлялся тем, что прикладывал свой бокал к губам ребенка и, смеясь от всего сердца, журил сына за то, что тот гримасничает, когда жгучая капля вина попадает ему на язык. Однажды, когда ребенок уже раскрыл рот, чтобы получить кусочек какого-то кушанья, предложенного ему отцом, Наполеон отвел руку и повторил эту маленькую шутку во второй раз. Однако в третий раз юный принц отвернулся, упрямо отказываясь от лакомого кусочка. Когда император выразил удивление по поводу поведения сына, госпожа де Монтескье объяснила, что ребенку не нравятся люди, которые пытаются обмануть его, и добавила: «Он гордый и чуткий ребенок!»

«Он гордый и чуткий? — повторил император. — Это замечательно. Именно потому, что он такой, я люблю его!» Наполеон, обрадованный, что его сын обладает такими двумя качествами, нежно обнял его. В такие непродолжительные моменты император забывал и о своих заботах, и об общественных делах.

Мать Наполеона

Наполеон, бывший лучшим среди отцов, иначе чем хорошим сыном и не мог быть, проявляя к матери неизменную уважительную любовь.

В присутствии других лиц его нежное отношение к матери совмещалось с чувством уважения и серьезностью внимания к ней. Он представил доказательство этого, доказательство, которое эта почтенная женщина ценила превыше всего, когда он

назначил ее генеральной патронессой благотворительных организаций. Мать Наполеона была римско-католической матроной, как в облике, так и в степенном ее характере. Преуспевание не вскружило ей голову, так же, как и несчастье не сломило ее. Над ее бережливостью подшучивали, но ее дети знали, что она всегда готова помочь им из личных средств.

Когда императора сослали на остров Святой Елены, мать выслала ему полный отчет о собственном денежном состоянии и просила его располагать всем тем, что у нее имеется. Это предложение матери Наполеон не принял. Когда кто-то сказал ей в то время, что, предлагая все свое состояние сыну, она тем самым подвергает себя нищете, она ответила следующим образом: «Какое это имеет значение? Когда у меня ничего не останется, я возьму свою палку и пойду просить милостыню для матери Наполеона».

Дарю

В кабинете министров произошла смена министров, факт, который до последнего времени случался очень редко. И действительно, во времена правления Наполеона министры практически не менялись. Лишь министерство иностранных дел не принимало участия в этой устоявшейся традиции. Злоключения, испытываемые в связи с тревожным состоянием наших отношений с Европой, вызывали необходимость время от времени менять направление внешней политики. Вследствие этого граф Дарю стал министром иностранных дел, сменив на этом посту г-на Маре.

Если, с одной стороны, Наполеон испытывал глубокое уважение к графу Дарю, то, с другой стороны, нельзя сказать, что он чувствовал к нему личную симпатию. Он ценил его работу и всегда отмечал его полезную деятельность, но он никогда не испытывал к нему безграничного доверия. Что касается г-на Дарю, то его отношение к императору было отмечено исключительной сдержанностью.

В последний год жизни этот министр оказал мне честь, рассказав, что, когда он шел на прием к императору, то, готовый к любой неприятности, клал в карман ключ от своего письменного стола, чтобы в случае малейшего недовольства со стороны Наполеона вручить ему этот ключ с просьбой вскрыть письменный стол и забрать его семейные документы. «Тогда бы он увидел, — продолжал г-н Дарю, — сравнив реестр моих владений до прихода к нему на службу с нынешним состоянием

моих финансовых дел, что я не разбогател, использовав какие-нибудь незаконные методы».

Констан

Дома

Мария Луиза была очень красивой женщиной. У нее была великолепная фигура, величественная манера держаться, свежий цвет лица, светлые волосы и выразительные голубые глаза; ее маленькие ручки и ножки вызывали восхищение всего императорского двора. Ее фигура, возможно, была слегка полноватой; но она сбросила лишний вес во время пребывания во Франции, тем самым став более грациозной и красивой. Таков был ее внешний вид.

В общении с непосредственным окружением она проявляла любезность и сердечность; и удовольствие, которое она получала от свободы этого общения, сказывалось на выражении ее лица, становившегося оживленным. Но на публике она оставалась чрезвычайно застенчивой; торжественность официальных мероприятий парижского общества сама по себе отталкивала ее; как и все люди, не наделенные природным высокомерием и поэтому всегда чувствующие себя неловко в обществе, Мария Луиза, как правило, во время официальных приемов выглядела очень скованной и подвергалась в связи с этим несправедливой критике. Но, как я уже говорил, ее холодность проистекала скорее всего от ее чрезмерной скромности.

Сразу же после приезда во Францию Мария Луиза очень страдала от этой скованности в собственном поведении. Это настроение молодой принцессы можно легко понять, учитывая то обстоятельство, что она так неожиданно оказалась в совершенно новом обществе, к обычаям и вкусам которого была обязана приспосабливаться. Хотя ее высокое положение должно было, естественно, привлекать к ней внимание всего мира, особенности этого положения вынуждали, чтобы именно от нее исходила инициатива в любой попытке пойти навстречу для установления контакта. Именно это обстоятельство объясняет возникшие трудности в ее ранних отношениях с придворными дамами. После того как с ними установились близкие отношения и молодая императрица выбрала из их круга друзей со всей непринужденностью своего юного сердца, исчезли ее надменность и скованность, проявлявшиеся только по случаю официальных церемоний.

Мария Луиза обладала спокойным и вдумчивым характером; не требовалось больших усилий, чтобы возбудить ее

чувствительную натуру, и тем не менее, хотя она легко поддавалась чувствам, она ни в коей мере не была экспансивной. Императрица получила образование, отличавшееся тщательностью и продуманностью, у нее был развитой ум, а ее вкусы — простыми. Она была само совершенство.

Воодушевляемая собственным добрым сердцем, императрица Мария Луиза стремилась сделать окружавших ее людей счастливыми, а ее благотворительные деяния долго оставались предметом обсуждения, и прежде всего та деликатная манера, с которой она их совершала. Каждый месяц она брала из суммы, предназначенной для ее гардероба, десять тысяч франков для бедных, но этим она не ограничивала свою филантропическую деятельность; она всегда радушно и с большим интересом принимала тех, кто приходил поведать ей о своих страданиях, требующих облегчения.

Я не знаю, получал ли кто-либо от нее отказ на просьбу о помощи. Император всегда был глубоко растроган, когда ему сообщали о благотворительной акции императрицы.

В восемь часов утра занавеси в апартаментах императрицы Марии Луизы наполовину приоткрывались, и ей вручались газеты. Прочитав их, она пила шоколад или кофе с печеньем, по форме напоминавшим ракушку. Первый завтрак ей подавали в постель. В девять часов Мария Луиза поднималась с постели и принимала придворных, которым была дана привилегия обслуживать ее в этот час. В отсутствие императора императрица поднималась в квартиру госпожи де Монтебелло, первой фрейлины. За императрицей следовала ее свита, состоявшая из первого шевалье и нескольких придворных дам; по возвращении императрицы в свои апартаменты ей подавался легкий завтрак, включавший печенье и фрукты.

После уроков черчения, рисования и музыки она приступала к обряду официального туалета. Между шестью и семью часами вечера обедала вместе с императором, а в его отсутствие — с госпожой де Монтебелло. Обед состоял только из одного блюда. Вечер посвящался приемам, концертам или спектаклям и т. п.; императрица ложилась спать в одиннадцать часов вечера. Одна из прислуживавших ей женщин всегда спала в комнате, находившейся перед спальней императрицы. Император был вынужден проходить через эту комнату, когда проводил ночь в спальне супруги.

Однако привычный распорядок для императрицы изменялся, когда во дворце находился император; но когда она оставалась во дворце одна, то пунктуально следовала заведенному порядку и делала одни и те же вещи в одни и те же часы. Ее личный

обслуживающий персонал, судя по всему, был привязан к ней; несмотря на ее внешнюю холодность и стремление держать всех на расстоянии, они все считали ее доброй и справедливой.

В отсутствие императора комнату императрицы украшали портреты герцогини Монтебелло и членов всей императорской семьи Австрии; но когда император возвращался, портрет герцогини снимался со стены; и во время войны императора против Австрии и России по приказу его величества портрет Франца I убирался из комнаты его дочери и отправлялся в какое-то потайное место.

Король Рима

Король Рима был очень славным ребенком; и хотя он походил на императора меньше, чем сын Гортензии, черты его лица были счастливым сочетанием черт отца и матери.

Я знал его только в период раннего детства, и что было самым замечательным в нем в этом возрасте, так это большая доброта и нежная привязанность к тем, кто окружал его. Он был глубоко привязан к милой девочке по имени Фанни Суффло, дочери первой камеристки императрицы, которая была его постоянной компаньонкой в играх; и так как ему нравилось видеть девочку всегда красиво одетой, то он просил Марию Луизу или свою гувернантку, госпожу графиню де Монтескье, чтобы любая красивая вещь, ставшая объектом его прихоти, была в соответствии с его желанием отдана его юной подруге. Он заставил ее пообещать, что она последует за ним на войну, когда он станет взрослым, и говорил ей много приятных слов, что свидетельствовало о его ласковом характере.

Доктор Корвисар

Доктор Корвисар имел большое влияние на императора и редко получал отказ на свои просьбы. Как бы то ни было, он часто говорил тепло о г-не де Бурьенне, выступая в его защиту и подчеркивая, что Бурьенн очень предан его величеству, но последний всегда отвечал: «Нет, Бурьенн настроен слишком проанглийски, и, кроме того, у него прекрасно идут дела. Я определил его в Гамбург. Он любит деньги и там сможет разбогатеть».

Кардинал Феш

Именно в 1811 году кардинал Феш наиболее часто посещал апартаменты императора, и их беседы, как мне показалось, проходили весьма оживленно. Кардинал отстаивал свою точку зрения горячо, разговаривал очень громко, многословно. Не проходило и пяти минут, как их беседы принимали острый характер, и я слышал, как император повышал голос, не уступая в громкости голосу кардинала; после чего следовал обмен резкими выражениями. Каждый раз, когда приходил кардинал, я переживал за императора, который всегда становился очень возбужденным в конце этих бесед. Однажды, когда кардинал собирался покинуть императора, я услыхал, как последний резким тоном заметил ему: «Кардинал, вы злоупотребляете своим положением».

Меневаль

Отказ от наград

В 1809 году мне был присвоен титул барона Империи, и я был обеспечен постоянным доходом от поместья в старой провинции Брабант. Я был назначен докладчиком Государственного совета, и, соответственно, мой доход повысился. Мне последовательно было присвоено звание шевалье, а затем офицера ордена Почетного легиона и, наконец, рыцаря ордена Железной короны Ломбардии[1], когда был учрежден этот орден.

Монархи, которые поочередно занимали трон Неаполитанского королевства, были столь любезны по отношению ко мне, что желали наградить меня своими орденами; но, хотя один из королей был братом, а другой мужем сестры императора, я, с согласия императора, вежливо отказался от всех отличий и орденов, которые они хотели пожаловать мне, поскольку считал, что, состоя в должности секретаря императора, должен быть совершенно независимым от кого бы то ни было, кроме императора. Император, одобрив эти мои угрызения совести, решил, что я могу носить только ордена, главой которых он был сам, а именно: орден Почетного легиона и орден Железной короны Ломбардии, которые он соблаговолил лично вручить мне.

XI. Кольцо начинает сжиматься

Меневаль

Англия, Россия и Польша

Наполеон, верный союзу, который был заключен в Тильзите, придерживался своего великого плана вынудить Англию пойти на мирное соглашение. Поэтому он не отказывался от континентальной блокады, результаты которой начали пагубно сказываться на Англии. С другой стороны, он хотел уменьшить ущерб, наносимый России в связи с осуществлением блокады, устранить испытываемые Россией трудности и таким образом успокоить императора Александра.

Страстное и исключительное желание Наполеона заключалось в том, чтобы навязать мир английскому правительству. Все попытки добиться этого путем переговоров закончились провалом. Его план вторжения в Англию оказался обреченным на неудачу. Лишь одно средство оставалось действенным, а именно: перекрытие любого доступа на континент для торговли наших врагов. Декреты британского кабинета от 16 мая 1806 года, которые объявили о состоянии блокады берегов Франции и Голландии от Эльбы до Бреста, предопределили решение о континентальной блокаде.

Оказалось, что Франция — слишком великая и слишком могущественная страна, чтобы Англия согласилась жить с ней в мире. Если бы нашу страну не поддерживала энергичная рука, она бы оказалась в состоянии полной зависимости и подчинения. Как только Англия нашла средства, чтобы расшевелить континент, возбудив страсти европейских кабинетов и аристократии, она направила всю свою энергию на разрушение Франции и императорской династии.

Франции оставалось или подставить шею под ярмо этого непримиримого врага, или настойчиво продолжать безжалостную блокаду, задуманную Наполеоном.

Император России появился в Тильзите, чтобы разделить чувства Наполеона в отношении Англии. Первые слова Александра на плоту на реке Неман были следующими: «Как и вы, я — враг Англии». Эти льстивые слова смягчили сердце Наполеона и были предназначены для того, чтобы убрать все препятствия, которые еще могли разделять победителя и побежденного. Позднее, когда два монарха встретились в Эрфурте, император Александр делал вид, что сохраняет те же самые чувства.

В течение 1811 года и в первые месяцы 1812-го проходил активный обмен дипломатическими нотами между русским и французским кабинетами, а также не прекращалась личная переписка между двумя монархами, сущность которой со стороны Наполеона сводилась к следующему: «Вы готовитесь к войне. Она может быть направлена только против меня; но я защищаю наши общие интересы против Англии и, соответственно, не желаю нападать на вас. Вы обязываете меня подражать вам; результатом этого может стать война, хотя я не желаю ее и, возможно, не желаете ее и вы. Разве нет способов, чтобы прийти к взаимопониманию?»

Наконец, в феврале 1812 года, когда внушительное число русских войск демонстративно дислоцировалось вдоль границы с великим герцогством Варшавским, император послал за адъютантом Александра, полковником Чернышевым, который с 1808 года постоянно проживал поблизости от резиденции Наполеона, выступая в качестве конфиденциального посредника. Наполеон высказал все, что у него накопилось на душе относительно причин отсутствия взаимопонимания между Францией и Россией, и поручил передать Александру умиротворяющие предложения. Чернышев вышел, но более не возвращался.

Испания

Положение дел в Испании требовало приложения максимума усилий со стороны Франции. Император отдавал себе полный отчет о создавшейся ситуации, о чем можно было судить по многим деловым запискам, которые он диктовал в связи с последними событиями. Он разрабатывал свой план, исходя из самых различных предпосылок, и всегда приходил к выводу, что не может ввязаться в войну с Россией, не подвергнув себя риску, которого ему следует избегать в его же интересах.

Настоятельная необходимость окончания войны в Испании объясняет нежелание Наполеона вступать в военный конфликт с Россией. Он бы предпочел отложить начало войны и некоторое время надеялся, что сможет избежать ее. Чтобы добиться этого, он был готов поступиться всем, кроме блокады, результат которой становился почти решающим.

Когда все надежды на сохранение хороших отношений с Россией рухнули, император стал вынашивать план о том, чтобы собрать все свои силы в один мощный кулак и нанести сокрушительный удар на востоке и затем уже, не мешкая,

вернуться в Испанию.

Неслыханные и непредвиденные катастрофы всегда опровергали самые умные и самые расчетливые планы. Удачный исход решения проблемы с Испанией сделал бы Наполеона полным хозяином Пиренейского полуострова и развязал бы ему руки. Английское правительство прекрасно понимало это и не имело права на раздумья. Англии самым срочным образом понадобилось втянуть своего могущественного соперника в крупный военный конфликт, учитывая все те затруднения, которые усугубляли его положение.

Хотя ситуация в Испании продолжала ухудшаться, время, судя по всему, все же настало, чтобы самым энергичным образом приступить к войне именно в данный момент, используя разногласия, разделявшие группировки испанских мятежников.

Таким образом, Наполеон оказался вовлеченным, против его воли, в гигантский военный поход, который предпочел бы отложить, поскольку позднее он мог быть реализован с гораздо большими шансами на успех, если вообще стал бы необходим.

Ультиматум России

Ответ на послание с предложением о примирении, которое император вручил полковнику Чернышеву накануне его отъезда из Парижа в Санкт-Петербург, был получен в Тюильри только через шесть недель. Он заключал в себе ультиматум России.

Условия его были следующими: император Александр предписывал императору Наполеону в качестве обязательства, которое должно предшествовать всем переговорам, эвакуацию французских войск из всех прусских государств и из шведской Померании, другими словами, предлагал распахнуть двери крепостей Одера и Данцига для русского вторжения. В случае выполнения этих условий Россия согласится проводить переговоры, в основе которых должно содержаться обещание не чинить препятствий заходу нейтральных кораблей в русские гавани и не противодействовать запретительным мерам, которые русское правительство посчитает необходимым закрепить декретом в интересах русской торговли.

Никогда Наполеону во времена его блестящих побед даже во сне не приходило в голову предъявлять подобные оскорбительные требования побежденным врагам. Наполеону больше ничего не оставалось делать, как доверить судьбу этого великого военного начинания самой великой армии, которую он когда-либо выводил на поле битвы.

Император использовал все возможности, чтобы достучаться до сердца Александра. Он испытывал искреннюю привязанность к этому царю, а также доверие, которое на самом деле ничем не было подкреплено. Наполеон был уверен, что один час беседы с ним наедине закончится полным взаимопониманием. Позднее, когда враждебные отношения достигли своего пика, а шансы на победу в войне были пока еще на его стороне, Наполеон дал указание написать письмо Александру, он даже написал его собственноручно.

Семейная жизнь и трудолюбие Наполеона

Отягощенный многочисленными обязанностями и заботами накануне разрыва отношений с Россией, Наполеон все свое время посвящал разнообразной деятельности кабинета министров, смотрам войск и работе с министрами. И только в общении с женой и сыном он находил столь нужное и в то же время приятное облегчение от чрезмерного утомления.

Часть времени он проводил с сыном. Наполеону нравилось почти с женской заботливостью водить сына за руку, когда тот ковылял по комнате нетвердой походкой. И если этот обожаемый ребенок падал на пол, когда отец отпускал его руку, то эти мелкие неприятности вызывали у Наполеона бурные ласки в отношении сына и громкие раскаты его смеха.

Императрица, которая обычно присутствовала при этих семейных сценах, не принимала в них такого активного участия, как император. Эти три человека, чья простота в общении друг с другом могла привести к тому, что забывалось их величие, были похожи на обыкновенную семью из сословия среднего класса. Кто бы мог тогда подумать о судьбе, предназначенной каждому из них?

Благодаря наступлению прекрасной погоды весной 1812 года император смог разнообразить развлечения своей семьи прогулками верхом на лошади и охотой, в которых вместе с Наполеоном принимала участие и императрица. Это происходило в Сен-Клу или в Рамбуйе — в резиденциях, которые Наполеон любил, так как там его окружало меньшее число людей и он чувствовал себя более свободно. Иногда, когда только рассветало, Наполеон будил императрицу, чтобы вместе с ней прокатиться верхом на лошади. Вместе с Марией Луизой он обычно катался по красивым лесам, окружавшим Сен-Клу. Некоторые из этих поездок в сторону Парижа или его окрестностей имели целенаправленное и полезное назначение.

В отдельных случаях монархи наносили визит в места производимых в соответствии с указаниями Наполеона работ по украшению зданий или улучшению их вида. Эти внезапные визиты иногда заставали врасплох полусонных охранников этих объектов, которые смотрели на «инспекторов» с нескрываемым изумлением, начиная верить в существование привидений. Так как об этих прогулках заранее никогда не сообщалось, то адъютант императора, дежурный конюший с двумя или тремя верховыми составляли всю свиту двух монархов. Императрицу никогда не сопровождали ее придворные дамы. Некоторые из них встречали ее, когда она уже возвращалась, или поджидали ее в отведенных для нее апартаментах. Когда Мария Луиза чувствовала себя уставшей, то обычно садилась в карету, следовавшую за монархами, но это случалось редко.

С этих прогулок император, когда он выезжал один или с Марией Луизой, всегда возвращался с новой идеей об улучшении или совершенствовании производимых работ, свидетелем которых он только что был. Наполеону было достаточно одного взгляда, чтобы завершить обзор места строительства и начавшихся работ, точно определить их объем и продолжительность, а также требуемые расходы. По возвращении во дворец он обычно поручал своим министрам вызвать глав их департаментов, инженеров, ученых и проводил с ними совещание, на котором председательствовал. Выслушивая доклады, Наполеон высказывал свою точку зрения, и уже потом определял, каким образом можно было бы улучшить производимые работы.

Апогей Наполеона — Дрезден

После подписания договоров с Австрией и Пруссией в начале 1812 года Наполеон объявил императрице о своем намерении пригласить императора Австрии встретиться с ним в столице короля Саксонии. Императрица Мария Луиза с большой радостью приветствовала это предложение, так как ее горячим желанием было вновь повидаться с отцом и с семьей, с которыми она поддерживала регулярную переписку.

Соответственно, нашему послу в Вене было поручено пригласить императора Франца прибыть в Дрезден с императрицей, эрцгерцогами и эрцгерцогинями, братьями и сестрами Марии Луизы, которая с нетерпением ждала возможности провести с ними несколько дней.

Серьезные трудности, вызванные нехваткой пшеницы, которая угрожала Франции, задержали выезд императора в

Дрезден на целый месяц. Император в создавшейся ситуации развернул активную деятельность, зная, как всегда, в каком направлении следует действовать.

Наполеон опасался, что во время дальнего и рискованного военного похода англичане, чьи корабли крейсировали перед Генуей, могут попытаться, применив силу, похитить Папу Римского, чтобы превратить главу католической церкви в послушное орудие в их руках. Наполеон распорядился о приглашении его святейшества в Фонтенбло, чтобы тем самым предотвратить подобную возможность.

Прежде чем покинуть Париж, император, следуя своему обычаю, покончил со всеми делами, имевшими не столь срочный характер или ожидавшими его решения. Он установил служебный порядок, в силу которого во время отсутствия императора на совет министров с его председателем Камбасересом, архиканцлером империи, возлагалось руководство правительством. Аудитор в ранге министра каждую неделю направлялся к государственному секретарю кабинета министров, который всегда сопровождал императора. Ежедневно министр полиции сам писал письма императору. Наполеон также обычно получал конфиденциальные письма или короткие послания в виде записок от лиц, которые не работали в правительстве, но которые имели на то полномочия или которым разрешалось писать ему о проблемах внутренней политики, о состоянии общественного мнения и даже о делах литературы. Хотя Наполеон находился на расстоянии 800 или 900 лье от Парижа, он правил империей так, словно находился в столице. В это время на императрицу возлагались только представительские функции. Каждое воскресенье она посещала мессу, и всем лицам, представлявшим императорский двор, разрешалось присутствовать на этих церемониях.

Император сам составлял список лиц для сопровождения императрицы, стараясь выбрать тех, кто был ей приятен. В результате этого во время официальных церемоний императрица чувствовала себя свободно и выполняла роль хозяйки императорского двора с большим тактом. В бильярд она обычно играла с теми лицами, которых выбирала сама. Карточные столы для игры в вист расставлялись в ее гостиной, а вечера заканчивались концертом или театральным представлением.

9 мая 1812 года император и императрица покинули Сен-Клу и 14 мая прибыли в Майнц, где задержались для короткого отдыха. Путешествие из Майнца в Дрезден превратилось в непрерывную триумфальную процессию.

В нескольких лье от Дрездена Наполеон увидел короля

Саксонии, который прибыл вместе с королевой, чтобы встретить императора Франции. Император и императрица, сопровождаемые королем и королевой Саксонии, въехали в Дрезден при свете зажженных факелов. На следующий день в Дрезден также прибыли император и императрица Австрии вместе с эрцгерцогами.

Император Франц обнял Наполеона с нескрываемой эмоциональностью. Императрица и эрцгерцоги встретили Марию Луизу с огромной радостью и чувством уважения.

Весь период пребывания Наполеона в Дрездене в 1812 году был отмечен апогеем его могущества. Напрашиваются особые слова, чтобы описать тот эффект, который произвело его присутствие в этом городе. Возможно, никогда еще человеческое величие не достигало такой высокой точки. Говорилось, что Наполеон в Дрездене предстал в виде Агамемнона, короля королей: проходившие в городе спонтанные манифестации в знак уважения к Наполеону отдавали дань его интеллектуальному превосходству и его могуществу. Стоявшие рядом с ним император, короли и принцы из семьи монарха выглядели как простые придворные, а не как его ровня. Об императоре Австрии в присутствии Наполеона совершенно забыли, и последний намеренно старался держаться в тени, чтобы привлечь внимание к австрийскому монарху.

По поведению императора Австрии и короля Пруссии не следует судить, что они были искренними в демонстрации любви и уважения к человеку, который победил их. Если бы эти монархи и были способны на минуту забыть о своем скрытом недоброжелательстве, то рядом с их персонами находились умные министры, которые бы не посчитали за труд напомнить им об обидах. Императрица Австрии, начитанная и интеллигентная женщина, прибыла в Дрезден преисполненная чувством собственного достоинства, а также сильнейшим предубеждением против человека, которому Австрия была обязана своим величайшим унижением. Она была полна решимости противостоять всеобщему энтузиазму и проявлять крайнюю сдержанность, граничившую с презрением. Но и она в самом скором времени подпала под влияние, которое Наполеон оказывал буквально на всех.

Я имел возможность наблюдать отношения между монархами во время их встреч. И я наблюдал за встречей императрицы Австрии и императора Франции в просторном зале дворца в Дрездене, в котором Наполеон принимал своих гостей. Императрица Австрии настолько плохо себя чувствовала, что была не в состоянии пройти пешком всю длину зала. Наполеон

встретил ее у входа в зал, придерживая шляпу в одной руке, а другой держась за дверь портшеза, в котором несли императрицу, и по пути старался утешить ее, разговаривая с ней бодрым тоном.

Императрица, казалось, проявила интерес к беседе с ним, демонстрируя это тем вниманием, с которым она выслушивала его, а также тем, как отвечала ему. Все, кто присутствовал в зале в эти минуты, пришли к общему мнению, что Наполеон оказывает неминуемое влияние на своих величественных гостей и умом, и обольстительными манерами. Можно сказать, что этот выдающийся человек уже с самой юности нес на своих плечах всю тяжесть огромной империи, поскольку он так хорошо знал, как следует поддерживать достоинство своего ранга и тоном своего голоса, и своими манерами. Ничто не ускользало от его внимательного взгляда. Идеальное чувство такта, утонченный инстинкт, подсказывающий, что и кому следует сказать, сочетались с исключительным складом ума, зрелостью мысли и образованностью. И все это собрание выдающихся качеств делало его приятным и обаятельным человеком, когда он сам считал нужным демонстрировать себя именно таковым.

Основная причина решения Наполеона созвать вместе царствующих особ Рейнской Конфедерации заключалась в том, чтобы показать России, насколько сильны узы, связывавшие этих разных монархов в системе Французской империи.

В действительности, и я могу повторять это очень часто, Наполеон вступал в войну с Россией с чрезвычайным нежеланием и до самой последней минуты в глубине души надеялся, что сможет избежать ее. Перед отъездом из Парижа император направил генерала Нарбонна, своего адъютанта, в Санкт-Петербург. Не получив никаких известий от генерала Нарбонна в Дрездене и узнав, что император Александр прибыл в Вильно, он дал указание графу Лористону, своему послу в России, проследовать в этот город и лично обратиться к царю. Наполеон, соответственно, и этого нельзя отрицать, питал слабую надежду, что имевшиеся трудности все еще могут быть преодолены.

Однако холодное и негибкое поведение Александра, его сдержанность, его настойчивость при предъявлении неприемлемых требований убедили Наполеона в том, что царь принял окончательное решение и зашел слишком далеко в своих обязательствах перед Англией для того, чтобы вернуться назад. Придя к выводу, что он более не может обманывать себя в отношении беспомощности своих попыток примирения, император направил указание в Париж о возвращении князю Куракину его паспорта. Письмо г-на Маре, направленное вместе с этим паспортом, было сформулировано таким образом, что посол

России не мог не видеть, что настойчивость, с которой он запрашивал паспорт, более не могла рассматриваться ни в каком ином свете, кроме как объявление войны.

Генерал граф Нейпер

Если бы в разгар впечатляющих торжеств в Дрездене не было известно, что нас окружают 500 000 человек, готовых начать военные действия, можно было бы подумать, что не ведется подготовка ни к войне, ни к другим важнейшим событиям — таким, к которым каждый из их участников имел особый и очень разный интерес.

Среди лиц, входивших в свиту императора Австрии, был один человек, известный военному командованию и дипломатическому корпусу, но он был незаметен в общей толпе, окружавшей монархов и принцев. Этим человеком был генерал граф Нейпер. Императрица Мария Луиза впервые увидела его там, в Дрездене, не придав ни малейшего значения его присутствию. Однако когда она направлялась в помещение театра с императором, то адресовала несколько слов этому генералу, которому случилось оказаться на ее пути.

Никто не знал тогда, какую роль в будущем придется сыграть самой незаметной личности из всех троих.

29 мая императрица Мария Луиза была единственной из царственных гостей, оставшихся в Дрездене. Император Наполеон покинул ее в этот день, чтобы присоединиться к армии. В тот же день император и императрица Австрии отправились в Прагу, чтобы поторопиться с подготовкой к приему своей дочери и падчерицы. Мария Луиза оставалась одна в Дрездене еще несколько дней и 4 июня выехала в Прагу.

Можно сказать, что династия Габсбургов, в полном согласии с судьбой, в последний раз в блестящей форме воздавала должное человеку, звезде которого так скоро предстояло начать гаснуть и, наконец, закатиться — чтобы окончательно потухнуть.

XII. Русская кампания

Констан

Мысли Наполеона накануне русской кампании

Я постараюсь здесь вспомнить о событиях, относящихся лично к императору, которые произошли во время его поездки меж границ Франции и Пруссии.

Если мы попытаемся сравнить наш поход в Москву и наше возвращение оттуда, то какой в итоге мы получим печальный контраст! Нужно было видеть Наполеона в Дрездене, чтобы осознать мысль о той высочайшей точке, которую способно достичь человеческое величие. Там, более, чем когда-либо и где-либо еще, император был приветлив и любезен со всеми. Судьба милостиво взирала на него.

Среди других подробностей нашего пребывания в Дрездене я помню о разговоре императора с маршалом Бертье, которого он вызвал к себе в очень ранний час. Когда маршал прибыл, Наполеон еще не встал с постели, но я получил приказ привести немедленно маршала к императору; и, пока я одевал императора, присутствовал при беседе между ними. Как бы я хотел запомнить весь разговор, но, по крайней мере, я уверен, что правильно передам одну поразившую меня, высказанную императором, мысль. Император заявил примерно следующее:

«Я ничего плохого не хочу Александру; это не с Россией я веду войну, так же, как и не с Испанией. У меня есть только один враг — Англия, и это до нее я стараюсь всеми силами добраться до России. Я буду преследовать ее повсюду». Во время этой речи маршал обгрызал свои ногти, что было его постоянной привычкой.

Поручение Жозефины для Наполеона

Перед началом русской кампании меня вызвала к себе Жозефина. Она вновь повторила свои искренние рекомендации внимательно следить за здоровьем императора и обеспечивать его безопасность. Она не переставала плакать и говорила со мной только об императоре. Беседа с ней привела меня в подавленное состояние; ибо ничто не могло быть более трогательным, чем вид этой женщины, умолявшей меня заботиться о человеке, покинувшем ее, и проявлявшей такую нежную заботу о нем, на которую способна самая любящая жена.

На берегах Немана

23 июня 1812 года мы вышли на берега Немана.

Переправа армии через реку началась вечером и продолжалась сорок восемь часов, в течение которых император не слезал с лошади, так как хорошо знал, что его присутствие ускорит дело. Затем мы продолжили наш поход на Вильно, столицу Великого княжества Литовского. 27 июня мы подошли к городу, который был оккупирован русскими; и можно сказать, что именно там начались боевые действия, поскольку до этого времени император просто путешествовал, как бы он это делал, посещая департаменты Франции. Русские, которых мы атаковали, потерпели поражение и отступили. Мы вошли в Вильно, город значительных размеров, в котором, как мне казалось, насчитывалось примерно тридцать тысяч жителей.

Меневаль

Переправа через Неман

Наполеон лично отправился провести рекогносцировку, чтобы самому определить, в каком месте будет наиболее удобно осуществить переправу через Неман. Он набросил на мундир капюшон, а на голову надел фуражку гвардейца польской легкой кавалерии. Через реку были переброшены три моста, и по ним армия переправлялась ночью 23 июня и в течение всего дня. После переправы через Неман и во время марша на Вильно мы не встретили ни одного русского солдата, за исключением небольшого отряда русских войск около самого Вильно. Этот город был занят французами без всякого боя. После переправы через Неман погода неожиданно резко изменилась, и проливной дождь затопил все дороги, дезорганизовав всю армейскую транспортную службу.

Император вступил в Вильно 28 июня как восстановитель независимости Польши.

В Вильно было учреждено временное правительство, в которое вошли семь членов наиболее влиятельных семейств Литвы. В распоряжение императора поступил польский почетный караул, который следовал за ним до Москвы и сопровождал его при отступлении французских войск до самого Вильно. Этот почетный караул, малочисленный по составу, но всегда демонстрировавший завидное усердие, образовал второй полк польской гвардейской легкой кавалерии.

Император назначил г-на Маре губернатором Литвы, но оставил его в Вильно со специальным заданием руководить центром, осуществлявшим связующие и организационные функции. На г-на Маре была возложена работа по публикации новостей о военных операциях французской армии, по поддержанию переписки с Австрией, Пруссией и, особенно, с Турцией, которая стала предметом пристального внимания и которую, если потребуется, следовало подтолкнуть на выступление против России.

Г-ну Маре также было приказано поддерживать связь с варшавским правительством и время от времени передавать указания корпусам, расположенным в тылу действующей армии, и, наконец, обеспечивать загруженность складов военным снаряжением и продовольствием. Курьеры, офицеры и аудиторы, прибывавшие из Франции, по пути заезжали в Вильно и оттуда

далее отправлялись г-ном Маре в штаб-квартиру императора.

Констан

Вильно

В самую последнюю минуту, перед вступлением на территорию России, его величеству изменило обычное спокойствие. Я заметил, что он выглядел необычно молчаливым в те часы, когда я имел честь подходить к нему. Но когда он во главе своих войск перешел на другую сторону реки Вилия, на которой стоит город Вильно, — что ознаменовало овладение частицей русской территории, — он был в таком восторге, какой можно было ожидать только от молодого человека.

Не раз я видел императора весьма раздраженным, оттого что перед ним не было врага, с которым можно было сражаться. Например, русские оставили Вильно, который мы заняли, не оказав никакого сопротивления, а когда мы покидали этот город, разведчики доложили, что впереди отсутствуют вражеские войска, если не считать маячивших вдалеке нескольких казаков. Я помню, как однажды мы услыхали отдаленный грохот пушечной канонады и император почти вздрогнул от радости, но вскоре мы поняли, что заблуждались: это был раскат грома, и неожиданно наша армия попала в такую грозу, какой я никогда не видел. Земля вокруг на расстоянии более четырех лье была залита водой, и нельзя было разобрать, где находится дорога. Эта буря, оказавшаяся такой же роковой, каким могло быть настоящее сражение, обошлась нам потерей многих людей, нескольких тысяч лошадей и части материально-технического обеспечения армии.

Наполеон в военно-полевых условиях

Перед солдатами Наполеон делал вид, что абсолютно спокоен, но на самом деле он был далек от этого. Из услышанных мною оброненных им нескольких отрывочных фраз я понял, что император потому так горячо стремился дать настоящий бой противнику, что надеялся — император Александр вновь начнет зондировать возможность заключения мира. Я думаю, что Наполеон принял бы предложение о мире, но только после первой своей победы, и он никогда бы не согласился повернуть вспять после колоссальных усилий, потраченных на подготовку к войне, не одержав одну из тех великих побед, которая бы

обеспечила ему достаточную славу в начавшейся военной кампании. По крайней мере он сам неоднократно об этом говорил.

Император также часто говорил о врагах с показным презрением, которого на самом деле не испытывал, но делал это с той целью, чтобы приободрить офицеров и солдат, многие из которых не скрывали своего уныния.

Меневаль

Наполеон в описании генерала Гурго

Следующий отрывок из книги генерала Гурго, озаглавленной «Критический обзор книги графа де Сегюра», дает некоторое представление о поведении Наполеона в военно-полевых условиях во время кампаний:

«Активный образ жизни, который он (император) вел, подчинялся военным операциям. Как правило, он верхом на лошади сопровождал армию, когда она преследовала врага или находилась вблизи от него. Когда же армия участвовала в больших маневрах или когда военные действия проходили где-то на большом расстоянии, он обычно оставался в штаб-квартире и поджидал, пока корпуса не подойдут и не займут указанные им позиции. В штаб-квартире он получал доклады, которые высылались ему непосредственно или передавались через маршала Бертье командованием различных корпусов.

Тем временем он уделял внимание делам правительства Франции, заседавшего в Париже, отвечал на доклады, присылавшиеся из Парижа министрами, которые имели привычку писать ему каждый день, на отчеты министров Государственного совета, которые каждую неделю ему привозил аудитор Государственного совета, переданный в распоряжение главного интенданта армии для выполнения различных заданий. Именно таким образом он управлял империей и одновременно руководил действиями армии. Относясь очень бережно к своему времени, он точно рассчитывал минуту отъезда из штаб-квартиры, чтобы оказаться во главе войск в тот самый момент, когда требовалось его присутствие. Он обычно всюду следовал в своей карете на предельной скорости.

Но даже во время этих поездок он не оставался без дела, а был занят чтением депеш и очень часто по пути получал доклады от своих генералов и тотчас отвечал на них. Гонцы из Парижа привозили депеши в портфеле, закрытом на замок, и тут же эти депеши вручались ему. Благодаря лампе, пристроенной позади него в карете и освещавшей карету ночью, он мог работать так, словно находился в собственном кабинете. В этих поездках его обычно сопровождал маршал Бертье. Адъютант императора и ординарцы ехали на лошадях рядом с дверью кареты, а отряд верховых дополнял эскорт.

У этого необычного человека был такой ни с кем не

сравнимый склад организма, что он мог спать один час, затем проснуться, чтобы дать указания, вновь заснуть, вновь проснуться, без ущерба для здоровья и отдыха. Для него было достаточно поспать в течение суток только шесть часов подряд или с частыми интервалами.

В дни, предшествовавшие сражению, он постоянно верхом на лошади проводил рекогносцировку вражеских позиций, выбирая наиболее удобное место для проведения сражения. Даже ночью он объезжал передовые линии войск, чтобы еще раз лично убедиться в немалой численности противника по количеству зажженных костров, и до смерти загонял нескольких лошадей за какие-то несколько часов.

В день сражения он обычно устраивался в каком-нибудь господствующем над всем месте, откуда мог бы следить за всем тем, что происходило вокруг. При нем находились его адъютант и дежурные офицеры, которых он обычно отправлял со своими приказами по всем направлениям. На некотором расстоянии позади него располагались четыре эскадрона его охраны, каждый из которых представлял отдельный вид службы. Но когда император покидал свой наблюдательный пункт, то брал с собой в качестве эскорта только один взвод. Обычно он сообщал маршалам о выбранном им месте, чтобы его, в случае необходимости, легко могли найти офицеры, посланные к нему. Если же где-то требовалось его присутствие, то он тут же мчался туда, пуская свою лошадь в галоп».

Порядок, установленный Наполеоном для работы в военно-полевых условиях

Я, со своей стороны, могу добавить к этим подробностям, что, где бы Наполеон ни останавливался, будь то замок, небольшой загородный дом или лачуга, первой же его заботой была организация помещения для кабинетной работы.

Как только Наполеон вступал во владение своим временным обиталищем, сразу же портфель с документами, географические карты, два или три ящика из красного дерева с отделениями для книг дорожной библиотеки — все это раскладывалось на столе, а если не было стола, то на толстых досках или на двери, положенной на козлы. Если в его распоряжении оказывалась одна комната, то в ней же расставлялись его маленькая железная кровать и дорожный несессер. В такой комнате, приспособленной под кабинет, он обычно диктовал бесчисленные приказы, которые тут же отправлялись по назначению. Маршал Бертье, который

всегда устраивался неподалеку, обычно докладывал ему содержание депеш, если он получал их раньше Наполеона, и немедленно отправлял ответы на них.

Когда военные операции обязывали Наполеона оставаться на какое-то время в одной из его зимних штаб-квартир или в одной из столиц побежденной страны, то он большую часть своего времени проводил в кабинете. Император уделял внимание удовлетворению потребностей армии, не забывая при этом и о работе правительства. Он обычно вызывал из Парижа министра, который занимал должность государственного секретаря, и привозил с собой материалы, направленные кабинетом министров. Получив соответствующие инструкции, приказы и указания, государственный секретарь возвращался обратно в Париж.

Наполеон направлял многочисленные указания, касавшиеся отдыха войск, мест дислокации, которые им предстояло занять, реорганизации подразделений, их лучшей подготовки для возобновления военных действий. Он внимательно следил за исполнением своих указаний, и для того, чтобы добиться этого, часто повторял их. Он обычно проводил смотры, невзирая на состояние погоды. В его практике было иногда совершать краткие поездки в расположение армейских корпусов. В обозе каждого корпуса для него держали отряд из шести или семи верховых лошадей, две из которых предназначались для его личного пользования, а остальные — для офицеров, а также полевую железную кровать без матраца и складную дорожную сумку со сменой белья.

Во время второго завтрака и обеда ему ежедневно составляли компанию маршал Бертье и некоторые другие маршалы и высшие офицеры. После обеда он любил играть в вист, а иногда в «двадцать одно», предпочитая эту игру, ибо в ней могли принять участие все присутствовавшие. За игрой в карты он обычно забывал труды и заботы прошедшего дня. Он придерживался правила никогда не заниматься двумя вещами в одно и то же время. В любой момент все его внимание было сосредоточено или на удовольствии, или на выполнении обязательного дела. При игре в карты обычно придерживались умеренных ставок, тем не менее Наполеон проявлял большой интерес к игре. Играя в карты, особенно в вист, он подбирал одного из присутствовавших офицеров в качестве партнера, и если императору везло, то весь выигрыш он отдавал ему.

Важная роль маршала Бертье

Прежде чем продолжить рассказ о русской кампании, я должен исправить ошибку, повторяемую некоторыми биографами Наполеона: маршала Бертье обвиняли в том, что он при различных обстоятельствах искажал или даже утаивал приказы, которые император через него отдавал войскам.

Подобное заявление может сделать только тот, кто проявляет полное невежество в отношении метода работы, которого обычно придерживались Наполеон и маршал Бертье. Маршал, который всегда располагался неподалеку от места размещения императора, был наделен способностью спать с одним открытым глазом, и ему было достаточно краткого сна. Офицер, посланный к нему с депешей, всегда находил его бодрствующим. Маршал Бертье обычно сразу же вместе с офицером следовал к императору: чтобы Наполеон, в случае необходимости, мог побеседовать и с офицером. Если император находился в постели, он сразу же вставал, надевал халат из белой фланели или из пике и диктовал маршалу Бертье ответ на депешу. Последний отправлял ответ в Том виде, как он был продиктован, и одновременно заносил в регистрационный журнал имя офицера, которому поручалось доставить ответ на депешу соответствующему адресату, и час, когда этот офицер отправлялся выполнять поручение. Прежде чем дать новое указание, император обычно клал перед собой регистрационный журнал и затем перепроверял исходные данные предыдущих указаний. Маршалы и генералы в своих письмах Наполеону никогда не забывали, помимо даты, указывать еще и час, когда они были написаны.

Всем, кто знал маршала Бертье, было хорошо известно, что он не способен на злоупотребления, как в силу лояльности своего характера, так и по причине присущего ему чувства ответственности. Более того, по природе ему не были свойственны ни дух интриганства, ни наглость.

Я знал, что высказывалась мысль о том, что маршал Бертье был идеальным начальником штаба армии Наполеона и что его отсутствие во время кампании 1815 года сказалось роковым образом на Наполеоне. Я далек оттого, чтобы оспаривать таланты генерала Бертье, проявленные им в кампаниях в Италии, Египте, во времена Консулата и в первых кампаниях империи. Он был молод в то время, как любил говорить Наполеон о себе и своих товарищах по оружию, и ему надо было тогда нажить состояние. Но я бы не сказал всей правды, если бы не добавил, что по мере того, как к генералу Бертье приходили почести и богатство, сильные и положительные качества его характера постепенно блекли.

В этой связи я просто расскажу, чему был свидетелем во время кампании 1812 года. Император в моем присутствии часто упрекал генерала в небрежности. «Бертье, — бывало, говорил он. — Я готов отдать все, чтобы отправить тебя в Гросбуа. Ты не только бесполезен, но еще и мешаешь мне». После этих небольших ссор Бертье обычно надувался и отказывался приходить обедать (он был привычным компаньоном Наполеона за обеденным столом). Император все же посылал за ним и не садился обедать, пока не приходил Бертье.

Приезжая вечером в любое место, где ему предстояло провести ночь, император считал своим долгим прежде всего обустроить свою охраны и ту часть войск, которая следовала за ним. Он обычно не слезал с лошади и объезжал биваки вокруг своего дома, чтобы убедиться в том, что солдаты накормлены, между отдельными подразделениями налажена связь, одним словом, выполнял функции простого штабного офицера. Пока Наполеон отсутствовал, решая подобные проблемы, маршал Бертье, оставив императора заниматься его делами, торопился в отведенный ему дом, чтобы там получше устроиться.

Так получилось, что однажды император послал меня к маршалу Бертье — я не помню, зачем именно, — и я обнаружил его одного сидящим за столом в спальной комнате. Он обхватил голову руками, облокотившись на край стола. Маршал поднял на меня глаза, блестевшие от слез. Когда я спросил его, чем он огорчен, то он разразился горькими жалобами по поводу своего несчастного существования. «Что хорошего в том, — заявил он, — что меня обеспечили доходом в 1 500 000 франков в год, сделали хозяином великолепного особняка в Париже и замечательного поместья, и все это ради того, чтобы причинять мне танталовы муки. От всей этой работы я умру здесь. Простой рядовой солдат чувствует себя гораздо более счастливым, чем я». Затем, вытирая глаза рукой, продолжал: «Что там еще стряслось? Я должен послать за Саламоном и Ледюком». Это были его секретари.

Конечно, я принял все меры предосторожности, чтобы не передавать этих слов императору, который, между прочим, и так все хорошо знал. Наполеон был очень привязан к Бертье, несмотря на все его недостатки. Он был связан с маршалом сильными узами — узами привычки.

Позднее Наполеон очень сожалел об отсутствии своего старого товарища по оружию — не из-за качеств, которыми маршал Бертье более не обладал, а потому, что долго пользовался его услугами, к которым привык, оставаясь во власти иллюзий прошлого. Более способный начальник штаба, возможно, принес бы Наполеону гораздо больше пользы, но никто, в его глазах, не

смог бы заменить Бертье, который когда-то начинал вместе с ним и который никогда не покидал его. Возникшее в удачливые для Наполеона времена, это суеверное доверие вызывало у него чувство уверенности, более иллюзорное, чем реальное. Я слышал, как Наполеон говорил, что он подобрал Бертье, когда тот был «гусенком», а затем превратил его в орла. И следует признать, что Наполеон хорошо знал человека, которого сделал князем Ваграмским.

Наполеон — лидер

Есть люди, которых не убеждает удивительная гениальность, воплощенная в имени Наполеона…

Но ведь Бертье, Талейран, многие другие никогда не отдавали приказа, никогда не писали депеши, которые бы не были продиктованы Наполеоном. Наполеон был не только инициатором идеи, он брал на себя ее подробную разработку.

Я не хочу сказать, что он был прав, стремясь, таким образом, делать все сам; но сверхчеловеческая активность его гения очевидна. В жизни ему было суждено организовывать и создавать, и он со всей тщательностью делал то, что уготовила ему его участь: писал депеши самого разного рода, давал указания для выполнения заданий в самых различных областях деятельности — военной, административной, финансовой, литературной, набрасывал проекты нот, которые его послы вручали правительствам тех стран, где они были аккредитованы, и так далее, и так далее, — все писалось им; казалось, все это он делал играючи, без какого-либо видимого умственного напряжения. Действуя таким образом, Наполеон прославлял тех людей, которых держал на службе, поскольку казалось, что все замышлялось и все претворялось в жизнь этими людьми, в то время как на самом деле все делалось только им.

Генеральный план Наполеона

Покинув Вильно 18 июля, император надеялся вынудить Барклая де Толли, русского генерала, принять участие в крупном сражении. Наполеон устал от бесполезного преследования армии, чей командующий не мог решиться вступить с ним в бой.

Констан

Витебск

Когда мы прибыли в Витебск, за границей распространились слухи, что император довольствуется тем, что задержится в этом городе, чтобы организовать снабжение армии необходимыми средствами к существованию, и отложит на следующий год исполнение своих грандиозных замыслов в отношении России. Я не могу с полной гарантией сказать, каковы были его сокровенные мысли по этому поводу, но могу подтвердить то, что, находясь в соседней комнате, однажды слышал, как он говорил королю Иоахиму, что первая военная кампания в России завершилась и что на следующий год он будет в Москве, а через год в Санкт-Петербурге, и что вся война с Россией будет продолжаться три года.

Во время нашего пребывания в Витебске стояла такая невыносимая жара, что император чувствовал себя совершенно измученным и не переставая жаловался на это. Я никогда и ни при каких обстоятельствах не видел, чтобы его так угнетала тяжесть собственной одежды. В своей комнате он почти не надевал мундира и часто, обессиленный, валился на кровать, чтобы отдохнуть. Этот факт могут подтвердить многие люди, поскольку он в таком виде часто принимал высших офицеров, хотя в его правилах было всегда появляться перед ними в мундире.

Тем не менее жара, которая отрицательно сказывалась на его физическом состоянии, не влияла на его способность мыслить. Но те же люди, положение которых позволяло им лучше других знать характер императора, не могли не заметить, что источником его весьма мучительных раздумий в Витебске была неопределенность в принятии решений: оставаться ли в Польше или без промедления двинуться дальше в глубь России. Пока он колебался, выбирая одно из этих решений, он почти всегда пребывал в мрачном настроении и отличался крайней молчаливостью.

В этом состоянии нерешительности предпочтение императора в выборе между временной передышкой и началом активных действий не вызывало сомнений. И в конце совещания, в ходе которого, как говорили, его величеству пришлось столкнуться с сильным противодействием его плану, было принято решение о том, что нам придется двинуться вперед и начать наступление на

Москву, от которой нас отделяло расстояние в двадцать дней походного марша. Среди тех, кто особенно горячо выступал против немедленного марша на Москву, назывались имена генерала Коленкура и генерала Мутона, а я лично могу подтвердить в качестве несомненного факта, что обер-гофмаршал двора Дюрок неоднократно пытался отговорить императора от осуществления этого проекта. Но все его попытки, натолкнувшись на волю императора, оказались бесполезными.

Смоленск

Мы шли по направлению к Смоленску. Русские только что эвакуировали его, после того как сильно разграбили город и сожгли большинство складов. Мы вошли в город при свете пламени пожаров, но они были ничто по сравнению с тем, что ожидало нас в Москве. В Смоленске я обратил внимание на два здания, которые показались мне исключительно красивыми: кафедральный собор и епископальный дворец, занимавший территорию, которая сама по себе представляла настоящий город.

Меневаль

Звезда Наполеона начала уже закатываться

В Витебске Наполеон провел две недели. В течение этого времени он распорядился воздвигнуть некоторые оборонительные сооружения и построить большую пекарню, тем самым дав повод для разговоров о том, что он вынашивает идею разбить воинский лагерь вокруг этого города и выбрать его в качестве опорного пункта всей линии обороны французской армии. Но не в его характере было завершить летнюю военную кампанию в июле месяце, даже не сумев вступить в контакт с армией неприятеля. Цель его двухнедельной остановки в Витебске заключалась в том, чтобы дать возможность отдохнуть армии, которая нуждалась в этом, и внимательно следить за передвижениями русских войск. Узнав, что они покидают окрестности Смоленска, чтобы выйти к позициям французской армии и атаковать ее, император в спешном порядке направил свою армию навстречу им.

Русские, наконец, будут вынуждены вступить в сражение, чтобы защитить Москву. Тогда после этого будут заложены основы для заключения мира. Именно так думал император. Одна большая победа, и эта великая цель будет достигнута. Император Александр будет вынужден пойти на переговоры. Этим миром, добавлял Наполеон, будут завершены наши военные походы. Такой мир увенчает наши усилия и определит начало безопасности страны. Но звезда Наполеона уже начала закатываться.

Констан

Высоты Бородина стали местом битвы

Накануне Бородинской битвы Наполеон обсуждал всевозможные проблемы удивительно спокойным тоном. Он говорил об этой стране так, словно она была прекрасной, плодородной провинцией Франции. Слушая его, можно было подумать, что в этом месте была найдена житница для армии, что она, в результате, обеспечит отличные зимние квартиры и что первостепенной заботой правительства, которое он собирался учредить в Гжатске, станет поддержка сельского хозяйства в этой местности. Затем он обратил внимание своих маршалов на красивый изгиб реки, именем которой была названа и прилегавшая к ней деревня. Наполеон казался очарованным ландшафтом, раскинувшимся перед его глазами. Я никогда не видел императора таким растроганным, так же, как и никогда не видел такой безмятежности и в его облике, и в тоне разговора с маршалами. В то же самое время я никогда не был так сильно потрясен величием его души.

5 сентября император поднялся на высоты Бородина, надеясь одним взглядом окинуть соответствующие позиции двух армий, но хмурое небо было затянуто тучами. Вскоре пошел один из тех мелких, холодных дождей, которые так часто бывают ранней осенью. Император попытался воспользоваться биноклем, но пелена мелкого дождя, покрывшая всю окрестность, не позволила ему что-либо увидеть даже на небольшом расстоянии, чем император был очень огорчен. Дождь, гонимый ветром, косо забрызгивал окуляры его походного бинокля, и императору, к его досаде, приходилось вновь и вновь вытирать их.

Воздух был настолько насыщен холодом и влажностью, что император приказал принести ему плащ. Закутавшись в него, он заявил, что здесь оставаться больше нельзя и он должен вернуться в штаб-квартиру. Что он и сделал, затем немедленно бросившись на кровать и заснув на короткое время.

Проснувшись, он сказал мне: «Констан, я слышу шум снаружи, пойди посмотри, что там случилось». Я вышел и, вернувшись, доложил ему, что прибыл генерал Коленкур; услышав эту новость, император поспешно встал с кровати и выбежал из палатки, чтобы встретить генерала. С волнением в голосе он спросил: «Ты привел с собой пленных?» Генерал ответил, что он не мог взять пленных, поскольку русские солдаты

предпочитали умереть, но не сдаваться в плен.

6 сентября, в полночь, императору сообщили, что количество костров на русской стороне уменьшилось, а в некоторых местах их стали тушить; немногие же утверждали, что слышали заглушаемый бой барабанов. Вся армия находилась в состоянии сильнейшего волнения. Император, весь вне себя, соскочил с кровати, не переставая восклицать: «Это невозможно!»

Я пытался дать ему одежду, чтобы он смог потеплее одеться, потому что ночь была очень холодной, но он так стремился поскорее убедиться в правильности полученной информации, что поспешил ринуться из палатки, успев только завернуться в плащ. Действительно, огонь костров вражеских биваков значительно потускнел, и это вызвало у императора мрачные подозрения. Где же закончится война, если русские и сейчас отступили? Император вернулся в палатку в сильно возбужденном состоянии и опять улегся в постель, повторяя при этом: «Всю правду мы узнаем завтра утром».

7 сентября солнце поднялось в безоблачном небе, и император воскликнул: «Это солнце Аустерлица!»

В этот момент Наполеон находился на вершине холма, возвышавшегося над Бородинским полем, и когда до его ушей донеслись восторженные возгласы армии, он стоял, скрестив руки, а его глаза озаряли солнечные лучи, отражавшиеся от блеска французских и русских штыков.

Портрет короля Рима

В этот же день Наполеону привезли портрет короля Рима. Император нуждался в чем-нибудь благотворном, эмоциональном, что отвлекло бы его ум от возбужденного состояния, вызванного напряженным ожиданием. Он долго держал портрет на коленях, созерцая его с восхищением, и говорил, что это самый приятный сюрприз из всех, которые он когда-либо получал, и несколько раз еле слышно повторял: «Моя добрая Луиза! Какое сердечное внимание!» На лице императора застыло выражение счастья, которое было трудно описать. Хотя его первой реакцией было спокойствие и даже некоторая меланхолия. «Мой дорогой сын», — это было все, что он сказал. Но в нем заговорила гордость отца и императора, когда старшие офицеры и даже солдаты старой гвардии подходили к палатке, чтобы посмотреть на изображение короля Рима. Портрет для обозрения поставили на стул перед палаткой.

Перед битвой

В четыре часа утра, то есть за час до начала битвы, Наполеон почувствовал чрезмерную слабость во всем теле и легкий озноб, но, однако, без признаков лихорадки, и был вынужден лечь в постель. Тем не менее он не был болен в такой сильной степени, как об этом заявляет г-н де Сегюр. В последнее время он пребывал в состоянии жестокой простуды, которую запустил и которая так усилилась в тот памятный день, что он почти полностью потерял голос. Он хотел отделаться от простуды, следуя солдатскому рецепту, — всю ночь прикладываясь к кружке с легким пуншем, продолжал при этом работать в кабинете, но будучи не в состоянии вымолвить ни слова. Это неудобство он испытывал два дня, но 9-го числа почувствовал себя здоровым и его хрипота почти исчезла.

Болезнь

В течение всей московской битвы император ощущал приступы, напоминавшие боли от прохождения камней в мочевом пузыре. Его часто донимало это заболевание, если он не придерживался строгой диеты, но он почти не жаловался, и только когда приступ сопровождался сильной болью, издавал приглушенные стоны.

Раненые

У наших солдат, которые были убиты русскими пулями, на телах оставались глубокие и широкие раны, так как русские пули были намного крупнее наших. Мы видели знаменосца, завернутого его же знаменем, как саваном. Он, казалось, подавал признаки жизни, но, как только его приподняли, тут же испустил дух. Император прошел дальше и ничего не сказал, хотя много раз, когда проходил мимо сильно искалеченных солдат, прикрывал рукой глаза, чтобы не видеть ужасного зрелища.

Когда император слышал крики и стоны раненых, то приходил в ярость и кричал на тех, кто был обязан выносить их, считая, что они слишком медленно выполняют свою работу. Трупы убитых так тесно лежали на земле, что было трудно сдерживать лошадей, чтобы они не топтали лежавшие тела. Лошадь одного из офицеров императорской свиты ударила копытом раненого солдата, и тот издал душераздирающий крик.

Услыхав этот крик, император быстро оглянулся назад и предельно резким тоном поинтересовался, кто был тем неловким всадником, из-за которого пострадал раненый солдат. Императору сказали, думая тем самым утихомирить его гнев, что раненый — всего лишь русский. «Русский или француз, — воскликнул император, — я хочу, чтобы вынесли всех раненых!»

Я провел ночь рядом с императором, и его сон был очень неспокойным, или, скорее всего, он вообще не спал, все время меняя положение головы на подушке, повторяя вновь и вновь: «Ну и день! Ну и день!»

На следующий день после московской битвы я был с императором в его палатке, стоявшей на поле сражения. Нас окружала абсолютная тишина. Император, казалось, был весь во власти безмерной усталости. Время от времени он сжимал ладонями колени своих скрещенных ног и повторял, сопровождая слова конвульсивными движениями: «Москва! Москва!» Несколько раз он отсылал меня из палатки, чтобы выяснить, что делается снаружи, затем поднимался и следовал за мной, выглядывая из-за моего плеча. Шум, возникавший из-за того, что часовой брал ружье на караул, каждый раз предупреждал меня о том, что за мной следовал император.

Меневаль

Бородино

Императора Наполеона обвиняли в том, что он не завершил разгром противника только потому, что отдал приказ не задействовать императорскую гвардию в Бородинской битве. На это обвинение Наполеон отвечал следующими словами: «Если завтра будет вторая битва, то чем я буду сражаться?»

После на редкость упорного противоборства в день Бородинской битвы Наполеон остановился в небольшом деревенском доме, неподалеку от поля сражения. Предыдущие ночи вызвали у него простуду, очень скоро приведшую к тому, что он лишился голоса. Это обстоятельство очень сильно раздражало его. Он был вынужден писать малоразборчивыми каракулями на клочках бумаги разнообразные приказы, которые отправлялись во все места, где находились войска.

Жестокая схватка перед Москвой сначала заставила поверить в то, что русские самым серьезным образом намерены защищать этот город, но передовой отряд французской армии, вышедшей к предместьям старой столицы России, оказался на близлежащих к городу высотах, и вид Москвы, открывшийся перед французским отрядом, вызвал у них прилив сильнейшей радости, которая вскоре передалась и всей остальной армии. У французских солдат возникла надежда, что там, в Москве, их ожидает отдых и, особенно, изобилие всего, в чем они нуждались.

Странным и впечатляющим показалось французским солдатам внезапное появление перед их глазами этого великого города, скорее азиатского, чем европейского, раскинувшегося до самого конца открытой равнины, увенчанного тысячью двумястами шпилями и лазурными куполами, усыпанными золотыми звездами, соединенными друг с другом позолоченными цепями. За завоевание этого города было заплачено очень дорого, но Наполеон успокаивал себя тем, что именно здесь он сможет продиктовать условия мира.

В Москву первым вступил Мюрат, направивший сообщение императору о том, что город кажется вымершим и что войско французов никто не встретил, ни гражданские или военные лица, ни представители местной знати, ни служители церкви.

В городе осталось только несколько тысяч жителей, принадлежавших к самым низким слоям общества, которым было нечего терять, как бы ни развивались события.

Ночь 14 сентября Наполеон провел в Дорогомилове и въехал в Москву только на следующий день. Его вступление не сопровождалось той обычной суматохой, которой отмечено овладение большим городом. Ни малейший шум не нарушал тишины городских улиц, если не считать грохота от проезжавших пушек и артиллерийских зарядных ящиков. Москва казалась погруженной в глубокий сон, подобно одному из тех заколдованных городов, о которых мы читали в арабских сказках. Улицы, вдоль которых мы проходили, были застроены стоявшими в одну линию зданиями, имевшими в большинстве случаев красивый вид, но с закрытыми окнами и дверями. Дворцы с колоннадами, церкви и прекрасные здания, поражавшие великолепием европейской и азиатской роскоши, высились тесными рядами, почти лишенные обитателей. Все свидетельствовало о праздности и богатстве великого города, обогатившегося торговлей и населенного зажиточной и многочисленной аристократией.

Констан

Москва

Когда мы продвигались вдоль улиц предместий города, то заглядывали в окна домов по обе стороны улицы и были удивлены тем, что не могли обнаружить внутри живых существ; и если окна немногих домов вдруг озарялись одиночным светом, то тут же погружались в темноту. Эти признаки жизни, столь неожиданно исчезавшие, производили ужасное впечатление.

Император остановился в пригороде Москвы, в Дорогомилове, и провел ночь там. И не в гостинице, как утверждалось, а в доме, столь грязном и отвратительном, что на следующее утро мы обнаружили в постели императора и на его одежде клопов, которые так привычны для России. К нашему величайшему омерзению, они также замучили и нас. Всю проведенную в том доме ночь император не спал. Как обычно, я спал в его прихожей; и несмотря на все принятые меры предосторожности, — сжигали уксус и веточки алоэ, — запах в доме был настолько неприятным, что император чуть ли не каждую минуту звал меня к себе: «Констан, ты спишь?» — «Нет, сир». — «Сынок, сожги еще уксуса, я не могу вынести эту ужасную вонь, это просто мучение, я не могу заснуть». Я делал все, что мог, но через минуту, когда пламя зажженного уксуса затухало, император опять просил меня жечь сахар или веточки алоэ.

В два часа утра императору сообщили, что в городе вспыхнули пожары. «Этого не может быть. Констан, ты этому веришь? Пойди и выясни, правда ли все это». После чего он вновь ложился на постель, пытаясь немного отдохнуть, затем опять звал меня, чтобы я перепроверил новость о пожарах.

Остаток ночи император провел в сильнейшем возбуждении. В шесть утра мы уже были в Кремлевском дворце, в котором Наполеон занял апартаменты царей.

Меневаль

Пожар охватывает Москву

Император направился прямо в Кремль. Только он успел въехать в него, как в Китай-городе вспыхнул пожар. Китай-город представлял собой громадный базар, окруженный галереями с большими магазинами, маленькими лавками и подвальными помещениями. Войти в эти подвалы можно было прямо с улицы. Все эти помещения были перегружены ценными вещами самого разного рода, такими, как шали, меха, индийские и китайские ткани. Все попытки потушить огонь оказались бесплодными, и пожар базара в Китай-городе стал сигналом для всеобщего городского пожара.

Этот пожар, распространившийся с огромной скоростью, в три дня уничтожил три четверти Москвы. Каждую минуту можно было увидеть дым, за которым следовало пламя, вырывавшееся из домов, которые до этого стояли невредимыми, и, в конце концов, пожары возникли чуть ли не в каждом здании города. Город превратился в одну громадную печь, из которой к небесам вырывалась масса огня, освещавшего горизонт ослепительным пламенем и распространявшего вокруг жгучую жару.

Огромные огненные языки, сплетавшиеся друг с другом, быстро подхватывались усиливавшимся ветром, который разбрасывал огонь во всех направлениях. Вспышки пламени непрерывно сопровождались воющим ревом горящего дерева и грохотом от обвалов обгоревших стен зданий, а также взрывами горючих веществ, хранившихся в магазинах и домах.

Среди этого ревущего и свистящего шума разбушевавшегося пожара, среди этого зловещего огненного извержения раздавались крики и вопли несчастных людей, охваченных пламенем внутри домов, в которые они забрались, чтобы заняться грабежом, и многим из них удалось выбраться из огненного ада внутри зданий только ради того, чтобы погибнуть уже на улицах, превратившихся в сплошной воспламенившийся лабиринт, спастись из которого было невозможно. Мы смотрели на это ужасное и потрясающее зрелище охваченные молчаливым оцепенением и обуреваемые чувством нашего абсолютного бессилия, будучи не в состоянии сдвинуться с места, чтобы оказать какую-либо помощь, даже если бы мы и попытались что-то сделать.

Констан

Огонь угрожает Кремлю

На крыши Кремля лился настоящий душ из искр и пепла; от мысли, что достаточно одной из таких искр попасть на ящик со снарядами, чтобы вызвать цепную реакцию взрывов и взорвать весь Кремль, у многих из нас все внутри содрогалось от ужаса, ибо из-за непостижимой небрежности под окнами апартаментов императора был поставлен полный набор артиллерийского снаряжения.

Вскоре до императора дошла самая невероятная информация: кто-то сообщил, что русские сами подожгли город и бросают горючие вещества в те дома, которые еще не охвачены пожаром. А в это время те русские, которые не поджигали, стояли со скрещенными руками, созерцая разразившуюся катастрофу с невозмутимостью, не поддававшейся описанию. Если бы не отсутствие возгласов радости и хлопанья в ладоши, то их можно было бы принять за людей, наблюдавших блестящую демонстрацию фейерверков. Император вскоре понял, что пожар Москвы являлся результатом согласованного заговора, замышленного неприятелем.

Меневаль

Москва в огне

Наполеон пока еще не считал необходимым покидать Кремль. Опасность, которой он там подвергался, наоборот, повлияла на его решение остаться в его стенах. Вице-король Евгений и маршалы Наполеона безуспешно просили его покинуть Кремль, а тем временем пожарище все ближе подбиралось к кремлевским стенам и становилось все более интенсивным. Оконные стекла комнаты, занятой императором, стали раскаленными; возникшие повсюду языки пламени угрожали плотным кольцом окружить Кремль и совершенно уничтожить его.

Однако Наполеон продолжал колебаться. Ему очень не хотелось, даже под угрозой нависшей опасности, спасаться бегством из Кремля и отказаться от завоевания, за которое он заплатил дорогую цену. Он уступил только тогда, когда ему сказали, что если он не покинет Кремль, то может оказаться отрезанным от корпусов, стоявших за пределами Москвы, и, в случае атаки противника, связь с ними будет полностью потеряна.

Констан

Бегство из Кремля

Наконец, воздух под воздействием всей этой горящей массы нагрелся до такой степени, что стало невозможно дышать. Казалось, что горит уже сам воздух; оконные стекла стали с треском лопаться, а апартаменты перестали быть пригодными для проживания.

Император стоял в эти минуты совершенно неподвижно, его лицо раскраснелось, а с бровей стекали крупные капли пота. В это время король Неаполитанский, вице-король Евгений и князь Невшательский умоляли его покинуть дворец, но на их настойчивые просьбы он отвечал только раздраженным жестом руки.

В этот момент из северного крыла дворца раздался крик, извещавший о том, что обвалились стены и огонь распространяется с ужасающей быстротой. Поняв, наконец, что его поведение лишено смысла, император согласился покинуть дворец.

Он спустился из своей комнаты и проследовал вниз по великой северной лестнице, ставшей знаменитой из-за казни стрельцов. Огонь уже настолько разбушевался, что в этом дворце внешние двери были наполовину сожжены, а лошади, встав на дыбы, отказывались двигаться дальше, пятились назад, и только приложив громадные усилия, их смогли провести через ворота. Серая шинель императора в нескольких местах оказалась прожженной, и он даже подпалил волосы. Минутой позже мы шли, перешагивая через горевшие головешки.

Мы пока еще не были вне опасности и все время обходили горевший хлам, мешавший нам продолжать путь. Мы пытались использовать несколько выходов, но безуспешно, так как горячие потоки воздуха опаляли нам лица и вынуждали нас беспорядочно отступать. Наконец мы обнаружили в кремлевской стене скрытую дверь, выходившую в сторону Москвы-реки, и через эту дверь императору с офицерами и охраной удалось покинуть территорию Кремля, но лишь для того, чтобы оказаться на узких улицах, в которых огонь, словно в закрытой печи, разгорелся со страшной силой и сомкнул над нашими головами свое пламя, образовав тем самым горящий купол, который лишил нас дневного света и скрыл от нас небеса.

Было самое время покинуть это опасное место, из которого

оставался лишь один выход — в узкую, извилистую улицу, захламленную пылавшими балками, упавшими с крыш, и горевшими столбами. Среди нас возникло недолгое замешательство, во время которого кто-то предложил завернуть императора с головы до пят нашими плащами и таким образом пронести его вдоль этого опасного переулка. Это предложение император отверг и решил проблему сам, шагнув в горящие дебри, и, сделав два или три отчаянных прыжка, оказался в безопасном месте.

Неистовствовавшие негодяи, которых наняли, чтобы все поджигать, предали огню плававшие по Москве-реке баржи, нагруженные пшеничными зерном, овсом и другими продуктами. Были замечены солдаты русской полиции, которые разжигали огонь просмоленными копьями, а в печки некоторых домов закладывали снаряды, которые, взрываясь, ранили многих наших солдат.

На улицах грязные женщины и пьяные, отвратительного вида мужчины подбегали к горящим домам и выхватывали пламеневшие головешки, которые они разносили в разные концы города. Наши солдаты были вынуждены постоянно выбивать эти головешки из их рук рукоятками сабель, чтобы помешать им бросить головешку в уцелевший дом. Император издал приказ о том, чтобы этих поджигателей, застигнутых на месте преступления, вешали на столбах на городских площадях; и местные жители падали ниц вокруг этих виселиц, целуя ноги повешенных и осеняя себя крестом. Подобный фанатизм трудно себе представить.

Меневаль

Пожар вынуждает Наполеона покинуть Кремль

Император покинул Кремль пешком, в сопровождении своих офицеров, через одни из больших кремлевских ворот, без каких-либо происшествий. Добравшись до набережной Москвы-реки, он сел верхом на лошадь и благополучно доехал до Петровского дворца, где провел два дня, а затем вновь вернулся в Кремль.

Возвратившись в Москву, император не ограничился только заботами об удовлетворении нужд армии, но и выделил время для своей удивительно многогранной деятельности. Он широко раскрыл двери для несчастных жителей столицы России, которые остались в городе, но, в результате пожара, оказались в состоянии крайней нищеты, лишенные пристанища и крова. Наполеон дал указание распределить между ними провизию и деньги. Он проявил заботу о раненых русских и опекал с гуманной целью различные учреждения Москвы. Среди них он оказывал покровительство воспитательному дому, который посетил сам, пожелав встретиться с генералом Тутолминым, директором этого заведения, и попросил последнего ознакомить его с положением дел в подведомственном генералу общественном институте. Наполеон также посетил больницы, где обнаружил нехватку самых необходимых вещей. Он распорядился собрать в одном месте все имевшиеся в наличии медицинские средства и учредил что-то вроде медицинского агентства во главе с главным хирургом армии, уважаемым доктором Ларреем.

Одним словом, Наполеон делал все, что было в его силах, чтобы помочь этому несчастному городу, в котором воцарилась анархия, а также по возможности сохранить для армии продовольственные и материальные ресурсы. Приезд французского генерального консула в России, г-на де Лессепса, который прибыл из Санкт-Петербурга в Москву, чтобы присоединиться к императору, дал Наполеону возможность учредить городской муниципалитет и районные комитеты, составленные из местных жителей, но во главе которых был поставлен г-н де Лессепс.

Когда прекратился пожар, то в подвалах, в которые не проник огонь, были обнаружены запасы вин, коньяков, муки, печенья, картофеля, солонины, сахара, кофе и чая. Найденное продовольствие обеспечило достаточные ресурсы питания.

Констан

Наполеон покидает горящую Москву и перебирается в Петровский дворец

В свою новую резиденцию император прибыл ночью и там с нетерпением ожидал того времени, когда пожар в Кремле будет потушен, намереваясь вновь вернуться туда, поскольку царский дворец в Петровском парке, предназначенный для увеселений, оказался неудобным для его величества. Благодаря активным и самоотверженным действиям батальона императорской гвардии Кремль был спасен от разрушительного пожара, и император дал сигнал о выезде из Петровского дворца в Кремль.

Для того чтобы вернуться в Москву, нужно было проехать через лагерь, точнее, через лагеря армии. Мы двигались по холодной и грязной земле, среди разорения и разрухи.

Меневаль

Попытка Наполеона связаться с Александром

Наполеон написал письмо императору Александру и поручил отвезти его брату русского посла в Штутгарте, который в это время был в Москве. Почти в то же самое время император направил генерала Лористона к Кутузову, главнокомандующему русской армии, под предлогом предложения о перемирии, но со вторым письмом царю. Кутузов, представив дело так, что он обязан запросить инструкции из Санкт-Петербурга, просто переправил документ в северную столицу России. И все попытки вырвать Александра из-под британского влияния остались бесплодными и не дали никаких результатов.

Констан

Возвращение в Кремль

Когда мы возвращались в Москву, ветер донес до нас запах гари, горячий пепел попадал нам в рот и глаза. Москва не оказалась покинутой, как мы думали. Когда мы вступили в город, выяснилось, что примерно двадцать тысяч жителей блуждают среди развалин. Эти люди находились в состоянии крайней нужды; в огородах осталась самая малость овощей, и их с жадностью поглощали сырыми. В то же время многие из этих несчастных созданий в разное время дня и ночи бросались в Москву-реку, чтобы выбрать пшеничное зерно из барж, потопленных по приказу Ростопчина. Такова была общая картина отчаяния, мимо которой император был вынужден проезжать, чтобы добраться до Кремля.

Апартаменты в Кремле, которые он занял, были просторными и хорошо освещенными, но в них почти отсутствовала мебель; походная железная кровать Наполеона тут же была поставлена в его спальной комнате, точно так же, как и во всех замках, завоеванных им в победных военных кампаниях. Окна его комнаты выходили на Москву-реку, и из них можно было ясно видеть продолжавшиеся в различных районах города пожары, которые разгорались вновь в одной части города, как только были потушены в другой.

Однажды вечером его величество сказал мне, тяжело вздохнув: «Эти мерзавцы не оставят камня на камне». Я не думаю, что еще в какой-либо стране было столько глупцов, как в Москве. Император был очень раздражен их присутствием в городе и как-то в сердцах воскликнул: «Бог ты мой! Неужели они повсюду будут следовать за нами?»

Меневаль

Реакция в Петербурге

Из новостей, полученных из Санкт-Петербурга, стало ясно, что город охвачен паникой, возникшей из-за того, что там опасались появления французских войск после взятия ими Москвы. Поскольку, вследствие отчаянного маневра со стороны Наполеона, эта новая столица русской империи могла оказаться в его власти, то из Санкт-Петербурга были вывезены архивы и ценные веши, а императорский двор и самые знатные семьи уже готовились выехать из города. Сожженная пожаром Москва, казалось, давала знать, что Россия решила сопротивляться нашей армии вплоть до смерти.

Несмотря на все это, пристрастие Наполеона к Александру было столь велико, что император все еще лелеял надежду, что сможет привлечь на свою сторону царя, раскрыв ему глаза на истинные интересы России, вопреки назойливости и угрозам врагов Франции. Александр вскоре поймет, считал Наполеон, эгоизм воинствующих адвокатов Великобритании, в интересах которых антифранцузская коалиция каждый раз самым глупым образом вступала в войну.

Эта надежда в очередной раз не оправдала себя. Прошел почти месяц, но из Санкт-Петербурга никакого ответа получено не было. Наполеон был вынужден признать, что горько ошибался, надеясь, что Александр вступит с ним в переговоры с целью заключения мира.

Констан

Последние дни в Кремле

Когда мы вновь обосновались в Кремле и возобновили наш обычный образ жизни, то несколько дней провели в состоянии идеального спокойствия.

Император казался менее печальным, и, соответственно, те, кто окружал его, несколько приободрились. Казалось, что мы вернулись с военной кампании и вновь принялись за обычные занятия городской жизни; но если иногда император и позволял себе оказаться в плену подобной иллюзии, то она очень скоро рассеивалась при виде Москвы из окон его апартаментов. Когда он направлял свой взгляд в окно, было видно, что его угнетают самые печальные предчувствия, хотя он более не проявлял такого сильного раздражения, как во время своего первоначального пребывания в Кремле, когда вокруг него полыхало пламя пожаров, вынудивших его покинуть Кремлевский дворец. Он пребывал в состоянии гнетущего спокойствия измученного заботами человека, который не может представить себе, каким образом пойдут его дела.

Дни в Кремле тянулись очень долго, пока император ждал ответа Александра, который так никогда и не был получен. В этот период я заметил, что император постоянно держал на своем столе книгу Вольтера «История Карла XII».

Император был жертвой своего административного гения даже среди руин этого великого города: для того, чтобы отвлечь свой ум от тревожного состояния, он занялся организацией городского муниципалитета и уладил все вопросы, связанные с обеспечением Москвы продовольствием на зимний период.

Меневаль

Решение об эвакуации из Москвы

6 октября император распорядился начать подготовку к эвакуации тех раненых, которые могли перенести транспортировку. В то же самое время из Москвы были вывезены трофеи, состоявшие из ценных исторических реликвий, изъятых из Кремля.

Тем временем Кутузов готовился атаковать передовые части под командованием Мюрата, короля Неаполитанского, воспользовавшись устным обещанием ему, что обе армии будут занимать соответствующие позиции до возвращения князя Волконского, который отправился в Санкт-Петербург, чтобы вручить Александру письмо Наполеона. Внезапная атака почти всей русской армии на наши аванпосты вынудила Наполеона принять решение о начале эвакуации. План Наполеона состоял в том, чтобы отступить к Смоленску, а затем в Литве обосноваться на зимних квартирах, чтобы подготовиться к возобновлению военных действий весной. Необычная суровость преждевременно наступившей зимы помешала реализовать эти планы.

Отступление

Наполеон покинул русскую столицу 19 октября 1812 года, в день, когда стояла прекрасная погода. Он оставил позади себя семь или восемь тысяч человек во главе с маршалом Мортье, которые должны были последовать за ним после того, как взорвут фортификационные сооружения Кремля. В тылу армии нескончаемой колонной тянулось множество повозок, переполненных больными и ранеными.

Армия двинулась по дороге на Можайск, по которой она шла к Москве, но для того, чтобы скрыть движение своих войск от маршала Кутузова, император принял решение двинуться на Калугу. Наполеон находился в двух лье за пределами Боровска и в двадцати лье от Москвы, когда узнал, что под Малоярославцем корпус вице-короля Евгения атакован превосходящими силами противника. Он немедленно отправился туда и подоспел вовремя, чтобы взять на себя командование военной операцией. В этой кровопролитной схватке шестнадцать тысяч французских и итальянских солдат победоносно отразили натиск более

шестидесяти тысяч русских.

Позднее император чудом уцелел во время внезапной схватки с отрядом казаков. Тогда Наполеона сопровождали только три взвода стрелков, польские уланы, принадлежавшие к его охране, а также адъютант и ординарцы.

Армия с волнением вновь увидела Бородинское поле, место московской битвы. Большой монастырь в Колочи, приспособленный под госпиталь, был по-прежнему занят ранеными русскими и французскими солдатами. Наполеон приказал, чтобы все больные и раненые французские солдаты, которые могли передвигаться, [были помещены в повозки, следовавшие за армией.

До этого времени погода была сравнительно мягкой, с ярко сиявшим солнцем, но 6 ноября, когда армия находилась в двух днях марша от Смоленска, выпал первый снег. С этого времени холод становился все сильнее и сильнее. Мы надеялись найти в Смоленске провизию, одежду и фураж, поскольку Наполеон часто повторял свои приказы о том, чтобы в этом городе на складах было собрано в достатке все необходимое. Но наши надежды обернулись полнейшим разочарованием из-за небрежного исполнения приказов императора и вероломства различных чиновников в департаменте снабжения. В связи с этим армия была вынуждена продолжать свой путь в том же состоянии крайней нужды.

Констан

Опять в Смоленске

28 октября император вновь направил армию в сторону Смоленска.

Армия прошла недалеко от места Бородинской битвы. На этой пространной равнине было оставлено около тридцати тысяч трупов; при нашем приближении стаи воронов, которых привлек избыточный урожай, со зловещим карканьем отлетали прочь. Эти полуизъеденные трупы множества храбрых мужчин представляли собой ужасное зрелище. От них исходил тошнотворный запах, который не мог нейтрализовать даже сильнейший холод. Император поспешил пройти мимо и ночь провел в здании замка Упинского, который превратился почти в развалины; на следующий день он посетил нескольких раненых, которые оставались в монастыре. Эти бедняги при виде императора, казалось, восстанавливали свои силы, забывая о страданиях, которые должны были быть очень сильными, так как раны всегда становятся более болезненными с наступлением холодной погоды. От всех этих страданий их побледневшие лица приобретали восковой вид. Эти бедные солдаты с радостью вновь видели своих товарищей, с волнением расспрашивая их о событиях после Бородинской битвы.

Наполеон распорядился, чтобы каждая карета из его свиты взяла с собой одного из этих несчастных; и это было сделано, все подчинились приказу с готовностью, которая чрезвычайно обрадовала императора; и бедняги, раненые парни, выражали самую горячую благодарность, заявляя, что им намного удобнее на мягких диванных подушках в каретах, чем на жестких досках амбулаторной повозки. Мы нисколько не сомневались в правдивости их слов.

Время от времени ужасные взрывы заставляли нас оборачиваться. Это взрывались зарядные ящики, которые становились для нас все более обременительными, и приходилось с ними расставаться. Нос каждым новым взрывом в наших умах зарождались все более печальные мысли — великая армия, должно быть, приближается к собственному краху, если оставшееся материально-техническое обеспечение превышает наши потребности, а число людей, все еще находившихся в строю, недостаточно для того, чтобы его использовать.

30 октября императорская штаб-квартира разместилась в

бедной лачуге без дверей и окон. Мы с большим трудом прикрыли угол, достаточный для того, чтобы император смог там уснуть. Холод все усиливался, и ночи стали морозными.

Мы поспешили поставить походную железную кровать императора в углу лачуги, а место для кабинета, по возможности, устроили таким образом, чтобы он мог там работать с секретарем и писать приказы командующим корпусами, оставшимися на дороге и в близлежащих городах.

8 ноября снег шел не переставая, небо затянуло тучами, холод усиливался под воздействием господствовавшего резкого ветра, дороги покрылись ледяной коркой.

Наполеон с большим трудом шагал по обледеневшей дороге среди своего обслуживающего персонала, в сопровождении офицеров штаба, находившихся в его распоряжении. Наконец перед нами предстал Смоленск. Император казался уставшим меньше всех, и, хотя он заметно побледнел, его лицо выражало спокойствие, и ничто в его внешности не выдавало душевных переживаний.

Наконец, 9 ноября мы добрались до Смоленска, и император выбрал для своей резиденции прекрасной здание на Новой площади. Хотя этот достаточно крупный город, имевший важное стратегическое значение, пострадал еще тогда, когда мы в первый раз проходили через него, наступая на Москву, в нем еще оставались некоторые запасы, и мы нашли самые разнообразные продукты для императорского обслуживающего персонала и для офицеров; но император не оценил это изобилие для привилегированных, когда узнал, что армия испытывает недостаток провизии для солдат и фуража для животных. Когда он узнал об этом, его ярость стала бешеной. Никогда раньше я не видел, чтобы император был до такой степени вне себя. Он приказал вызвать комиссара, ответственного за поставку провизии, и так отчитал его, что тот страшно побледнел и не мог ничего сказать в свое оправдание, что привело императора в еще большую ярость, и он разразился ужасными угрозами. Я слышал крики, находясь в соседней комнате, и потом узнал, что квартирмейстер упал в ноги его величества, вымаливая прошение. Император, когда его ярость выдохлась сама по себе, простил его.

14 ноября мы возобновили путь по тому же самому маршруту, по которому следовали несколько месяцев назад при совершенно других обстоятельствах. Термометр показывал двадцать градусов ниже нуля, и мы были еще очень далеко от Франции.

Меневаль

Остановка Наполеона в Смоленске

Наполеон оставался в Смоленске несколько дней, чтобы собрать в единое целое всех отставших и бродивших по разным дорогам солдат и дать возможность немного отдохнуть остаткам армии, которая таяла буквально на глазах из-за холода и лишений. Однако пришлось покинуть и этот город. Начиная с этого времени на французскую армию не переставали обрушиваться самые ужасные бедствия и неприятности.

Покидая Смоленск, император приказал маршалу Нею прикрывать тыл отступавшей армии и не уходить из города, не уничтожив его фортификационные сооружения. Ней, которого должен был поддержать маршал Даву, выступил из Смоленска 17 ноября. Но в ночь того же числа противнику удалось сманеврировать таким образом, что корпус маршала Нея оказался отрезанным от корпуса Даву. Корпус последнего опередил корпус Нея на целый маршевый день. Император, узнав в Красном о маневре, осуществленном русскими войсками, и думая только о том, как лучше помочь корпусам двух маршалов, которые, как он считал, попали в одинаково опасное положение, решил принять удар русской армии на себя. Встав перед выбором, продолжать ли без остановки отступление или вступить в бой с неприятелем, чтобы не бросить два корпуса на произвол судьбы, Наполеон принял решение, которое в подобных обстоятельствах не вызывало сомнений. Соответственно, на следующий день он вернулся назад, чтобы атаковать противника.

Констан

Маршал Ней воссоединяется с Наполеоном

С каждым часом наше беспокойство возрастало. Наполеон без конца запрашивал, не появился ли Ней, обвиняя самого себя в том, что подставил врагу этого храброго генерала, спрашивая о нем так, словно потерял близкого друга. Вся армия разделяла волнение Наполеона и проявляла такое же беспокойство, словно в опасности оказался только один этот храбрый солдат.

20 ноября император сел обедать в компании генерала Мутона и маршала Бертье, когда к ним в палатку вбежал полковник Гурго (позднее генерал) с известием о том, что маршал Ней и его войска находятся всего лишь на расстоянии нескольких лье.

Его величество повторил несколько раз: «Я готов отдать все серебро в сейфах Тюильри, лишь бы Ней был рядом со мной».

Вице-королю Евгению была предоставлена честь встретить маршала с корпусом в четыре тысячи солдат. Опасность была большая, выстрел пушки вице-короля Евгения послужил сигналом, понятым маршалом. Со стороны маршала последовал огонь стрелкового взвода. Два корпуса встретились, и, даже до того, как они объединились, маршал Ней и вице-король Евгений уже были друг у друга в объятиях. Говорят, что последний плакал от радости. Даже самые отвратительные ситуации становятся менее мрачными благодаря подобным сценам. До самой Березины наше отступление представляло собой сплошную цепь небольших стычек с неприятелем и громадных страданий.

Одну ночь император провел в деревне Ганивки, в деревянной хижине из двух комнат. Вторую, заднюю, комнату он выбрал для себя, а в первой весь штаб спал как попало. Я оказался в более удачном положении, так как спал в комнате его величества, но несколько раз в течение ночи мне нужно было проходить через первую комнату, и тогда я был вынужден шагать через спящих, измотанных усталостью людей. Хотя я и старался не потревожить их, но они спали так близко друг от друга, что мне приходилось наступать им на ноги или руки.

Во время отступления из Москвы император шествовал пешком, завернувшись в длинную накидку без рукавов и надев на голову русскую шапку, концы которой он подвязывал под подбородком. Часто я шагал рядом с храбрым маршалом Лефевром, который, судя по всему, относился ко мне очень

хорошо. Говоря об императоре, он сказал мне: «Он окружен группой людей, которые не говорят правды; он не вполне отличает хороших слуг от плохих. Как он справится со всей этой ситуацией, бедный император, которого я так преданно люблю? Я всегда опасаюсь за его жизнь. Если бы нужно было спасти его, отдав за это только мою кровь, то я каплю за каплей отдал бы ее всю; но это мало бы что изменило, и, возможно, я еще пригожусь ему».

Переправа через Березину

День, предшествовавший переправе через Березину, был отмечен мрачной торжественностью. Император, судя по всему, принял решение с хладнокровием человека, который готов совершить акт отчаяния; тем не менее, он все же созвал совещание, на котором было решено, что армия должна отделаться от всякого бесполезного груза, который может затруднить ее движение. Никогда ранее на совещаниях у Наполеона не высказывалось столь единодушно общее мнение, никогда раньше обдумывание возникшей проблемы не было столь хладнокровным и серьезным. Это было хладнокровие людей, которые решили сделать еще одно, последнее, усилие, полагаясь на волю Бога и на собственное мужество.

Император приказал собрать воинские эмблемы всех без исключения корпусов и сжечь их, поскольку он считал, что отступающая армия в них не нуждается. Это было печальное зрелище, когда из рядов выстроившихся войск один за другим вперед выступали солдаты и бросали в огонь зажженного костра то, что они ценили превыше собственной жизни. И я никогда раньше не был свидетелем более подавленного настроения и столь остро ощущаемого стыда. Император сам обозначил эти воинские эмблемы талисманами французской армии, и его нынешнее решение слишком явно свидетельствовало о том, что он потерял веру в эти талисманы. И хотя солдаты понимали, что положение дел действительно отчаянное, если принято подобное решение, все же, по крайней мере, некоторым утешением служил тот факт, что русским достанется всего лишь пепел от воинских эмблем французской армии.

Приближаясь к Борисову, мы остановились, заслышав громкие крики. Про себя мы подумали, что оказались отрезанными русской армией от переправ через реку Березина. Я увидел, как страшно побледнел император: это было подобно удару молнии.

Срочно в разведку было выслано несколько уланов. Вскоре мы увидели, как они возвращаются, размахивая флагами. Его величество понял смысл этого сигнала. Еще до того, как кирасиры успокоили нас, император воскликнул: «Готов поспорить, что это Виктор», — ибо он ясно представлял себе возможные позиции, которые занимали корпуса его армии. И действительно, это был маршал Виктор, который с самым живым нетерпением поджидал нас. Судя по всему, армия этого маршала имела весьма смутную информацию о наших злоключениях и готовилась с радостью и энтузиазмом встретить императора. Солдаты маршала, пока еще полные сил и бодрости, едва могли поверить собственным глазам при виде нашего жалкого состояния; но их возгласы «Да здравствует император», тем не менее, отличались искренним энтузиазмом.

Но настроение солдат маршала Виктора резко изменилось, когда перед ними предстали солдаты, прикрывавшие тылы отступавшей французской армии. В местах встреч возникало всеобщее замешательство, когда тот или иной солдат маршала Виктора, узнав в числе вновь прибывших старого друга, покидал строй и бросался к нему с едой и одеждой, почти со страхом наблюдая за той жадностью, с которой поглощалась еда, в то время как многие другие солдаты молча обнимали друг друга, не скрывая слез.

Император шествовал между армиями маршала Виктора и маршала Удино. Эти двигающиеся массы людей представляли собой гнетущее зрелище, иногда они останавливались — сначала те, кто шел впереди, потом те, кто шел следующими, а затем уже те, которые шли последними. И когда маршал Удино, который шел впереди всех, возглавляя колонну, по неизвестным причинам останавливал марш своих солдат, то всю армию охватывало всеобщее чувство тревоги и тут же повсюду распространялись зловещие слухи; и поскольку люди, повидавшие в жизни многое, склонны верить чему угодно, то ложные слухи с готовностью принимались за чистую правду, и тревожное состояние не уменьшалось до тех пор, пока авангард армии не приходил вновь в движение, и, соответственно, спокойствие и уверенность солдат несколько восстанавливались.

25 ноября к пяти часам вечера на реке Березина должны были быть возведены временные мосты, построенные из балок, взятых из разрушенных хижин местных польских жителей. В армии стало известно, что мосты будут окончательно возведены только в течение ночи. Император сильно расстроился, когда узнал, что армия, таким образом, была обманута. Он понимал, с какой быстротой среди солдат распространяется уныние, когда рушатся

надежды. Он прилагал все усилия, чтобы тыл армии информировался о каждом случившемся инциденте, с тем чтобы солдаты никогда не оказывались во власти горьких заблуждений.

Он ждал рассвета в бедной хижине и утром спросил маршала Бертье: «Итак, Бертье, как мы сможем выбраться из этого положения?» Он сидел в своей комнате, и по его сильно, как никогда, побледневшим щекам текли крупные слезы. Маршал Бертье сидел рядом с ним.

Они обменялись несколькими фразами, и император, казалось, был полностью охвачен горем. Наконец маршал Мюрат, шурин императора, открыл ему свою душу, умоляя его, во имя армии, подумать о собственной безопасности, настолько неизбежной стала казаться угроза его жизни. Несколько храбрых польских уланов предложили себя в качестве эскорта императора; он смог бы переправиться через Березину выше по течению и добраться до Вильно через пять дней. Император молча покачал головой в знак отказа, который был понят маршалом Мюратом, и это больше не обсуждалось.

29 ноября император покинул берега реки Березина, и ночь мы провели в местечке Камень, в котором его величество занял нищенскую деревянную хижину. Ледяной ветер проникал внутрь через разбитые окна, и, насколько могли, мы заткнули зияющие дыры охапками сена.

Меневаль

Заговор Мале

Наконец, достигнув Молодечно, Наполеон получил там большое количество депеш и писем, доставленных из Парижа курьерами, которые до этого времени не могли добраться до императора. В этих письмах содержались подробности заговора Мале; впервые Наполеон узнал об этой попытке вечером, накануне прибытия в Смоленск.

Безмятежное настроение у общественности Парижа до того времени не было встревожено сообщением о каком-либо бедствии, но отдаленность императора и его армии от страны, жестокость русских средств обороны и пожар, уничтоживший почти всю Москву, вызвали смутные проявления беспокойства во Франции. Неожиданно обстановка резко накалилась в связи с безответственным поступком Мале, дерзость которого ошеломила Париж и власти Франции. Пассивность и бессистемность мер, принятых для того, чтобы противостоять заговору, продемонстрировали растерянность властей, которая могла бы оказаться фатальной, если бы действия заговорщиков были более согласованными.

Императрица вместе с сыном спокойно проживала в Сен-Клу, когда появление конного отряда гвардейцев, посланного военным министром, вызвало у нее сильное беспокойство за безопасность ее самой и сына. Она в пеньюаре и с распушенными волосами выбежала на балкон, выходивший во внутренний двор дворца, и только тогда получила первые известия о попытке заговора, которого совсем не ожидала. Однако ее испуг продолжался недолго.

Но что произвело глубокое впечатление на Францию и Европу, так это дерзость, с которой малоизвестный человек, не имевший ни денег, ни репутации, совершенно один и без сообщников сбежал из тюрьмы, чтобы попытаться осуществить захват государственной власти, который чуть было не увенчался успехом. Другими причинами всеобщего изумления были та легкость, с которой он сумел убедить войска в смерти императора, и та пассивная покорность, с которой муниципальные власти подчинялись его приказам.

Осознав необходимость своего присутствия в Париже, император, не хотевший покидать армию, пока она находилась в непосредственной опасности, в конце концов принял решение

вернуться во Францию.

Констан

Император покидает армию

3 декабря мы прибыли в Молодечно.

Весь день император пребывал в задумчивости и в беспокойном состоянии. Он часто вел конфиденциальные беседы с главным конюшим г-ном де Коленкуром. За два лье от Сморгони он вызвал меня и сказал, чтобы я направился в авангард армии и от его имени приказал запрячь шесть самых лучших лошадей в мою карету, которая была самой легкой из всех, и держать упряжку в состоянии готовности. Я добрался до Сморгони раньше императора, который прибыл туда только на следующую ночь. Холод был нестерпимым; император остановился в бедном доме на площади, который он сделал своей штаб-квартирой. Он немного поел, собственной рукой написал текст двадцать девятого бюллетеня армии и вызвал всех маршалов.

Император давно не был таким любезным и общительным: чувствовалось, что он стремится подготовить своих самых преданных друзей к некоторой чрезвычайной новости. Какое-то время он говорил о ничего не значащих вещах, затем коснулся темы великих подвигов, совершенных во время русской кампании, упомянул с удовольствием об удачном отходе маршала Нея.

Маршал Даву казался чем-то отвлеченным, и император обратился к нему: «Маршал, по крайней мере скажи что-нибудь». В последнее время между маршалом Даву и императором возникли натянутые отношения, и его величество упрекнул маршала за редкие визиты к нему. Но всеми этими разговорами император не смог рассеять мрак, сгустившийся во взорах присутствовавших, ибо план императора не держался в такой тайне, на которую он надеялся.

После ужина император приказал вице-королю Евгению зачитать двадцать девятый бюллетень и откровенно высказался о своем плане, заявив, что его отъезд необходим для того, чтобы обеспечить помощь армии. Он отдал приказ каждому маршалу. У них у всех был печальный и расстроенный вид. В десять часов вечера император, заявив, что настало время для отдыха, обнял поочередно всех маршалов и удалился. Он ощущал необходимость остаться одному, поскольку на него произвела тяжелое впечатление атмосфера скованности во время беседы с

маршалами.

Через полчаса император вызвал меня в свою комнату и сказал: «Констан, я собираюсь уезжать. Я думал, что смогу забрать тебя со мной, но учел тот факт, что несколько карет привлекут излишнее внимание. Необходимо, чтобы меня ничто не задерживало, и я распорядился, чтобы ты отправился в путь, как только вернутся мои лошади, и ты, соответственно, последуешь за мной, отстав на небольшое расстояние».

Моя старая болезнь доставляла сильные мучения, поэтому император никак не хотел разрешить мне ехать с ним в багажном отделении кареты, как я сам просил его об этом, чтобы, как обычно, обслуживать его в качестве камердинера. Он уехал с генералом де Коленкуром и Рустамом, а я остался со своими переживаниями. Император уехал ночью.

С рассветом вся армия узнала об этой новости, и впечатление, которое она произвела, не поддается описанию. Уныние и разочарование достигли крайнего предела, многие солдаты проклинали императора и ругали его за то, что он бросил их. Негодование было всеобщим. Маршал Бертье чувствовал себя страшно неловко и у каждого старался узнать что-нибудь, хотя, естественно, именно он должен был быть тем человеком, который первым получает любую информацию.

Меневаль

Возвращение в Тюильри

Император продолжал свой путь через Эрфурт и Майнц, задержавшись в Эрфурте, чтобы направить письма своим послам при дворах царствующих особ Рейнской Конфедерации и отдать приказы командующим нашими вооруженными силами на территории Германии. Затем он продолжал свой путь из Майнца в Париж, нигде не останавливаясь по пути.

В Тюильри император прибыл поздно вечером 18 декабря. Императрица только что улеглась спать. Напуганная шумом, доносившимся из соседней гостиной, Мария Луиза встала с постели и тут же увидела входившего в спальную комнату императора, который поспешил подойти к ней и заключить ее в объятия. Шум снаружи, который напугал императрицу, был вызван спором на повышенных тонах между двумя мужчинами, закутанными в плащи на меховой подкладке, и фрейлиной. Эта дама — поскольку такова была ее святая обязанность — мужественно защищала вход в спальную комнату императрицы, пока один из мужчин, сбросив с себя плащ, не предстал перед ее ошеломленным взором, оказавшись самим императором.

Кометам

Двадцать девятый бюллетень

Двадцать девятый бюллетень великой армии не был опубликован в Париже вплоть до 16 декабря; и император прибыл в столицу спустя несколько часов, словно стремился аннулировать своим присутствием неблагоприятные последствия, которые мог бы вызвать этот документ. 18 декабря, в половине двенадцатого вечера, его величество появился во дворце Тюильри. Впервые со времен вхождения императора в состав руководства Консулата Париж стал свидетелем его возвращения с военной кампании без объявления о новом мирном соглашении, завоеванном славой нашего оружия.

В этих обстоятельствах многочисленные люди, которые из-за привязанности к императрице Жозефине всегда видели в ней — или воображали, что видят, — некий талисман, предопределявший успех императора, не упустили случая заметить, что кампания в России была первой, предпринятой с тех пор, как состоялся брак императора с Марией Луизой. Не поддаваясь суеверию, нельзя не отрицать тот факт, что, хотя император всегда оставался великим человеком, даже когда фортуна отворачивалась от него, существовала заметная разница между правлением двух императриц. Одна была свидетельницей только побед, за которыми следовал мир. А другая была свидетельницей только войн, не лишенных славы, но не имевших результатов, пока отречением в Фонтенбло не наступило завершение всего.

XIII. «Лук натянут до предела»

Меневаль

Конец отступления

Наполеон был прав, когда говорил, что не хотел войны с Россией в 1812 году, и делал все, что мог, чтобы избежать ее. Для него первой задачей было завершение войны в Испании. Совещания и выяснение положения в России, которые император проводил со своими министрами и лицами, хорошо осведомленными о русской империи, представляют достаточные доказательства его тревожного состояния. Когда он был уверен в необходимости принятия мер, когда твердо приходил к однозначному выводу и целиком принимал на себя всю ответственность за принятое решение, то считал излишним вступать в полемику по данному вопросу. Когда же, наоборот, у него были основания для колебаний, то он обычно прямо или косвенно прислушивался к мнению компетентных лиц.

Он тогда взвешивал все «за» и «против» и никогда не принимал решения, не обдумав его самым тщательным образом в течение продолжительного времени.

В самый разгар его раздумий я часто слышал, как он характеризовал занятую им позицию по рассматриваемому вопросу следующей фразой, которой давал выход своим чувствам в тишине кабинета: «Лук натянут до предела». Но кто создавал эту ситуацию? Только ли от него одного зависело ослабление этого натянутого лука?

Выражалось мнение, что диктатура Наполеона продолжалась слишком долго… Не доказывают ли те вопросы, которые я привел выше, что Наполеон более, чем кто-либо другой, понимал опасность, которую таила в себе эта ситуация?

Самой насущной заботой императора была реорганизация армии, и он работал не покладая рук, чтобы возместить понесенные потери. Трех месяцев оказалось достаточно для того, чтобы добиться желаемых результатов.

Император получил самые удручающие новости из армии, находившейся в России. После его отъезда из Сморгони армия продолжала движение к Вильно под командованием неаполитанского короля.

Вильно находился в самом центре ужасающего хаоса. В конце концов остатки этой доблестной и героической армии заново, теперь уже в обратном направлении, осуществили переправу через Неман. Страдавшая от жестокой суровости морозной

погоды армия сохранила непоколебимыми чувства чести и верности. Маршал Ней, герой этого отступления, возглавлявший группу солдат, замыкавших тыл армии, был последним, кто покинул эту негостеприимную землю.

Констан

Возвращение в Париж

Я прибыл в Париж через шесть или восемь дней после императора.

Едва я вышел из кареты, как император, которому сообщили о моем прибытии, сразу же вызвал меня к себе. Я обратил внимание посыльного на то, что нахожусь не в том состоянии, которое бы позволило мне предстать перед его величеством. «Это не имеет никакого значения, — заявил посыльный, — император хочет, чтобы вы немедленно пришли к нему, независимо от того, в каком вы виде». Я тут же подчинился приказу и пошел, скорее побежал, в кабинет императора, где увидел его вместе с императрицей, королевой Гортензией и еще с кем-то, чье имя не помню. Император соизволил оказать мне самый сердечный прием; и поскольку императрица, казалось, полностью проигнорировала мое присутствие, то император обратился к ней, весь преисполненный добротой, которую я никогда не забуду: «Луиза, разве ты не узнаешь Констана?» — «Я заметила его». Это все, что ответила ее величество императрица. Но совершенно по-другому поступила королева Гортензия, которая приветствовала меня так же тепло, как это делала обожаемая мною ее мать.

Император находился в хорошем настроении и, казалось, забыл о своей усталости. Я уже собирался почтительно удалиться, но его величество сказал: «Нет, Констан, задержись еще на минуту и расскажи мне, что тебе пришлось повидать по пути».

Даже если бы у меня возникло намерение скрыть от императора часть правды, то, застигнутый врасплох, я все равно должен был бы поведать истину, не имея времени для того, чтобы придумать приемлемую ложь. Поэтому я сообщил ему, что повсюду, даже в Силезии, я был поражен одним и тем же ужасающим зрелищем, так как везде я видел мертвых и умиравших, а оставшиеся в живых безнадежно боролись с холодом и голодом. «Это верно, это верно, — согласился император, — иди и отдыхай, мой бедный мальчик, ты нуждаешься в отдыхе. Завтра возвращайся к своим обязанностям».

И действительно, на следующий день я возобновил свои обязанности, обслуживая императора, и они были точно такими же, как и до начала военной кампании. То же спокойствие было свойственно выражению его лица. Можно было сказать, что

прошлое более для него не существует, и, всецело находясь в будущем, он уже видел свою победу, а врагов — униженными и поверженными.

Условия проживания императора во время военных кампаний

В течение всей русской кампании император почти всегда плохо устраивался с жильем. Однако необходимо было приспосабливаться к существовавшим условиям, хотя это была непростая задача для тех, кто привык жить во дворцах. Император мужественно воспринимал возникавшие трудности, и все лица, сопровождавшие его, соответственно, следовали его примеру.

В результате тактики поджогов, принятой на вооружение русскими, зажиточная часть населения покидала города, уезжая в сельские местности и оставляя врагу свои уже разрушенные дома. И в самом деле, на всей дороге, ведущей к Москве, за исключением нескольких маленьких городков, жилища были очень плохими. После продолжительного и утомительного похода мы чувствовали себя просто счастливыми, если нам удавалось найти хижину в том месте, которое император определял своей штаб-квартирой.

Владельцы этих нищенских халуп, покидая их, оставляли в них два, иногда три стула и деревянные кровати, которые в избытке были заселены клопами. Никакое вторжение извне не было в состоянии вынудить этих насекомых покинуть свои прибежища. Мы выбирали наименее грязное место, которое обычно более всех остальных мест было подвержено сквознякам; и мы знали, что с наступлением холодной погоды ледяные потоки ветра не обойдут нас своим вниманием.

Когда место для временного проживания было подобрано и мы принимали решение остановиться, то сначала на полу раскладывался ковер, затем устанавливалась походная железная кровать императора и на маленький стол ставился дорожный несессер, содержавший все необходимое для спальной комнаты. В этом несессеру также хранился сервиз для завтрака на несколько персон. Эта роскошь обычно выставлялась на стол, когда император приглашал маршалов.

Во всяком случае, нам нужно было приспосабливаться к образу жизни самых скромных жителей провинции. Если в доме было две комнаты, то одна из них служила в качестве спальной комнаты и столовой, а другая превращалась в кабинет императора. Вся обстановка кабинета состояла из ящика с книгами, географических карт, портфеля и стола, покрытого

зеленой скатертью. Этот кабинет также являлся и залом заседаний высшего военного совета; и из этих нищенских хижин отправлялись повсюду те решительные и четкие указания, которые меняли ход сражения и часто исход битвы. Из этих же хижин направлялись те убедительные и энергичные воззвания к войскам, которые так быстро воодушевляли впадавшую в уныние армию.

Когда наша резиденция состояла из трех комнат — что случалось довольно редко, — тогда третью комнату, или скорее чулан, занимал маршал Бертье, который всегда спал, насколько это было возможно, поблизости от спальной комнаты императора. Мы часто находили в этих нищенских жилищах старую, прогнившую мебель своеобразной формы и небольшие образа из дерева или глины, изображавшие святых мужского и женского пола, которые их владельцы оставляли в покинутых хижинах. Довольно часто, однако, в этих жилищах мы обнаруживали совсем обедневших людей, остававшихся там, поскольку им нечего было терять. Эти добрые люди, судя по всему, стыдившиеся так скромно принимать императора французов, делились с нами тем, что имели, и по этой причине пользовались с нашей стороны относительным уважением. Императора в своих домах больше принимали бедные люди, а не богатые, и Кремль был последним из иностранных дворцов, в котором Наполеон спал во время русской кампании.

Если мы не могли найти дом для временного обитания, то для императора сооружали палатку, внутри которой вешали занавеси, чтобы разделить ее на три помещения: в одном спал император, другое становилось его кабинетом, а третье занимали адъютант и обслуживавшие офицеры. Последнее помещение обычно использовалось в качестве столовой императора. Сама же пища готовилась снаружи. Я один спал в этой так называемой комнате. Рустам, который всегда сопровождал его величество верхом на коне, спал в небольшой прихожей палатки. Секретари императора спали или в кабинете, или в прихожей. Офицеры высокого ранга и обслуживающий персонал ели когда и где придется и, как и простые солдаты, не стеснялись есть не за столом.

Палатка маршала Бертье находилась рядом с палаткой императора, и маршал всегда завтракал и обедал вместе с ним. Они были как два неразлучных друга. Их близость была очень трогательной, и между ними редко возникали разногласия. Тем не менее, как я думаю, некоторая прохладность все же появилась в тот момент, когда император покидал армию в России. Старый маршал хотел сопровождать его, но император отказался, и вслед

за этим последовало довольно бурное, но безрезультатное обсуждение проблемы.

В походных условиях еду императору подавали г-н Колин, контролер кухонного обслуживания, и Рустам или слуга, обслуживавший спальную комнату императора.

Во время этой кампании чаще, чем во время других, император вставал с постели ночью, набрасывал на себя халат и работал в своем кабинете. Довольно часто его мучила бессонница, которую он не мог преодолеть, и когда становилось просто невыносимо лежать без сна, он неожиданно вскакивал с постели, брал книгу и начинал читать, прохаживаясь взад и вперед по комнате. А когда его возбужденное состояние несколько ослабевало и он успокаивался, то вновь ложился спать. Редко случалось, чтобы он спал две ночи подряд; император часто оставался в кабинете до того часа, когда ему нужно было одеваться, тогда он возвращался в спальную комнату, и я одевал его. Император очень заботился о своих руках, но во время русской кампании редко ухаживал за ними. Он героически переносил холод, хотя можно было видеть, что физически он очень страдает от него.

В Витебске император, обнаружив, что место перед домом, в котором он разместился, слишком мало, чтобы проводить там смотры войск, приказал снести несколько маленьких зданий, чтобы расширить площадь. Для того чтобы выполнить этот приказ, необходимо было также разрушить небольшую ветхую церковь. Она была уже частично разрушена, когда собралась большая группа местных жителей и шумно выразила свое неодобрение. Но они успокоились, когда император дал согласие на то, чтобы из церкви были вынесены хранившиеся там священные предметы; и, получив разрешение, несколько человек из толпы вошли в священное здание и вскоре появились, с величайшей торжественностью держа в руках очень высокие деревянные иконы, которые они потом поместили в другие церкви.

В этом городе мы были свидетелями своеобразного зрелища, словно специально предназначенного для того, чтобы надругаться над нашим чувством благопристойности. В течение многих дней в самый разгар жары мы видели, как местные жители — и мужчины, и женщины — устремлялись к берегам реки и раздевались там, совершенно не обращая внимания на посторонних. После чего они купались вместе, большинство из них почти голые.

Солдаты гвардии с удовольствием присоединялись к этим купальщикам того и другого пола; но поскольку солдаты не столь

строго придерживались правил приличия и поскольку безрассудство, проявленное нашими мужчинами, вскоре зашло слишком далеко, то местные жители отказались от удовольствия, которое им приносило купание.

Многие люди считали, что постоянное присутствие при персоне императора являлось залогом вполне благополучного существования в течение всей военной кампании в России. Это величайшее заблуждение, которое легко могло быть опровергнуто даже королями и принцами, которые сопровождали его величество во время русской кампании; и если уж эти царствовавшие особы оказывались обделены самым необходимым, то можно с полным основанием полагать, что лица, обслуживавшие императора, находились в гораздо худшем положении. Даже император часто обходился без самых элементарных условий комфорта, которые были бы ему весьма кстати после утомительного дня.

Представьте себе просторные комнаты, загрязненные до последней степени, полностью лишенные какой-либо мебели, продуваемые насквозь ветром, поскольку окна или разбиты или отсутствуют, с обваливающимися стенами и пропитанные зловонным запахом, витающим в воздухе, который мы старались, насколько это было возможно, согреть собственным дыханием. На полу комнат свалены соломенные подстилки, как будто для лошадей, но на этих подстилках, где попало, лежат мужчины, дрожащие от холода, прижимающиеся друг к другу, что-то бормочащие, кого-то ругающие, некоторые из них неспособны сомкнуть глаз, другие, более удачливые, громко храпят, и среди всей этой массы ног и рук — генерал, разбуженный глубокой ночью по приказу императора, и тогда, возможно, вам будет понятно, что такое гостиница и ее гости в период русской кампании.

Что касается меня, то в тот период у меня не было и секунды, чтобы раздеться и нормально лечь в постель, поскольку ее, как таковую, я никогда не мог обнаружить. Мне всегда приходилось возмещать этот недостаток в обустройстве моей жизни каким-либо другим способом. Так как хорошо известно, что на помощь нужде всегда готова прийти выдумка, то мы проблему отсутствия мебели решали следующим образом: у нас были большие мешки из дерюги, в которые мы залезали, и укладывались на подстилку из мелкой соломы, когда нам удавалось достать ее; в течение нескольких месяцев я отдыхал ночью именно так. Но даже и этим видом отдыха я часто не мог насладиться в продолжение пяти или шести ночей подряд, настолько обременительными были требования моего служебного положения.

Хотя в распоряжении императора почти всегда была постель, но комнаты, в которых мы стелили ее для него, были настолько грязными, что, несмотря на все мои старания содержать постель в чистоте, я не раз обнаруживал на его одежде очень неприятных паразитов, весьма распространенных в России. Мы страдали от этих паразитов больше, чем император, так как оказались без чистого белья и смены одежды, поскольку большая часть нашего имущества была сожжена вместе с фургонами, в которых все это хранилось. На эту вынужденную меру, как я уже говорил, мы были обязаны пойти, так как все лошади околели от холода или от голода.

В царском дворце с жильем мы устроились немного лучше, чем в условиях бивака. В течение нескольких дней у нас были только матрасы, но поскольку у большинства раненых офицеров их не было, император распорядился, чтобы им отдали наши матрасы. Мы охотно пошли на эту жертву, и мысль о том, что мы помогаем другим, более несчастным, чем мы, обычно делала самую жесткую постель намного мягче.

Весь мир знает, что холод и морозная погода больше способствовали нашему поражению, чем противник, которого мы преследовали до самого сердца его горевшей столицы. Франция все еще обладала огромными ресурсами, и император теперь был там, чтобы лично руководить их выявлением и использованием.

Через несколько дней после моего возвращения в Париж их величества присутствовали в опере, где давалось представление «Освобождение Иерусалима». Я занимал ложу, которую граф де Ремуза предоставил в мое распоряжение на тот вечер (он был первым камергером императора и главным управляющим всех театров Парижа), и был свидетелем приема, оказанного зрителями императору и императрице. Никогда ранее мне не приходилось видеть такого проявления энтузиазма. И я должен признать, что внезапный переход от картины недавней переправы через реку Березину к этим воистину волшебным сценам спектакля мне показался почти невероятным.

Праздничные подарки императора

1 января 1813 года было уже совсем близко, но в праздники император никогда не раздавал подарков, и мы это знали. Между тем я не мог экономить на своей одежде, ибо император требовал, чтобы она была всегда чрезвычайно элегантной. Это выглядело действительно очень странно: хозяин половины Европы не считал ниже своего достоинства обращать внимание на то, как одет его

камердинер. В этом он заходил так далеко, что, увидев на мне новый плащ, который нравился ему, никогда не скупился на комплименты: «Ты прекрасно выглядишь, месье Констан».

Даже по случаю брака императора и Марии Луизы, а также рождения короля Рима, окружение его величества не получило никаких подарков — император считал, что расходы на эти церемонии слишком велики. Но однажды, однако не по поводу какого-то необычного события, император сказал мне утром, когда я закончил одевать его: «Констан, иди к г-ну Меневалю, я распорядился, чтобы тебе выдали тысячу восемьсот ливров в виде твоего заработка». Когда же пришло время получить деньги, случилось так, что в интервале между распоряжением и его выполнением сумма изменилась, и вместо тысячи восьмисот ливров я получил только тысячу семьсот, которые тут же вложил в недвижимость, вскоре ее продал и в результате этой продажи купил скромное поместье в лесу Фонтенбло.

Иногда император делал подарки принцам и принцессам из числа своей семьи. Почти всегда эти подарки им относил я, и могу засвидетельствовать, что, за исключением двух или трех редких случаев, я это делал совершенно безвозмездно. Этот факт я привожу здесь просто ради воспоминаний о том времени. Еще мне помнится, что королева Гортензия и вице-король Италии никогда не включались в список лиц, получавших императорские подарки, а принцесса Полина в этом отношении чаше всего оказывалась фавориткой.

Несмотря на занятость императора, который после возвращения из армии проводил много времени, работая в своем кабинете, он чаше появлялся на публике, чем это было раньше, причем выезжал из дворца почти без эскорта.

Я вспоминаю, что император никогда так часто не охотился, как в это время, а именно в конце 1812 года. Два или три раза в неделю я помогал ему надевать костюм для охоты верхом, который он, как и все члены его свиты, носил в соответствии с недавно возрожденными обычаями прежней монархии.

Императрица часто сопровождала его, находясь в карете, хотя погода стояла очень холодная. Зная, как для его величества были обычно неприятны прелести охоты, я был удивлен этим его недавним к ней пристрастием, которое он откровенно демонстрировал. Но вскоре я узнал, что он занимается этим исключительно по политическим соображениям. Однажды маршал Дюрок был в его комнате, когда он надевал свой зеленый мундир с золотыми галунами, и я слышал, как император сказал маршалу: «Я нуждаюсь в физической тренировке и хочу, чтобы газеты писали об этом; поскольку глупцы, пишущие для

английских газет, каждый день повторяют, что я болен, что я не могу двигаться и ни на что более не способен. Немного терпения! Я вскоре покажу им, что силен и умом, и телом». Помимо всего этого, я думаю, что умеренное занятие охотой сказывалось благоприятно на здоровье императора, поскольку я никогда не видел его в таком хорошем состоянии, как в то время, когда английские газеты с явным удовольствием расписывали его болезни; и, возможно, эти фальшивые заявления только способствовали дальнейшему улучшению его здоровья.

19 января император направил через посыльного сообщение императрице о том, что он собирается охотиться в лесах Гросбуа и будет завтракать с г-жой Бертье. Император попросил, чтобы ее величество сопровождала его. Император также приказал и мне находиться в Гросбуа для того, чтобы помочь ему сменить нижнее белье после охоты. Эта охотничья прогулка прошла так, как и планировалась, но, к безмерному изумлению всей свиты императора, когда мы собрались было усесться в карете, его величество распорядился, вместо того чтобы ехать по дороге в Париж, всем отправиться в Фонтенбло. Императрица и придворные дамы, сопровождавшие ее, были в охотничьих костюмах, и император вовсю развлекался при виде несчастных дам, чье тщеславие было основательно уязвлено, когда выяснилось, что им придется отправиться в сельскую местность без соответствующего этой цели гардероба. Император, до того как он покинул Париж, распорядился, чтобы в Фонтенбло без задержки было отправлено все, в чем могла нуждаться императрица, но ее придворные дамы оказались полностью лишены всего того, что им было необходимо. Было очень забавно наблюдать по прибытии в Фонтенбло, как они сразу же стали направлять посыльных одного за другим за предметами первой необходимости.

Тем не менее вскоре стало очевидно, что охотничья прогулка в Гросбуа была просто предлогом и что император поставил перед собой цель положить конец разногласиям, которые в течение некоторого времени существовали между его святейшеством и его величеством.

Меневаль

Второй Конкордат

Несколько французских и итальянских кардиналов, архиепископов и епископов, собравшихся вокруг Папы Римского в Фонтенбло, были заняты переговорами о мерах, которые должны были положить конец дискуссиям, не прекращавшимся в течение нескольких лет между Ватиканом и императорским двором в Тюильри.

Наполеон, чье терпение иссякало, полагаясь на влияние, которое, как ему было известно, он оказывает на Пия VII, решил воспользоваться этим, чтобы переговорить непосредственно с его святейшеством без каких-либо посредников. Соответственно, император провел несколько личных встреч с его святейшеством, результатом которых стало подписание 19 января 1813 года нового Конкордата в апартаментах императрицы в присутствии советников его святейшества, императора и императорского двора.

Мария Луиза принимала большое участие в состоявшемся примирении. Она считала необходимым встретиться с Папой Римским, когда он приехал в Фонтенбло. После подписания Конкордата она по собственной инициативе вновь вернулась туда, чтобы поздравить его святейшество. Папа Римский — искренний поборник веры — несмотря ни на что, любил Наполеона, а Наполеон, со своей стороны, испытывал к нему уважение и даже привязанность. Можно почти с уверенностью сказать, что они бы пришли к взаимопониманию, если бы римские советники его святейшества постоянно не грозили ему отлучением от церкви в случае мелких уступок с его стороны в отношениях с Наполеоном.

Два месяца спустя после подписания нового Конкордата Папа Римский направил императору письмо, в котором поделился своими сомнениями и объяснил причины, побудившие его не следовать условиям этого соглашения. Единственным ответом императора на это письмо стало издание декрета, в котором он предписывал архиепископам, епископам и коллегиям священников, состоявшим при епископе или при кафедральных соборах, строго соблюдать условия нового Конкордата.

Констан

Планы реконструкции Парижа

Со времени своего возвращения из Москвы его величество был занят беспрецедентно активной деятельностью, направленной на поиск средств для отражения возможного вторжения русских. Был отдан приказ о новых наборах рекрутов. В течение двух месяцев он получал предложения о предоставлении лошадей для армии, с которыми выступали все города империи, представители официальных организаций и богатые люди, приближенные к императорскому двору.

Поглощенный этими важными заботами, его величество ни на минуту не упускал из поля зрения свой заветный план превращения Парижа в самый красивый город мира, и ни одна неделя не проходила без того, чтобы он не приглашал для бесед архитекторов и инженеров, которые показывали ему свои проекты и сметы расходов.

«Это просто позор, — заявил однажды его величество, инспектируя бараки императорской гвардии, представлявшие собой что-то вроде черных, закопченных сажей сараев, — это позор, — повторил он г-ну Фонтену, — строить сооружения, подобные тем, что можно видеть в Москве. Я бы никогда не позволил воздвигнуть такое здание. Разве ты не являешься моим главным архитектором?»

Г-н Фонтен стал оправдывать себя тем, что не несет ответственности за здания Парижа, поскольку, хотя он и имеет честь быть главным архитектором императора, отвечает только за строительство дворцов Тюильри и Лувра.

«Все это верно, — согласился его величество, — но нельзя ли построить здесь, — продолжал он, показывая рукой на набережную, — вместо этой деревянной верфи, производящей такое скверное впечатление, резиденцию для итальянского посланника?»

Г-н Фонтен ответил, что этот план вполне выполним, но его осуществление потребует трех или четырех миллионов.

После этого ответа император, казалось, отказался от своей идеи и переключил все внимание на сад дворца Тюильри, — возможно, помня о заговоре генерала Мале. Наполеон распорядился переоборудовать все входные двери дворца таким образом, чтобы один и тот же ключ подходил ко всем дверным замкам. «И этот ключ, — добавил его величество, — должен

храниться у обер-гофмаршала после того, как все двери будут заперты на ночь».

Через несколько дней после этого разговора с г-ном Фонтеном (в то утро его величество посетил здания Шайо), император направил ему и г-ну Костазу следующую записку, копия которой попала в мои руки:

«Пока все еще есть достаточно времени для того, чтобы обсудить строительство дворца для короля Рима.

Я не хочу, чтобы меня ввели в безрассудные расходы; мне бы хотелось иметь дворец не такой большой, как в Сен-Клу, но несколько больший, чем Люксембургский дворец.

Я хочу, чтобы его можно было заселить после того, как на его строительство будет затрачено шестнадцать миллионов; тогда это будет выглядеть вполне практичным делом. Но если будет предпринята попытка построить более дорогое здание, то в результате получится нечто вроде Лувра, строительство которого никак не может закончиться.

Сначала необходимо определить места для парков, их границы должны быть точно обозначены и приложены к проекту.

Я хотел бы, чтобы этот новый дворец был бы более красивым, чем Елисейский, который, хотя и стоит меньше восьми миллионов, является одним из самых красивых дворцов Парижа.

Дворец короля Рима по красоте должен уступать лишь Лувру, который сам по себе является великолепным дворцом. Он будет местом для летнего пребывания в Париже, поскольку, конечно, зимы будут проводиться в Лувре или в Тюильри.

Прежде чем рассматривать проект нового дворца, я хочу, чтобы его тщательно изучили и обсудили члены комитета по строительству зданий, с тем чтобы у меня не могли возникнуть сомнения относительно превышения суммы в шестнадцать миллионов. Мне не нужна идеальная резиденция, но дворец должен быть построен так, чтобы я мог использовать его для своего удовольствия, а не для радости самого архитектора. Завершение строительства Лувра будет достаточным для того, чтобы им гордились, и как только проект будет принят, я буду следить, чтобы он неукоснительно исполнялся.

Елисейский дворец мне не подходит; и дворец Тюильри мало пригоден для жилья. Меня ничего не удовлетворит, пока само здание не будет предельно простым и не будет построено в соответствии с моими вкусами и жизненными привычками, ибо только тогда дворец окажется для меня полезным. Я хотел бы, чтобы он полностью напоминал мне Сан-Суси; и я в особенности хочу, чтобы это был приемлемый дворец, а не красивенький сад — два условия, абсолютно несовместимых друг с другом. Пусть

это будет нечто среднее между двором и садом, как в Тюильри, с тем чтобы из моих апартаментов я смог бы выйти на прогулку в сад или в парк, как в Сен-Клу, хотя Сен-Клу неудобен тем, что не имеет парка для обслуживающего персонала.

Необходимо также изучить месторасположение будущего дворца, с тем чтобы окна моих апартаментов выходили и на север, и на юг, для того чтобы я мог менять свою резиденцию в зависимости от времени года.

Я хотел бы, чтобы апартаменты, которые я буду занимать, были обставлены такой же красивой мебелью, как и мои личные апартаменты в Фонтенбло.

Я хотел бы, чтобы мои апартаменты находились очень близко от апартаментов императрицы и на том же этаже.

Наконец, я хотел бы, чтобы это был дворец — удобный для выздоравливающего больного человека или для человека, чей пожилой возраст уже не за горами. Я хотел бы иметь во дворце небольшой театр, небольшую часовню и т. д.; и прежде всего следует особенно позаботиться о том, чтобы вокруг дворца не было водоема со стоячей водой».

Император проявлял чрезмерную страсть ко всякому строительству и, казалось, был более заинтересован в реализации задуманных им планов, чем любой архитектор, которого мне приходилось знать. Тем не менее идея строительства на высотах Шайо дворца короля Рима ему целиком не принадлежала. Г-н Фонтен с полным правом мог претендовать на то, что первым эту идею подал именно он.

Впервые идея возникла во время обсуждения места строительства дворца в Лионе, когда г-н Фонтен предложил построить его на холме, господствующем над городом, как, например, высоты Шайо. Император, казалось, не обратил внимания на замечание г-на Фонтена, к тому же за два или три дня до этого он распорядился, чтобы привели в порядок замок в Медоне для приема его сына. Но однажды утром он вызвал архитектора и приказал ему представить проект, который сделал бы Булонский лес более красивым за счет строительства летнего дворца на вершине Шайо. «Что ты думаешь об этом? — спросил он архитектора, улыбаясь, а затем добавил: — Не кажется ли тебе, что это место неплохо выбрано?»

Однажды утром в марте месяце император взял с собой сына на смотр войск на Марсовом поле. Император был встречен с неописуемым энтузиазмом, искренность которого не подлежала сомнению, и легко можно было видеть, что приветствия в его адрес исходили из самой глубины души.

Император был глубоко тронут оказанным ему приемом и

вернулся в Тюильри в самом приподнятом настроении. Он ласкал короля Рима, осыпал его поцелуями и сказал, обращаясь к г-ну Фонтену и ко мне: «Он совсем не был испуган; казалось, он знал о том, что все эти храбрые люди были моими друзьями».

В этот день он долго разговаривал с г-ном Фонтеном, развлекаясь одновременно с сыном, которого держал на руках, а когда разговор коснулся Рима и его памятников, то г-н Фонтен стал с огромным восхищением вспоминать о Пантеоне. Император спросил его, жил ли он когда-либо в Риме, и когда г-н Фонтен сказал, что во время своего первого визита в Рим он оставался там в течение трех лет, его величество заметил: «Это город, которого я не видел. Когда-нибудь я обязательно поеду туда. Это город, чей народ в прошлом был властителем всего мира». При этих словах император смотрел на короля Рима с отцовской гордостью.

Когда г-н Фонтен удалился, император поманил меня к себе рукой и стал дергать меня за уши, что означало, что он находится в хорошем настроении. После нескольких личных вопросов он спросил меня, какое у меня жалованье. «Сир, шесть тысяч франков». — «А месье Колин, сколько он получает?» — «Двенадцать тысяч франков». — «Двенадцать тысяч франков! Это несправедливо; ты должен получать не меньше, чем г-н Колин. Я разберусь с этим». И его величество был настолько любезен, что немедленно стал наводить справки, но ему сказали, что все расчеты на этот год уже произведены; после чего император сообщил мне, что до самого конца года г-н барон Фэн будет выдавать мне каждый месяц пятьсот франков из сумм, ассигнованных на личные расходы императора, так как он хотел, чтобы мое жалованье было таким же, как и у г-на Колина.

Меневаль

Инспекция общественных работ

Политическая ситуация в Германии и особенно ненадежное состояние нашего союза с Австрией требовали от Наполеона самого серьезного внимания к этим проблемам. Австрия делала вид, что испытывает к нам самые дружеские чувства и не скупилась на торжественные заявления, но постоянное двусмысленное поведение венского кабинета не рассеяло подозрений Наполеона, которые, конечно, были совершенно обоснованны. Каждый доклад, получаемый им из Вены, информировал о том, что в местных политических кругах обсуждались вопросы распада Рейнской Конфедерации и Варшавского великого княжества. Эти притязания исходили от вражеских коалиционных сил, что соответствовало действительности, но метод, который использовался для распространения этих сплетен, свидетельствовал о желании видеть подобные притязания реализованными.

Ожидая поворота, который могут принять эти события, Наполеон тем временем посвятил себя руководству страной во всех его деталях. Не приостанавливая хода работ, которые уже были начаты и достигли некоторого прогресса, он, тем не менее, урезывал суммы денег, предназначенные для каждой из них. Он посещал общественные учреждения, появлялся на окраинах города, где его простые и непринужденные манеры вызывали энтузиазм народных масс. Эти прогулки по Парижу постоянно давали Наполеону пишу для новых идей по совершенствованию общественных работ и полезному реформированию. Так, он отдал распоряжение муниципальным органам о наилучшем распределении воды в различных кварталах города и об увеличении числа городских фонтанов, о реорганизации и строительстве помещений для рынков, боен, канализационной системы, мостов, о постройке зданий для хранения архивов империи, для академии и ее филиалов, о школе изящных искусств со студиями и выставочными залами и, наконец, об открытии четырех больших кладбищ в четырех главных районах Парижа.

Наполеон вместе с императрицей также посетил «Дом инвалидов», где встретился со старыми солдатами, расспросил их о нуждах, попробовал их еду и заставил императрицу сделать то же самое.

XIV. Последняя остановка в Дрездене и Лейпциге

Меневаль

Регентство

В начале 1813 года император открыл сессию Законодательного собрания речью, в которой говорил о своих потерях, надеждах и желании мира с величайшей откровенностью. За этой речью последовало выступление министра внутренних дел, во время которого он зачитал заявление о положении дел в Империи в течение двух предыдущих лет.

Наполеон был также занят учреждением в стране института регентства; выполнение обязанностей регентши он решил поручить императрице. Ему предложили, чтобы императрица, в связи с ее новым статусом, была обеспечена специальным обслуживающим персоналом, во главе которого должен быть поставлен главный управляющий. Как бы сильно император ни протестовал против любых новых расходов, это предложение, судя по всему, встретило у него благожелательное отношение.

Назначение на должность секретаря Марии Луизы

Для замещения должности секретаря под командой императрицы-регентши были предложены различные кандидатуры. Но все они не были одобрены, и пост секретаря оставался вакантным.

Когда император решил учредить регентство императрицы, я был серьезно болен, поскольку из Москвы вернулся в состоянии полного истощения. Наполеон, которого я был не в состоянии обслуживать, приказал Дюроку, обер-гофмаршалу двора, написать мне, что необходимость в моем отдыхе и его желание не отдалять меня от своей персоны побудили его определить меня, используя его выражение, в качестве «находящегося в состоянии выздоровления» при императрице и что, соответственно, он назначил меня секретарем, отданным в распоряжение императрицы. Через несколько дней он жалованными грамотами даровал императрице титул и права регента. В этом качестве оная приняла присягу в кабинете Государственного совета, который ради этого был созван в Елисейском дворце.

Так как мое назначение было только временным, то мне не было назначено жалованье, соответствующее моей новой

должности; император обеспечил фонд для моего жалованья, определив его в размере четырех тысяч франков в месяц. Он также передал в мое распоряжение очень красивый дом, полностью меблированный, в Сен-Клу, попросил меня жить там вместе с семьей всякий раз, когда императрица решит избрать Сен-Клу местом своей резиденции. Одновременно он предоставил моей супруге и мне право на ежедневное посещение вечеров императрицы в ее гостиных. И, наконец, он приказал мне ежедневно ему писать, что я всегда и делал, не допустив ни одного перерыва.

Я приступил к исполнению своих обязанностей на службе у императрицы за несколько дней до того, как она была объявлена регентом. У меня было много возможностей, чтобы оценить любезность и доброту, свойственные этой императрице; мое частое общение с ней помогло мне еще лучше узнать эти ее обаятельные качества. Она делала все, чтобы исполнение моих обязанностей стало наименее обременительным и в то же время весьма приятным для меня. В итоге эти обязанности превратились в настоящую синекуру.

Порядок решения проблем, установленный в государстве, был настолько хорошо организован, что вмешательство императрицы в государственные дела практически не ощущалось. Ее функции главы государства держались в запасе на случай чрезвычайных обстоятельств, которые, к счастью, не происходили (например, смерть императора). Моим главным занятием стала переписка с императором, когда он отсутствовал в Париже, а также работа в Государственном совете, где у меня были постоянные обязанности.

После того как император обеспечил выполнение всех дел, требовавших его заблаговременных и дальновидных распоряжений, то есть тех самых дел, которые я только что частично перечислил, он немедленно стал готовиться к выезду в армию. Почти накануне его отъезда князь Шварценберг, известный по прежним временам как вестник хороших новостей, прибыл в Париж. Император довольствовался тем, что направил его к герцогу Бассано, настолько он стремился поскорее оказаться на месте военных действий. Русские переправились через Эльбу и приступили к оккупации Дрездена.

Император выехал в Майнц из Сен-Клу 15 апреля в четыре часа утра.

Утром того же дня я получил следующую записку от императрицы: «Вы, конечно, знаете, что император уехал. Мне хочется думать, что и вы также очень огорчены этим. Прошу вас, если г-н Фэн еще не уехал, передать ему, что я очень хочу

получить новости об императоре. У меня не было времени самой сказать ему об этом. Я также прошу вас прислать мне список лиц, записавшихся ко мне на прием. Император хотел, чтобы я приняла их в течение дня. Прошу вас принять мои заверения в самых искренних чувствах, которые я испытываю к вам. Луиза».

Констан

Последняя кампания в Германии

Император выехал из Сен-Клу 15 апреля в четыре часа утра и в полночь 16 апреля прибыл в Майнц. Прибыв в Майнц, его величество узнал, что Эрфурт и вся Вестфалия находятся в состоянии сильного волнения. Эти новости заставили его двигаться с предельной скоростью, и в восемь часов он уже был в Эрфурте. Позднее он переехал в Экхартсберг, который определил местопребыванием своей штаб-квартиры.

Наполеон в военно-полевых условиях

У него было только две комнаты, а свита на ночь для сна располагалась на лестничной площадке и даже на ступенях той же лестницы.

Этот маленький город, всего за несколько часов ставший местопребыванием штаб-квартиры, представлял собой весьма необычную картину. Его главная площадь была окружена наскоро разбитыми палаточными лагерями, биваками и стоянками артиллерийских парков. А на самой площади среди множества повозок, двигавшихся в самых разных направлениях, пересекавшихся, сталкивавшихся и мешавших друг другу, можно было увидеть медленно шествовавшие полки, следовавшие узкой колонной конвойные команды, артиллерийские обозы, фургоны, набитые всевозможной поклажей, и т. п. А за ними уже шли стада крупного рогатого скота вперемежку с маленькими тележками маркитанток и маркитантов — настолько легкими и хрупкими на вид, что малейший толчок, казалось, заставит их сразу рассыпаться; и в этой толчее мелькали мародеры, возвращавшиеся со своими трофеями, куда-то брели местные крестьяне, толкавшие перед собой тачки и при этом не переставшие ругаться и сквернословить под дружный хохот наших солдат. И через все это удивительно разнообразное множество людей и животных умудрялись галопом мчаться курьеры, офицеры службы артиллерийско-технического снабжения и адъютанты.

И когда к этому всему добавлялись ржание лошадей, мычание и рев скота, грохот колес, проезжавших по выложенной камнями площади, крики солдат, звуки труб и дудок, бой

барабанов, громкие жалобы местных жителей, шум от сотен людей, задававших вопросы в одно и то же время, попытки немцев поговорить с итальянцами, а французов с немцами, то невольно возникал вопрос: как это было возможно, чтобы в условиях этой чудовищной какофонии его величество оставался таким же спокойным и невозмутимым, каким он был в собственном кабинете в Сен-Клу или в Тюильри? И тем не менее, так оно и было: император, сидевший за невзрачным столом, наспех прикрытым какой-то скатертью, с географической картой, разложенной перед ним, с компасом и ручкой в руках, полностью погруженный в раздумья, не выказывал ни малейших признаков раздражения и нетерпения. Можно было сказать, что до него не доносится шум снаружи. Но достаточно было где-то раздаться крику боли, как император немедленно поднимал голову и отдавал распоряжение выяснить, что случилось.

Дрезден

В семь часов вечера 8 мая император прибыл в Дрезден и обосновался в том же самом дворце, который в тот вечер покинули император России и кораль Пруссии. У самого барьера, ограждавшего дворец, к императору с приветственным адресом обратилась делегация муниципалитета Дрездена.

Как только император вступил в пределы города, ему сообщили, что часть русского арьергарда стремится закрепиться на территории нового города, который отделяла от старого города река Эльба.

Его величество немедленно дал приказ, чтобы все было сделано для того, чтобы вытеснить эти остатки вражеских войск; и в течение всего дня в городе, с обоих берегов реки, продолжалась пушечная канонада и выстрелы. Пули сыпались градом в то место, которое занимал император. Снаряд попал в стену склада боеприпасов. Этот склад находился неподалеку от императора, и осколки в беспорядке летали вокруг него, но, к счастью, порох не воспламенился. Через несколько минут другой снаряд упал между его величеством и несколькими итальянскими военными; они пригнулись, чтобы избежать возможного взрыва. Император увидел их в этот момент и, смеясь, сказал: «А, дурачье! Ничего страшного».

11 мая утром русских вынудили отступить, и французская армия овладела всем городом. Император весь день оставался на мосту, наблюдая, как мимо него проходят войска. На следующий день, в десять часов утра, императорская гвардия во всеоружии

была выдвинута к линии фронта на дорогу из Пирны в Гросс-Гартен. Император устроил смотр и приказал генералу Флао начать движение вперед.

Король Саксонии прибыл в полдень. Встретившись вновь, оба монарха спешились со своих лошадей, обнялись и затем вступили в Дрезден, сопровождаемые приветственными возгласами местного населения.

Узнав о победе при Лютцене и о вступлении императора в Дрезден, император Австрии поспешил направить посланника своему зятю. Посланник прибыл вечером 16 мая. Его величество немедленно принял австрийского посланника, и беседа с ним продолжилась до двух часов утра следующего дня. Это обстоятельство вселило в нас надежду, что мир будет вот-вот заключен, и мы, соответственно, принялись строить массу догадок, одна другой привлекательней. Но в течение двух или трех дней мы были свидетелями только продолжения подготовки к войне и поняли, что жестоко заблуждались в отношении наших надежд. Именно тогда я услышал, как воскликнул несчастный маршал Дюрок: «Это тянется слишком долго! Мы не сможем пережить это». У него было предчувствие собственной смерти.

Во время этой кампании у императора не было ни минуты отдыха. Дни проходили в сражениях или в походах, и всегда верхом на коне; а ночи посвящались трудам в кабинете. Я никогда не мог понять, каким образом его организм мог выносить подобную нагрузку, и, тем не менее, он почти беспрерывно находился в отличном состоянии.

Вечером, накануне сражения при Баутцене, он лег спать очень поздно, после того, как объехал все военные позиции и отдал все необходимые распоряжения. Конец ночи он провел в глубоком сне. 20 мая, рано утром, сражение началось, и мы в штаб-квартире с нетерпением ждали весь день его результата. Но даже к вечеру сражение еще не закончилось, и после череды кровопролитных схваток, кончавшихся всегда в нашу пользу, император в девять часов вечера вернулся в штаб-квартиру, немного поел и до самой полуночи оставался наедине с маршалом Бертье. Остаток ночи прошел в работе, и в пять часов утра он был вновь на ногах, готовый вернуться к месту битвы. Через три или четыре часа императора охватило непреодолимое желание спать, и, предвидя исход сражения, он заснул на краю оврага, пока его не разбудили с новостью о том, что сражение выиграно.

Хотя результат сражения был предрешен, битва продолжалась до пяти часов вечера. В шесть часов вечера император приказал поставить его палатку рядом с заброшенной

гостиницей, которая в течение двух предыдущих дней служила императору Александру штаб-квартирой. Я получил приказ обслуживать его в той палатке и поскорее поспешил туда, но его величество, однако, провел всю ночь, принимая поздравления от высшего генералитета и работая со своими секретарями.

Барон Ларрей

Среди раненых было обнаружено большое число молодых солдат, у которых были оторваны два пальца правой руки. Его величество подумал, что бедняги сделали это специально, чтобы не служить в армии. Когда император сказал об этом барону Ларрею, тот горячо возразил, что такое просто невозможно, так как не соответствует характеру этих храбрых новобранцев. Но так как император продолжал настаивать на своем мнении, то Ларрей, в конце концов, так рассердился, что обвинил императора в несправедливости.

Каждая сторона осталась при своем мнении, пока не было доказано, что эти раны — результат поспешности, с которой молодые солдаты заряжали и стреляли из своих ружей. После того как его величество понял, что г-н Ларрей был прав, он похвалил его за твердость. «Г-н Ларрей, вы исключительно порядочный человек, — заявил император, — как бы я хотел, чтобы меня окружали только такие люди, как вы. Но люди, подобные вам, очень редки».

Смерть маршалов Бессьера и Дюрока

И вот наступил канун того дня, когда императору, совсем недавно глубоко потрясенному потерей маршала Бессьера, предстояло выдержать новый удар. Этот день стал памятным из-за потери маршала Дюрока. Сердце императора было разбито. Он механически отдавал какие-то приказы, затем вернулся в расположение армейского лагеря, сел на скамью перед своей палаткой, низко опустив голову и сжав ладони. В таком положении он оставался почти час, не сказав ни одного слова. Но поскольку, как бы то ни было, необходимо было отдать распоряжения на следующий день, то к императору подошел генерал Друо и спросил, что надлежит делать. «Все завтра», — ответил император и затем вновь замолчал.

29 мая, не зная, насколько благоразумно будет двигаться дальше по дороге на Бреслау, его величество решил

расположиться в небольшой ферме Росниг, которая была разграблена и имела весьма непрезентабельный вид. Так как для императора в доме смогли найти только маленькую комнату с чуланом, его свита нашла убежище, кто где смог. На следующий день в помещении конюшни рядом с резиденцией императора вспыхнул пожар. В конюшне были оставлены четырнадцать или пятнадцать фургонов, которые полностью сгорели. В одном из этих фургонов хранился сундук с казной, в другом находились одежда и белье, принадлежавшие императору, в том числе и его драгоценности, кольца, коробки с нюхательным табаком и другие ценные предметы. Борясь с пожаром, мы смогли спасти очень мало вещей. Я не думаю, что фургон подожгли, но если даже так оно и было, то император не стал бы нуждаться а одежде, поскольку для него всегда держались четыре или пять комплектов одежды впереди штаб-квартиры или в ее арьергарде. В России, когда был отдан приказ сжечь все фургоны, оставшиеся без лошадей, этот приказ был безжалостно выполнен и в отношении лиц из числа обслуживающего персонала, и они, соответственно, лишились всего, но сохранено было все, что считалось необходимым для его величества.

Меневаль

Испания

Новости из Испании были плохими. Испанцы, которые передали свои войска под командование лорда Веллингтона, более не сражались за свою свободу. Теперь они угрожали Франции. Император смирился с тем, что ему придется заключить соглашение с Фердинандом.

Король Жозеф спасается бегством в Байонну

Армия короля Жозефа, атакованная 21 июня под Виторией слева и справа вражескими войсками, в три раза превосходившими ее по численности, была разбита наголову. Наша армия спаслась бегством в Байонну. Жозеф отрекся от своего не имевшего никакого смысла титула короля и отправился на родину искать покоя, если не забвения, после всей той жизни, столь чуждой его мягкому характеру и манерам.

Движение англо-испанских армий с Пиренейского полуострова не удалось остановить, и маршал Сульт, после того как мужественно отстаивал каждую пядь земли, был вынужден отойти к Байонне, преследуемый армией врага. Сражение при Тулузе приняло характер жесткой схватки, и обе армии понесли тяжелые потери. Сражение закончилось безрезультатно и стало последним актом этой великой драмы.

Констан

Отступление из Испании

На юге все оперативное искусство маршала Сульта было направлено на то, чтобы сдерживать армию во главе с герцогом Веллингтонским, подходившую к нашим границам. Войска герцога Веллингтонского слишком превосходили в живой силе нашу армию, чтобы мы могли противостоять им. К тому же наш противник не страдал от тех лишений, которым подвергались наши солдаты. Я хорошо помню, как слышал разговор нескольких генералов, упрекавших императора за то, что он не хотел оставить Испанию и вывести из нее все наши войска во Францию. Было бы странным, если бы не было всеобщего требования о заключении мира в тот момент, когда возникла угроза нашим исконным границам. Император тоже хотел мира.

Меневаль

Вооруженное посредничество Австрии

В Париже проходили переговоры между князем Шварценбергом и г-ном Маре. Со стороны австрийского посла они ограничивались чрезмерным излиянием дружеских заверений, мало что значивших, если принять во внимание ту манеру, с которой они расточались.

Однако в одной из этих бесед князь позволил себе проговориться, озвучив одно весьма многозначительное высказывание. Касаясь обязательств, которые, казалось, были естественным следствием семейного союза, князь Шварценберг сказал: «Политика создает браки, но политика может и аннулировать их». Осторожность, к которой прибегал австрийский посол, не делая официальных заявлений, вызвала подозрение, что он многого не договаривает и лишь стремится выиграть время. Однако в конце концов от него поступило предложение о вооруженном посредничестве Австрии.

Это предложение сопровождалось возобновлением дружеских заверений и уверений в том, что если Австрия выступит с оружием в руках, то это будет Сделано только для того, чтобы заставить союзников по коалиции заключить мир. Именно тогда Наполеон решил направить вице-короля Евгения в Италию, где, как он считал, присутствие Евгения было бы более полезным в случае разрыва союза с Австрией.

Констан

Неудача с перемирием

Император остановился во дворце Марколини в окрестностях Фридрихштадта.

Там он вел такой же образ жизни, как и в Шенбрунне. Смотры войск каждое утро, масса работы в течение дня и совсем немного развлечений вечером — самый простой образ жизни, а не активное проявление светской жизни императорского двора. Середина дня проходила в работе в кабинете, и в это время во дворце царила такая идеальная тишина, что, если не считать присутствия нескольких часовых, свидетельствовавших о том, что этот дворец являлся резиденцией монарха, было бы трудно представить, что это прекрасное место служит жилищем для даже самого простого частного гражданина.

Все время было использовано для переговоров, направленных на заключение мира, которого император жаждал самым страстным образом, особенно после того, как был свидетелем восстановления чести армии на полях Лютцена и Баутцена. Но, к сожалению, он хотел мира только на условиях, неприемлемых для противника.

Вскоре началась вторая серия наших неудач, сделавшая мир еще более невозможным. Кроме того, с самого начала переговоров, связанных с перемирием, сроки которого почти подходили к концу, император Александр, несмотря на три сражения, выигранных Наполеоном, не хотел выслушивать прямых предложений со стороны Франции, за исключением единственного условия, которое заключалось в том, что Австрия должна выступать в качестве посредника. Это недоверие не способствовало окончательному примирению, и, как победитель, Наполеон был раздражен создавшейся ситуацией, так как время, потерянное в Дрездене, играло на руку врагу.

Надежды на мирное разрешение всех проблем рассеялись, и 15 августа император вызвал свою карету. Мы покинули Дрезден, и военные действия возобновились.

Вице-король Евгений вернулся в Италию в начале возобновления военной кампании, с тем чтобы создать новую армию в этой стране. Более мы не видели его в Дрездене. Неаполитанский король, который прибыл в Дрезден ночью 13 или 14 августа, оказался там почти в одиночестве.

Мюрат назначен командующим кавалерией

Я был в комнате императора, когда там появился король Иоахим. Я обратил внимание на то, что император встретил своего шурина не так сердечно, как в прошлом. Король Мюрат заявил, что он не мог более оставаться в Неаполе в праздном состоянии, зная, что французская армия, к которой он принадлежит, находится на полях сражений, и он просит только одного — сражаться в ее рядах. Император пригласил его на военный парад и назначил его командующим императорской гвардией. И более отважного командующего было трудно найти. Позднее ему было поручено общее командование французской кавалерией.

Просто невозможно описать те дела, которыми император был поглощен с утра до вечера, а часто и до глубокой ночи. Его можно было видеть склонившимся над картами, мысленно проводившим репетиции предстоящих сражений. В конец раздраженный медленным ходом переговоров, в исходе которых он более не мог заблуждаться, Наполеон распорядился все подготовить для поездки в Майнц. Там он назначил встречу с императрицей.

Австрия объявляет войну

Война началась до того, как переговоры были окончательно прекращены, поскольку генерал Коленкур все еще поддерживал переговорный контакт с г-ном де Меттернихом. Император, усаживаясь на коня, сказал многочисленным генералам, окружавшим его, что теперь он отправляется, чтобы завоевать мирный договор. Но какая могла остаться надежда после объявления войны Австрией и, прежде всего, после того, как стало известно, что монархи союзной коалиции постоянно повышали свои требования?

Утром в палатку императора, в которой я тогда тоже присутствовал, был вызван полковник Гурго. «Завтра я буду на дороге в Пирну, — сказал его величество, — но я сделаю остановку в Столпене. Что касается вас, то вам следует поспешить в Дрезден; поезжайте туда на предельной скорости и постарайтесь быть в Дрездене этой же ночью. Прибыв в Дрезден, переговорите с королем Иоахимом, Дюроснелем, г-ном Маре и маршалом Гувионом Сен-Сиром. Успокойте их всех. Повидайтесь с саксонским министром Герсдорфом. Завтра я смогу привести с собой в Дрезден сорок тысяч солдат, и я готовлюсь явиться туда

со всей своей армией. На следующий день повидайтесь с командиром инженерного корпуса, осмотрите редуты и фортификационные сооружения города, и когда вы все осмотрите и все сделаете, то быстро возвращайтесь и встречайте меня в Столпене. Вам следует доложить мне абсолютно точно о реальном положении дел в городе, а также о мнениях маршала Сен-Сира и г-на Маре. Ступайте». Полковник немедленно вскочил на лошадь и помчался галопом, хотя в тот день он ничего не ел.

В одиннадцать часов следующего вечера полковник Гурго вернулся к императору, выполнив порученную ему миссию. Тем временем армия коалиционных союзников спустилась на равнину Дрездена и уже атаковала ряд аванпостов французской армии. В действительности отряды казаков уже появились вблизи пригородов Дрездена, угрожая начать там наступление. Появление казаков вынудило жителей этих предместий искать убежища в самом Дрездене.

Император приказал полковнику Гурго взять свежую лошадь и вернуться в Дрезден. «Старая гвардия выступит туда раньше меня, — заявил его величество, — я надеюсь, что они не испугаются, когда узнают об этом».

Утром 26 августа 1813 года император восседал на коне на мосту в Дрездене, приветствуемый радостными криками молодых и старых гвардейцев, и готовился к жестокой битве, которой предстояло продолжаться три дня.

Меневаль

Битва при Дрездене

Роковая новость о дезертирстве Австрии потрясла императрицу Марию Луизу. Она опасалась, что это событие может привести к охлаждению любви императора к ней, но он не переставал доказывать ей, что она по-прежнему пользуется его доверием. Со своей стороны она старалась вселить в супруга веру и предлагала выступить в качестве миротворца между Наполеоном и своим отцом. К этому времени Мария Луиза настолько вжилась во французские обычаи и привычки, что в письмах к отцу, писавшихся на немецком языке, часто была вынуждена использовать французские выражения, забыв немецкие эквиваленты.

Известно, что вплоть до 30 августа 1813 года французская армия одерживала победы, возрождавшие надежды, которые были ослаблены дезертирством Австрии.

Дезертирство Австрии, которое прибавило силам союзников еще 200 000 человек, предвещало, что новые враги поднимутся против нас, и Наполеон был вынужден готовиться к этой ситуации.

Он прибыл в Дрезден утром 26 августа. За ним следовал корпус маршала Нея. Город был уже окружен огромными армиями, перед которыми немощному корпусу маршала Сен-Сира невозможно было устоять. Непредвиденное прибытие Наполеона восстановило уверенность, которая уже стала шаткой в среде нескольких немецких корпусов, выступавших в союзе с французами, успокоило короля Саксонии и его семью, которые готовились бежать из города. Население Дрездена приветствовало Наполеона как освободителя. Император не терял времени, чтобы спланировать предстоящее сражение.

В ночь с 26 на 27 августа русско-австрийская армия под командованием князя Шварценберга получила сигнал начать наступление. Последовала грандиозная и жестокая битва, схватка прекратилась только к девяти часам вечера. Союзники потеряли тридцать тысяч человек убитыми, ранеными и взятыми в плен, а также часть артиллерии. Громадное количество лошадей и фургонов было просто брошено, а сопровождавшие их конвойные ранены.

Французский генерал Моро, вернувшийся из Америки по подстрекательству Бернадота, чтобы помогать императору России

своими советами, содействовал союзникам в этой битве. Получив смертельную рану, он скончался на следующий день.

Констан

Усталость императора

Погода была ужасной, дождь лил весь день. Вечером противник был разбит полностью, и император вернулся во дворец в страшном состоянии.

С того времени, когда он сел на лошадь, а это было в шесть часов утра, дождь не прекращался, и император так сильно промок, что можно было сказать, не прибегая к метафоре, что дождевая вода стекала с воротника его мундира в сапоги, и они до верха были полны водой. Его прекрасная касторовая шляпа окончательно потеряла свой вид, а ее края беспомощно свисали над плечами императора. Его пояс из бычьей кожи разбух от воды. Для сравнения — человек, только что вытащенный из реки, не выглядел бы таким промокшим, как император.

Король Саксонии, ждавший его, бросился обнимать его, словно нежно любимого сына, который только что избежал большой опасности. После того как император постарался успокоить всех, сказав каждому доброе слово, он удалился в свои апартаменты, оставляя за собой лужи воды. Я с большим трудом раздел его. Зная, что император очень любит принимать ванну после напряженного дня, я ее заранее подготовил, но так как он чувствовал себя необычайно уставшим и к тому же его стало сильно знобить, то его величество предпочел сразу лечь в постель, которую я постарался поскорее согреть.

Однако едва император улегся в постель, как тут же вызвал одного из своих секретарей, чтобы тот зачитал ему накопившуюся корреспонденцию, оказавшуюся очень объемистой. После этого он все же принял ванну, но оставался в ней всего несколько минут, поскольку почувствовал себя настолько плохо, что у него начался приступ рвоты, заставивший его вновь лечь в постель.

Его величество сказал мне: «Мой дорогой Констан, мне необходим небольшой отдых, проследи за тем, чтобы меня не будили, за исключением дел чрезвычайной важности». Следуя указанию императора, я обосновался в соседней с его спальней комнате, следя, подобно часовому, чтобы императора не разбудили и даже не приближались к его комнате.

На следующее утро император очень рано позвонил в колокольчик. Я немедленно вошел в его спальню, чтобы поскорее узнать, как он провел ночь. Я убедился в том, что он почти полностью восстановил свои силы и находится в прекрасном

настроении. Однако он все же сказал мне, что у него был небольшой приступ лихорадки.

Здесь я должен заметить, что это был единственный случай, когда император болел лихорадкой. В течение всего времени, пока я был с ним, я никогда не видел, чтобы из-за болезни он пролежал в постели более двадцати четырех часов. Он встал с постели в свой обычный час и, когда спустился из своих апартаментов во дворце на прилегавшую площадь, получил большое удовольствие от прекрасного вида дежурного батальона.

Однажды, после того как Австрия объявила нам войну, я слышал, как император вслух высказал свое глубокое удовлетворение тем, что его Луиза, как он называл ее, вела себя исключительно так, как требовали интересы Франции, и тем, что в ней ничего не было австрийского, кроме места ее рождения. Чтобы она испытывала удовлетворение от своей деятельности, он разрешил ей публиковать от собственного имени все официальные новости армии. Бюллетени за номерами более не выпускались; но армейские новости ей сообщались, причем уже готовые для опубликования. Несомненно, элю было доказательством внимания со стороны его величества, так как, дав ей возможность стать неким средством связи между правительством и общественностью, он сделал императрицу более популярной в стране.

Мюрат и битва при Дрездене

Во время второго дня битвы при Дрездене маршал Мюрат проявил чудеса доблести. Много было сказано об этом действительно необыкновенном человеке.

Он был огромный, и одно это резко выделяло его среди других. Он искал любой возможный повод, чтобы привлечь внимание к своей персоне. Его правильные и резко обозначенные черты лица, его красивые синие глаза, огромные усы и черные волосы, спадавшие длинными локонами на воротник куртки с узкими рукавами, обращали на себя внимание с первого взгляда.

Добавьте к этому: богатейший и весьма элегантный костюм, который кто-нибудь другой обычно надевал только при посещении театра, — польский мундир с роскошной вышивкой и позолоченным поясом, с которого свисали ножны с легкой шпагой, имевшей прямое лезвие с острым концом, но без граней и без гарды эфеса; крупные рейтузы пурпурного цвета с золотой вышивкой по швам и желто-бежевые сапоги; большую шляпу с золотой вышивкой и с белыми перьями по краям, над которыми

колыхались четыре страусовых пера, а в середине шляпы выделялся изысканный плюмаж из перьев цапли; и, наконец, коня короля, отобранного из числа самых сильных и самых красивых породистых коней. На коне была длинная, доходившая чуть ли не до самой земли попона с элегантной вышивкой сине-небесного цвета. Седло было образчиком венгерского или турецкого мастерства, по своему великолепию седлу и другой экипировке коня не уступали уздечка и стремена.

Все эти вещи особенно выделяли Иоахима Мюрата, делая его человеком, внушавшим ужас и обожание. Но что украшало его более всего, так это поистине рыцарская храбрость, очень часто приводившая его на край безрассудства, словно для него не существовало такого понятия, как опасность.

Стратегия Наполеона подвергается сомнению

К сожалению, прошло то время, когда сами планы императора уже рассматривались как знак победы. Руководство армии в лице командующих корпусами, которые до последнего времени выказывали полнейшее повиновение, начало ставить под сомнение и даже осуждать планы, которые они боялись осуществить.

Когда армии стало известно, что император намерен начать наступление на Берлин, то эта новость послужила сигналом для общего недовольства. Генералы, которые избежали катастрофы в Москве и опасностей двойной кампании в Германии, чувствовали себя уставшими и, возможно, жаждали пожинать плоды своего благосостояния, а также, наконец, получить возможность отдыха в кругу собственных семей.

Некоторые генералы зашли так далеко, что стали обвинять императора в стремлении продолжать войну. «Разве недостаточно убитых?» — спрашивали они. И эти жалобы высказывались публично и достаточно громко для того, чтобы дойти до ушей императора. Члены его штаба проявили редкостную солидарность, умоляя императора отказаться от намеченных планов в отношении Берлина и вместо этого совершить марш на Лейпциг.

Я видел, как страдал император от необходимости выслушивать подобные протесты, несмотря на уважительный тон, которым они излагались. В течение двух дней его величество не принимал окончательного решения. И какими долгими казались эти сорок восемь часов!

Никогда заброшенная хижина или бивак не представляли

собой столь мрачного зрелища, как печальный замок Дюбена. В этой скорбной резиденции я впервые видел императора, который оказался не у дел: состояние нерешительности настолько овладело его существом, что казалось, его характер также полностью изменился. Кто бы мог этому поверить? За той активной деятельностью, которая не давала ему покоя и которой он беспрестанно полностью отдавал себя, последовало явное равнодушие, не поддававшееся описанию.

Я видел, как почти весь день он лежал на диване. Перед ним стоял стол, весь покрытый картами и бумагами, на которые он даже и не смотрел. Часами он занимался только тем, что выводил большие: буквы на листах белой бумаги. Так продолжалось все время, пока он находился в состоянии нерешительности и колебания между устремлениями собственной воли и мольбами своих генералов.

В конце этих двух дней самого напряженного ожидания он сдался. С этого момента все было потеряно. Он часто повторял, с горечью вспоминая об уступках, на которые пошел в то время: «Я бы избежал многих неудач, если бы следовал собственной интуиции. Я проиграл только потому, что уступил импульсивным мнениям других».

Меневаль

Болезнь Наполеона и ее результат

Внезапную болезнь, поразившую Наполеона после победы при Дрездене, можно также расценить как следствие фатальности.

Когда он уже был готов вступить в Пирну, преследуя врага, его неожиданно поразило мимолетное, но жестокое недомогание, вызванное, вероятно, продолжительным пребыванием под проливным дождем. Эта болезнь, сопровождаемая частыми приступами рвоты, дала основание для опасений, что его могли отравить. Его были вынуждены на предельной скорости отправить в Дрезден в состоянии абсолютного духовного и физического истощения.

Коалиционная армия в это время находилась в таком положении полной неразберихи, что, и это признавали и сами враги, если бы ее продолжали энергично преследовать, то безусловно бы разгромили. Фатальный случай с Наполеоном спас ее, и все надежды на мир рассеялись. Серия наших неудач начинает отсчет именно с этого дня — неудач, которые были ускорены катастрофой битвы при Лейпциге 16–18 октября 1813 года, последовательно приведшей к дезертирству Баварии, Вюртемберга и государств Рейнской Конфедерации.

Другой случай дезертирства, если я могу воспользоваться подобным выражением, который, должно быть, особенно сильно подействовал на настроение императора, заключался в том духе скрытой оппозиции, которому предстояло проявиться среди некоторых генералов французской армии. Понимая, что ему не следует рассчитывать на поддержку, Наполеон весь проникся чувством сомнения и нерешительности.

Констан

Битва при Лейпциге

Мы выехали дорогой на Лейпциг и прибыли туда рано утром 15 октября. В тот период Лейпциг оказался словно в центре почти беспрерывно проходящих различного рода военных операций. Затем нас бросила армия Саксонии. Это дезертирство оставило в распоряжении императора вооруженные силы в составе только ста десяти тысяч человек. Нам противостояли вражеские войска, насчитывавшие триста тридцать тысяч человек.

Как хорошо известно, день 18 октября стал для нас роковым. Вечером император, сидевший на раскладном стуле из красного сафьяна посреди бивачных костров, диктовал маршалу Бертье распоряжения на предстоящую ночь, когда его величеству было доложено о прибытии двух командиров артиллерийских корпусов, которые представили отчет об иссякших запасах ящиков с боеприпасами. Так как ближайшие склады военного снаряжения находились в Магдебурге и Эрфурте, откуда помощь вовремя получить было невозможно, то отступление стало абсолютно необходимым. Поэтому был отдан приказ об отступлении.

Меневаль

Поражение под Лейпцигом и отступление

Бедствия, которые сопровождали отступление армии после битвы под Лейпцигом, и преждевременное разрушение моста через реку Эльстер, которое привело к захвату противником нескольких наших дивизий и к гибели в этой реке храброго Понятовского, хорошо известны.

Союзнические войска, вступив в Лейпциг, арестовали короля Саксонии и отправили его под конвоем в Берлин каяться за совершенное преступление, которое выразилось в его нерушимой верности Франции.

Наполеон отступил с остатками своей армии в Эрфурт. Там король Неаполитанский попрощался с императором. Сцена прощания для обеих сторон прошла весьма эмоционально, так как каждый чувствовал, что это была их последняя встреча.

Отступление нашей армии проходило достаточно благополучно, несмотря на многочисленные стычки с партизанами, которые беспокоили наши войска в течение всего похода. Однако около шестидесяти тысяч баварцев и австрийцев попытались преградить путь французской армии, подошедшей к Ганау.

Констан

Сражение при Ганау

Французы вскоре покрыли себя славой в сражении при Ганау, через который нам было необходимо пройти, преодолев сопротивление многочисленной армии австрийцев и баварцев. В результате этой триумфальной победы шесть тысяч человек было взято в плен. Этот военный успех одновременно открыл нам дорогу на Майнц, до которого мы надеялись дойти, не встретив новых препятствий. После четырнадцати дней похода из Лейпцига мы, наконец, 2 ноября вновь увидели берега Рейна и почувствовали, что сможем дышать в обстановке полной безопасности.

Посвятив пять дней реорганизации армии, отдав соответствующие приказы и назначив позиции, которые должен был занять каждый из маршалов и командиров нескольких корпусов во время его отсутствия, император покинул Майнц 7 ноября и 9 ноября спал уже в Сен-Клу.

Возвращение в Париж в состоянии побежденного

Во времена Консулата и в течение первых шести лет Империи, когда бы император ни возвращался в Париж после военной кампании, это означало, что кампания была завершена и что весть о мире, заключенном вследствие победы, всегда опережала Наполеона.

Во второй раз он возвращался из Майнца при совершенно других обстоятельствах. В этот раз, как и в случае со Сморгонью, он покидал армию, находившуюся все еще в состоянии войны, и возвращался в Париж не для того, чтобы вручить Франции плоды своих побед, а для того, чтобы потребовать новых дотаций в живой силе и денежных средствах, чтобы ликвидировать последствия поражения и потерь, понесенных нашей армией.

Что касается меня, то мне никогда не приходила в голову мысль о том, что император сможет, в конце концов, уступить в борьбе, которую он постоянно вел, ибо в своих раздумьях я никогда не доходил до подобной мысли. И только размышляя об этом уже потом, я смог понять серьезность опасности, угрожавшей ему в тот период. Меня можно было сравнить с человеком, проведшим ночь во сне на краю пропасти, полностью

находившимся в неведении относительно той опасности, которой он подвергался, до тех пор, пока она не становилась явной при дневном свете. Тем не менее я могу сказать, что все устали от войны и что все мои друзья, которых я видел, вернувшись из Майнца, говорили мне о необходимости мира.

В самом дворце я слышал от лиц, приближенных к императору, те же самые высказывания, но не в присутствии его величества, хотя при нем они говорили прямо противоположные вещи. Когда император оказывал мне честь, как он это часто делал, расспрашивая, что говорят по этому поводу люди, то я докладывал ему чистую правду; и когда во время этих конфиденциальных разговоров с императором я произносил слово «мир», он восклицал: «Мир! Есть люди, не желающие его, и чем больше я уступаю им, тем больше они требуют».

XV. Военная кампания во Франции

Меневаль

Час расплаты

Когда наши враги пришли к решению — в отношении которого у них было немало сомнений — о переходе их войск через наши границы, император принял первые необходимые меры для защиты этих границ, которым угрожали силы коалиции и все вооруженные силы Германии. После того как Наполеон отдал самые срочные распоряжения о реорганизации армии, он отправился в Сен-Клу, куда прибыл 9 ноября.

Радость от того, что он вновь увидел свою супругу и сына, была, как бальзам, пролитый на раны Наполеона, но это было минутным забвением от всех насущных забот, которые его осаждали. Каждое мгновение его времени было отдано обеспечению защиты территории Франции. Ежечасно в течение дня проводились заседания советов администрации под председательством Наполеона. Принимались чрезвычайные меры и усилия для того, чтобы набрать рекрутов для армии, привести в порядок артиллерию, требовавшую ремонта, изготовить новое оружие вместо вышедшего из строя и утерянного и так далее. Денежные средства, накопление в течение десяти лет в подвалах Тюильри, были использованы для того, чтобы покрыть возникшие чрезвычайные расходы. Это денежное сокровище было накоплено в результате ежегодных сбережений в размере четырнадцати миллионов франков за счет фондов цивильного листа. Данное обстоятельство не помешало императорскому двору стать самым блестящим в Европе. Таков был результат хорошо отрегулированной административной деятельности, свободной от злоупотреблений.

Констан

В Париже

В редких случаях император откладывал в сторону важнейшие дела, которыми был занят, чтобы посетить театр, — но не для собственного удовольствия, а с той целью, чтобы показать себя на публике. Предметами его забот были все полезные мероприятия; и он никогда полностью не полагался на информацию даже тех людей, которых уважал, а стремился сам докопаться до истины.

Среди учреждений и заведений, которые пользовались его особым покровительством, было одно, к которому он проявлял повышенный интерес. Я думаю, что в любой перерыв между проводимыми им военными кампаниями император, прибывая в Париж, не упускал случая, чтобы навестить институт дочерей членов Почетного легиона, которым руководила госпожа Кампань, сначала в Экуэне, а потом в Сен-Дени.

Император навестил институт и в ноябре. Следует объяснить, что в соответствии с правилами этого заведения ни один мужчина, за исключением императора, не допускался внутрь здания. Но поскольку императора всегда сопровождал эскорт, то его свита как бы составляла с ним одно целое и поэтому допускалась внутрь заведения вместе с ним. Помимо офицеров, его обычно сопровождали пажи. Вечером, вернувшись из Сен-Дени, император, войдя в свою комнату, где я ждал его, чтобы помочь ему раздеться перед сном, рассказал мне, смеясь при этом: «Итак, мои пажи хотят напоминать пажей прошлых времен! Маленькие идиоты! Знаешь, что они делают? Когда я собираюсь отправиться в Сен-Дени, они устраивают между собой соревнование, чтобы стать дежурным пажом в этот день и сопровождать меня в Сен-Дени. Ха-ха!»

Император смеялся и потирал ладони, а потом тем же тоном повторял несколько раз «маленькие идиоты», затем он добавлял, припоминая какой-нибудь эпизод, который особенно привлек его внимание: «Я, Констан, был бы очень плохим пажом; мне бы никогда не пришла в голову подобная идея. Более того, все они — хорошие молодые люди; из них уже получились хорошие офицеры. Однажды подобная затея приведет к неплохому браку». На самом же деле очень редко подобная затея, хотя на вид и легкомысленная, не приводила императора к некоторым серьезным выводам.

Меневаль

Враги Наполеона во Франкфурте

Из Франкфурта поступили ложные предложения о заключении мира, переданные через г-на де Сент-Эньяна, содержавшегося в качестве пленника в Веймаре, где он занимал пост французского посла.

В то время как послы Австрии, России и Англии, с которыми г-н де Сент-Эньян установил деловой контакт, всем своим видом выражали желание приступить к переговорам, генералы вражеской коалиции вынашивали план вторжения во Францию. Однако император приказал ответить на предложения г-на де Сент-Эньяна в том смысле, что он согласен: территория Франции ограничивается ее естественными границами, Рейном, Альпами и Пиренейским полуостровом; в Испании реставрируется прежняя династия; Италия, Германия и Голландия восстанавливают свою независимость.

Наполеон предложил созвать в Мангейме конгресс с участием заинтересованных сторон для проведения переговоров на основе изложенных условий. Австрийский посол ответил, что два императора и король Пруссии удовлетворены согласием Наполеона на их предложения, что они передали своим союзникам эти условия, а также что они принимают выбор города Мангейма в качестве места проведения конгресса. Однако в то время, пока союзники позволяли австрийскому послу одурачивать Наполеона надеждой на умиротворение, которое совершенно не входило в их намерения, 1 декабря во Франкфурте они опубликовали декларацию, в которой публично признали, что воюют не с Францией, а только с одним Наполеоном.

Констан

Наполеон остается без союзников

Каждый день требовал новой расстановки сил, поскольку враг повсюду добивался успеха. Русские оккупировали Голландию, и обсуждался вопрос о скором возвращении в Амстердам наследника монархического дома Оранских; в Италии вице-король Евгений держался только посредством проявляемого им исключительного военного мастерства против намного превосходившей его в живой силе армии противника. Князь фон Шварценберг оккупировал границы Швейцарии; прусские войска и войска Конфедерации в некоторых местах переправились через Рейн. У императора не осталось ни одного союзника.

Последнее празднование годовщины коронации

Далее, увы, за исключением немногих воспоминаний о прошлом, мне предстоит рассказывать только о важных и весьма печальных событиях. В последний раз мы отпраздновали в Париже годовщину коронации его величества.

Как обычно, во всех театрах Парижа давались бесплатные представления, но император на них не появлялся, как это он часто делал раньше; проводились увеселительные мероприятия, бесплатно раздавалось съестное, улицы и дома украшались иллюминацией; и двенадцать молодых девушек, кому город Париж пожаловал брачное приданое, сочетались браком с заслуженными солдатами. Теперь мы поселились в Тюильри, который император не покидал с 20 ноября, когда он вернулся из Сен-Клу, и который он не покинул до своего отъезда в армию.

Меневаль

Политические проблемы Наполеона

Император открыл сессию Законодательного собрания 19 декабря 1813 года. Депутаты назначили комиссию для выработки официального обращения. Это обращение Законодательного собрания должно было основательно повлиять не только на общественное мнение, но также и на намерения союзников.

Наполеон, полагаясь на патриотические чувства большинства Законодательного собрания, хотел, чтобы в состав комиссии вошли также люди, независимые от правительства. И действительно, в комиссию были выбраны люди, чуждые деятельности общественных и государственных организаций, люди, преданные проблемам изучения литературы и законов, но они меньше думали о том, как лучше служить интересам страны, а больше стремились продемонстрировать свою независимость; среди них были и роялистски настроенные. Вместо того чтобы сплотить нацию вокруг главнокомандующего, комиссия занялась сбором жалоб, связанных с притеснением народа, запросила гарантий против деспотизма власти и призывала к утверждению законов, благоприятных для усиления свободы в стране и использования политических прав.

Когда проект доклада комиссии был доложен императору, он немедленно созвал Тайный совет, который, не мешкая, принял жесткие меры для роспуска Законодательного собрания. Поскольку никаких средств для того, чтобы достичь взаимопонимания, не существовало, то эти меры сработали сами по себе. Законодательное собрание подавляющим большинством голосов приняло доклад комиссии.

Вечером император, глубоко взволнованный тем духом оппозиции, которым воспользовались его противники, чтобы нанести ему удар как раз в тот момент, когда он так нуждался в поддержке, спросил меня, что думает императрица по поводу этой новой для нее борьбы и о мерах, ставших ее следствием.

Я должен упомянуть, что продолжал беседовать с императором в обстановке полной откровенности, как и раньше. Я нашел его чрезмерно измученным заботами, хотя он вовсю старался справиться со своим волнением и беспокойством. На публике его лицо выглядело спокойным и уверенным. Во время наших бесед он обычно жаловался на чувство усталости от войны и на то, что более был не в состоянии выдерживать конные

прогулки. В шутку он упрекал меня в том, что я в свое удовольствие провожу время, в то время как он с трудом и даже до боли в одиночку тащит свой плуг — таково было его выражение; одним словом, он более не чувствовал себя счастливым человеком.

Констан

Последняя сессия Законодательного собрания

Сенат и Государственный совет в полном составе прибыли в зал Законодательного собрания, чтобы присутствовать на его сессии. После того как члены Сената и Государственного совета заняли указанные им места в зале, прибыла императрица и в окружении своих придворных дам и офицеров из числа ее обслуживающего персонала направилась на зарезервированную для нее галерею. Наконец, через пятнадцать минут после императрицы появился император, представленный собравшимся в соответствии с принятым церемониалом.

Когда новый президент Законодательного собрания герцог де Масса принял присягу из рук императора, его величество приступил к изложению своей тронной речи:

«Сенаторы, государственные советники, депутаты департаментов законодательного корпуса!

В этой военной кампании блестящие победы прославили французское оружие, но беспримерное предательское отступничество сделало эти победы бесполезными. Все обернулось против нас. Даже Франция оказалась бы в опасности, если бы не энергия и единство французского народа. В этих весьма важных условиях моей первой мыслью стала необходимость созвать вас всех. Мое сердце нуждается в присутствии и любви моих подданных.

Я никогда не был соблазнен блеском успеха; я не буду доступен атакам превратности судьбы. Я много раз протягивал руку мира нациям, когда они теряли все. Частью моих завоеваний стало то, что я воздвигнул троны для королей, которые сейчас покинули меня.

Я задумывал и выполнял грандиозные планы для счастья всего мира. Но, являясь монархом и отцом, я чувствую, что мир обеспечивает безопасность тронов и семей. Мы вступили в переговоры с конфедеративными державами. Я придерживался основных принципов, которые они предложили мне. Я тогда надеялся, что, еще до открытия этой сессии, конгресс в Мангейме будет собран; но повторяемые задержки, которые не могут быть приписаны Франции, отложили начало конгресса, которого с таким нетерпением жаждет весь мир. Я отдал приказ, чтобы все подлинники документов, содержащиеся в портфеле министра иностранных дел, были представлены на ваше рассмотрение. Вы

будете ознакомлены с ними через созданную вами комиссию. Представители моего совета информируют вас о моих пожеланиях по этому вопросу.

Ничто с моей стороны не препятствует восстановлению мира; я знаю и разделяю чувства французов, я повторяю, французов, потому что нет из них ни одного, который желал бы получить мир ценой чести. С сожалением я требую от этого благородного народа новых жертв, но эти жертвы необходимы во имя их самых благородных и самых дорогих интересов. Я был принужден усилить свои армии многочисленными наборами рекрутов, ибо нации обеспечивают свою безопасность только тогда, когда демонстрируют всю свою мощь. Увеличение денежных поступлений стало обязательным. Предложения, которые мой министр финансов представит вам, находятся в полном соответствии с установленной мною финансовой системой. Мы удовлетворим все требования, не прибегая к одалживанию, которое использует ресурсы будущего, и не прибегая к выпуску бумажных денег, которые являются величайшим врагом социального порядка.

Я удовлетворен чувствами, проявленными по отношению ко мне при данных обстоятельствах моим народом Италии.

Только Дания и Неаполь остаются верными их союзническому долгу нам. Республика Соединенных Штатов успешно продолжает свою войну против Англии. Я признал нейтралитет девятнадцати кантонов Швейцарии.

Сенаторы, государственные советники, депутаты департаментов законодательного корпуса! В вашей компетенции находится проявление энергии, которая отстоит нашу страну, к полному восхищению всех будущих поколений. Пусть будущие поколения не скажут о нас: «Они пожертвовали первейшими интересами своей страны; они признали контроль, который Англия тщетно старалась навязать Франции на протяжении четырех веков».

Моему народу не следует опасаться, что политика их императора когда-либо предаст величие нации; и, со своей стороны, я убежден, что французский народ всегда будет доказывать, что он достоин самого себя и меня».

Эта тронная речь воспринималась с единодушными возгласами: «Да здравствует император!» Когда его величество вернулся в Тюильри, он ощущал чувство величайшего удовлетворения. Хотя у него разболелась голова, боль прошла после часа отдыха. К вечеру она окончательно исчезла, и император спросил меня, что я слышал относительно того, о чем говорят в народе. Я искренне ответил ему, что все мои знакомые

единодушно согласны с тем, что желание мира было всеобщим. «Мир! Мир! — воскликнул император. — Кто может желать его больше, чем я?!»

Меневаль

Наполеон отправляется в действующую армию

Наполеон сделал за шесть недель все, что воля, энергия характера и сверхчеловеческая активность смогли создать в отношении накопления ресурсов, однако больше уже не мог откладывать свой отъезд в действующую армию. 23 января 1814 года, за два дня до отъезда, император собрал офицеров легионов национальной гвардии во дворце Тюильри и, представив им императрицу и короля Рима, сказал:

«Я собираюсь сражаться с врагом. Я поручаю вам то, что является для меня самым дорогим — императрицу, мою супругу, и короля Рима, моего сына». Новым письмом он подтвердил регентство императрицы и выехал из Парижа 25 января, обняв на прощание супругу и сына, которых он более никогда не увидит. Прежде чем покинуть дворец Тюильри, он с печалью узнал, что Иоахим Мюрат, король Неаполитанский, его шурин, выступил с неаполитанской армией против французских войск, которыми командовал вице-король Италии Евгений.

Мне известно, что король Иоахим пережил в душе страшную трагедию, прежде чем принять такое роковое решение. Он льстил себя надеждой, что, решившись на такую крайнюю меру, сможет найти в будущем способ, чтобы вновь поступить на службу к императору. Он даже и представить себе не мог, что этот поступок очень скоро приведет его к потере трона и собственной жизни.

Вторжение союзников

Союзники вторглись на территорию Франции.

Император начал свою бессмертную военную кампанию во Франции со славной победы в сражении при Бриенне, но уже сразу после этого был атакован войсками союзников, в три раза превосходившими в живой силе его армию, и потерпел поражение в сражении при Ла-Ротьере. В Париже возникло опасение, что враг появится у стен города; охватившая всех тревога была столь значительна, что в какой-то момент стал обсуждаться вопрос о том, следует ли эвакуировать великий город или нет. Император сам был обеспокоен перспективой такой опасности и теми критическими обстоятельствами, в которых могли оказаться

правительство императрицы-регентши и кабинет министров империи.

Пока военные операции шли своим ходом, открылся конгресс союзнических стран с участием представителей Франции. 7 февраля союзники, полные гордости от успеха, которого они добились в сражении при Ла-Ротьере, дезавуировали основные условия мирного договора, предложенные ими самими во Франкфурте и принятые императором. Они потребовали, чтобы Франция вернулась к своим границам до 1792 года и отказалась от всех притязаний на суверенные государства и протектораты в Италии, Германии и Швейцарии. Наполеон заявил, что не может оставить территорию Франции меньшей, чем тогда, когда он получил Францию в 1800 году, что не станет покупать сохранение своей короны ценой унизительного договора и что отречется от престола, если французская нация не поддержит его.

Более ни на что не надеясь с подобными противниками, даже и не думая позволять себе приходить в уныние от их домогательств, император, используя ресурсы своего гения, осуществил один из тех блестящих маневров, которые были так ему свойственны. В результате он одержал победы в сражениях при Шампобере, Монмирайле и Вошане, не считая нескольких мелких. Эти военные успехи Наполеона повергли союзные войска в ужас. Их полномочные представители поспешили прибегнуть к своей обычной тактике. Они возобновили свои обманчивые предложения о перемирии.

Но, опомнившись от первых потрясений, русские и английские полномочные представители, доминировавшие на конгрессе, внезапно прервали переговоры. Они поняли, что военные успехи, достигнутые Наполеоном с горсткой героев, которые не получили поддержки, обошлись победителю слишком дорого и что эти победы только ослабили его. 1 марта четыре великие державы подписали договор, благодаря которому их союз еще более укрепился. Они приняли решение придерживаться наступательной тактики и не вести переговоры с Наполеоном каждый в отдельности. Англия предоставила коалиции новые денежные ассигнования.

Одновременно с принятием решения об объединении своих сил и наступлении на Париж единым фронтом союзники отказались от пустой демонстрации готовности к ведению переговоров.

Требование об отречении от престола

Среди различных организаций и обществ в государстве стало набирать силу скрытое брожение умов, недовольных действиями Наполеона. Косвенные инсинуации, за которыми последовали более явные действия, привели к тому, что была поставлена цель лишить Наполеона власти и вынудить его отречься от престола в пользу сына.

Основным обвинением, выдвинутым против императора, служило то обстоятельство, что после блестящих побед над силами враждебной коалиции он не ослабил пружин своего диктаторского правления. Но время было совсем не то, чтобы Наполеон мог позволить себе заняться такими экспериментами, как расширение политических свобод, при том, что ему приходилось противостоять многочисленным активным противникам, постоянно возникавшим перед ним.

Дезертирство маршала Мармона

Шумное выражение жалоб и взаимных обвинений вылилось в общее враждебное отношение к императору. Эти чувства оппозиции к несчастному императору, подобно инфекционной болезни, не минули большинства лидеров армии. Вместо того чтобы откликнуться на трепетные призывы Наполеона, они вынудили его принять решение об отречении от престала.

Император согласился пойти на эту жертву для того, чтобы защитить права своего сына. Наполеон направил к союзным монархам генерала Коленкура, к которому он добавил маршала Мармона, а также маршала Нея, а в его отсутствие маршала Макдональда, с документом об отречении от престола. Но в этот момент маршал Мармон, на преданность которого, как считал император, он мог положиться в дни бедствия, предал французский флаг.

Это был смертельный удар всему делу Наполеона. Предательство Мармона стало следствием решения императора Александра, который до этой поры, казалось, колебался в отношении вопроса о регентстве, добиться от имени союзных держав безоговорочного отречения императора от престола.

Семья Наполеона в Париже

В январе 1814 года братья императора, за исключением Люсьена, собрались в Париже.

Король Жером, вынужденный из-за восстания в Германии, а

также под натиском неприятельских войск покинуть свое королевство, искал пристанища во Франции вместе с королевой Катериной. Нарушение территории Швейцарии союзными войсками не позволило бывшему голландскому королю Луи продлить свое пребывание там. Он прибыл в Париж 1 января 1814 года и был холодно принят императором. Восстановление монаршего дома Нассау разрушило все надежды короля Луи. Он решил забыть о них и думал лишь о том, чтобы спокойно жить в уединении. Его здоровье находилось в плачевном состоянии. Все его конечности почти отказывались служить ему, и никакое лекарство не могло приостановить его прогрессирующую болезнь. Король Луи приехал в Париж, надеясь, что сможет жить в своем поместье в Сент-Ле, но последовал за императрицей, когда она отправилась из Парижа в Блуа. Когда Бурбоны вернулись в Париж, он оставил императрицу и ее сына и возвратился в Швейцарию, откуда потом проследовал в Рим. Король Жозеф также нашел пристанище в Швейцарии и вел там спокойный образ жизни до тех пор, пока император не вернулся с острова Эльба. Король Жером вернулся вместе с королевой к своему тестю, королю Вюртемберга, который обращался с ним, как с преступником.

XVI. Измена и отречение от престола

Констан

Император возвращается в Фонтенбло

Ну и время же это было! Какое печальное время и какие скорбные события мне приходится сейчас воскрешать в памяти, овеянной грустью!

Теперь в своем рассказе я подхожу к тому роковому дню, когда грязным сапогам объединенных армий Европы предстояло марать землю Парижа. Какой удар императору! Именно тогда — увы, все напрасно! — он продемонстрировал такую же потрясающую активность, какую его гений проявил так блестяще в период итальянской кампании. Мне впервые довелось увидеть его в Маренго, на следующий день после сражения, и какой контраст с тем видом представляло его подавленное настроение, когда я увидел его 21 марта в Фонтенбло.

Я приехал туда незадолго до прибытия императора. Его лицо было бледным, и он выглядел таким утомленным, каким я его никогда не видел. Император никому ничего не сказал. Он сразу же закрылся в кабинете с г-ном Маре, маршалом Бертье и генералом Коленкуром. Его величество лег спать очень поздно и, на мой взгляд, выглядел совершенно разбитым. Время от времени я слышал, как из его груди вырывались сдавленные вздохи.

В последующие два дня в Фонтенбло воцарилась неописуемо мрачная и молчаливая атмосфера уныния. Подвергшись столь многочисленным ударам, император теперь редко заходил в свой кабинет, где он обычно проводил так много часов за работой. Он настолько был погружен в противоречивые раздумья, что часто не замечал людей, которых сам вызвал к себе, смотрел на прибывших невидящим взглядом и иногда в течение тридцати минут не говорил им ни слова; затем, словно очнувшись от оцепенения, задавал им вопросы, но, казалось, не слышал их ответы; и даже присутствие г-на Маре и генерала Коленкура, которых он вызывал чаще других, не выводило его из состояния полнейшей летаргии.

Часы принятия пиши не менялись, и еда подавалась, как обычно; но все занимали свои места в полной тишине, нарушаемой только обязательным шумом, присущим обслуживанию за столом. Император не выходил из состояния полнейшего молчания, его уста не произносили ни одного слова, и если утром я предлагал ему один из тех напитков, которые он обычно пил, то он не только не отвечал мне, но даже, казалось,

вообще не слышал меня. Такая обстановка во дворце действовала удручающе на всех лиц, приближенных к его величеству.

Неожиданно 3 апреля он, резко сбросив с лица выражение подавленного настроения, устроил во дворе дворца смотр гвардии, которая только что присоединилась к нему в Фонтенбло. Обратившись к солдатам твердым голосом, он сказал:

«Солдаты! Враг опередил нас на три дня и овладел Парижем; мы должны выбить его оттуда. Недостойные французы, те эмигранты, которым мы даровали амнистию, нацепили белые кокарды и перешли на сторону наших врагов. Трусы! Они хотят пожинать плоды этого нового предательства. Давайте поклянемся победить или умереть, чтобы уважали нашу трехцветную кокарду, которую мы носили на протяжении двадцати пяти лет на пути к славе и чести».

Войска, охваченные энтузиазмом при звуке голоса своего главнокомандующего, в едином порыве кричали: «Париж! Париж!» Но император, несмотря на проявленный солдатами энтузиазм, вновь погрузился в подавленное настроение, как только переступил порог дворца.

Тем временем ситуация принимала все более неприятный оборот для намерений и планов императора. Каждый день его величество становился свидетелем, к его великой печали, перехода маршалов и большого числа генералов на сторону нового правительства. Он остро ощущал отсутствие маршала Бертье; и я должен сказать, что мы, непривычные к перипетиям политических комбинаций, были охвачены сильнейшим чувством изумления от происходивших событий.

В то же самое время уже обсуждался вопрос о высылке императора на остров Эльбу. Обер-гофмаршал двора спросил меня, последую ли я за его величеством в его новую резиденцию. Бог мне свидетель, что у меня не было иного желания, кроме того, чтобы всю жизнь отдать служению императору, поэтому я ни минуты не раздумывал, когда ответил, что мой отъезд с императором, конечно, не мог быть предметом сомнений; я почти сразу же занялся подготовкой к отъезду.

Тем временем, уединившись в своей комнате, император с каждым днем становился все более печальным и каким-то изможденным; и когда я видел его одного, что случалось часто, поскольку я старался быть как можно больше времени рядом с ним, я замечал, что он пребывал в состоянии чрезвычайного возбуждения, которое вызывало у него чтение сообщений из Парижа; это возбуждение часто охватывало его настолько сильно, что он впивался ногтями в бедра с таким напряжением, что начинала течь кровь, но он этого не замечал. В этих случаях я

брал на себя смелость сообщать ему, в наиболее деликатной форме, об этом факте, надеясь, что он прекратит это болезненное занятие, которое буквально резало мое сердце на части.

Несколько раз император просил Рустама принести принадлежавшие ему пистолеты; к счастью, я принял соответствующие меры предосторожности и рекомендовал Рустаму не отдавать пистолеты императору, как бы он на этом ни настаивал. Я посчитал своим долгом доложить об этом случае генералу Коленкуру, который полностью одобрил мои действия.

Меневаль

Мария Луиза в Блуа

После того как императора покинули его товарищи по оружию, которым не терпелось насладиться в спокойной и мирной обстановке теми почестями и немалыми денежными состояниями, которыми он обильно и щедро одаривал их, Наполеон стал поддерживать активную переписку с Марией Луизой. Не проходило ни одного дня без того, чтобы он не направлял к ней офицера, несмотря на то, что дорога в Блуа была перекрыта противником. Мария Луиза иногда выражала сожаление, что покинула Париж, и говорила о своем желании воссоединиться с императором. Она ежедневно возглавляла заседания советов регентства, целью которых, скорее, было сообщать друг другу новости и обмениваться мнениями по их поводу, чем заниматься конкретными делами; тот, кто приводил в движение всю деятельность государства, был уже не у дел.

Братья императора Жозеф и Жером, а также архиканцлер утром 8 апреля 1814 года обратились к императрице с заявлением, которое дало повод для ошибочных толкований. Опасаясь за безопасность супруги Наполеона и его ребенка — и именно это имея в виду, — они пришли к императрице, чтобы заявить, что ей необходимо покинуть Блуа, переправиться через реку Луару и на другом берегу определить место пребывания правительства. Мария Луиза, уставшая от невзгод бродячей жизни, осталась непоколебимой в своем решении никуда больше не уезжать. Через три часа прибыл русский специальный уполномоченный, чтобы обеспечить безопасность императрицы и ее сына.

Императрица отправлена в Орлеан

Граф Шувалов прибыл в Блуа в два часа дня. Он сообщил о цели своей миссии, которая заключалась в том, чтобы сопроводить императрицу и ее сына в Орлеан. Прибытие генерала Шувалова послужило сигналом для отъезда из Блуа всех высокопоставленных персон, сопровождавших императрицу. Все они поспешили принести свои паспорта в городскую ратушу, чтобы там русский офицер проставил в них визу. Служебное помещение русского офицера было переполнено людьми весь

долгий день.

С этого времени императрица была лишена права воссоединиться с императором. Какие бы иллюзии на этот счет она ни хотела сохранить, но решение о разделении места жительства супругов было принято. Даже если заверения, данные ранее австрийскими министрами и самим императором Францем, — о том, что за ней оставляется право жить на острове Эльба или в другом новом для нее государстве, а также разделить свою резиденцию между Пармой и островом Эльба, — и были искренними, то теперь не в их власти было выполнить свои обещания, в чем им пришлось признаться позднее.

В течение всего дня 11 апреля большая часть обслуживавшего императрицу персонала, включая камергеров, фрейлин и конюших, приходила попрощаться со свергнутой с трона императрицей; эти прощания не могли не причинить ей сильную душевную боль.

Денежное состояние, откуда оно пришло и куда оно ушло

Император Наполеон и его сопровождение, верные слуги и солдаты, которые связали себя с его несчастливой судьбой, готовились покинуть Францию с денежным капиталом в размере 3 400 000 франков. Именно с этими скудными денежными ресурсами человек, который был хозяином Европы и который оставил все сокровища, приобретенные им в результате своих военных побед, собирался искать жалкое пристанище, в котором его враги не посмели отказать поверженному, но столь мощному противнику.

Наполеону даже не приходила мысль о подготовке для себя комфортабельных условий в случае бедствия; он настолько ассоциировал себя со своей страной, что в тот день, когда расставался с Францией, он полагал, что более ни в чем не нуждается.

В то время, пока Мария Луиза была еще в Орлеане, туда прибыл с возложенной на него специальной миссией г-н Дюдон, бывший докладчик Государственного совета, который благодаря протекции архиканцлера сделал быструю карьеру. Он в свое время попал в немилость к Наполеону за то, что покинул свой пост в Испании. Временное правительство Франции, считавшее, что все недовольные имперским режимом должны проявлять себя блестящими чиновниками, поручило г-ну Дюдону отправиться в Орлеан и запустить руку в казну императора.

В то же самое время, чтобы оправдать этот уникальный

грабеж, временное правительство сделало вид, что оно получило информацию о том, что значительные суммы денег были вывезены из Парижа до оккупации города войсками союзников — размер этих сумм был увеличен за счет мародерства общественных муниципальных казначейств, фондов ростовщических заведений и даже финансовой отчетности больниц. Изданный по этому поводу декрет обязал всех лиц, незаконно присвоивших денежные средства, немедленно заявить об их наличии и вернуть их муниципальным и государственным сборщикам налогов под угрозой объявления таких лиц расхитителями государственных средств и в качестве таковых подлежащих судебному преследованию в соответствии с уголовным и гражданским кодексом. Этот декрет от 9 апреля был подписан пятью членами временного правительства — Талейраном, Дальбергом, Франсуа де Жокуром, Бернонвиллем и аббатом де Монтескье.

Приехав в Орлеан, где, как он знал, найдет императорское сокровище, которое и являлось целью декрета, изданного временным правительством, г-н Дюдон отправился в дом барона де ла Буейри, генерального казначея императорской короны, который ничего общего не имел с общественными фондами; г-н Дюдон сообщил барону о своем статусе правительственного уполномоченного и потребовал, чтобы императорский казначей представил ему все сборники денежных отчетов. От императорского казначея г-н Дюдон проследовал к дому генерала Кафарелли, которого уведомил о декрете, конфискующем денежное наследие императора, полученное в результате грабежа общественных денежных фондов.

Несмотря на протесты этого генерала и г-на Шампаньи, которые настойчиво отрицали, что представленный г-ном Дюдоном декрет применим к императорским денежным средствам, поскольку они являлись исключительно частной собственностью императора и были результатом сбережений его цивильного листа, что было достоверно установлено, г-н Дюдон с помощью офицера во главе отборных жандармов, которым была поручена охрана императорских денег, в течение этого же вечера забрал фургоны с деньгами. В фургонах, стоявших на площади, хранились около 10 000 000 франков в золотых и серебряных монетах, 3 000 000 франков в монетах из других металлов, нюхательные коробочки и кольца, украшенные бриллиантами, предназначавшиеся для подарков и оцененные в сумму примерно 400 000 франков, одежды императора и императрицы, украшения и даже носовые платки императора, отмеченные буквой «N», и императорская корона. Русский генерал Шувалов, которого

попросили вмешаться в это дело, и пальцем не пошевелил, чтобы воспрепятствовать такому отвратительному поступку.

13 апреля в Орлеан прибыл генерал Камбронн с двумя батальонами гвардейцев. Император, узнав, что одной из причин, которая могла помешать Марии Луизе приехать в Фонтенбло, стало опасение, что по пути туда ее могли арестовать войска противника, направил эти два батальона для ее зашиты. Я, однако, не был осведомлен о том, каковы были инструкции генерала Камбронна, так как мы не получали никаких заблаговременных сообщений о его прибытии в Орлеан. Он не встретился с императрицей в Орлеане, ибо она за день до этого выехала в Рамбуйе. В итоге вся миссия генерала ограничилась зашитой транспорта, отправленного в Фонтенбло с остатками императорской казны, которые хранились г-ном Пейруссом, рвение и верность которого одно время недооценивались императором, несмотря на то, что г-н Пейрусс никогда его не подводил.

Фургоны, содержавшие личное сокровище Наполеона, которые были захвачены г-ном Дюдоном в Орлеане, были отправлены в Париж. Я узнал от г-на де ла Буйери, который, являясь казначеем императорского цивильного листа, был облечен теми же функциями и при Луи XVIII, что остатки этого сокровища были перевезены в Тюильри, что одна из бочек с золотом была разбита и ее содержимое было распределено среди той эмигрантской аристократии, которая осаждала двор графа д'Артуа, который в то время был наместником короля, и что этот граф ни в коей мере не воспрепятствовал подобному распределению золота. Барон Луи, назначенный министром финансов, поспешил спасти оставшиеся деньги, узнав об этом мародерстве. Но когда г-н де ла Буйери запросил два миллиона франков, необходимых для выполнения обязательства, взятого на себя Наполеоном в отношении офицеров и его обслуживающего персонала, обязательства, гарантированного статьей девятой договора в Фонтенбло, брат короля, граф д'Артуа, приказал, по обоюдному совету барона Луи и г-на Талейрана, чтобы остатки императорского денежного состояния в размере восьми или десяти миллионов франков были просто-напросто переданы в общественное казначейство, — сначала в качестве займа, а затем в бессрочное использование.

Такова была судьба этого денежного состояния императора, плода сбережений, которые Наполеон накопил за счет доходов от цивильного листа в течение десяти лет. Из 120 000 000 франков, составлявших поначалу основу императорских сбережений, 100 000 000 были использованы для самых благородных целей,

поскольку они были потрачены на реорганизацию армии и на нужды общественного казначейства. Оставшиеся деньги, как я только что рассказал, стали жертвой насилия и предательства.

В тот же самый день, когда было совершено преступление против жалких остатков его материальных ресурсов, император поставил свою подпись на документе об отречении от престола в бывшей своей резиденции в Фонтенбло.

Констан

Отречение от престола и планы в отношении острова Эльба

В течение первых дней нашего пребывания в Фонтенбло мысль о том, что император вскоре перестанет править Францией, никому из тех, кто окружал его, даже и не приходила в голову, поскольку каждый из нас был уверен, что император Австрии не согласится с тем, что его зять, дочь и внук будут свергнуты с трона; в этом мы очень сильно заблуждались. Я заметил, что в эти первые дни в Фонтенбло его величеству направлялось гораздо больше петиций, чем обычно; но мне неизвестно, реагировал ли он на эти петиции положительным образом и вообще отвечал ли на них.

Император часто брал в руки ежедневные газеты, но, пробежав их глазами, сердито бросал на пол; и если мы припомним ту бесстыдную брань, которую позволяли себе те же самые газетчики, которые совсем недавно так часто и так щедро были готовы хвалить императора, то можно понять, что подобная смена политической ориентации, естественно, вызывала у его величества только отвращение. Император обычно оставался в одиночестве; наиболее часто он виделся с г-ном Маре, бывшим тогда в Фонтенбло единственным из всех министров, ибо генерал Коленкур, занятый выполнением возложенных на него миссий, находился постоянно, так сказать, в пути, особенно пока его величество сохранял надежду на установление регентства в пользу сына, который со временем стал бы его преемником в правительстве. Стараясь припомнить различные проявления чувств на лице его величества, я могу подтвердить, что его гораздо в большей степени задевало то обстоятельство, что он был вынужден подчиниться решению об отказе от трона для его сына, чем собственное отречение от престола.

Когда маршалы или генерал Коленкур говорили с его величеством об урегулировании дел, относящихся непосредственно к его личности, то легко было видно, что он с огромным усилием и страшно неохотно заставлял себя выслушивать их доводы. Однажды, когда они говорили об острове Эльба и о денежном довольствии, — я не знаю, о какой сумме в год шла речь, — я услышал, как его величество с горячностью ответил: «Это слишком много, чрезвычайно много для меня. Если я теперь не более, чем простой солдат, то я не нуждаюсь в большей сумме, чем один луидор в день».

Документ об отречении от престола

Пришло время, когда под давлением со всех сторон его величество подчинился требованию подписать документ об отречении от престола. Этот памятный документ был выражен следующими словами:

«Так как союзные державы провозгласили, что император Наполеон есть единственное препятствие к установлению мира в Европе, то император Наполеон, верный своей присяге, объявляет, что он отказывается за себя и за своих наследников от трона Франции и от трона Италии, потому что нет той личной жертвы, даже жертвы жизнью, которую он не был бы готов принести в интересах Франции.

Совершено во дворце Фонтенбло, 11 апреля, 1814 г.

Наполеон».

У меня нет необходимости говорить о том, что я не знал о существовании приведенного выше документа об отречении от трона; существование этого документа было одним из тех государственных секретов, которые рождались в стенах кабинета императора и едва ли достигали спальной комнаты Наполеона, чтобы стать там темой для обсуждения. Я только припоминаю, что по этому вопросу велись какие-то разговоры, очень туманные, среди обслуживающего персонала дворца именно в день подписания этого документа; и, кроме того, было очевидно, что происходит что-то весьма экстраординарное, а его величество, казалось, находился в более подавленном настроении, чем в предыдущие дни; но, несмотря на все это, я был далек от того, чтобы предчувствовать состояние агонии, последовавшей после этого рокового дня!

Попытка Наполеона совершить самоубийство

Я заранее прошу читателей обратить самое серьезное внимание на событие, о котором я сейчас начну рассказывать. Теперь я выступаю в роли историка, поскольку я описываю запечатленные в моей памяти мучительные воспоминания о почти трагическом событии в карьере императора; о событии, ставшем предметом бесчисленных полемик, хотя все они неизбежно основывались лишь на одних догадках, ибо только мне одному были известны все печальные подробности этого события.

Я имею в виду отравление императора в Фонтенбло. Я полагаю, что не нуждаюсь в том, чтобы доказывать мою безупречную правдивость; я придаю слишком большое значение

раскрытию подробностей этого события, чтобы позволить себе упустить или добавить малейшее обстоятельство, которое бы нанесло ущерб чистейшей правде. Поэтому я буду излагать события именно так, как они происходили, именно так, как видел их я сам, и, наконец, так, как моя память неизгладимо запечатлела в моем сознании все тягостные детали случившегося.

11 апреля я, как обычно, раздел императора перед сном, думаю, что даже немного раньше обычного времени; ибо, если мне не изменяет память, было еще не совсем половина одиннадцатого вечера. Когда он улегся спать, то мне показалось, что он выглядел лучше, чем в течение дня, и почти так же, как и в предыдущие вечера. Я спал в комнате позади спальни императора, но этажом выше. Моя комната сообщалась со спальней императора посредством маленькой, темной лестницы. Последнее время я спал, не раздеваясь, чтобы поскорее быть у императора, если бы он позвал меня; и я крепко спал, когда вдруг в полночь меня разбудил г-н Пелар, который дежурил в эту ночь.

Он сказал, что император спрашивал меня, и когда я раскрыл глаза, то увидел на лице г-на Пелара выражение тревоги, которое поразило меня. Я моментально вскочил с постели и стал быстро спускаться вниз по лестнице, в то время как г-н Пелар продолжал говорить: «Император что-то вылил в стакан и выпил его содержимое».

Я вошел в комнату его величества, весь охваченный неописуемым волнением. Император лежал на постели; но когда я подошел поближе, то увидел на полу между камином и кроватью маленький мешочек из черного шелка и кожи, о котором я рассказывал раньше. Это был тот самый мешочек, который он носил на шее со времени военной кампании в Испании и который я так тщательно хранил в течение всех последующих кампаний.

Между тем я уже был у изголовья постели императора. «Констан, — позвал он меня болезненно слабым и прерывистым голосом. — Констан, я умираю! Я не могу перенести всю ту агонию, от которой я так страдаю, и все то унижение, которое я испытываю от того, что меня окружили иностранные эмиссары! Мои гербы и эмблемы волокут в пыли! Я остался непонятым! Мой бедный Констан, они еще пожалеют, когда меня больше не будет! Мармон нанес мне решающий удар. Негодяй! А я-то любил его! Бертье погубил меня! Мои старые друзья, мои товарищи по оружию!» Император высказал мне много других вещей, которые, боюсь, я не смогу правильно повторить; и это можно хорошо понять, так как, весь охваченный отчаянием, я не пытался запечатлеть в памяти слова, вылетавшие с перерывами из его уст;

ибо он не говорил беспрерывно, а все те жалобы, о которых я поведал, произносились только в минуты передышки или, скорее, в перерывах между состояниями оцепенения.

В то время, пока я не сводил взгляда с императорского лица, я заметил, как оно внезапно сморщилось, что стало предвестником спазма. Вид императора меня ужасно напугал; к счастью, последовавший спазм вызвал у него легкий приступ рвоты, который меня несколько обнадежил. Император, испытывая целый комплекс физических и духовных страданий, сохранял удивительное самообладание и после первого рвотного приступа сказал мне: «Констан, позови месье Ивана и Коленкура». Я полуоткрыл дверь и, не покидая комнаты императора, отдал соответствующее распоряжение г-ну Пелару и вернулся к постели его величества, упрашивая и умоляя его принять облегчающую микстуру; но все мои усилия были напрасными, настолько твердой была у него решимость умереть.

Несмотря на упрямый отказ императора принять облегчающее средство, я все же продолжал упрашивать его, когда в комнату вошли Коленкур и Иван. Его величество сделал знак рукой Колен куру подойти к постели и затем сказал ему: «Коленкур, я поручаю тебе мою жену и ребенка; служи им так, как служил мне. Мне осталось жить недолго!» В этот момент речь императора была прервана новым пароксизмом рвоты, но менее сильным, чем первый, в течение которого я пытался сказать герцогу, что император принял дозу яда; он скорее понял меня, чем услышал, так как рыдания сдавили мое горло до такой степени, что я не мог разборчиво произнести хотя бы одно слово.

К постели подошел Иван, и император теперь обратился к нему: «Ты считаешь, что доза была достаточно сильной?» Эти слова представляли для врача полнейшую загадку, ибо он не подозревал о существовании ядовитого вещества у императора, по крайней мере насколько это известно мне, и поэтому он ответил: «Я не знаю, что именно имеет в виду ваше величество». Его величество не ответил.

Генерал Коленкур, г-н Иван и я, объединив наши усилия в общей мольбе к нему, наконец уговорили его, хотя и не без трудности, выпить чашку чая. Правда, когда я в спешке налил ему чая в чашку, то он сначала отказался пить его, сказав: «Оставь меня в покое, Констан, оставь меня в покое». Но в результате наших утроенных усилий он, в конце концов, выпил чай, и рвота прекратилась. Вскоре после того, как он выпил чай, император заметно успокоился и заснул. Коленкур и Иван тихонько вышли из комнаты; я остался один в спальне императора, ожидая, когда он проснется.

После нескольких часов сна император проснулся, и, казалось, он выглядел, как обычно, хотя его лицо все еще выдавало следы перенесенных страданий. Пока я помогал ему во время утреннего туалета, он не произнес ни одного слова, относящегося, хотя бы косвенно, к той ужасной ночи, которую он только что провел. Он завтракал, как обычно, только немного позднее. Его лицо приняло свойственное ему спокойное выражение. Он казался более бодрым, чем в течение многих последних дней. Было ли это результатом его удовлетворения по поводу того, что он избежал смерти, которой желал под влиянием момента отчаяния? Или это настроение стало, скорее, следствием появившейся у него уверенности, что ему следует больше опасаться смерти на поле брани, чем в собственной постели? Как бы то ни было, но удивительное сохранение жизни императора я объясняю тем фактом, что яд, хранившийся у него в шелковом мешочке, потерял свою эффективность.

Когда все вернулось в свою обычную колею и никто во дворце, за исключением тех лиц, кого я назвал, не подозревал о том, что произошло, я узнал, что г-н Иван покинул Фонтенбло. Ошеломленный вопросом, который император задал ему в присутствии генерала Коленкура, и опасаясь, что у генерала могли возникнуть подозрения, что он передал его величеству средства, угрожавшие его жизни, этот опытный врач, так долго и так преданно служивший императору, явно растерялся, раздумывая об ответственности, которая легла на его плечи. Поспешно спустившись по лестнице из апартаментов императора и обнаружив в одном из дворов коня, уже оседланного и взнузданного, он вскочил на него и поспешил выехать на дорогу, ведущую к Парижу. Утром этого же дня Фонтенбло покинул Рустам.

12 апреля император попрощался также с маршалом Макдональдом. Когда объявили о визите маршала, император все еще ощущал результаты событий предыдущей ночи; и я уверен, что маршал Макдональд заметил, не догадываясь о причинах, что императору изменило его обычное состояние. Маршала сопровождал генерал Коленкур; в этот момент император все еще находился в подавленном настроении и настолько был погружен в собственные раздумья, что даже поначалу не заметил вошедших господ, хотя к этому времени полностью отошел ото сна. Тогда маршал Макдональд подошел к императору и вручил ему документ о мирном договоре с союзниками. Когда император готовился подписать договор, я покинул комнату.

Через несколько минут меня вызвал генерал Коленкур; и его величество, обратившись ко мне, распорядился: «Констан,

принеси мне саблю, которую Мурад-Бей подарил мне в Египте. Ты знаешь, какая она?» — «Да, сир». Я вышел и тут же вернулся с изумительной по красоте саблей, которую император, как я много раз слышал, носил во время сражения у горы Табор. Я отдал саблю генералу Коленкуру. Император забрал ее из рук генерала и вручил маршалу Макдональду; покидая комнату, я слышал, как император разговаривал с ним очень доброжелательно и называл его своим достойным другом.

Эти господа, насколько я помню, присутствовали на завтраке императора, во время которого он выглядел спокойным и более бодрым, чем во многие последние дни; и все мы во дворце с удивлением наблюдали за тем, как он разговаривал приветливо, в очень дружеской манере с людьми, с которыми совсем недавно общался весьма сухо, ограничиваясь в беседах с ними краткими, отрывистыми фразами. Однако его бодрость и даже некоторая веселость проявлялись только в отдельные моменты, на самом деле смена настроений императора в течение нашего пребывания в Фонтенбло просто не поддается описанию. В один и тот же день я видел его погруженным несколько часов подряд в состояние сильнейшей депрессии; затем тут же, пройдя взад и вперед широкими шагами по своему кабинету, он начинал весело насвистывать или гудеть, пытаясь воспроизвести мелодию «Ла Монако»; после чего он впадал в состояние оцепенения, ничего не видя вокруг себя и забывая даже о тех распоряжениях, которые отдавал. На меня сильное впечатление производила его удивительная реакция на письма, которые он получал из Парижа. Как только ему докладывали об этих письмах, его волнение становилось необычайным — я могу сказать, что в этот момент он был близок к судорожному припадку. Говоря об этом, я не боюсь, что меня могут обвинить в преувеличении.

Графиня Валевская

В подтверждение всего того, что я рассказывал о на редкость неординарном поведении императора, когда он как бы весь ушел в себя, поглощенный своими раздумьями, я упомяну о случае, который пришел мне на память.

Во время нашего пребывания в Фонтенбло графиня Валевская, о которой я до этого уже рассказывал, приехала во дворец и, вызвав меня, сказала, что очень бы хотела повидаться с императором. Считая, что эта встреча наверняка отвлечет императора от тягостных дум, я в тот же вечер упомянул ему о приезде графини и получил его распоряжение привести ее к нему

в десять часов. Госпожа Валевская, и в этом можно было не сомневаться, появилась точно в назначенный час, и я пришел в комнату императора, чтобы доложить о ее прибытии.

Он лежал на постели и настолько был погружен в раздумья, что ответил мне только после моего повторного напоминания о графине. «Попроси ее подождать», — заявил он мне. Она стала ждать приглашения императора в комнате перед спальней, а я оставался с ней, чтобы составить ей компанию. Тем временем ночные часы шли один за другим, и они казались прекрасной посетительнице мучительно долгими; ее душевные страдания от того, что император все никак не вызывал ее, были настолько очевидными, что, сжалившись над ней, я вновь вошел в комнату императора, чтобы напомнить ему о графине. Он не спал, но был настолько поглощен своими мыслями, что просто не ответил мне.

Наконец стало рассветать, и графиня, опасаясь, что ее могут увидеть люди из обслуживающего персонала дворца, ушла в полном отчаянии, что не смогла попрощаться с объектом своей любви. И только через час после ее отъезда император вспомнил, что она ждала его, и попросил ее войти. Я рассказал его величеству все, как было, и не стал скрывать от него то состояние отчаяния, в котором она уехала. Император был очень взволнован случившимся. «Бедная женщина! Она считает себя такой униженной! Констан, я в самом деле очень огорчен. Если ты вновь увидишь ее, то скажи ей об этом. Но у меня вот здесь столько дел!» — добавил он энергичным тоном, постучав пальцем по лбу.

Наполеон принимает специальных уполномоченных

Принимая во внимание состояние угнетенности, в котором пребывал император, неудивительно, что, потрясенный сокрушительными ударами, полученными в последнее время, он не был расположен к галантному поведению. Мне кажется, что я до сих пор ясно вижу свидетельства той мрачной меланхолии, которая терзала его; и среди всего этого множества невзгод сердечная доброта этого человека, казалось, увеличивалась соразмерно страданиям поверженного монарха. Как любезно он разговаривал с нами в эти последние дни!

Он тогда часто оказывал мне честь, спрашивая меня о том, что говорят о недавних событиях. С моей обычной бесхитростной прямотой я пересказывал ему именно то, что слышал сам; и я помню, что однажды рассказал ему, что слышал, как многие люди отмечали, что продолжение последних войн, которые оказались для нас такими фатальными, в целом ставится в вину г-ну Маре.

На это император ответил мне: «Они очень несправедливы к бедняге Маре. Они совершенно неправильно обвиняют его. Он ничего не делал помимо того, что указывалось в моих распоряжениях». Затем он добавил: «Какой позор! Какое унижение! Только подумать, что я должен терпеть именно в моем дворце множество иностранных эмиссаров!»

После 12 апреля из всех великих людей, которые обычно окружали его, остались только генерал Бертран, обер-гофмаршал двора, и граф Друе. Место назначения для императора было определено, и тот факт, что он согласился с этим, во дворце долго секретом не оставался. 16 апреля мы были свидетелями прибытия специальных уполномоченных союзников, выбранных для сопровождения его величества к месту его высадки на острове Эльба. В моем присутствии он иногда говорил об императрице и своем сыне, но не так часто, как можно было ожидать. Но одна вещь произвела на меня сильное впечатление. А именно тот факт, что никогда, ни одного раза, его уста не произнесли хотя бы слово, которое могло бы напомнить о том акте отчаяния в ночь на 11 апреля, который, как мы видели, чуть не привел к роковому результату, чего мы так опасались. Что это была за ночь! Что это была за ночь! Всю свою жизнь я никогда не мог думать о ней без содрогания.

После прибытия специальных уполномоченных союзных держав император, казалось, стал постепенно осваиваться с их присутствием; и главным занятием всего обслуживающего персонала дворца стало выполнение обязанностей, связанных с подготовкой отъезда императора.

Однажды утром, когда я помогал одеваться его величеству, он, улыбаясь, сказал мне: «Ну что ж, сынок, приводи в порядок свою тачку: поедем сажать капусту!»

notes

Примечания

1

Железная корона Ломбардии была изготовлена из золота и усыпана драгоценными камнями. В корону была вставлена диадема, якобы выкованная из железных гвоздей, которые использовались при распятии Христа. *(Прим. переводчика.)*